

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

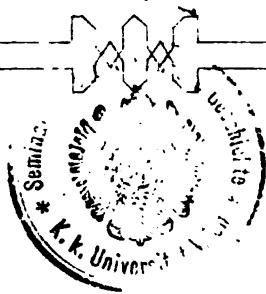
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Confined to library

B. PG 2904. P185

531984

ДАИМОНДИКИ СТАРИНОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАВАЕМНИЕ

Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко

подъ редакціею Н. Костомарова.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

СКАЗАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, ПОВѢСТИ, СКАЗКИ И ПРИЧИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ,
С. Петербургъ. Сентября 3-го дня 1860 года.

Цензоръ *А. Ярославцевъ*.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать разрешается. Сентября 3-го 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ *Сергій*.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУДИША.

На углу Сѣнной площади и Обуховского проспекта, въ домѣ Котомина, № 2.

ПАМЯТНИКИ
СТАРИНОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настояще время, кажется, уже созрѣло сознаніе, что, для уразумѣнія смысла исторіи, недостаточно однихъ повѣствованій о минувшихъ политическихъ событіяхъ, законоположеній, указовъ, дипломатическихъ сношеній и вообще всѣхъ источниковъ, относящихся до государственного и административного строя. Только упорные старовѣры могутъ еще сомнѣваться въ томъ, что государственность со всѣми ея признаками есть только видимое историческое явленіе народной жизни, и что послѣдняя составляетъ сущность того, что подлежитъ историческому уразумѣнію. Безъ знанія народнаго духа, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій, антипатій, добродѣтелей и пороковъ народныхъ, невозможенъ ясный взглядъ ни на политическія событія, ни на внутреннія учрежденія. — Служа отечественной исторіи и желая содѣйствовать успѣхамъ ея научной обработки, редакція Русскаго Слова признала небезполезнымъ, при своемъ журналѣ, печатать, въ видѣ приложенийъ, памятники старинной русской литературы до-петровскаго времени, большую частью до сихъ поръ скрытые въ рукописяхъ нашихъ книгохранилищъ или извѣстные по изданіямъ, разсѣяннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, верѣдко въ отрывочномъ видѣ. Съ этою цѣллю, издатель Русскаго Слова поручилъ профессору санктпетербургскаго университета Костомарову, въ текущемъ 1860 году, въ видѣ приложения къ Русскому Слову составить сборникъ памятниковъ, раздѣленный для удобства на два выпуска, и заключающій сказанія, легенды, повѣсти, сказки и притчи въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Горе-злачестіе.	8. Повѣсть о благочестивомъ рабѣ (въ двухъ варіантахъ).
2. Повѣсть о посаднике Новгородскомъ Щилѣ (въ двухъ варіантахъ).	9. Легенда о двухъ сапожникахъ.
3. Повѣсть о муромскомъ князѣ Петре и супругѣ его Февронії (въ трехъ варіантахъ).	10. Легенда о покаяніи князя (въ двухъ варіантахъ).
4. Легенда о Мареѣ и Маріи (въ двухъ варіантахъ)	11. Повѣсть о грѣшной матери (въ двухъ варіантахъ).
5. Повѣсть объ Ульянѣ Муромской.	12. Видѣніе мукъ грѣшницы во адѣ.
6. Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ.	13. Легенда о временномъ посѣщеніи ада.
7. Сказаніе о старцѣ, низведшемъ дождь съ неба (съ отмѣнами по другому варіанту).	14. Легенда о прельщенномъ инокѣ.
	15. Легенда объ умерщвленномъ младенцѣ.
	16. Легенда о братствѣ.

17. Легенда о св. Георгии.
18. Легенда о купце.
19. Легенда о происхождении винокурения.
20. Легенда о пьяницѣ, продавшем душу бесу.
21. Легенда об игрокѣ.
22. Легенда о лахѣ и пресвитерѣ.
23. Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломонѣ (съ отмѣнами по другому варианту).
24. Повѣсть о Савѣ Грудцынѣ (въ двухъ вариантахъ).
25. Повѣсть о пресвитерѣ Тимофеѣ.
26. Сказанія о бѣсовскихъ искушеніяхъ (числомъ семь).
27. Повѣсть о цѣломудренной вдовѣ.
28. Легенда объ оживленной курицѣ.
29. Повѣсть о водвореніи христіанства въ Ростовѣ (съ отмѣнами по другому варианту).
30. Повѣсть о водвореніи христіанства въ Муромѣ.
31. Повѣсть о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Сузальцами.
32. Повѣсть о путешествіи Иоанна Новгородского.
33. Легенда о построеніи варяжской божницы въ Новгородѣ.
34. Повѣсть о построеніи Благовѣщенского монастыря въ Новгородѣ.
35. Повѣсть объ Антоніи Римлянинѣ.
36. Новгородскій судъ и св. Варлаамъ.
37. Пророчество св. Варлаама.
38. Видѣніе пономаря Тарасія.
39. Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ (съ отмѣнами по другому варианту). | 40. Бесѣда Іерусалимская.
41. Повѣсть о семи багатыряхъ.
42. Сказка объ Иванѣ пономаревичѣ.
43. Сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ.
44. Сказка о царѣ Даріанѣ.
45. Повѣсть о Дмитріѣ кіевскомъ купце и его сыне (въ двухъ вариантахъ).
46. Повѣсть о премудромъ Акирѣ (въ двухъ вариантахъ).
47. Повѣсть объ иверской царевнѣ Динарѣ.
48. Повѣсть о прекрасномъ Девгеніѣ.
49. Повѣсть о градѣ Вавилонѣ.
50. Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ.
51. Повѣсть о мультанскомъ воеводѣ Дракулѣ.
52. Повѣсть о Шемякиномъ судѣ.
53. Прѣніе о вѣрѣ.
54. Отрывокъ повѣсти о молодцѣ, о его конѣ и саблѣ.
55. Отрывокъ повѣсти о Михаилѣ Скопинѣ Шуйскомъ.
56. Легенда о кровосмѣтителѣ (въ трехъ вариантахъ).
57. Легенда о происхождѣніи табака.
58. Притча о витязѣ и о смерти (въ двухъ вариантахъ).
59. Притча о хмѣлѣ.
60. Притча о старомъ мужѣ и о молодой девицѣ.
61. Притча о бражникѣ и старая застольная пѣсня.
62. Сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи.
63. Притча о женской злобѣ.
64. Притча о корыстолюбцѣ. |
|--|--|

Эти памятники извлечены изъ рукописныхъ сборниковъ, хранящихся въ санктпетербургскихъ публичныхъ книгохранилищахъ, а нѣкоторые сообщены частными лицами. Редакція, принося благодарность всѣмъ, оказавшимъ ей участіе, поставляетъ долгомъ изъявить особенную признательность г. директору Императорской Публичной Библіотеки Барону М. А. Корфу, г. директору Румянцовскаго музея князю В. Ф. Одоевскому, г. библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки А. Ф. Бычкову, за радушное содѣйствіе, оказанное ими при извлечении памятниковъ изъ рукописей, и профессору Императорскаго Московскаго Университета Ф. И. Буслаеву за дозволеніе помѣстить нѣсколько памятниковъ изъ принадлежащаго его библіотекѣ сборника,构成ляющаго истинную драгоценность для ценителей старинной русской письменности. О памятникахъ, извлеч-

III.

ченныхъ изъ рукописей публичной Библиотеки и Музея, если при заглавіи ихъ не означено къ какому вѣку принадлежать списки, изъ которыхъ они извлечены, слѣдуетъ разумѣть, что они печатаются со списковъ XVII вѣка. Редакція старалась, по возможности, сохранить способъ правописанія списковъ со всѣми уклоненіями, допуская, однако, для уразумѣнія смысла, разстановку слитыхъ вмѣстѣ частей рѣчи, употребленіе обычныхъ знаковъ препинанія и, для избѣжанія двусмысленности, замѣну однозвучныхъ буквъ другими, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалось недозволительнымъ всякое измѣненіе, которое касается выговора. Буквы *ѧ* и *ѩ* сохранены только въ памятникахъ по древнѣйшимъ спискамъ; въ другихъ, при совершенной произвольности ихъ постановки въ памятникахъ, онѣ замѣняются буквою я. Въ тѣхъ памятникахъ, где удержанна буква *ѧ* — буквою я замѣнено *ѧ*, и, напротивъ того, где удержано *ѧ*, — я замѣняетъ *ѧ*. Тамъ, где встрѣчаются явныя ошибки, мѣшающія смыслу, рядомъ въ скобкахъ поставлены правильныя формы. Нѣкоторые памятники снабжены примѣчаніями, по мѣрѣ представлениія къ тому поводу.

При выборѣ памятниковъ для печати принималось правиломъ помѣщать преимущественно русскія оригинальныя произведенія, допуская, однако, и такія, которые первоначально могли быть и чужеземного происхожденія, но усвоены народнымъ вкусомъ и приняли на себя характеръ русской народности. Вообще же въ этомъ собраніи допускалось и будетъ впередъ допускаться то, что представляетъ материалъ къ разъясненію прошедшей народной общественной и домашней жизни, понятій и вѣрованій народа.

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ.

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ.

ПОЕСТЬ С ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ И КАК ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОБРО МОЛОДЫ ЕО ИНОЧЕСКИЙ ЧИН.

(Илл. Публ. Библ. рукоп. Погод. дреевехран. № 4773.)

Изволенiemъ Господа Бога и Спаса Нашего,
Иисуса Христа Вседержителя,
отъ начала вѣка человѣческаго....
а въ началѣ вѣка сего тѣлнаго
створилъ небо и землю,
створилъ Богъ Адама и Евву;
повелѣлъ имъ жити во сватомъ раю,
далъ имъ заповѣдь божественну:
не повелѣлъ вкушати плода винограднаго,
отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прельстился Адамъ со Евою,
позабыли заповѣдь Божію,
вкусили плода винограднаго
отъ дивнаго древа великаго,—
и за преступленіе великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался,
и изгналъ Богъ Адама со Евою
изъ святаго раю изъ едемскаго,
и вселилъ ихъ на землю на низкую,
благословилъ ихъ раститися-плодитися,
и отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть,
отъ земныхъ плодовъ.... (¹)

(¹) Вероятно, слѣдуетъ писать исла.

Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
велѣлъ онъ бракомъ и женитбамъ быть
для рожденія человѣческаго и для любыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческо:
вначалѣ пошло непокорливо,
ко отцову ученію зазорчиво,
къ своей матери непокорливо, (²)
и къ совѣтному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы добрублжливи (?)
а на безуміе обратилися,
и учили жить въ суетѣ,
и въ правдѣ вечеркие (³) великое, (?)
а прямое смиреніе отринули.
И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался:
положилъ ихъ въ напасти великія,
попустилъ на нихъ скорби великія
и срамныя позоры немѣрныя,
безживотіе злое, сопоставныя находы,
злую немѣрную наготу и босоту,
и бесконечную нищету,
и недостатки послѣдніе,
все смиряющи насть наказуя,
и приводя насть на спасенный путь.

(²) Вероятно, испослушливое.

(³) Срезневскій читаетъ это слово: *евечеркие* (Изв. Акад. 1856).

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери,
Будетъ молодецъ уже въ разумѣ въ беззлобіи,
и возлюбили его отецъ и мать;
учить его учали, наказывать,
на добрыя дѣла наставлять: (4)

»Милое ты наше чадо!
»послушай ученія родительскаго,
»ты послушай пословицы
»добрая, и хитрыя, и мудрыя!
»не будешь тебѣ нужды великія,
»ты не будешь въ бѣдности великой:
»не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины;
»не садися ты на мѣсто большее;
»не пей, чадо, двухъ чаръ за едину.
»Еще, чадо, не давай очамъ воли;
»не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ
отеческія дочери....

»Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное; (5)
»не бойся, не бойся мудра, бойся глупа,
»чтобы глупый на тя вѣ подумали,
»да не снами бы съ теби драгихъ портъ, (6)
»не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда великаго,
»и племени укору и поносу бездѣлнаго.
»Не ходи, чадо, къ костаремъ (7) и корчевникамъ;
»не знайся, чадо, зъ головами кабацкими;
»не дружися, чадо, съ глупыми, немудрими;
»не думай украсти-ограбити,
»и обмануть-согнать и неправду учинить.
»Не прельщайся, чадо, ва злато и сребро;
»не збирай богатства неправаго;
»не (8) буди послухъ лжесвидѣтельству,
»за зла не думай на отца и мать
»и на всякаго человѣка, —

(4) Вероятно сгдѣуетъ наставлять.

(5) Закатное, малоросс. точити, польск. tocic się — катиться, въ такое
ѣсто, где падаютъ пьяницы.

(6) Одеждъ.

(7) Игровакъ въ kosti.

(8) Не недостаетъ иъ подлинникѣ.

»да и тебе покрьетъ Богъ отъ всякаго зла.
»Не безчествуй, чадо, богата и убога,
»за имѣй всѣхъ равно по единому;
»за знайся, чадо, съ мудрыми,
»и съ (9) разумными водися,
»и зъ друзи надежными дружися,
»которыи бы тебя злу не доставили.

Молодецъ былъ въ то время-се маль и глупъ,
не въполномъ разумѣ и не совершенъ разумомъ;
своему отцу стыдно покоритися,
и матери поклонитися,
а хотѣлъ жити, какъ ему любо!
Наживалъ молодецъ пятдесятъ рублей,
займъ (10) онъ себѣ пятдесятъ друговъ;
честь его яко рѣка текла;
другова къ молодцу прибивалися,
родъ-племя причиталися (11).

Еще у молодца былъ милъ-надеженъ-другъ —
назвался молодцу названой братъ;
прельстилъ его рѣчми прелестными,
зазвалъ его на кабацкой дворъ,
зашель его въ избу кабацкую,
поднесъ ему чару зелена-вина,
и кружку поднесъ пива пьяного,
самъ говорить таково слово:

»Испей ты, братецъ мой названой,
»въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
»Испей чару зелена вина,
»запей ты чашею меду сладкова;
»хощь и ульешься, братецъ, до-пьянага,
»ино гдѣ пиль, тутъ и спать ложися,
»надѣйся, надѣйся на меня, брата названага.

(9) Съ недостаетъ иъ подлинникѣ.

(10) Нашель — слово, очень известное въ старомъ русскомъ языке. Поль-
ское znalecъ.

(11) Вероятно, здѣсь пропущенъ предлогъ *въ*; следовало бы: *въ родъ-пле-
мѧ причиталися*.

»Я сиду стеречь и досматривать:
эвъ головахъ у тебя, мила-друга,
я поставлю кружку ишему сладкова, (12)
эвскрай поставлю зелено-вино,
бллизъ тебя поставлю пиво пьяное,
яберегу я, миль-другъ, тебя на-крайко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери.«

Втѣшоры молодецъ понадѣялся
на своего брата названого;
не хотѣлся ему друга ослушатца;
принимался онъ за питья за пьяныхъ,
и испивалъ чару зелена-вина,
запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
и пилъ онъ, молодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
и гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
понадѣялся онъ на брата названого.

Какъ будетъ день до вечера а солнце на западѣ,
отъ сна молодецъ пробужаетца,
втѣшоры молодецъ озирается:
а что (13) сняты съ него драгіе порты,
чары (14) и чулочки все поснимано,
рубашка и портки все слуплено,
и вся собина (15) у его ограблена,
а кирличекъ положенъ подъ буйну его голову,
онъ накинуть гункую (16) кабацкою,
въ ногахъ у него лежать лапотки-отопочки,
въ головахъ мила-друга и близко нѣть.

И вставалъ молодецъ на бѣлны ноги,

(12) Въ рукописи было *кружку пива*; слово *иша* обведено кавычками, потому написано *ишему*.

(13) Не *ажко ли?*

(14) Чевеники.

(15) Имущество. Слово, употребительное зъ старыхъ актагъ — *собина-на-рухладь*.

(16) Отрепья, собственно кусокъ грубаго холста. У малороссийскихъ козаковъ *тумъ* называлась конская попона. Богатыри нашихъ былинъ называютъ иногда *тумъ*.

учалъ молодецъ наряжатися:
обувалъ онъ лапотки (17),
надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
умывалъ онъ лицо свое бѣлое;
стоя, молодецъ закручивался,
самъ говорить таково слово:

»Житіе мнѣ Богъ далъ великое:
янти-кушати стало нѣчево!
якъ не стало деньги, ни полуденьги,
якъ не стало не друга, не пол друга;
яродъ и племя отчитаются,
всѣ друзья прочь отпираются!«

Стало срамно молодцу появится
къ своему отцу и матери,
и къ своему роду и племяни,
и къ своимъ прежнимъ милямъ другомъ.

Пошелъ онъ на чюжу страну, далну-незнаему,
нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
изба на дворѣ — что высокъ теремъ,
а въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
гости пьють, ядять, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
крестили онъ лицо свое бѣлое,
поклонился чуднымъ образомъ,
былъ челомъ онъ добрымъ людемъ
на всѣ четыре стороны.

А что видать молодца люди добрые,
что гораздъ онъ креститися,
ведеть онъ все по писаннему ученію,
емлють его люди добрыя подъ руки,
посадили его за дубовой столъ,
не въ большее мѣсто не въ меньшее, —
садить его въ мѣсто среднее,

(17) Вероятно пропущено *отопочки*, какъ выше сказано.

гдѣ сѣдѣть дѣти гостиные.
Какъ будеть пиръ на веселіе,
и всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
и сѣдя всѣ похвалиютца,—
молодецъ на пиру не весель сѣдѣть,
кручиновать, скорбенъ, не радостенъ,
а не пить, ни ѿстъ онъ, ни тѣшитца,
и ничѣмъ на пиру не хвалитца.

Говорятъ молодцу люди добрыя:

»Что еси ты, добромъ молодецъ,
взачѣмъ ты на пиру не весель сѣдишь,
окручиновать, скорбенъ, не радостенъ,
ни пьешь ты, ни тѣшишься,
да ни чѣмъ ты на пиру не хвалишься?
»Чара ли зелена-вина до тебя не дохаживала?
или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
или милые (18) дѣти тебя изобидѣли?
или глупые люди немудры
учѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?«

Говорить имъ, сѣда, добромъ молодецъ:

»Государи вы, люди добрые!
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
про свое ослушаніе родителское,
и про питье кабацкое,
про чашу медянную,
про лестное питіе пьяное.
Язъ какъ принялъ за питье за пьяное,—
заслушался язъ отца своего и матери:
благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
Господь Богъ на меня разгневался,
и на мою бѣдность вели великая (?)
имногія скорби неисцѣльныя,
и печали неутѣшныя,

(18) Вместо милые вѣроятно слѣдуетъ читать малые.

жаждость и недостатки и нищета послѣдня....

»Укротила скудость мой рѣчишой языкъ;
изсушила печаль мое лицо и бѣлоѣ тѣло:
ради того мое сердце не весело,
за бѣлоѣ лицо уныливо,
и ясныя очи замутилися;
все имѣніе (?) и взоры у мене измѣнились;
отечество (19) мое потерялся,
храбрость молодецкая отъ мене миновала!«
»Государи вы, люди добрые!
скажите и научите, какъ мнѣ жить
на чужой сторонѣ, въ чужихъ людехъ,
и какъ залѣсти мнѣ милыхъ друговъ?«

Говорятъ молодцу люди добрые:

»Добро еси ты, и разумный молодецъ!
Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ:
запокорися ты другу и недругу,
запоклонися ты стару и молоду,
за чужихъ ты дѣлъ не объявливай,
за что слышишь или видишь — не сказывай!
не льсти ты межъ други и недруги;
не имѣй ты упадки вилавый (20),
не вейся зміеко лукавою;
смиреніе ко всѣмъ имѣй,
и ты съ кротостю держися истины съ правою.
То тебѣ будеть честь и хвала великай;
Первое тебе люди овѣдаютъ
И учнуть тя чтить и жаловать
За твою правду великую,
За твое смиреніе и за вѣжество;
Будуть у тебя милыя други,
Названныя браты надежныя.«

(19) Въ смыслѣ достоинства, то есть: я потерялъ право быть величественнымъ по отчеству, какъ честный и добродородочный человѣкъ.

(20) Смысль этого неупотребительного теперь выраженія, вѣроятно, такова: не пресмыкайся предъ другими коварно. *Вилавый* — можетъ быть, вилавый. Упадка — отъ глагола упадать, въ смыслѣ кланяться. Малороссийско о хитромъ, уклончивомъ человѣкѣ, говорить: лестно упадае.

И оттуду пошелъ молодецъ на чюжу сторону
и учаль онъ жити умьючи;
отъ великаго разума наживаль онъ живота болши
старова,
присмотрилъ невѣсту себѣ по обычай, —
захотѣлося молодцу женитися.

Средиъ молодецъ честенъ пиръ
отчествомъ и вѣжествомъ,
любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ быль челомъ.

И по грѣхамъ молодцу,
и по Божію попущенію,
а по дѣйству діаволю,
предъ любовными своими гостями и други
и названными браты похвалился
(а всегда гнило слово похвальное:
похвала (²¹) живетъ человѣку пагуба):
наживаль-де я, молодецъ, живота болши старова! —

Подслушало Горе-Злочастіе хвастанье молодецкое!
Само говорить таково слово:

»Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
не хвастай своимъ богатствомъ;
»бывали люди у меня, Горя,
и мудріе тебя и досужае,
и я ихъ, Горе, перемудрило.
Учинися имъ злочастіе великое:
»до смерти со мною боролися;
»во зломъ злочастіи позорилися;
»не могли у меня, Горя, уѣхати,
иаки (?) (²²) они во гробъ вселились;
эотъ мене на крѣпко они землею накрылись,
»босоты и наготы они избыли,
и я отъ нихъ, Горе, миновалось,
за Злочастіе на ихъ въ могилѣ осталось!«

(²¹) Т. е. похвальба, самохвальство.

(²²) Срезневскій читаетъ слово *нажи* и объясняетъ — зинь только, едва.

»Еще возграяло (²³) я, Горе, къ инымъ привязалось:
за мнѣ, Горю и Злочастію, не впустѣ же жить:
»хочю я, Горе, въ людекъ жить;
и батогомъ меня не выгонить;
»за гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!«

Говорить съро Горе-горинское:
»какъ бы мнѣ молодцу появится!«
Ино зло то Горе излукавилось,
во снѣ молодцу привидѣлось:
»Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
»быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
жеще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
»изъ злата и сребра быть убитому!
»Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ;
»не жали (²⁴) ты, пропивай свой животы,
»скинь ты платье гостиное, (²⁵)
»надежи (²⁶) ты на себя гунку кабацкую;
»кабакомъ-то Горе избудетца,
»да то злое Злочастіе останетца, (²⁷)
»за нагимъ-то Горе не погонитца,
»да никто къ нагому не привяжется.
»за нагому-босому шумить разбой.« (²⁸)

Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилась;
горе архангеломъ Гавріиломъ молодцу
по прежнему еще въ ново злочастіе привязалось.

»Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
нагота и босота безмѣрная,

(²³) Т. е. закаркало ворономъ. Слово древнее; ср. Слово о Полку Игоря: *орали граахутъ*. Въ малороссийской думѣ: *воронъ гасруе*.

(²⁴) Вмѣсто не жалѣй; стар. форма: *ль* переименовалася въ *и*.

(²⁵) Купленое у гостей, хорошаго сорта — *гостиные товары*.

(²⁶) Надѣнь.

(²⁷) Въ рукахъ въ скобкахъ между злое и злочастіе — *горе*.

(²⁸) Въ томъ же значеніи, какъ пословица: «голому разбой не страшень». *Шумите разбой*: если голый и смыть его, то не боится и не имѣть надобности бѣжать отъ него.

ллегота, безпроторица (³⁰) великая,
зна себя что купить, то проторится,
за ты, удалъ молодецъ, и такъ живешь!
эда не бьютъ, не мучать нагихъ-босыхъ,
ни изъ раю нагихъ-босыхъ не выгонять,
за съ того свѣту сюды не вытепутъ (³¹);
эда никто къ нему не привяжется;
за нагому-босому шумить розбой!«

Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ;
сопѣль (³²) онъ пронизать свои животы,
а скинуль онъ платье гостиное,—
надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
покрываю онъ свое тѣло бѣлое;
стало молодцу срамно появиться своимъ милымъ дру-
гомъ.

Пошелъ молодецъ на чужу страну, дальни-невѣдому,
на дорогѣ пришла ему быстра рѣка;
за рѣкою перевозчики,
а просить у него перевознаго,
нио дать молодцу нечего;
не везутъ молодца безденежно.
Сѣдѣть молодецъ день до вечера,
миновался день до вечера (³³), ні до обѣднемъ
не їдалъ молодецъ ни полукуса хлѣба;
встававъ молодецъ на скоры ноги,
стоя, молодецъ закручинился,
а самъ говорить таково слово:

»Ахти мнѣ, Злочастіе-горинское!
эдо бѣды меня, молодца, домыкало,

(³⁰) Легкость, въ наимѣшемъ смыслѣ, какъ искажение, обокрали, обра-
зили говорить: облещали. Безпроторица — отсутствие всякихъ проторовъ,
также въ наимѣшемъ смыслѣ.

(³¹) Тешатъ. Въ некоторыхъ губерніяхъ говорятъ тешать камолю, а
въ переносномъ смыслѣ — быть. Ташка — дружѣ, которымъ позять.

(³²) Въ смыслѣ опустился, дошелъ до того, что началъ пропи-
сать.

(³³) По выражению трехъ дній, стѣдующему ниже, видно, что въ этомъ месте
пропускъ.

зуморило меня, молодца, смертью голодвою;
уже три дніи мнѣ были не радости, —
эне їдалъ я, молодецъ, ни полукуса хлѣба!
зине кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
зполощи мое тѣло, быстра рѣка!
зине єхте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
зине лутчи мнѣ житія сего позорнаго!
зайду ли я у Горя злочастнаго!«

И въ тотъ часъ у быстры рѣки
скока (³⁴) Горе изъ-за камени,
бoso, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
еще лычкомъ Горе подпоясано,
богатырскимъ голосомъ воскликало:

»Стой ты, молодецъ: меня, Горя, не уйдешь никакуды!
эне мечися въ быстру рѣку,
эда не буди въ горѣ кручиновать;
я въ горѣ жить — некручину быть!
я кручину въ горѣ погинути!
»Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое;
я самъ тебѣ отецъ говорилъ, (³⁴)
я какъ тебѣ мати наказывала.
»О чемъ (³⁵) тогда ты ихъ не послушалъ?
эне захотѣлъ ты имъ покоритися,
зностыдился имъ поклонитися,
я хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
»А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
этого выучю я, Горе-злочастное!
эне къ любому онъ учнетъ упадывать.
я учнетъ онъ недругу покоритися!«

Говорить Злочастіе таково слово:

»Покорися мнѣ, Горю нечистому,
зпоклонися мнѣ, Горю, до сырь земли,
я нѣтъ меня, Горя, мудрая на семъ свѣтѣ;

(³³) Вероятно, описка: сѣдуетъ читать скочи.

(³⁴) Вероятно, говорилъ.

(³⁵) Вѣдѣто для чего.

»и ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
напоить тя, накормить люди добрыя.«

А что видѣть молодецъ ⁽³⁶⁾ неминучую —
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сырь земли!

Пошелъ, поскочилъ доброй молодецъ,
по круту по красну по бережку,
по желтому песочнику;
идетъ весель, некручиновать,
утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе;
а самъ, идучи, думу думаетъ:
»Когда у меня нѣтьничево,
и тужить мнѣ не о чёмъ!«
Да еще молодецъ некручиновать,
запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
отъ великаго крѣпкаго разума:

»Безпечална мать меня породила,
зграбешкомъ кудерцы расчесывала,
здрагими порты меня одѣяла,
и, отшедъ, подъ ручку ⁽³⁷⁾ посмотрѣла:
»Хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
за въ драгихъ портахъ чаду и цѣны вѣтъ!
»Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
»Ино я самъ знаю и вѣдаю,
что не класти скрипту безъ мастера,
не утѣшити дѣти безъ матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю въ славѣ доброй.
»Завѣченъ ⁽³⁸⁾ я у своихъ родителей,
что мнѣ быти бѣлешеньку,
за что родился головенкою!« ⁽³⁹⁾

Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку, —
перевезли молодца быструю рѣку,
а не взяли у него перевозного.
Напоили, накормили люди добрые:
Сняли съ него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.

Говорить молодцу люди добрые:

»А что если ты, доброй молодецъ?
ты поди на свою сторону,
экъ любимымъ честнымъ своимъ родителемъ,
эко отцу своему и къ матери любимой,
простишися ты съ своими родителями,
это отцемъ и матерью,
эвозьми отъ нихъ благословеніе родителекое!«

И оттуду пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
а что злое Горе напередъ зашло,
на чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
учало надъ молодцемъ граинъ,
что злая ворона надъ соколомъ;
говорить Горе таково слово:

»Ты стой, не ушелъ, доброй молодецъ!
не на честь я къ тебѣ, Горе злочастное, привязалося,
я хощу до смерти съ тобою помучуся!
»Но одно я, Горе, — еще сродники,
за вся родня наша добрая;
эвсѣ мы гладкие, умилные;
за кто въ семью къ намъ примѣшается, —
эвно тотъ между нами замучится!
я такова у насъ участъ и лутчая.
»Хотя кинся во птицы воздушныя;
я хота въ синее море ты пойдешь рыбью, —
за я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.«

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,

⁽³⁶⁾ Бѣду. Пропущено въ подлиннике.

⁽³⁷⁾ Т. е. держа ладонь надъ глазами.

⁽³⁸⁾ Определенъ на весь вѣкъ. Иначе, что жиль на роду написано.

⁽³⁹⁾ По толкованію профессора Срезневского головенкою значить — бѣдникъ, горемыка.

а Горе за нимъ бывымъ кречатомъ;
молодецъ полетѣль сизымъ голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
а Горе за нимъ съ борзыми вѣжлецами; ⁽⁴⁰⁾
молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
а Горе пришло съ косою вострою,
да еще Злочастіе надъ молодцемъ насыпалося:
»Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
злѣжать тебѣ, травонька, посѣченой, ⁽⁴¹⁾
и буйны вѣтры быть тебѣ разг҃яной.«

Пошелъ молодецъ въ море рыбюю,
а Горе за нимъ съ щастыми ⁽⁴²⁾ неводами;
еще Горе злочастное насыпалося:
»Быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленой,

⁽⁴⁰⁾ Сѣдовало бы вѣжлецы. Польск. wujelъ лагавая собака.

⁽⁴¹⁾ Вероятно здесь описка надоено читать покошеной.

⁽⁴²⁾ Вероятно, съ щастыми.

»быть тебѣ да и сѣденой,
умереть будеть напрасною смертю!«

Молодецъ пошелъ пѣшь дорогою,
а Горе подъ руку подъ правую:
научаетъ молодца богато жить,
убити и ограбити,
чтобы молодца за то повѣсили,
или съ каменемъ въ воду посадили.

Спамятуешь молодецъ спасенный путь,
и оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися;
а Горе у святыхъ воротъ остается,
къ молодцу впередъ не привожетца!

А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
избави Господи вѣчныя муки,
а дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ! аминь.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ РЕДАКТОРОМЪ НЫНЪ ИЗДАВАЕМАГО СБОРНИКА ПРИ ПЕРВОМЪ ИЗДАНИИ ГОРЯ-ЗЛОЧАСТИЯ
ВЪ СОВРЕМЕННИКЪ 1856 Г.

Драгоценное это произведение старины отыскано А. Н. Пыпиннымъ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ конца XVII вѣка, хранящихся въ Публичной Библиотекѣ. Оно тамъ записано подъ названиемъ: «Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ». По формѣ оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ памятниковъ нашей старой самобытной литературы, которымъ въ ученомъ мірѣ усвоено название *былинъ* и, которые въ первый разъ появилась въ свѣтѣ подъ именемъ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореній, собранныхъ Киршою Даниловымъ». Въ послѣднее время число ихъ умножено новыми, записанными изъ устъ народа и напечатанными въ *Извѣстіяхъ* Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Но, по содержанию нашей *повѣсти* и по нравственной идеѣ, которую она проникнута отъ начала до конца, она совершенно отлична отъ всѣхъ послѣднихъ и составляетъ новое, оригинальное явленіе. До сихъ поръ всѣ наши былины и пѣсни, за исключениемъ немногихъ, записанныхъ однимъ англичаниномъ въ XVII вѣкѣ и отысканныхъ академикомъ Гамелемъ въ Оксфордѣ, показывались намъ въ позднейшей одеждѣ, не ранѣе XVIII вѣка. Издаваемая теперь *повѣсть* является въ томъ видѣ, въ какомъ рассказывалась или пѣлась назадъ тому около двухъ вѣковъ, а можетъ быть и ранѣе, потому что вѣкторыя описки, изъ которыхъ иные поправлены тою же рукою, заставляютъ допустить, что въ XVII вѣкѣ она была списана съ другаго списка. Притомъ же въ философскій тонъ и стройное изложеніе показываютъ въ ней не чисто народное, а сочиненное произведеніе; если же это сочиненіе, то его простота и отсутствие напыщенной риторики, которой едва ли могъ избѣжать русскій грамотѣ XVII вѣка, описывая предметъ нравственно-ре-

лигіознаго содержанія, побуждаютъ предполагать, что она составлена раньше. Какъ бы то ни было, это произведеніе чисто русское, самобытное по содержанію, духу, языку: самый строгій критикъ не въ силахъ будеть отыскать въ немъ чуждаго элемента. Здѣсь живыми и вѣрными красками рисуются и жизнь, и философія нашихъ предковъ, и ихъ вѣрованія, и ихъ нравы, и ихъ образъ выраженія. Его величавый тонъ, грустно поэтическое чувство, разлитое во всемъ стихотвореніи, живость образовъ, послѣдовательность и стройность разсказа и, наконецъ, прекрасный народный языкъ съ неподдѣльными красотами оборотовъ юной, народной, неизущенной школою рѣчи ставить эту *повѣсть* на первое мѣсто между стариинными нашими поэтическими произведеніями подобной формы, — по содержанію оно единственное до сихъ поръ и не можетъ быть ни съ чѣмъ сравниваемо.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи начинается благочестивымъ размышленіемъ, въ видѣ приступа. Послѣ этого приступа слѣдующій стихъ:

«тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери
не имѣть связи ни съ предыдущими, ни съ послѣдующими: вѣроятно, здѣсь пропускъ.»

Нравоученія, проповѣдуемые почтенными родителями ихъ неопытному сыну, вовсе не общія мѣста. Старики предостерегаютъ юношу отъ тѣхъ пороковъ, которые въ особенности заражали старое русское общество. Стойти только прочитать разсказы послѣднихъ часъ иностранцевъ, чтобы повѣрить это. Непричастные нашей общественной жизни, они рѣзче замѣчали наши особенности и удачно схватывали наши порочные черты, хотя не всегда умѣли подмѣтить добрыхъ, потому

что дурное скорѣе бросается въ глаза. Прежде всего благочестивые родители остерегаютъ сына отъ пироръ и братчинъ — увеселенія позовлительныя, повидимому, онѣ были искушеніемъ для молодаго человѣка и первымъ путемъ къ разгулу. На пирахъ у русскихъ — говорить Олеарій (вѣм. изд. 1656 г. стр. 194) — поднесеніе чарки вина означало честь, и считалось предосудительнымъ отказываться отъ нея; а потому иной нехотя пьетъ другой, третій, четвертый разъ, пьетъ до тѣхъ поръ, пока не упадетъ безъ чувствъ. Кого больше уважаютъ, того больше заставляютъ пить. Вотъ что значитъ совѣтъ родителей не садиться на большое мѣсто и не пить двухъ чаръ вмѣсто одной. Непозволительное обращеніе съ добрыми красными женами сдѣлывало исключительно за попойками. Иностранцы описываютъ нашихъ предковъ вообще скромными и цѣломудренными въ трезвомъ состояніи; но зато въ пьяномъ предавались они самому безстыдному разврату (Олеарій, стр. 195), который изображаютъ въ отвратительныхъ картинахъ. Пріучившись пить на братчинахъ и пирахъ, молодецъ начинай посѣщать кабаки, гдѣ головы и вѣрные цаловальники, чтобы выказать свое рачительство и представить къ первому сентябрю въ Приказъ большую прибыль противъ прошлогоднихъ, заводили умышленно знакомство и дружбу съ охотниками до пияти и увлекали ихъ въ порокъ. Тутъ собирались гуляки, сидѣли, балагурили и часто выходили оттуда безъ одежды (Флетч., стр. 44), а если успѣвали не пропить ея, то, выходя на воздухъ, падали безъ чувствъ въ грязь, и счастливые гуляки, если проѣдетъ мимо знакомый извозчикъ: онъ подбереть его и привезетъ къ роднымъ, съ которыхъ получитъ за это плату (Мейерб. Voyage, стр. 131); а нерѣдко воины обирали пьяного до ниточки (тамъ же, стр. Домостр. 14) и даже убивали, и на другой день тѣло бѣдняка привозилось въ Земскій Приказъ, гдѣ, на маслянице или на святой недѣльѣ, за одну ночь собирали нѣсколько десятковъ такихъ труповъ. Но главнымъ признакомъ безпутства были у настѣ въ старину корчмы, дома пьянства, разврата и игры, строго преслѣдуемые правительствомъ, которое въ каждомъ воеводскомъ наказѣ подтверждало воеводамъ строго смотрѣть, чтобы никто не держалъ корчмъ и не игралъ въ зернь (косты). Родители, между прочимъ, научаются сына не обманывать, никого не безчествовать и любить всѣхъ равно по единому. Въ этихъ словахъ тоже не одна общая мораль. Русскіе были вообще въ старину под-

вержены наклонности обманывать и, обманывая другихъ, сами были ко всѣмъ недовѣрчивы и часто старались въ самыхъ безхитростныхъ словахъ другаго отыскивать тайный смыслъ (Мейерб., стр. 66). Олеарій (стр. 169) замѣтилъ, что они бываютъ высокомѣрны, когда счастіе или богатство поставить ихъ на высшую среду другими ступень. Этихъ прямѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что родительскіе совѣты сыну въ нашей повѣсти касаются современныхъ пороковъ общества.

Приключение съ нашимъ молодцемъ въ кабакѣ — самое обыкновенное, случавшееся очень часто съ московскими гуляками. Названный братъ въ кабакѣ — чисто-русскій типъ, да и молодецъ, проснувшись, изливаетъ свое горе насмѣшко надъ своимъ положеніемъ также чисто по-русски.

Трудно рѣшить, изображенъ ли здѣсь пиръ, даваемый хозяиномъ гостямъ, или братчина въ чужой сторонѣ, куда зашелъ молодецъ; но, вѣроятнѣе, послѣднее, потому что присутствіе хозяина не показывается.

На пиру или на братчинѣ не то, что въ кабакѣ: здѣсь требуютъ привилія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока винные пары не затмили разсудка. Основою тогдашняго привилія считалось — войдя въ домъ, прежде съ благоговѣніемъ поклониться образамъ, а поточъ уже сдѣлать привѣтствіе всѣмъ, начиная отъ старшихъ до меньшихъ. Объ этомъ, строго наблюдаемомъ, обычаѣ говорятъ писавшіе о настѣ иностранцы: Герберштейнъ, Олеарій, Мейербергъ и другіе. На пирахъ и братчинахъ участвовали люди разныхъ сословій, отчего и осталась пословица: «пиръ на весь міръ». Тамъ были и воеводы, и дѣяки, и люди торговые, и простые посадскіе, или уѣздные. Во многихъ наказахъ во-лостелямъ и воеводамъ подтверждается неходить незванными на пиры и братчины и винуясь правила, какъ вести себя на такихъ собравшахъ, если они будуть приглашены. Мѣстничество и здѣсь прилагалось; каждый садился по своему достоинству. Вообще у настѣ въ старину люди дѣлились на лучшихъ или большихъ, середнихъ и меньшихъ: такое раздѣленіе прилагалось и къ происхожденію, и къ состоянію, и къ отправленію служебныхъ обязанностей. И въ царской думѣ и въ отдаленномъ селѣ явилась та же троичность. Она является и на пиру.

Молодца не знали по происхожденію, а принали по его обхожденію и дали ему середнєе мѣсто между гостиными дѣтьми; слѣдовательно, на этомъ пиру были выше торговыхъ (гостиныхъ) — дворяне и дѣти бояр-

ские, и ниже торговыхъ — люди черные. Гостиные вообще означаютъ торгующихъ на гостиномъ дворѣ.

Здѣсь замѣчательно выраженіе: «ведеть онъ по писанному ученію». Чѣмъ менѣе грамотны были наши предки, тѣмъ болѣе уваженія оказывали всему книжному, писаному: съ писаннымъ для нихъ соединялось все нравственное, полезное, потому что на письмѣ они знали только правила религіозныя, законодательство и предписания правительства.

Обстоятельства нашего героя поправились какъ нельзя лучше. Но не забудемъ, какъ онъ разстался съ родителями: по нравственному понятію вѣка, это ему не должно пройти даромъ.

Приступая къ великому дѣлу въ жизни, онъ не подумалъ о родительскомъ благословеніи, не изъявилъ благодарности Промышлу, изведшему его изъ печального положенія, а присыпалъ свое возвышеніе собственнымъ силамъ, положился на земное приобрѣтеніе, словами *больши стараю* признавалъ какъ будто правильность своего разрыва съ родителями, съ семьей, съ родиной: потеря этихъ священныхъ связей замѣняется для него богатствомъ, нажитымъ собственными силами. Благочестивая философія русская не прощаетъ такого материализма.

Горе-Злочастіе, послѣ первого неудачнаго опыта искусить доброго молодца, принимаетъ на себя видъ свѣтлаго, доброго ангела и снова искушаетъ и уже сводить его съ ума своими лукавыми совѣтами.

Олицетворенія отвлеченныхъ понятій общи всѣмъ народамъ въ нѣзвѣстный періодъ ихъ развитія и составляютъ существенную стихію всякой мифологіи, когда она возвысится отъ неопредѣленнаго шаманства, безмыслия страха таинственной нѣзвѣстной силы на степень антрономеризма и свободного творчества образовъ. Что русская фантазія олицетворила Горе — это не новость. Въ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршию Даниловымъ», есть пѣсня, гдѣ Горе явится босымъ, нагимъ, подпоясанымъ лыкомъ, привязывается къ несчастливцу и расточаетъ ему насмѣшилъ утѣшенія. Я слышалъ въ народѣ вполнѣйший вариантъ этой пѣсни. Но нигдѣ Горе не является такъ очерченнымъ, такъ опредѣлительнымъ, какъ въ нашей *посвѣсти*: это какое-то мрачное божество, духъ злой, но справедливый, карающій человека за преступ-

ление и безразсудство, что-то въ родѣ Эвменидъ; и, действительно, борьба нашего молодца съ нимъ напоминаетъ эсхилову трагедію, въ которой эриниа преслѣдуютъ матреубійцу Ореста. Такъ и наше Горе-Злочастіе преслѣдуетъ презрѣвшаго родителей сына. Какъ Эвмениды — оно не одиноко; по крайней мѣрѣ, говорить, что у него есть семья, что все они сами по себѣ добрыя, но кто попадется къ нимъ, того они научатъ. Какъ Эвмениды смягчаются на время жертваний, такъ Горе-Злочастіе смягчилось навремя, когда молодецъ повинился ему. Онъ покорился Горю и сталъ бодръ — для новой борьбы съ нимъ. Наконецъ, какъ Эвмениды прекращаютъ свои преслѣдованія и падаютъ въ сонъ, когда Орестъ убѣжалъ въ храмъ Аполлона, такъ наше Горе-Злочастіе оставляетъ добра молодца, когда онъ нашелъ убѣжище подъ сѣнью храма истиннаго Бога, въ святыхъ стѣнахъ обители мирныхъ отшельниковъ. Молодецъ отрекается отъ мира, и Горе-Злочастіе, духъ матежнаго міра, отрекается отъ него. Таковъ смыслъ нашей *посвѣсти*, — смыслъ истинно высокій, заключающій въ себѣ нравственную философію вѣка.

Трудно рѣшить, когда написано это замѣчательное произведеніе. Во всякомъ случаѣ, служить его очень древній: вѣрованіе въ олицетвореніе Горя и его ножденія принадлежитъ далекой древности: доказательствомъ этому служить поразительное сходство нашей *посвѣсти* по идеѣ съ одною малороссійской пѣснею, гдѣ играетъ ту же роль *Лиха-Доля*. Только въ этой пѣснѣ лицо, терзаемое лихой долею, не молодецъ, а девица. Она совершенно невинна, но терпитъ потому, что мать дала ей при рождѣніи этого демона. Страдальца хочетъ убѣжать отъ нея въ поле, въ лѣсъ, въ воду — лихая доля повсюду за нею; наконецъ она бросается въ церковь, но лихая доля врывается и туда и тамъ уѣплется за нес. Наша *посвѣсть* оставляетъ по себѣ болѣе отрадное впечатлѣніе: у нашихъ предковъ въ монастыряхъ находили пріютъ страдальцы, испившіе въ мірѣ горькую чашу, подобно нашему добруму молодцу: удобства жизни и тарханныя грамоты служили стражами дверей святыхъ обителей.

Въ рукописи эта *посвѣсть* написана сплошь какъ проза; я разбилъ ее на стихи, потому что стихотворный составъ ее слишкомъ очевиденъ.

О МИФИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ

ГОРЯ-ЗЛОЧАСТИЯ.

Въ прекрасной своей статьѣ о *Горѣ-Злочастіи* («Рус. Вѣсти», т. IV іюль, кн. 2) г. Буслаевъ высказалъ свое несогласіе съ моимъ мнѣніемъ относительно мифическаго значенія «Горя-Злочастія». Ученый изслѣдователь называетъ древность нашего стихотворенія иными и находитъ неумѣстнымъ основывать ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мифическое значение «Горя-Злочастія», за сходство съ малороссійскою пѣснею, которую называетъ новѣйшою. Ученый заслуги г. Буслаева даютъ ему такой авторитетъ, что всякое указаніе, сообщенное имъ относительно взгляда на произведения нашей древней и народной литературы, должно приниматься съ благодарностью; тѣмъ не менѣе, однако, основанія, на которыхъ я утверждалъ свое мнѣніе о «Горѣ-Злочастіи», побуждаютъ меня высказать нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Г. Буслаевъ говоритъ: какъ правда, которая улетаетъ на небо, и крича, которая пошла по всей землѣ воспѣваемая въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, олицетворенія нравственныхъ понятій, или какъ «Злодѣй-тоска» въ известной русской пѣснѣ, такъ и «Горѣ-Злочастіе» есть только поэтический образъ, а не мифологическое существо. Старинное вѣрованіе Славянъ въ судьбу или встрѣчу нисколько не уполномочиваетъ настъ видѣть и въ «Горѣ-Злочастіи» языческое или полуязыческое божество, точно такъ же, какъ смерть или дьяволъ въ гравюре Альбрехта Дюрера или какъ классический купидонъ и госпожа смерть во французской поэмѣ — только поэтические образы, въ которыхъ выражены нравственные понятія эпохи, а не мифическія силы, которымъ поклонялись нѣмецкій художникъ и французскій поэтъ. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы и мифологическія картины Рафаѣла или Рубенса принять въ источники классической мифологии XVI и XVII вѣковъ,

или изъ нѣкоторыхъ аллегорическихъ изображеній немецкаго живописца вывести то заключеніе, что они поклонялись мифическому олицетворенію Венеціи въ образѣ роскошной женщины. Аллегорія, олицетворенія и художественный символъ очень рано получили широкое развитіе въ христіанскомъ искусстве народовъ западныхъ. Данѣтъ уже взвѣль ихъ въ свою комедію, а современный ему живописецъ Джютти изображалъ на стѣнахъ храмовъ олицетворенные въ человѣческихъ образахъ добродѣтели и пороки.

Между правдою и кривдою въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, а въ особенности между «Злодѣемъ-тоскою», въ известной пѣснѣ: «Ужъ какъ паль туманъ», и «Горемъ-Злочастіемъ» мы видимъ важное различіе въ тѣхъ чертахъ, какія могутъ вести къ признанію или непризнанію мифологического значенія въ олицетвореніи отвлеченной идеи. Такимъ образомъ, въ стихѣ: за злодѣй тоска въ ретиво сердце, тоска по сравненію носить человѣческій эпитетъ злодѣй, но не говорится о ней, какъ о существѣ. Напротивъ, «Горѣ-Злочастіе» въ нашемъ стихотвореніи представляется въ образѣ дѣйствующаго человѣкоподобнаго существа, описывается его наружный видъ, вылагаются въ уста его рѣчи, изображаются его поступки, обрисовывающіе его характеръ. Приведенные вслѣдъ затѣмъ г. Буслаевымъ примѣры, взятые изъ западнаго міра, такого свойства, что подтверждаютъ поводъ видѣть въ «Горѣ-Злочастіи» скорѣе мифологическое существо, чѣмъ одинъ только поэтическій образъ. Дѣйствительно, смерть и купидонъ — такие образы, которыми не поклонялись нѣмецкій художникъ и французскій поэтъ (существование дьявола они, конечно, признавали); дѣйствительно, мифологическія картины Рафаѣла и Рубенса нельзя признать источникомъ классической мифологии XVI и XVII вѣковъ, а изъ

аллегорического изображения Венеции въ видѣ женщины не слѣдуетъ, чтобы ей поклонялись; но смерть, ку-пидонъ и сюжеты миѳологическихъ картинъ Рафаэля и Рубенса были въ древности предметами вѣрованія, миѳологическими существами. Художники изображали ихъ потому, что получили воспитаніе, въ кругъ которого входила древняя классическая образованность, неразлучная съ миѳологією. Изображеніе странъ и государствъ въ видѣ антропоморфическихъ существъ, истекло также изъ классической миѳологии, признававшей существование мѣстныхъ боговъ и богинь. Если художники не признавали дѣйствительного существования въ природѣ изображаемыхъ ими образовъ, то это не лишаетъ самыхъ образовъ ихъ миѳологического происхожденія. Моровая дѣвица въ «Конрадѣ», взятая изъ народной миѳологии, остается для настъ съ своимъ миѳологическимъ значеніемъ, хотя мы увѣрены, что поэтъ не признавалъ ея бытія въ природѣ. Что касается до «Божественной Комедіи», то главные образы въ ней или занесены изъ классической миѳологии, какъ, напр., фури, Плутона, Харона, Стиксъ и пр., или составляли вѣрованіе тогдашняго вѣка и для современниковъ были тѣмъ, чѣмъ для Грековъ и Римлянъ ихъ миѳы. Такимъ образомъ, мы видимъ, что олицетворенія и художественные символы художниковъ и поэтовъ, приводимые г. Буслаевымъ, миѳологического происхожденія, что мы видимъ и въ «Горѣ-Злочастіи».

Миѳологичность образа для исследователя не теряется оттого, что тотъ, кто воспроизвелъ этотъ образъ, самъ не вѣрилъ въ его существование въ природѣ. Но вѣрилъ ли, или не вѣрилъ въ существование «Горѣ-Злочастія» слагатель стихотворенія о немъ, этого не рѣшить никто. Это зависѣло отъ степени образованности, отъ понятій, ваконецъ отъ характера неизвѣстнаго сочинителя. Въ XVI — XVII вѣкахъ только такія фантастическая формы не допускали къ себѣ вѣры, которые были несовмѣстны съ христіанствомъ, и, при томъ, такія, противъ которыхъ церковь возвысила гоньбу. Такимъ образомъ, тогдашній грамотѣй не признавалъ бы Перуна или другаго языческаго бoga, потому что церковь представила достаточный запасъ доказательствъ того, что богамъ языческимъ не слѣдуетъ вѣрить, подъ опасеніемъ гибели души въ будущемъ мірѣ. Впрочемъ, если разбирать строго, то и существование языческихъ боговъ не было совершенно исключительно изъ области вѣрованія: ихъ признавали только за злыхъ духовъ, бѣсовъ, осль-

плявшихъ вѣкогда родъ человѣческій. Тогда вѣрили въ лѣшнихъ, домовыхъ, упырей и т. под. остатки древней миѳологии: почему же не могли вѣрить въ «Горѣ-Злочастіе»?

Мнѣніе г. Буслаева, что «Горѣ-Злочастіе» есть только поэтический образъ, а не миѳологическое существо, не подтверждается. Но настъ спросить: на чёмъ же мы основываемъ противоположное?

Способность человѣка облекать въ формы (преимущественно антропоморфическія) нравственный понятія и созданія миѳологическихъ образовъ находятся между собою въ ближайшемъ отношеніи. Послѣднее вытекаетъ изъ первой. Въ юношескомъ возрастѣ человѣчество легко признавало въ произведеніяхъ собственной фантазіи отдѣльное отъ него бытіе. На темные въ началь образы набрасывались черты за чертами: образы дѣлались яснѣ, выпуклѣ; возникъ рядъ отношений къ нимъ, какъ къ существующимъ лицамъ, слагались разсказы о ихъ дѣяніяхъ; привычка исключала возможность отыскать ихъ настоящее происхожденіе, и страхъ, которымъ воображеніе окружало свой дѣтища, отгонялъ отъ нихъ и пытливые умы, по своей природѣ, болѣе другихъ склонные къ анализу. Мужая, человѣчество мало по малу путемъ опыта и размышлений освобождалось изъ-подъ ига собственныхъ созданій. Эта борьба происходила медленно и постепенно: не всѣ вдругъ фантастические образы теряли право на дѣйствительность въ глазахъ человѣка; они исчезали по мѣрѣ того, какъ вѣрованіе въ ихъ существование становилось несовмѣстнымъ со степенью уразумѣнія силъ нравственной и материальной природы. Но, переставая вѣрить въ дѣйствительность созданій своей фантазіи, человѣкъ не теряетъ способности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребности олицетворять свои идеи. Прежнія вѣрованія остаются ему материаломъ для поэзіи, дѣлаются буквами для художественного выраженія. Такимъ образомъ, вымыслы Гречіи, потерявъ для поэта свое независимое бытіе, какое имѣли въ глазахъ прежнихъ вѣковъ, долго удовлетворяли его потребности выражаться посредствомъ олицетвореній. То же самое происходитъ и съ народными вѣрованіями нашего времени. Большая часть олицетвореній фантастическихъ существъ, фантастическихъ событий не созданы воображеніемъ самихъ поэтовъ и художниковъ, а заимствованы изъ угасшихъ или живыхъ, но чуждыхъ самимъ творцамъ народныхъ миѳовъ. По большей части поэтические образы были вѣкогда миѳами, называемыми живыми существами и хо-

ти назывались подъ галантомъ художниковъ, но всегда высказывали свое миэологическое происхождение. Какъ мало такихъ олицетвореній, которыхъ бы вѣкогда не были миѳами, которыхъ бы, другими словами, никогда не вѣрили, это показываетъ самъ г. Буслаевъ, доказывая, что «Горя-Злочастіе» есть только поэтический образъ, а не миэологическое существо. Онъ приводитъ примѣры, которые все безъ исключения имѣютъ миэологическое происхождение. Думаю, что г. Буслаевъ согласится, со мною, что чѣмъ народъ менѣе развитъ въ образованіи, тѣмъ болѣе мы вправь признавать миѳическое значеніе въ его олицетвореніяхъ; въ то же время простой народъ не только вѣритъ въ существованіе фантастическихъ личностей, которыхъ перешли къ нему отъ предковъ, но олицетворяетъ современные явленія и даетъ миѳическое значеніе своимъ олицетвореніямъ. Такимъ образомъ, въ Малороссіи скотскій падежъ олицетворяется въ видѣ женщины, которую называютъ *товаряча смерть*; въ Великой Россіи въ настоящее время олицетворяется холера, и народъ вѣритъ въ существованіе личности, которая называется холерою и отъ которой проходитъ болѣзни припадки эпидеміи.

Когда мы видимъ въ древнемъ русскомъ стихотвореніи олицетвореніе горя или нужды подъ именемъ «Горя-Злочастіе», естественно должны задать себѣ вопросъ: создано ли это фантастическое существо самимъ слагателемъ, или же заимствовано имъ? Сходство нашей поэзии съ народными пѣснями указываетъ на послѣднее и это болѣе всего заставляетъ отыскывать въ немъ не простую аллегорію, а миѳическое существо, которому вѣрилъ народъ. Независимо отъ пѣсни, которая помещена въ сборникѣ Кирши Давилова (стр. 381), приведу здѣсь еще дѣвь народныхъ пѣснъ о горѣ:

I.

Ой, ты горе мое, горе сѣре!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталоси?
На меня, бѣдную, навязалоси!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ горя избыть!
Ужъ я отъ горя во чисто поле,
Оглянувшись назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во сѣль грозить:
Ужъ я выжну, пожну все чисто поле,
А сыщу я, найду тебя, горькую!«

Ой, ты, горе мое, горе сѣре!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталоси?
На меня, бѣдную, навязалоси!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ горя избыть!
Я отъ горя во темны лѣса!
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во сѣль грозить:
Упорублю я, посѣку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя, горемычную!«

Ой, ты, горе мое, горе сѣре!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталоси?
На меня, бѣдную, навязалоси!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ горя избыть!
Ужъ я отъ горя къ гробовой доскѣ,
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой.

II.

Охти, горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во чисто поле —
И тутъ горе сизымъ голубемъ!
Охти, горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя въ темны лѣса —
И тутъ горе соловьевъ летить.
Я отъ горя на сине море —
И тутъ горе сѣрой утицей.
Я отъ горя во сырь землю —
Вотъ тутъ горе миновалоси!

Вторая изъ этихъ пѣсень называетъ слѣдующіе стихи *Горя-Злочастіе*:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ.

Первая же пѣсня сходна съ малороссійской о лихой долѣ. Я приведу здѣсь ее по варианту, записанному мною въ Волынской губерніи:

Породила мене мати у святу неділю:

Далá мні лихú доляю — дé жъ ії подіну!

»Та піді, доле, піді, нещастная, въ поль загубіся,
А за мною та за молодою, та й не волочіся!«

— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ поль загублюся,
А якъ підешъ пшениці жати — я за тебе вчеплюся!«

— »Та піді, доле, піді, нещастная, въ лісі заблудіся,
А за мною та за молодою, та й не волочіся!«

— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ лісі заблудіся,
А якъ підешъ калини ломати — я за тебе вчеплюся!«

»Та піді, доле, піді, нещастная, въ воді утопіся,
А за мною та за молодою, та й не волочіся!«

— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ воді утоплюся,
А якъ вийдешъ рâво воді брати — я за тебе вчеплюся!«

»Та піді, доле, піді, нещастная, въ церкви присвятися,
А за мною та за молодою, та й не волочіся!«

— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ церкви присвячуся,
А якъ прйдешъ Богу молитися — я за тебе вчеплюся!«

Основываясь на сходствѣ этихъ пѣсень, я позволяю себѣ искать древности — не самого стихотворенія, о чёмъ я и не говорилъ — а вѣрованія въ его олицетвореніе и похожденія. Г. Буслаевъ думаетъ, что сходство стихотворенія о «Горѣ-Злочастіи» съ новѣйшею малороссійскою пѣснею мало говорить въ пользу моего мнѣнія. Но слово *новѣйша* пѣсня можно понимать въ двухъ смыслахъ: или потому она новѣйшая, что недавно записана, или потому, что недавно сложена. Г. Буслаевъ, конечно, не понималъ слова *новѣйша* пѣсня въ первомъ смыслѣ. Но что она сложена не въ недавнее время, это доказываетъ распространение ея повсюду, гдѣ только живетъ малороссійскій народъ, и еще болѣе сходство ея съ великорусской. Эта пѣсня поется какъ въ Галиціи и Волыніи, такъ равно и у малороссійскихъ переселенцевъ, обитающихъ въ Воронежской губерніи. Предки послѣднихъ оставили свое прежнее отечество, заднѣпровскую южную Русь, еще въ половинахъ XVII вѣка и, безъ сомнѣнія, тогда еще принесли съ собою эту пѣсню. Если намъ возразить: можетъ быть, эта пѣсня занесена къ нимъ изъ Малороссіи впослѣдствіи, мы отвѣтимъ: во первыхъ, общихъ малороссійскихъ пѣсень у нихъ чрезвычайное множество, и, безъ сомнѣнія, гораздо правдоподобнѣе думать, что предки ихъ пришли на новые мѣста жительства съ этими пѣснями, чѣмъ подозрѣвать, что вся ихъ пѣсенностъ занесена впослѣдствіи, ибо, такимъ образомъ, можно сдѣлать вопросъ: не занесенъ ли къ нимъ впослѣдствіи

самый языкъ южно-русскій? во вторыхъ, пѣсня, гдѣ олицетворяется доля, не одна въ своемъ родѣ — такое олицетвореніе испадается очень часто въ южно-русскихъ пѣсняхъ. Напр. девица посыаетъ долю:

Пливі, доле, за водою,
Щобъ не булó жалю за тобою.

Или, напримѣръ, козакъ разговариваетъ съ долею, жалуется и называетъ ее причиной своихъ несчастій; тогда

Обізвалась доля по тімъ бокі моря:
Козаче бурлаче! дурний розумъ маєшъ!

О долѣ существуютъ сказки и легенды, гдѣ доля представляется въ антропоморфическихъ формахъ, чаще всего въ видѣ женскомъ (ср. ст. Аѳанасьевъ въ Арх. Калачова. Кн. II., полов. I. стр. 138). Вѣрованіе въ существование доли, доброй и лхой, какъ отдельныхъ миѳическихъ существъ, до сихъ поръ не исчезло у Малороссіянъ; и, конечно, каждый знакомый съ этнографіею этого народа подтвердитъ мнѣ известное.

Что же касается до пѣсни великороссійской, то мнѣ кажется, что вообще сходство нашихъ великорусскихъ пѣсень съ малорусскими служить, вмѣстѣ съ другими доказательствами, къ указанію относительной ихъ древности. Разумѣется, надоѣло отличать пѣсни, заимствованные однѣмъ народомъ у другаго, отъ пѣсень, которыя различны у обоихъ, а между тѣмъ показываютъ одинаковое происхожденіе. Великороссіяне и Малороссіяне съ XIV вѣка до временъ Екатерины II жили отдельно другъ отъ друга народною жизнью. Содержаніе ихъ пѣсень, языка, складъ, мѣра, напѣвъ, — все различно. Но между этими пѣснями есть такія, которые сходны между собою по своей основѣ и кажутся вариаціями на одну и ту же тему. Такія-то пѣсни я считаю древними, ихъ темы должны восходить раньше XIV вѣка. Для отличія такихъ пѣсень отъ заимствованныхъ впослѣдствіи, нужна строгая и осторожная критика. Но, къ счастію, угадать пѣсни послѣднаго рода нетрудно. О заимствованныхъ Малороссіянами отъ Великороссіянъ и говорить нечего: онѣ съ первого взгляда бросаются въ глаза, но уродливости языка и не свойственности склада.

Пѣсни, заимствованные Великороссіянами отъ Малороссіянъ, являются въ лучшемъ видѣ, но все-таки не теряютъ чертъ, отличающихъ ихъ происхожденіе. Великороссіянинъ переводить иногда довольно удачно ма-

доро́сийскія слова, передѣлываетъ грамматическія формы, иногда произвольно замѣняетъ обороты другиы, иногда прибавляетъ малороссийскія слова и обороты тамъ, где они не слишкомъ рѣзко щекочать его слухъ или где онъ не сладить съ переводомъ по ихъ мѣстности и особенности значенія, удерживаетъ мѣру, отличную отъ мѣры великорусскихъ пѣсень, равно складъ и течениe пѣсни. Вотъ, напримѣръ, общемѣжѣстная малороссийская пѣсня:

Ой за га́емъ, га́емъ, га́емъ зеленѣ́кимъ,
Тамъ ора́ла дівчино́вка воли́комъ чорнѣ́кимъ;
Ора́ла, ора́ла — не вміла гука́ти,
Та наяла козаче́нка волівъ поганіти (поють еще: у скрипичку грѣти).
Козакъ поганіе (или: козачокъ игрѣ), бровами моргѣ; Враги же єго батька знае, чого вінъ моргѣ.

Эта пѣсня вошла въ большое употребленіе у великороссіянъ. Между тѣмъ, вотъ какъ она поется такими лицами, которыя никогда не видали въ глаза Малороссіянъ:

Какъ за лѣсомъ, лѣсомъ, за темнымъ зеленымъ,
Тамъ пахала дѣвчиночка воли́комъ черненѣ́кимъ,
Пахала, пахала, но умѣла кричати
И наяла казаче́нку на скрипку играть.
Казачокъ играетъ, бровами моргаетъ,
А чортъ его батьку знаетъ, зачѣмъ онъ моргаетъ!

Вотъ другой примѣръ. Въ юго-западной Руси поется слѣдующая пѣсня:

Поіхавъ козаче́нко на полюва́ння,
Зоста́вивъ Мару́сеньку на горюва́ння,
Пустівъ кони́ченка на попаса́ння,
А самъ прилігъ къ сирій землі на спочива́ння,
Присні́вся козакові дивнесе́нький сонъ:
Зъ-підъ правої зъ-підъ руче́нки ві́линувъ соколь,
Зъ-підъ лівої зъ-підъ білої сірої ўтінка.
Поіхавъ козаче́нко до воріжене́нки:
»Воріжене́нко! голубо́нько! отгадай мій сонъ:
Що ві́линувъ зъ-підъ руче́нки яспене́нкій соколь,
Зъ-підъ дру́гої зъ-підъ білої сірої ўтінка.«
— »Біжі, біжі, козаче́нку, и не стоючі,
А вже твої милене́нкої не застаючі.
Учора изъ вѣчора сина приведа́,
Сама молоде́нка до гробу лягла....« и проч.

Великороссіянне усвоили эту пѣсню и поютъ ее такъ:

Поіхалъ нашъ казаче́нка на воеваны́це,
Оставилъ свою Марыашечку на гореваны́це.
Не доіхалъ казаче́нка до воеваны́ца,
Становился казаче́нка середи пути,
Среди пути дороже́нки, близъ крутой горы,
Пустыль своего добра коня въ зелены луга,
Раскинуль онъ, казаче́нка, свой бѣлы шатерь,
Ложился спать казаче́нка подъ бѣлы шатромъ,
Увидѣль же казаче́нка дивный сонъ во снѣ:
Изъ-подъ правой полуушки соколь вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полуушки сѣрая утица.
Вылетывалъ соколушка — онъ высністывалъ,
Высністывалъ, выгарківалъ, выговаривалъ:
»Въ твоемъ дому, казаче́нка, несчастье случилось!«
Какъ тутъ же нашъ казаче́нка призадумался.
»Пойду, пойду къ старушечкѣ, своей ворожѣ.«
Попшель же нашъ казаче́нка путемъ-дорогой;
Навстрѣчу казаче́нкѣ старушка идетъ.
Какъ стала же онъ старушечку выспрашивати:
»Старушенька-бабушенька! разсуди мой сонъ!
Скажи, скажи, старушенька, всеё правду инѣ.«
— »Казаче́нка, мой батюшка! Какой же твой сонъ?«
— »Изъ-подъ правой полуушки соколь вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полуушки — сѣрая утица.
Вылетывалъ соколушка — онъ высністывалъ,
Высністывалъ, выгарківалъ, выговаривалъ:
»Въ твоемъ дому, казаче́нка, несчастье случилось!«
— »Казаче́нка, мой батюшка! нехорошъ твой сонъ:
Твоя жена, Марыашечка, сына родила,
Къ бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.«

Не много нужно навыка къ народной поэзіи, чтобы видѣть въ пѣснѣ не чисто великорусскую, а перетянутую отъ Малороссіянъ. Совсѣмъ иное въ такихъ пѣсняхъ, къ которымъ принадлежать великорусскія пѣсни о горѣ и многія другія. Здѣсь общее съ малороссийскими — одна мысль, основа содержанія и вѣкторы обороты и поэтические образы, неразлучные съ мыслью; складъ же, мѣра — все различное, все носить печать своенародности. Къ такимъ, напримѣръ, принадлежать великорусскія (извѣстная: »Калинку съ малинкою«) и малороссийскія (Метлинск., стр. 256 — 258) пѣсни о превращеніи женщины въ кукушку или пѣсни о матери и дочери въ татарской неволѣ. Въ Великороссіи послѣдняя пѣсня поется такъ:

Какъ за рѣченькой за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымья.
Злы татарченки города берутъ,
Города берутъ — по себѣ дѣлятъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому русска нянюшка.
Доставалася теща зятюшкѣ.
Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
Посадилъ ее во колясочку,
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ молодецкимъ:
»Ты встрѣчай меня, молода жена,
Я привезъ тебѣ русску нянюшку,
Русску нянюшку — полоняночку.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Первое дѣльце — ковры вышивать,
Другое дѣльце — гусей стеречи, .
А третіе — дѣтей качати.«
— »Я руками ковры вышила,
Я глазами гусей стерегла,
Я ногами дитя качала:
»Ты качу баю, мое дитятко!
Ты по батюшкѣ злой татарченокъ,
Ты некрещеный, немолитвенный,
А по матушкѣ — мой боярченокъ,
Мой боярченокъ, русска косточка!«
Услыхала молода княжна:
»Почему знаешь, моя нянюшка,
Что по батюшкѣ злой татарченокъ,
А по матушкѣ — боярченокъ?«
— »Какъ мнѣ не знать, моя доченька,
Ты сени лѣтъ во полонъ взята!«

Въ червонорусской пѣснѣ (см. «Piesni Ludu Rusk. zebr. Zeg. Paulis» t. I 166) поется:

Татарове полонъ женуть;
Одинъ полонъ зъ жіночками,
Другій полонъ зъ дівочками.
Третій полонъ зъ діточками.
Стали копомъ підъ ярішомъ,
Та взяли сі паювати.
Дівка впаля парабкові,
А тѣщенька зятевикові.

Взявъ вінъ ії по пра коні.
Ой, кінь біжть дорогою,
А тѣщенька терпіною,
Назадъ сїбе поглядає,
Кровця слідій заливає,
Чорний воронъ залітає,
Тоту кровцю изпиває.

Приїзджає вінъ до двору:
»Вайди, вайди, татарочко!
Привівъ тобі невільницю,
А до смрти робітницю!«
А вона ії та й завела,
Три роботи загадала:
Оченькамі стадо пасти,
Рученькамі кужиль прясти,
Ніженькамі колисати.

Теща дитя колисала,
И дитині приспівала:
»Люлю, люлю, татарчако!
По доненьці увчачко!
Бодай стадо виздихало,
Бодай кужиль попеліла,
Бодай дитя скаменіло!«

Далѣе рассказывается, какъ услышалъ эти слова вѣрный слуга и передалъ госпожѣ. Госпожа разгневалась, ударила невольницу по лицу. Она воскликнула:

»Ой ти, доню, мой доню!
Не тількомъ тя годувала, —
По ліченьку тя не била!«
— »Мамко жъ мой старенкая,
Почомъ же съ мя испознала,
Щось мя доненкомъ назвало!«

— »Въ нѣділю барвінокъ різала,
Тайсь си пальчикъ відрізала
И потому-мъ тя пізнала.«

Несмотря на сходныя черты въ этихъ пѣсняхъ, каждая изъ нихъ сложена на особый своенародный ладъ, и нельзя подозревать, чтобы та или другая въ своемъ образовавшемся народномъ складѣ послужила началомъ для другой. Такія-то пѣсни я признаю древними по ихъ темамъ. Къ нимъ принадлежать пѣсни о Горѣ. Если же

тема олицетворения горя или лихой доли существовала раньше XIV вѣка, то старинное вѣрованіе Славянъ въ добрую и злую судьбу, доказанное въ послѣдніе годы нашими учеными: Шевыревымъ, Срезневскимъ, Буслевымъ, Афанасьевымъ, уполномочиваетъ насть искать связи этого олицетворенія съ областью славянской ми-

еологии, и «Горе-Злочастія» въ открытомъ г. Пыпинскомъ стихотвореніи, единое съ горемъ и лихой долей народныхъ пѣсенъ, должно для насть носить значеніе древняго миѳологическаго существа.

(Редакт. изъ *Современи. 1856. № 10*).

ПОВѢСТЬ О ЩИЛѣ

ПОСАДНИКѢ НОВГОРОДСКОМЪ.

ПОВѢСТЬ О ЩИЛЬ

ПОСАДНИКѢ ПОВГОРОДСКОМЪ.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТъ.

(Илл. Публ. Библ. русск. рукоп. in 4° отд. XVII № 69.)

СКАЗАНИЕ СО ЦИЛОВЪ МОНАСТЫРѢ, ИЖЕ ЕХ ВЕЛИКОМЪ НОВГРАДѢ.

Бѣ въ великомъ Новградѣ иѣкто посадникъ имѣніемъ Щиль, при архіепископѣ того же града Иваннѣ; имѣя же у себѣ сына единочада; живущу же ему въ богатствѣ мнозѣ, мнозіе же людіе, купцы, не имуще кунъ, взимаху у него сребро на торговлю въ куны, имаше же лихвы на 14 гривенъ и 4 деньги точію по единой денгѣ на годъ, болѣ же того отнюдь не имаше. Собра же такового имѣнія многое множество и восходитъ на то кунное собрапіе воздвигнуты церковь и соградти монастырь, и вземъ у архіепископа Иванна благословеніе на зданіе церкви во имя Причастные Богородицы честнаго ея Покрова; ваять же дѣлатели многи и созда церковь близъ рѣки Волхова на лугу, отъ града яко двай поприща.

Бывшу же и архіепископу на основаніи же тоя церкви со священнымъ соборомъ, вопросившу же архіепископу Щила, отъ какова имѣнія воздвигну Божію церковь, егда совершена бысть церкви, Щиль же моля архіепископа освятити церковь, понеже о томъ вначалѣ не вопросилъ его, егда испроси благословеніо. Онъ же исповѣда ему истину, яко отъ лихвеннаго собранія создава бысть церкви; архіепископъ же рече ему: уподобился еси Исаю, лестю вземъ благословеніе отъ мене на таковое божественное дѣло;

нынѣ же повелѣваю ти ити въ домъ свой, и повелѣ (и) у зданія своего въ стѣнѣ устроити гробъ, и повѣжь вся своя тайны отцу своему духовному, и вадѣвъ срачицу и саванъ и вся яже суть подобна на погребаніе мертвымъ, и лязи въ созданіи своемъ во гробъ ономъ, и повелѣ (и) надгробное отпѣти, и Богъ всѣхъ насы свѣтлый тайна сердецъ, елико хощетъ, то и сотворить, мы же ко освященію готови будемъ. Щиль же въ недоумѣніи велицѣ бывъ, рыда и плачася иде въ домъ свой, повелѣнія же святителева не смѣ преслушати, вскорѣ вся повелѣваетъ устроити заповѣданная святителемъ. Егда же надгробное пѣніе соборне отиѣша вадъ немъ, внезапу не обрѣтесь гробъ съ положеннымъ въ немъ и бысть въ томъ мѣстѣ пропасть. Святителю же пришедшу на освященіе церкви по моленію щилову и видѣтъ страшное оно и ужасное видѣніе страха и трепета исполнъ и повелѣ иконописцемъ написати вапы на стѣнѣ, видѣніе повѣдающе о братѣ Щилѣ во азовѣ днѣ надъ всемъ гробомъ его, и несвященну церковь повелѣ запечатлѣти, дондеже изволитъ Богъ о немъ своего человѣколюбія смотрѣніемъ, и отыиде въ домъ святѣй Софїи. Сынъ же щиловъ, видя отчю погибель и свое лишеніе, въ велицѣ недоумѣніи бысть и прииде ко святителю, ища спасенія и помощи лишеной души

отца своего. Святитель же повелъ ему молити Бога о отчей погибели и въ постѣ и во бдѣніи пребывать, и повелъ на 40 дній у 40 церквей сорокоусты дати священникомъ съ причетникии довольно, да поютъ въ ты дни по 40 панахидъ и литургіи неизмѣнно, и в ту 40 дній милостыню безпрестанно творити; егда же совершатся 40 дній пришедъ возвѣсти нашему смиренію. Сынъ же щиловъ по заповѣди святителя вся совершилъ въ 40 дній и возвѣсти святителю. Святитель же отъ клироса своего посылаетъ архидіакона къ запечатлѣнной церкви и повелѣваєтъ сокровенно распечатавъ церковь до зрея разумно идѣже прощать гроба и надъ нею стѣнное писаніе, и соглядавъ извѣстно, паки запечатлѣти церковь и возвѣстити себѣ о семъ. Архидіаконъ же по повелѣнію святителя согладавъ вся разумнѣ и видѣть въ надстѣнномъ писаніи, иже надъ гробомъ, Щила во ада во гробѣ, главу же его вѣвѣ ада, и возвѣсти о семъ святителю. Святитель же заповѣда сыну щилову паки вторую 40 дній также сотворити, яко же напреди изѣялся, и егда совершатся, паки возвѣстити себѣ о семъ. Той же заповѣданная паки совершивъ и возвѣщаєтъ святителю о семъ. Святитель же паки послы архидіакона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ, въ надстѣнномъ писаніи. Архидіаконъ же видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила во гробѣ и съ гробомъ вѣвѣ ада до

пояса и возвѣсти о семъ святителю. Святитель же паки повелѣваєтъ сыну щилову по прежнему обычаю 40 дній третинко сотворити. Той же по заповѣди совершивъ и возвѣщаєтъ святителю о семъ. Святитель же третинко посла архидіакона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ стѣнного писанія. Архидіаконъ же видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила вѣвѣ ада съ гробомъ всего изїедша; также и гробъ его верху земли обрѣтеся надъ прощстью, прощти же не бѣ видѣти, во гробѣ же весь цѣлъ обрѣтеся, якоже и положень; и сіа вся архидіаконъ возвѣсти святителю. Слышивъ же сіа архіепископъ и пріимъ извѣщеніе отъ Бога, и подвижеся соборѣ къ запечатлѣнной церкви ко освященію, и сице чудо предивное и ужаса и страха исполнъ хотя видѣти своимъ очима. Видѣвъ же сіа вся архіепископъ всякаго удивленія исполнъ, благодаривъ Бога о недовѣдомыхъ и непостиаемыхъ его судбахъ праведныхъ, и пѣвъ соборне надгробнаа пѣніа надъ гробомъ щиловыимъ и церковь освятивъ во славу Христу Богу нашему и Пречистѣй его Богоматери. И оттолѣ устроился монастырь, нарицаемый Щиловъ, идѣже и до иныи стонъ. Нѣцы же глаголуть: архіепископъ заповѣда сыну щилову по трижды на годъ по сту литургіи пѣти въ три лѣта. И сіе до здѣ.

ВТОРОЙ ВАРИАНТЪ.

(По списку изъ рукописного скоподика съ рисунками, хранящимся въ Импер. Публ. Библіотекѣ.)

Бысть въ великому Новѣградѣ чудо страшно и оудивленію достойно. Бѣ вѣкій посадникъ, именемъ Щиль, имѣа у себѣ сына единаго, бѣ бо богатъ зѣло, и многимъ даяше сребро свое въ лихву: взимаше на годъ по денгѣ, на новгородской рубль новгородскую денгу, и оттого собра много, и помысливъ на то сребро церковь поставить и монастырь создати. И обрѣте мѣсто

отъ града два поприща и пріиде ко Іоанну архіепископу, прося благословенія отъ него на основаніе церкви Пресвятой Богородицы честнаго ея Покрова. Архіепископъ же даде ему благословеніе на таковое великое дѣло Божіе и отъиде. Щиль же пріимъ благословеніе отъ Архіепископа, и послы сына своего наѧти дѣлати и готовити вся потребная на создание церкви; сынъ же

створи вся повелѣнія, и возвѣсти отцу своему. Щилъ же моли архіепископа, дабы ѿхалъ на основаніе церкви оноя, начало положилъ; архіепископъ же моленія его не презрѣ, и иде на основаніе церковное со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ нимъ множество народа, и основаніе церкви положи, со освященнымъ соборомъ. Щилъ же, по совершеніи церковномъ и основаніи, поставилъ трапезу велію и добрѣ очредивъ архіепископа, дарми одаривъ, и отпустивъ во градъ съ великою честію, а самъ въ домъ свой и отъиде, славя Бога. Архіепископъ же, пріѣхавъ въ домъ святаго Софіи, и пріятъ княги и чтише правила святыхъ отецъ, и нача разсуджати въ себѣ, вдавъ благословеніе Щилу, а вѣда его богата суща и мздомица, понеже не вопросы его отъ коего собранія такое великое дѣло замысли, и о томъ архіепископъ въ великому недоумѣніи бысть и въ скорби. Щилъ же нача созидати церкви; по совершеніи же церковнемъ, пріиде ко Архіепископу Іоанну, и моли его, дабы освятилъ храмъ той. Архіепископъ же повелѣ ему съ собою винти въ тайную храмину. Щилъ же вшедъ въ тайную храмину, и рече ему святый Іоаннъ архіепископъ: повѣждь ми, чадо, не скры Господа ради: отъ коего собранія своего сице вѣло начинаш? Щилъ же отъ страха и оужаса паде къ ногамъ святителя, и глаголя: согрѣшихъ, отче, прости мя; мнози же людіе приходаху ко мнѣ, взимаху сребро и давахъ имъ въ лихву, на 14 гривень, и на 4 денги, на годъ по денгѣ. И на то сребро создахъ церковь, и монастырь оградихъ, и вынѣ, владыко, что ми повелѣваш? Архіепископъ же глагола ему: и яни ти повелѣваеш? Архіепископъ же глагола ему: и яни ти повелѣваеш, оустрои себѣ вся погребальная, срачницу, и саванъ, и вся суть на погребеніе мертвымъ; и исповѣждься отцу своему духовному вся согрѣшенія своя, и въ погребальныхъ лаги въ созданномъ своемъ гробѣ, и надгробная повели надъ собою пѣти, всемогій же Богъ откроетъ елико хощетъ, а мы, чадо, готови будемъ со всѣмъ соборомъ. Щилъ же, слышавъ отъ святителя, плача и рыдая, и вскорѣ оустроивъ гробъ и погребальную, и исповѣдавши согрѣшенія отцу духовному: и скры-

ився во гробѣ, и собориѣ надъ нимъ пѣвше надгробная пѣнія, и внезапну Щилъ во гробѣ оумре, и разсѣлся мостъ церковный, и не обрѣтеся гробъ предъ ними. И бысть ту пропастъ вели; святитель же пріиде на освященіе церковное, и видѣвъ страшное оное видѣніе, и повелѣ изуграфомъ вапы на стѣнахъ писати церковныхъ надъ пропастю въ подобіе образъ Щиловъ. Самъ же отъ страха и оужаса отъиде въ домъ святаго Софіи, и неосвященну церковь повелѣ запечатати, доидже изволитъ Богъ: той и сотворитъ.

Сынъ же щиловъ, плача и рыдая, и пріиде, и пріаде къ ногамъ святителя, и рече: святитель великий, помози ми лишенія ради отца моего! что ми повелѣши да сотворю? Архіепископъ же повелѣ ему въ постѣ и въ молитвѣ пребыти, и рече: еще заповѣдаю ти, чадо, 40 дней да луторгисають оу 40 церквей. Даждь священикомъ довольно, и причетникомъ, и иищымъ и темничникомъ; и въ тѣхъ 40 днехъ на всякий день понакіды поютъ и литургіи служать неизмѣнно, и на распутіяхъ никого не мишуи, ни алчна, ни жадна, ни наға, да и монастырь препитай елико возможно, и тако сотвори: и пріади къ нашему смиренію, и возвѣсти ми о семъ. Сынъ же щиловъ повелѣ лутургіи служити 40 дней, лишенія ради отца своего, и милостыню иищимъ довольно давати, и сотворивъ всю четыредесятицу елика заповѣда ему святитель. Сынъ же щиловъ пріиде ко архіепископу и возвѣсти ему: что сотворихъ лишенія ради отца своего; вторицею повелѣ ему творити, яко же прежде сотворилъ 40 дней. Архіепископъ же послалъ архідіакона досмотрити въ церкви щилова пропасті, архідіаконъ же видѣ щилова гроба наруже не много и отъиде запечатавъ церковь, и возвѣсти архіепископу чудо сіе о немъ. Архідіаконъ же пріиде, и возвѣсти великому святителю, что щилова гроба наруже не много видѣть. Архіепископъ же повелѣ щилову сыну въ постѣ, и въ молитвѣ пребыти и творити еще и вторую четыредесятицу: такожде сотворивъ, и пріади къ нашему смиренію, и возвѣсти о семъ. Архіепископъ же послалъ того же архідіакона досмотрити щи-

ловы пропасти, архідаконъ же пріиде и видѣвъ того гробъ половина наруже, и пріиде и возвѣсти архіепископу чудо сie. Сынъ же рекомаго Щила пріиде ко архіепископу и возвѣсти ему: еже сотворихъ лишенія ради отца своего, по повелѣнію его елико заповѣда ему святитель. Архіепископъ же призыва щилова сына, и повелѣ ему въ тѣ дни пребывать въ молитвѣ и въ постѣ, и творити повелѣ ему ту четыредесятницу, вдвое того больши давати божіимъ церквамъ, и нищимъ, и страннымъ. Сынъ же щиловъ четыредесять дней подаяхъ (лѣ) божіимъ церквамъ, священникомъ, и причту, и нищимъ, и темничникомъ, и страннымъ, болши прежняго вдвое. Архіепископъ же послало того же архідакона,

въ третіе досмотрити того великаго чудеси. Архідаконъ пріиде въ церковь, и видивъ той гробъ наруже весь, и возвѣсти святителю чудо сie. — Щиловъ же сынъ повелѣ служити лутургіи 40 дней лишенія ради отца своего, и милостыню доволну даяше во всю четыредесятницу, елико заповѣда ему святитель то и сотвори. Сынъ же щиловъ пріиде ко святителю и возвѣсти ему: что сотворихъ лишенія ради отца своего всю 40 дней. Архіепископъ же повелѣ надъ нимъ собориѣ пѣти надгробная пѣнія всему освященному собору, и погребе его самъ со освященнымъ соборомъ съ великою честію, а храмъ той освяти самъ со освященнымъ соборомъ, во славу Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Къ какому именно времени относить эта повѣсть описываемое событіе — съ точностію опредѣлить трудно. Имя Олонія Щила встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1309 годомъ: »поставиша церковь камену на Дубенкѣ (или на Дубнѣ) во имя святых Богородицы Покровъ, стяжаніемъ раба Божія Олонія мниха, иарцаемаго Щила (Новгор. четв. лѣт. стр. 47); но въ то время архіепископомъ Новгородскимъ былъ ие Іоаннъ, называемый такимъ образомъ въ повѣсти, а Давидъ, поставленный въ 1306 году и правившій епархию до 1326 года. Сочинитель книги: Опытъ о посадникахъ Новгородскихъ (стр. 303), ссылаясь на Исторію Россійской Іерархіи, приписываетъ основаніе монастыря, о которомъ говорится въ нашей повѣсти, Олонію Щилу, но относитъ это событіе къ 1410 году, когда дѣйствительно архіепископъ новгорода назывался Іоанномъ. »Посадникъ Олоній (Леонтій) Щиль, по принятіи монашескаго чина, извѣстенъ основаніемъ въ 1410 г. покровскаго новгородскаго монастыря, его именемъ названаго, находившагося на правомъ берегу Волхова, разстояніемъ отъ города къ югу въ 3-хъ верстахъ, противъ Юрьева монастыря». Но откуда знать авторъ, что въ то время существовалъ такой посадникъ — обѣ этомъ у него нѣтъ ничего, и что всего страннѣе, — свѣдѣніе о Щилѣ напечатано въ примѣчаніи къ 225 страницѣ сочиненія, а на 225 страницѣ нѣтъ ни слова о Щилѣ. — О Щиловомъ монастырѣ есть извѣстіе въ отрывкѣ русской лѣтописи, напечатанномъ приложеніемъ къ софійскому списку подъ 1528 го-

домъ; именно: въ это время устроено было общежительство во многихъ новгородскихъ монастыряхъ и въ томъ числѣ и въ Щиловѣ; изъ этого извѣстія видно, что монастырь этотъ былъ въ числѣ загородныхъ. »А около града того которые монастыри общины устроиша, а се ихъ имена: Антоніевъ монастырь на Дереваницѣ, Благовѣщенской, Оркажъ, на Колмовѣ, на Ковалевѣ, на Волотовѣ, на Ситицки, Чудо Архангела на Сковородкѣ, въ Нередицахъ, въ Щиловѣ, на Коломцахъ, на Липнѣ, на Перынѣ, Николинъ конецъ Легощи улицы и проч. (П. Собр. Л. VI. 285). Въ росписи Новгородскихъ церквей, сдѣланной въ 1615 году, въ числѣ монастырей значится монастырь Щиловъ, а въ немъ храмъ каменъ Покровъ Богородицы (Оп. о Посади. Новгород. стр. 303). Впослѣдствіи, сколько извѣстно, не встрѣчается уже упоминовенія обѣ этомъ монастырѣ. Такъ какъ въ лѣтописи подъ 1309 г. говорится о построеніи Щиломъ церкви Покрова, а монастырь подъ именемъ Щилова былъ посвященъ празднику Покрова Пресвятой Богородицы, то изъ этого вѣроятнѣе будетъ предположить, что событіе, описанное въ повѣсти, относится къ 1309 г.; что же касается до имени архіепископа Іоанна, то, вѣроятно, въ позднѣйшее время оно у переписчиковъ измѣнилось изъ имени Давида въ имя Іоанна.

Здѣсь изображается наказаніе за взиманіе роста (процентовъ). Церковь безусловно охуждаетъ росты, и Щиль представленъ вовсе не грабителемъ, не безжалостнымъ

ростомицемъ, напротивъ онъ беретъ чрезвычайно малыя проценты, но тѣмъ не менѣе виноватъ и за то что беретъ. Самый способъ наказанія, какое постигаетъ Щила, указывается на подмѣсь къ церковнымъ понятіямъ какихъ-то своеобытныхъ народныхъ; наказа-

ніе душъ послѣ смерти отражается на трупѣ, такъ что существованіе человѣка послѣ смерти соединено съ понятіями о состояніи его тѣла послѣ смерти. Трупъ проваливается: слѣдовательно воображеніе представляеть какую-то подземную область.

Редакт.

ПОВѢСТЬ
О МУРОМСКОМЪ КПЯЗѢ ПЕТРѢ
И СУПРУГѢ ЕГО ФЕВРОПИИ.

ПОВѢСТЬ

О МУРОМСКОМЪ КНЯЗѢ НЕТРѢ И СУНРУГЪ ЕГО ФЕВРОНИИ.

ВАРИАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(Имп. Публ. Библ. ин 5° отд. I. № 294) (1).

Сей оубо въ роустѣ земли градъ нарицаемый Муромъ, в немъже державьствуя благовѣрный кнѧзь, яко повѣдаху имѧ его Павель. Искони же ненавидѣй добра роду человѣчю діволъ всели непріязненнаго змія лѣтящего к женѣ кнѧзя того блоуд... съ и своими мѣчты якоже тѣствомъ и приходящимъ людѣмъ ашеса якоже кнѧзь самъ сид..... же его не тоша по повѣдаше ... жеви своему вся ключаашеса иже непріязнивый осилъ с..... кнѧзь мысляше что зміеви недоумѣашеса и рече ж.... глю, жено; но недоумеюса ... рити непріязнивому то.... оубо не вѣмъ како нанесу бо глаголать к тебѣ ҃аково слово сиши лестю и о семъ весел.... азинивымъ шт чего е.....
глати но и въ будоущїи вѣкъ нелицемѣрного судю Христа милостива ми себѣ сотвориши, жена же мужа своего глаголь въ сердцы се твердо пріимиши, оумысли во оумѣ своемъ добро тако быти. Во единъ же отъ дни

непріязнивому тому змію пришедшу к ней, она же, добру память при сердцы имѣя, глаголь с лестю прилагаетъ к непріязніи той глаголы многія і иныя речи, и по сихъ почтеніемъ въспросивъ его хвалъ; рече яко много вѣси и весе ли коньчину си какова будетъ и отъ чего? Он же непріязнивыи прелестникъ и прельщенъ добрымъ прельщеніемъ шт вѣрныи жены, яко непыщева таину си, изрече к ней, глагола: смерть моя есть шт петрова плеча, шт агрикова же меча. Жена же, слышавъ таковоу речь, во сердцы твердо сохрани, и, по отшествіи непріязниваго того, поведа кнѧзю моужеви своему, якоже рекль ей зміи. Кнѧзь же, послышавъ, недоумѣашеса что есть смерть шт петрова плеча и шт агрикова меча. Имѣяше же оу себѣ приснаго брата именемъ кнѧза Петра; въ единъ же шт дни призыва его к себѣ и нача повѣдати зміеви речи, якоже рекль есть женѣ его. Кнѧзь же Петръ слышавъ шт брата своего, якоже зміи нарече тезоименитому исходатѣ смерти своеи, нача мыслити, недоумѣяша въ моужестве како оубити змія, и

(1) Рукопись эта — чети-минея за мѣсяцъ юнь, одной редакціи съ макарьевскою. Конца XVI вѣка, писана полууставомъ. Въ ней включены нѣсколько картинокъ, изображающіи нѣкоторыя события изъ настоящей повѣсти. Мѣста, означенныя точками, вырваны въ оригиналѣ и заклеены бѣлой бумагой. Мы оставляемъ незмѣнно образъ правописанія, позволяющій себѣ только раздѣлить слова и разставить знаки препинанія. Большая часть мягкихъ знаковъ (ъ) въ срединѣ словъ въ подлиннику означена надстрочными значками (ъ). Такъ-какъ этотъ вариантъ, хотя старѣе послѣдующихъ, неполонъ, то просимъ читателей, которымъ эта повѣсть незвестна, для скорѣйшаго знакомства съ ея содержаніемъ, прочитать прежде одинъ изъ сдѣдующихъ за симъ вариантовъ.

веще баше въ немъ мысль. яко не вѣдаше агрикова ме-
ча. Имѣяше обычай ходити по церквамъ оуединѧ, бе же вне града церковь въ женьстенъ монастыри Воз-
движеніе честнаго и животворящаго креста, и прїиде
къ ней единъ помолитися, явижеся ему отроча, глагола:
княже, хощеш ли да покажу ти агриковъ мечъ. Онъ же,
хота желаніе свое исполнити, рече: до вижду где есть.
Рече же отроча: иди въ слѣдъ мене; и показа ему во
олтарной стѣнѣ . . . средами скважину въ ней же ле . . .
Благовѣрный же кнѧзь Петръ, вземъ мечъ тони прїиде
повѣда братоу своему, и шт того дни искаша подобна
времени да оубиетъ змія, по вся же днѣ ходя ко братоу
своему и къ снохѣ своей на поклоненія. Приключися
же ему прїти въ храмину къ братоу своему, и въ томъ
же часу шедъ къ сносе своей во ину храмину, и видѣ
оу неи брата своего сидѧща, и, паки штпшдъ шть неа,
въстрече шть предстоѧщихъ нѣкаего братоу его и ре-
че ему: изыдохъ оубо шт брата своего къ сносѣ,
брать же мои оста въ своемъ храмѣ, мнѣ же не ко-
снѣвъшу никаможе, но воскорѣ пришедшоу въ храмину
къ сносѣ моем, не сѣмъ и чюжоуса яко братъ мои на-
преди менѣ обретеся въ храминѣ оу снохи моєи. Той
же человѣкъ рече ему: никакоже, господи, по твоемъ
штпштвіи не изыдѣ братъ твой ис своеи храмини. Онъ
же разоумѣвъ быти пронырѣствоу лукаваго змія, прїиде
къ братоу и рече ему: когда оубо сїмъ прїиде; азъ
бо шт тебѣ ись сеа храмины изыдохъ, и негде ли
ничесоже помедыливъ, прїдохъ къ женѣ твоей во храми-
ну, и видѣхъ тя съ нею сидѧща и чюдахса како пред
мене шбрѣтеся; прїдохъ же паки сїмъ нигдѣ же по-
медыливъ, ты же не вѣмъ како предтече и на преди мѣ-
не здѣ шбрѣтеся. Онъ же рече: никако же бѣхъ. Кнѧзь же
Петръ рече: се есть, брате, пронырѣство лукаваго змія,
да тобою ми ся кажетъ, аще не быхъ хотѣлъ оубити
его, яко нешощоуа своего брата тебѣ. Нынѣ оубо, брате,
отсюду никакоже иди: азъ же тамо иду братися со змі-
емъ, да не ли же божію помошцю оубиенъ да боудеть
лукавый змій. И вземъ мечъ, нарицаемый агриковъ, и
прїди въ храмину къ сносѣ своей, и видѣ змія зракомъ

акы брата, симъ и твердо оуверивъса, яко и есть братъ
его, но прелесны змій, і оудари его мечемъ, змій же яви-
ся яко бѣше естествомъ, и нача трепетати, и бысть
мертвъ и шкropи блаженънаго кнѧзя Петра кровю сво-
ю. Шнъ же отъ вѣліпрізвиши таа крови і штруни
и язвы быша, и прїиде наинъ болѣзнь тяжка тѣло; иска-
ше въ своеи державѣ ото многихъ врачи исцеленіе, ні
шт единаго получи, и слышавъ же яко мнози соуть
врачевѣ въ пределехъ резанска земли, повеле себе тамо
повести; не бѣ бо.... мощнъ на конѣ сидѣти шт вели-
кія болѣзни, привезенъ же беше въ прѣдѣлы резанска
земли, и послалъ суньклитъ свой възыскати врачевъ. Единъ
же шт предстоящихъ ему юноша оуклонися въ вѣсь
нарицающу Ласково, прїиде къ некоему вратомъ, и не
видѣ никогоже, и въннide въ домъ, и иѣ бѣ кобы его
чили, и въннide въ храмину и зра виденіе чудно: си-
даше бо дѣвица, ткаше красна, предъ нею же скача-
заецъ, и глагола дѣвица: не мѣло есть быти дому безъ
ушю и храму безъ очію; юноша же то не внатъ въ
оумъ глаголь . . . рече къ девици: гдѣ есть человѣкъ
мужеска полу иже здѣ живѣть? онаже рече: отецъ мой
и мати моя поиша въ заемъ плакати, братъ же мой
идѣ чрезъ ноги въ наци зрыти; юноша же тони не разоумѣ
глаголь еа, дивляшеся зра, и слыша вѣщъ подобну
чудеси, и глагола дѣвицы: въннidoхъ къ тебѣ зра таа дѣ-
лающ, (у) и виде же заецъ предъ тобою скача и слышоу
шт оустину твою глаголы странны, никако сего не
вѣмъ что глаголеши; перво бо рече: не мѣло есть быти
дому безъ ушю и храму безъ очію; про отца же твоего и
матерь рече яко идоша въ заемъ плакати, брата же сво-
его глаголеши чрезъ ноги въ наци зрыти и ні единого
слово шт тебѣ разоумѣхъ. Шна же глагола ему: сего
же ли не разоумѣши? прїиде въ домъ мой сіи, въ
храмину мою виши, и видѣвъ ма сидѧщу въ простотѣ:
аще бы былъ въ домоу наю песь и чювъ таа къ дому
приходѧща, лаель бы на таа: се бо есть домоу оушки;
аще бы было въ храминѣ моей отроча и видѣвъ таа
ис храмины приходѧща, сказалъ (о) бы мн: се бо есть
храму очи; а еже сказахъ ти про штца и матерь и

про брата, яко штецъ мой и мати моя идѣ въ заемъ плакати: пошли бо соуть на погрѣбаніе мертваго и тамо плачоутъ; егда же по нихъ смерть пріидетъ, то ини по нихъ очнутъ плакати: се же есть замованыи плачъ; про брата же ти глаголахъ: яко штецъ мон и братъ дрѣволѣзы соуть, въ лѣсе бо медъ шт древъ вслѣкъ въземлють; братъ же мой нынѣ на таково дѣло идѣ, і якоже лѣсти на дрѣво въ высоту чрез ноги въ нави зѣти, мысла абы не оурьватися съ высоты; аще ли кто оурьветса, сен живота гоизнетъ; сего ради рѣхъ, яко идѣ чрез ноги въ нави зѣти. Глагола же еи юноша: вижу та дѣвицу мудроу сущоу: повѣжъ ми имѧ свое. Она же рече: имѧ ми есть Февронія. Той же юноша рече къ ней: азъ есми муромскаго кнѧза Петра служан ему; кнѧзъ же мой имѧ болѣзнь тажкоу и язву острупылену, бо бывшишо шт крови летащаго змѧ, егоже есть оубиль своимъ роуками, и во своемъ одеръжаніи искаше исцеленія ото много врачеъ, и ві шт едінаго получи; сего ради само повелѣ себѣ привести, яко слыша здѣ мнози врачеъ, но мы не вѣмы камо (ко) имѣноутса, ни жилище ихъ вѣмы, да того ради вѣпросашишь шт нею. Она же рече: аще бы кто требовалъ кнѧза твоего себѣ и могъ бы оуврачевати. Юноша же рече: что оубо глаголеши еже ктому требовать кнѧза моего себѣ? аще кто оуврачаетъ и кнѧзъ моя дастъ емоу имѣнія много; но скажи ми врача того, кто есть и камо есть живеть? Она же рече: да приведеши кнѧза моего сѣмо; аще будетъ махъ сердъ и сміренъ во штвѣтѣхъ, да будетъ здравъ. Юноша же скоро возвратися ко кнѧзу своему и повѣда ему все порядоу еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же кнѧзъ Петръ рече: да везете мѧ, гдѣ есть дѣвица, и приведоша (его) въ домъ той, въ немъ же бѣ дѣвица. И послалъ къ ней шт отрокъ своихъ глагола: повѣжъ ми, дѣвице, кто есть хота ми оуврачевати, да оуврачують мѧ и возьметъ имѣнія много? Она не обинуясь рече же: азъ если хотя изврачевати, но имѣнія не требую шт него пріяти, імамъ же отъ него слово таково: аще бо не имамъ быти соупруга емоу, не требе ми есть вра-

чевати егѡ. Пришедъ человѣкъ тони и повѣда кнѧзу своему, яко же рече дѣвица. Кнѧзъ же Петръ яко не бреги словеси еа, и помысли: како кнѧзу соущу древоласца дѣца пости себѣ жену и
ри шедша рѣша ей слово то. Она же, вземъ сосудъ малъ, почерне киследи своей и доуву на иа и рече: да очредать кнѧзу вашему баню и да помажутъ по телу своему, идѣ же есть струпы и язвы, и едінъ строупъ да штавитъ не помазанъ: и будетъ здравъ. И принесоша къ нему таково помазаніе. И повелѣ очредити баню, дѣвицу же хота искоусити во штвѣтѣхъ, аще мудра есть, яко слыша глаголы еа шт юноши своего; послалъ къ ней съ единицъ шт слоугъ едіно повѣсмо льноу, рече: ако сіа дѣвица хощетъ ми соупруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да вземъ льноу очинить ми срачицу, и порты и полотенцы въ ту годину, въ нюже въ бани пребоуду. Слоуга же принесе къ ней льноу повѣсма и кнѧзъ же (кнѧже) слово сказа. Она же рече слоуге: взыди на пѣць нашу и снемъ з градъ полѣница, сиѣй ми сѣмо. Онъ же, послушавъ еа, сиѣсе поленца; шна же отмѣривъ падію и рече: штсѣки се отъ поленца сего. шнъ же штсѣки. Она же глагола: возми оутинокъ полѣница сего и шедъ дай же кнѧзу своему и шт мене рицы емоу: въ кіи часъ се повѣсма азъ очешу, а кнѧзъ твой да приготовитъ ми въ сѣмъ оутинцы становъ и всѣ строеніе кымъ сочтется полотно. Слоуга же принесе ко кнѧзу оутинокъ полѣница и речи дѣвици сказа. Кнѧзъ рече: шедъ, рицы дѣвицы, яко невозможно есть въ та-ковъ древыци въ малъ и въ такову малу годину сицева строенія сотворити. Слоуга же, приведши, сказа еа кнѧзу же речь; дѣвица же штрече кнѧзу: а се ли возможно есть человѣку мужеска полу возраста во едіномъ повѣсмъ лиоу въ малу годину, въ нюже пребудеть въ бани, сотворити срачицу и порты и оубру-сецъ? Слоуга же штъидѣ и сказа кнѧзу. Кнѧзъ же дѣлася отвѣту еа. И по времени кнѧзъ Петръ идѣ въ бани мытися и повелѣніемъ дѣвица помазаи язвы и строупы свои и единъ строупъ оставилъ непомазанъ по повѣлѣнію дѣвицы. Изъде же изъ баниничтоже болѣзни

чюаше; на оутрі же оуэръ и все тѣла здрава и гладка, развѣ едінаго струпа, еже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвичю, и дивыашеся скорому исцелѣнію; но не восьхоте поятію себѣ женою штчества ради. И послала к ней дары. Она же не пріятъ.

Князь же Петръ поеха въ вочину свою во градъ въ Муромъ здравствуа. На немъ же бѣ едінъ струпъ еже бѣ не помазанъ повелѣніемъ дѣвичимъ, и отъ того струпа начаша многи струпы расходитися на тѣле его шт первого дни, въ онъ же поеха во штчиноу свою, и бысть весь остроупленъ.

И паки възвратися на готовое исцелѣніе къ дѣвицѣ; ажкое присѣлъ въ домъ сѧ і со студомъ послалъ къ ней проса врачеванія. Она же, ни мала гиѣва подеръжавъ, рече: аще боудетъ ми супроужникъ, да боудетъ оуврачеванъ; онъ же съ твердостю слово дастъ си, яко имать поятіи женоу себѣ. Сія же пакы, ажкое и прежде, тожъ врачеваніе дастъ емоу; се же прежде писахъ. Онъ же въскорѣ исцелѣнія получивъ, і по женоу себѣ. Токмо же виною бысть Февронія княгинѣ. Прідоша во штчиноу свою градъ Муромъ и живѣста во всакомъ благочестіи, ничто же шт Божія заповѣди оставльюще.

По малеже дни предреченыныи князь Павель штходить житія своего; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ едінъ самодеръжавецъ бываетъ граду своему. Княгини же Февроніи бояре же его не любахоу жень своихъ ради, і яко бысть княгини, штчества ради сѧ, Богоу прославльющоу ю доброго ради житія сѧ. Никогда (нѣкогда) же бѣ некто шт предстоящихъ еи пріидѣ къ благовѣрному князю Петру наводити на ню: яко шт коегож.... своего безчину исходить виегъда бо во си и взишасть въ рукоу свою крох.... Благовѣрный же князь Петръ, хота ю искусити, повелѣ да обѣдастъ съ нимъ за едінныи столомъ. Яко оубо скончавшиоуса столоу, шна же яко обычай имаше со стола въ руку свою крохи и князь пріимъ за рукоу и развѣде и видѣ добровоиной и фимианъ, и отъ того дни штса ю ктому не искоушати.

По мноземъ же врѣмени пріодоша къ нему съ яростю

бояре его рѣкуще: хощемъ, кнаже, иси праведно слоу-
жити тебѣ и самодеръжавцомъ имѣти тебѣ, но княгини
Февроніи не хощемъ, да господствуетъ женами наши-
ми, а хощеши самодеръжавцемъ быти, да боудеть ти
иная княгиня, Февронія же возмѣтъ богатства довольно
себѣ, и штидетъ аможе хощеть. Блаженный же князь
Петръ, яко ему обычай, ии въ чесомъ яости имѣа, смире-
ніемъ отг҃ща: яко же речете, и тогда слышими. Они же, невежства наполнивши бесътоудія, оумыслиша да
оучредатъ пиръ. И сотворинъ (сотвори имъ). Якоже бы-
ша весоли, начаша простирати бестоудыныа сва глаголы
аки пси лающа штемлюще оу святыи Божіи дарь, еи
еже Богъ и по смерти неразлучна обещаъ есть, и гла-
голахоу: Февронія! Весь градъ и бояре глаголуть
тобѣ: дажъ его егоже мы просимъ оу тебѣ? И шна ре-
че: да возмета его же просита. Она же едінныи оусты ре-
кша: мы оубо, госпоже, вен кназа Петра хощемъ, да
самодеръжествоуетъ надъ нами. А тебѣ жены наши не
хотять яко господствоуети надъ ними; вземъ богате-
ство довольно себѣ, штидеши аможе хощеши. Шна же
рече: обещаҳася вамъ яко елико аще просите и прѣ-
мета. Азъ же вамъ глаголю: дадите мнѣ егоже аще азъ
попрошоу ваю. Шна же зы ради бывше и (не) свѣдоуще
будоуша его, и глаголаше съ клятвою: яко аще проси-
ши единаго, бесь прекословія вземши. Она же рече:
иин прошу токмо соупруга моего кназа Петра. Шна же
рѣша: аще самъ восхощетъ, ии о томъ тебѣ гла-
големъ. Врагъ бо наполни имъ мысли, яко аще не боу-
детъ кназъ Петръ, да поставимъ себѣ иного самодеръ-
жца. Нѣкни же шт бояръ во оумѣ своемъ держаше
яко самъ хощеть самодеръжцемъ быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго
самодеръжства кромъ Божіихъ заповѣдей, но по запо-
вѣдемъ его штствоую, дѣръжася сихъ заповѣдей, яко бо-
гоглаголанныи Матѳеи во своемъ благовѣстіи вѣщаетъ,
рече бо: яко аще пострижетъ (¹) женоу свою разъѣ сло-
вѣси прелюбодѣйнаго и женитися иною, прелюбы тво-

(¹) Въ Евангеліи читается: иже аще пуститъ жену свою... Мк. 19, 9.

рить; сей же блаженныи кнѧзь по евангелю сотвори, да заповѣди Божіи не разрушитъ. Шни же злочестивіи бояре давше имъ соуды на реце; бѣ бяше под городомъ рѣка, глаголема Ока; шни же плавоуще по рекѣ в соудѣхъ, нѣкто же бѣ человѣкъ оу блаженныи кнѧгини Февроніи в соудне и жена его в томъ же соудне бысть; той же человѣкъ, оубо пріимъ помыслъ отъ лоукаваго бѣса, възвѣвъ на святую с помысломъ; шна же разоумѣхъ злонъ его помыслъ, и вскорѣ обличи и рече ему: почерьши воды из реки сеа сю страноу судна сего. Шнъ же почерьше. И повелъ ему испити. Шнъ же пивъ. И рече же паки шна: почерьши оубо воды з другои страны соудна сего. Шнъ же почерьше. И повелъ ему паки испити. Шнъ же пивъ. Шна же рече: равна ли оубо си вода есть или едина сладши? Шнъ же рече: едина есть, госпожа, вода. Паки же шна рече: сице едино естество женское есть; почъто оубо свою жену честавъла и чужія мыслиши? Той же человѣкъ оувидѣ, яко въ ней есть прозрѣніе дарь, болсъ к тому таво помышленіа.

Въчерау же бывшиоу, начаша ставитися на брезѣ, блаженныи же кнѧзь Петръ яко помышляти начать яко боудеть, понеже волею самодержьство гознуса и прѣдивна яже кнѧгиня Февронія глагола емоу: не скорѣби, кнѧже, милостивъ Богъ творецъ и промысленикъ всему не оставитъ насть въ ищетѣ быти. На брѣзе же томъ блаженномоу кнѧзю Петру на вечерю его ясть готовахоу, и потомъ поворъ его дрѣвъца малы, на нихъ же котлы висахоу; по въчерикже святамъ кнѧгини Февроніи ходящи по брѣгу и видѣвши дрѣвъца тыи, благослови рекше: да боудуть сіи на оу . . . дрѣва велицы имущи листвіа. И бысть такоже. Въставши въ оутрѣ, обрѣтоша тыи дрѣвъца велико дрѣвіе, имоуще вѣтвіе и листвіе.

Якоже хотахоу людіе ихъ роухледь вмѣтати въсоуды со брѣга, прїодоша же иже вельможа штъ града Мурома, рекоуще: Господи кнѧже! штъ всѣхъ вельмож и штъ всѣго града прїдохъ к тебѣ: да не оставилиши насть сирыхъ, но возвратиши на свое отече-

ствіе; мнози бо вельможи въ градѣ погибоша штъ меча, киже до ихъ хота державствовать, сами изгубиша, а штавшіи вси с народомъ молять, глаголюще: господи кнѧже! аще прогнѣвахъ та и раздражихъ та, не хотящимъ кнѧгини Февроніи господствуетъ женами нашими, и нынѣ же со всѣми домы своими раби ваю есми, и хотимъ, и любимъ, и молимъ: да не оставите насть, рабъ своихъ. Блаженныи же кнѧзь Петръ и блаженна кнѧгиня Февронія възвратиша во градъ свои, и бахоу державствоватьющи въ градѣ томъ, ходаша въ всѣхъ заповѣдехъ и справданіяхъ господнихъ бес порока, въ мольбахъ непрестанъныхъ, и молитвахъ, и въ милостыняхъ ко всѣмъ людемъ, под ихъ властю соущимъ, аки чадолюбивіи отецъ и мати имѣста ко всѣмъ любовь равну имоущи, не любаста горьности ни грабъменіа, ни богатства тѣльного щадаше, но въ Бога богатѣюще. Бѣсто бо своему граду истинна пастыра, а не яко наемника: градъ бо свои истинною кротостю, а не яростю правдаша, и страннымъ пріемылюще, альчнымъ насыщающе, на гіа ѿдѣвающи, бѣдныи отъ напасти избавляющи.

Егда же приспѣ благочестно преставленію, і оумолиша Бога, да во едінъ часъ боудуть преставленіе єю, и съвѣть сотвориша да боудуть положены ѿба въ едіномъ гробѣ, и повелѣша очредити собѣ во едіномъ камени два гроба, едіну токъмъ предградоу имущи межоу собою. Сами же во едіно времѧ ѿблекоша во мънишескіи ризы, и нареченъ бысть блаженныи кнѧзь Петръ, во иноческомъ чину Давидъ, преподобна же Февронія наречена бысть во иноческомъ чину Еоуфросиніа.

Въ тоже времѧ преподобна Февронія, наречена Еоуфросиніа, въ храмъ пречистыя соборныя церкви своимъ роукама шияше воздухъ, на немъ же бѣ лики святыхъ, преподобный же и блаженныи кнѧзь Петръ, нареченный Давидъ, приславъ к ней, глаголи: о сестро Еоуфросинії! хощу оуже штити отъ тѣла, но жду тоба, да купно штопдемъ. Шна же рече: пожди, господине, да яко дошио воздухъ во святою церковь. Шнъ же въторицею послалъ к нѣи, глаголи: оуже бо мало пожду тебѣ. И яко же третицею глаголя, приславъ к нѣи: оуже бо хощу преставитися,

не жьдоу тебъ; шна же штансошное дѣло въздуоха святаго шиши, оуже бо едінаго святаго ризъ еще не дошивъ, лице же нашивъ, и преста, и вотъкне иглоу, и приверьте нитю, сюже шиши, и послы к блаженъному нареченному и Давиду и преставленіи коупнѣмъ, и помолимся предста въкоупѣ святамъ своимъ душа в руцѣ Божіи мѣсяца іюна въ 25 день.

По преставленіи еже ѿ, хотѣста людіе, яко да положенъ блаженъный князь Петръ боудеть внутри града оу соборныѧ церкви пречистыѧ Богородицы, Февроніѧ же въне града въ женствѣ монастыри оу церкви Воз-
движенія честнаго креста, ръкоуще: яко въ мѣнишескомъ образѣ не оугодно есть положити святыхъ въ едіномъ гробѣ. Оучредиша иль гробы особны и обложиша телеса ихъ въне: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣла вложиша во шсобыны гробъ, и поставиша въноутрѣ града въ церкви пречистыѧ Богородицы даутрѣ, святая же Февроніѧ тѣло вложиша въне града оу церкви Воздви-
жненія.

женія честнаго креста; обший же гробъ, егоже сами повѣлѣша истесати себѣ во едіномъ камени, шста тощъ въ томъ же храмѣ пречистые соборные церкви, иже въноутрѣ града. На оутрія же воставша людіе, обрѣтоша гроби ихъ шсобына тощи и въ на же в нихъ вложистася, святая же тѣлеса ихъ обрѣтоста въноутрѣ града въ соборныѧ церкви пречестныѧ Богородица во едіномъ гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша сотворити. Людіе же перазумыніи, якоже въ животѣ в нихъ матушася, тако и по честнemъ ѿ преставленіи: паки положиша во особыны гробы и паки разнесоша; и паки же обрѣтоша на оутріи святіи во едіномъ гробѣ; и кътому не смѣяху прикоснутися святыхъ ихъ телесамъ, и помолиша во едіномъ гробѣ, въ немъ же сами повелѣста, оу соборныѧ церкви Рожества пречистыѧ Богородица въноутрѣ града, еже есть даль Богъ на просвѣщеніе и на спасеніе граду томуу; иже бо съ вѣрою прирыщущихъ къ мощемъ ихъ нешкудно испытываютъ.

ВТОРОЙ ВАРИАНТЪ.

(По смыску Импер. Публ. Библ. отд. XVII № 48.)

Бѣ убо въ роусийстей землѣ градъ, нарицаемый Муромъ, въ немже бѣ самодержавствуй благовѣрный князь, повѣдаху именемъ Павелъ. Искони же ненавидиша добра роду человѣческому дияволъ и всeli непріязнена летяща змия къ женѣ князя того на блудъ. И явившеся ей яковъ же бѣше естествоимъ, приходищемъ же людемъ явившеся своими мечты, якоже князь сѣдяше съ женою своею; тѣми же мечты мнози времяна преодоша; жена же сего не таише, но повѣдаше князю своему вси пріключившася ей; змий же непріязнівый осилѣ над нею. Князь же мышаше что зміеви сотворити, но не доумѣяши; и рече женѣ своей: мыслю, жено, и не доумѣюша что сотворити непріязніи тому: смерть убо не

вѣмъ каку нанесу тань; аще глаголетъ къ тебѣ какова словеса, да воспросиши его лестнио о семъ. Вѣсть сей непріязненый духомъ своимъ отъ чего ему смерть хощеть быти; аще ли то увѣси и намъ повѣдаши, сама свободиши не токмо въ нынѣшнемъ вѣце злагодыхания, и сенсения, и всего скаредни, его же смрадъ есть и глаголати, но и въ будущий вѣкъ величественнаго судиу Христа милостища себѣ сотвориши. Жена же, мужа своего глаголь въ серцы си твердо пріимиши, умысли во умѣ своемъ добро тако быти. Во единъ же отъ дній непріязнівому тому змію прилетѣвшу къ ней, она же добру память при сердцы имѣя, глаголь лестнио предлагаетъ къ непріязніи той, глагола и ногия иныхъ рѣчи,

и по сихъ, с почтениемъ вопросивъ его хвала, рече: яко много вѣси, і вѣси ли кончину свою: какова и отъ чего будетъ ти? Онъ же, непріязнівый прелестникъ, прельщенъ добрымъ прелестіемъ отъ вѣрныхъ жены, яко непещева тайну къ ней рещы, глаголя: смерть моя есть отъ петрова плеча, а отъ агрикова меча. Жена же, слышавъ такую рѣчь, въ сердцы си твердо сохрани, и по отшествіи непріязніваго того, повѣда князю мужу своему яко же рекль есть змий. Князь же то слышалъ, недоумѣвшеся что есть смерть отъ петрова плеча, а отъ агрикова меча. Имѣаше же у себя приснаго брата, именемъ князя Петра. Во единъ же отъ дній призыва его къ себѣ, и начать ему повѣдати змиевы рѣчи, якоже рекль есть же нѣ его. Князь же Петръ, слышавъ отъ брата своего, яко змий нарече тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити, не сумняся мужествене, какобы убить змия, но и еще беаше въ немъ мысль, яко не вѣдь агрикова меча. Имѣаше же обычай ходити по церквамъ, уединяся. Бѣаше же въ града церковь въ женствѣ монастырѣ Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста; и прииде къ немъ единъ помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: княже, хощеш ли да покажу ти агриковъ мечъ? Онъ же, хотя желаніе исполнити, рече: да внизу гдѣ есть. Рече же отроча: иди вслѣдъ мене. И показа ему во олтарной стѣне между каменія скавижею въ немже мѣсте лежаше мечъ. Благовѣрный же князь Петръ взять мечъ той, и прииде повѣда брату своему, и отъ того днія искаше подобна времени да убить змия. По вся же дни ходай къ брату своему и къ спосѣ своей на поклонение, і видѣ у нея сѣдаща братъ своего, и пошедъ отъ нея, вѣстрѣте иѣкоего отъ предстоящихъ брату его, и рече ему: изыдохъubo отъ брата моего къ сносе моем; братъ же мой оста въ своемъ храму; мнѣ же не коснѣвшу никакоже, но вскорѣ пришедшу въ храмину къ сносе моей, и не свѣмъ чужуясь, како братъ мой напреди меня обрѣтеся въ храминѣ у снохи моей. Той же человѣкъ рече ему: никакоже, господи, по твоемъ отшествіи по изыде братъ твой изъ своей храмини. Онъ же разумѣ быти про-

пышству лукаваго змия, и прииде ко брату, и рече ему: когда убо прииде сѣмо? Азъ бо отъ тебе изыдохъ и нигдѣ женичесоже помедливъ, придохъ къ жениѣ твоей въ храмину, і видѣхъ тя съ нею сѣдаща, і почудихся како напредъ мене обрѣтеся; придохъ же паки сѣмо, нигдѣ женичесоже паки помѣдливъ, ты же не вѣмъ како мя предтече, напредъ мене здѣ обрѣтеся? Онъ же рече: никако же, брате, изъ храма сего по твоемъ отшествіи не изыдохъ, и у жены своеї никакоже бѣхъ. Князь же Петръ рече: есть, брате, се пронырство лукаваго змия, да тобою ми ся кажеть, аще не бы хотѣль убить его, яко непещуя тебе своего брата; нынѣ убо, брате, отсюду никакоже иди, азъ же тамо иду братися со змиемъ, да негли Божијою помощию убиенъ будеть. И вземъ мечъ, нарицаемый агриковъ, и прииде въ храмину къ сносе своей, и видѣ змия зракомъ яко брата си, и твердо увѣрился яко иѣсть братъ его, но прелестный змий, и удари его мечемъ; змий же явися ему яковъ же бѣ естествомъ, и нача трепетатися і бысть яко мертвъ, и окропи блаженнааго князя Петра кровю своею. Онъ же отъ непріязніваго той крови острупе; и язвы быша; и прииде наинь болѣнь тяжка зѣло; и іскаше во своемъ одержаніи отъ много грачевъ исцѣленія, и ни отъ единаго полути.

Слышавъ же яко мнози суть врачеве въ предѣлахъ резанския земля, и повелѣ себе тамо вести; не бѣ самъ мищенъ на конѣ седѣти отъ великия болѣзни. Привезенъ же бысть въ предѣлы резанския земли, и пославъ синѣклитъ свой искати врачевъ. Единъ же отъ предстоящихъ ему юноша уклонися въ весь, нарицающуся Ласково, и прииде къ некоего дому вратомъ, и не видѣ никого же, и вниде въ домъ, и не бѣ кто бы его чель, и въниде въ храмину, и зря видѣніе чудно: сѣдаще бо едини дѣвица и ткаше красна, пред нею же скача заецъ. И глагола дѣвица: не лѣпо есть быти дому безъ уши и храму безо очиу. Юноша же той не внятъ глаголь...⁽¹⁾ во умъ. Рече юноша ко дѣвицы: гдѣ есть человѣкъ

⁽¹⁾ Слово осталось неразобрano въ рукописи.

вѣкъ мужска полу, иже живетъ здѣ? Она же рече: отецъ мой и мати моя поидоша въ земль плакати, братъ же мой поиде чрезъ ноги въ наси зѣти. Юноша же той не разумѣ глаголъ ея, дивляше же ся зря и слыша вѣщъ подобную чудеси, и глагола дѣвицы: внидохъ къ тебѣ, і вижу тя дѣлающу, и видѣ заецъ предъ тобою скача, и слышу отъ устъ твоихъ глагомы страны нѣжаки, и сего не вѣмъ что глаголеши; первое бо рече: нелѣно есть быти дому безъ оушю и храму безо очиу; про отца же своего и матерь рече: яко идоша въ земль плакати, а брата же своего глагола чрезъ ноги въ наси зѣти; и ни единаго слова отъ тебѣ не разумѣхъ. Она же глагола ему: сего ли не разумѣши? прииде бо въ домъ сий, и въ храмину мою виnde, і видѣвъ мя сѣдащу въ простотѣ, аще бы быль въ дому наю пещь и човѣ тя къ дому приходяща, лаяль бы на тя: се бо есть дому уши; и аще бы было во храмѣ моемъ отроча, і видѣвъ тя къ храминѣ приходаша, сказало бы: се бо есть храму очи. А еже сказахъ ти про отца и матерь и брата яко отецъ мой и мати моя идоша въ земль плакати: шли убо суть на погребеніе мертвымъ и тамо плачутъ, а егда же по насть смерть приидетъ, и ини по насть учнутъ плакати: се есть землянныи плач; про брата же ти глаголахъ, яко отецъ мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсехъ медъ емлють отъ древия; братъ же мой и вынѣ на таковое дѣло иде; и яко же лѣсти на древо въ высоту чрезъ ноги зѣти къ земли, мыслить аже бы не урватися і высоты; аще ли кто урветса — сей живота гонзнетъ; сего ради рѣхъ ти: яко чрезъ ноги въ наси зѣти. И глагола ей юноша: вижу тя, дѣвице, мудру сущу; повѣжь ми имѧ свое. Она же рече: имѧ ми есть Февронія. Той же рече къ ней: азъ есть муромскаго князя Петра служанъ ему; князь же мой имѣя болѣзнъ тяжку и язвы; оструплену бо бывшу ему отъ крови летящаго сверѣшаго змия, его же убилъ своею рукою; і во своемъ одержании искаше исцѣленія отъ много врачевъ и ни отъ единаго получи; сего ради сѣмо повелѣ привести, яко слыша здѣ многи врачевъ, но мы не вѣмы како и гдѣ именуютса, ни

жилищъ ихъ вѣмы, да тог о ради вопрошаємъ о вено. Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ, могъ бы уврачевати. Юноша же рече: что убо глаголеши еже кому требовати князя моего себѣ? аще кто уврачуетъ, то князь мой дастъ ему имѣнія много; но скажи ми врача того: кто есть и камо есть жилище его? Она же рече: да приведеши князя твоего сѣмо; аще будетъ мягкосердъ и смиренъ во отвѣтѣхъ, да будетъ здравъ. Юноша же скоро возвратися ко князю своему, и повѣда ему подробну: еже видя и еже слыша отъ дѣвицы. Благовѣрный же князь Петръ рече: да везите мя гдѣ есть дѣвица. И послалъ къ ней князь шт отрокъ своихъ глаголя: повѣжь ми, дѣвица, кто есть хотя мя уврачевати, да аще уврачуетъ мя, возметъ имѣнія много. Она не обиинуясь рече: азъ есть хотя уврачевати, ио имѣнія не требую отъ него принять. Имамы же къ нему слово таково: аще бо не имамъ быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его. И пришель человѣкъ той, повѣда князю своему еже рече дѣвица. Князь же Петръ, не брегий словеси ея, и помысли: како князю сущу древолазца дщи поять себѣ жену. И пославъ къ ней, рече: рѣьте ей что есть врачество ея, да врачуетъ. Аще ли уврачуетъ, имамъ поити ю жену себѣ. Пришедши же юноша, рѣша ей слово то. Она же, вземъ сосудецъ малъ, почерне кисляжды своеи, и доуну на ня, и рече: да учредятъ князю вашему банию, и да поизуетъ симъ по тѣлу своему, идѣже суть струны и язвы, и единъ струпъ да оставить не помазанъ: и будетъ здравъ. И принесоша къ нему таковое помазаніе; и повелѣ князь учредити банию, дѣвицу же хотя во отвѣтѣхъ искусити аще мудра есть, яко же слыша о глаголехъ ея отъ юноши своего, послалъ къ ней соединимъ отъ слугъ своихъ едино воѣсмо лну, рекъ: яко си дѣвица хочеть ми супруга быти мудrostи ради; аще мудра есть, да всемъ лну, учинить миѣ сракицу, и порты, и убрусецъ, въ годину, въ июже азъ въ бани пребуду. Слуга же принесе къ ней поѣсмо лну и давъ ей, и княже слово сказа. Она же рече слузе: изыди на пещь нашу, и снемъ з грядъ полѣнце, снеси сѣмо. Слуга же, послушавъ ея, снесе полѣнце. Она же, отыбра

падю, рече ему: отсѣки сие отъ полѣнца сего. Онъ же отсѣче. Она же рече: возни утинокъ полѣнца сего и шедъ, даждь князю своему, и рцы ему отъ мене: въ кий часъ сие повѣсмо очешу, а князь твой да приготовить ми въ семъ утиныце станъ і все строение, кимъ согтетца полотно его. Слуга же принесе ко князю утинокъ полѣнца и речь дѣвичю сказа. Князь же рече: шедъ рцы дѣвицы: яко не возможно есть въ такове малѣ древце і въ такову малу годину сицева строения сотворити. Слуга же пришедъ, сказа ей княжну рѣчъ. Дѣвица же рече: или возможно есть человѣку мужеска возраста во единомъ повѣсме лну въ малую годину, въ нюже требуетъ въ бани пребыти, сотворити срачицу, и порты, и убруссенц? Слуга же отыиде и сказа князю. Князь же диви-ся отвѣту ея. И по времени князь Петръ иде въ банию мытиши, и повелѣиша дѣвица помазаниемъ помаза язвы и струпы свои, и единъ струпъ остави непомазанъ по повѣлѣнию дѣвицы. Изъде же изъ бани князь, ничтоже болѣзни пострада, на утрое же усрѣдъ все тѣло здраво и гладко, развѣ единаго струпа, иже бѣ не помазанъ по повѣлѣнию дѣвицы, и дивляшися скорому исцеленію, но не восхотѣ пойти ея себѣ жену отечества ея ради. И послалъ къ ней дары. Она же не прия.

Князь же Петръ поеха во отчину свою во градъ Муромъ здравствуй, на немъ же бѣ единъ струпъ, еже бѣ не помазанъ повелѣиша дѣвичими. И оттого струпа начаша многи струпы разходитися на тѣль его отъ первого же дни, въ онъ же поеха во отчину свою, и бысть паки острупленъ многими струпами и язвами, якоже бѣ и первые.

И паки возвратися на готовое исцеленіе къ дѣвицы, и якоже приспѣлъ въ домъ ея, со студомъ послалъ къ ней, прося врачеванія. Она же, ни мало гнѣву подержавъ, рече: аще будетъ ии супружникъ, да будетъ уврачеванъ. Онъ же со твердостию слово давъ ей, яко имать поистинѣ си жену; сия же паки, якоже прежде, тоже врачеваніе дастъ, еже предписахъ. Онъ же вскорѣ исцеленіе полути. И поять ю жену себѣ. Таковою же виною бысть Февронія княгиня. И приидоста же во отчину

свою во градъ Муромъ, и живиша во всякомъ благочестіи, ничтоже отъ Божиихъ заповѣдей оставляюще.

По мале же дни предреченный князь Павелъ отходитъ житія сего; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ единъ самодержецъ бываетъ граду своему. Боляре же его княгини Февронии не любляху, женъ ради своихъ, яко бысть княгини не отъ отечества: того ради. Богу же прославляющу добраго ради житія ея, нѣкогда убо отъ предстоящихъ еи приидѣ ко благовѣрному князю Петру, снавади на ню: яко отъ коегождо, рече, стола своего бес чину исходить; внегда бо ей востати отъ стола своего, взимаетъ въ руку свою крохи, яко гладни. Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ, да обѣдуетъ съ нимъ за единственнымъ столомъ; и яко убо скончавшися обѣду, она же, яко же обычай имаше, вземъ отъ стола въ руку свою крохи, князь же Петръ примѣю за руку, и разведѣ, видѣ ладанъ добровонный и единицъ въ руку ея, и отъ того дни остави ю ктому не искушати.

По мнозѣ же времени, придоша къ нему съ яростію боляре его, рѣкуще: хощемъ вси праведно служити тебѣ и самодержцемъ имѣти тя, но княгини Февронии не хощемъ да государствуетъ женою нашими. Аще ли хощеш самодержецъ быти, да будеть иная княгиня; Феврония же, вземъ богатство себѣ довольно, отидетъ аможе хощеть. Блаженый же князь Петръ, якоже бѣ ему обычай ии о чесомъ себѣ яности имѣти, но со смиренiemъ, отвѣща: да глаголита Февронія; яко же речетъ, то да слышимъ. Они же, неистоми и исполнившися бестудия, и умыслиша да учредять пиръ; и сотвориша. И егда быша весоли и начаша простирати бестоудныя своя глаголы, аки пси дающе, отнемлюще у святыхъ Божиихъ даръ, егоже Богъ и но смерти неразлучна обѣцаль есть. И глаголаху къ ней: госпоже княгини Февроніи! весь градъ и боляре тебѣ глаголуть: даждь намъ, егоже мы у тебѣ просимъ. Она же рече: возмете, еже просите. Они же яко единими усты рѣша: мы убо, госпоже, вси кназа Петра хощемъ, да самодержавствуетъ надъ нами, тебе же жены наши не хотять

яко государьствуши надъ ними; вземъ богатство доволено себѣ, і щедши аможе хощени. Она же рече: обѣщахся вамъ, яко елико аще просита и примѣта; азъ же вамъ глаголю: дадите мнѣ, егоже аще азъ воспрощу у ваю. Они же, злии; ради быша, не вѣдуще будущаго, и глаголаша съ клятвою: яко аще речеши единио, безъ пресловия возмеши. Она же рече: ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра. И рѣша же они: аще самъ восхощеть, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо наполни имъ мысли: яко аще не будетъ князь Петръ, да поставить себѣ иного самодержца; кѣждо бо отъ бояръ во умѣ своемъ держаше, яко самъ хощеть самодержцемъ быти; блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержства кромѣ Божихъ заповѣдей, но по заповѣдемъ его шествуя и ждершеся⁽¹⁾ ихъ, яко же богогласный Матеей во своемъ благовѣстии вѣщаетъ, рече бо: яко иже аще пуститъ жену свою развѣ словеси прелюбодейнаго и оженитца иною, прелюбы творить; сей же блаженный князь Петръ по евангѣлю сотвори: о самодержании своемъ яко уметы вѣйни, да заповѣди Божии не разрушить. Они же, злочестиви бояре, даша имъ суды на рѣце; баше бо подъ градомъ тѣмъ рѣка, глаголемая Ока. Они же попловуше въ судехъ, нѣкоторѣ бѣ у блаженного княгини Февронии въ судне, его же и жена въ томъ же судне бысть, і онъ же человѣкъ, принимъ помыслъ отъ лукаваго бѣса, возвѣнова на святую помысломъ; она же, разумѣвъ злый помыслъ его вѣскоре, обличи его, и рече убо ему: почерпи убо воды отъ рѣки сеѧ сію страну судна сего. Онъ же почерп. И повелъ ему испити. Онъ же пивъ. Рече же она: почерпи убо воды з другую страну судна сего. И повелъ ему испити. Онъ же пилъ. Она же, блаженная, рече: равнами убо вода си есть, или едина сладчайши? Онъ же рече: едина есть, госпоже, вода. Паки же она рече: сице едино естество женско; почто убо свою жену остави, на чюжую мыслиши? Той же человѣкъ увѣдевъ, яко есть въ ней прозрѣния даръ, боясѧ к тому таковая мыслити.

(1) Ошибка; вероятно: и держашеся.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на брезѣ. Блаженный же князь Петръ яко промышляти начать како будетъ, понеже волею самодержаства гонзувъ, предивиа же княгини Февронии глагола ему: не скорби, княже; милостивый Богъ творецъ и промысленикъ всему да не оставитъ насъ въ нищетѣ быти! На брезѣ же томъ блаженному князю Петру въ вечерю ядь готовляху, и вотче поваръ его древца малы, на нихъ же котлы висаху; по вечери же святая княгини Февронии, ходище по берегу і видѣвши древца тѣя, благослови ихъ, рекши: да будутъ сия на утрия древне велико, имущи вѣтвие и листвицне. И яко же уже хотаху рухло людие ихъ вметати со брега, придоша же велможа отъ града Мурома, ркуще: господине княже! отъ всѣхъ велмож и отъ всего града приходомъ к тебѣ, да не оставиши насъ сирыхъ, но да возвратиши на свое отечество; и мози бо велможа во граде погибоща отъ меча; кѣждо бо ихъ хотаху державствовати, сами ся избираша, и оставши вси со всѣмъ народомъ молять ти, глаголюще: господине княже! аще прогнѣвахомъ тя, и раздражихомъ тя, не хотище же княгини Февронии государствовати женами нашими; нынѣ же со всѣми домы своими есмы хощемъ, и молимъ, и любимъ: да не остави насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженная княгини Февронии во градъ свой идаху, и державствующе во граде своемъ, и ходище во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіяхъ господнихъ бесспорочно, въ молитвахъ непрестанныхъ и милостыніяхъ, и ко всѣмъ людемъ, подъ ихъ властью сущимъ, аки чадолюбивый отецъ и мати: бѣста бо ко всѣмъ любовъ равну имуща; не любиша гордости ни грабления, ни богатства тѣлнаго щадяще, но Богу богатѣюще; бѣста бо своему граду истинная пастыря, а не яростю правяще, странныя приемлюще, альныя насыщающе, нагия одѣвающе.

Егда же приспѣ благочестное представление, умолиша Бога во единъ день будеть представление сю, и совѣтъ сотвориша да будеть положена оба во един-

номъ гробъ. И повелѣша учредити во единомъ камени два гроба, едину токмо преграду имуще меж собою. Сами же во едино время облекошася во мнишеския ризы, и нареченъ бысть блаженный князь Петръ во иноческомъ чину Давыдъ, преподобная же княгиня Феврония наречена бысть во иноческомъ чину Ееросения.

Въ тоже время преподобная блаженная княгиня Феврония, нареченная Ееросения, во храмъ пресвятая соборныя церкви своими руками шѧше воздухъ, на немже бѣ ликъ святыхъ преподобныхъ. Блаженный же князь Петръ, нареченный Давидъ, приславъ къ ней, глаголя: сестро Ееросения! хощу уже отити отъ тѣла, но жду тебе, яко да купно отидемъ ко Господу. Она же рече: пожди, господине, яко да воншу воздухъ во святую церковь. Онъ же вторицею послалъ къ ней, глаголя: уже мало пожду тебе. Яко третицею послалъ къ ней, глаголя: уже бо хощу преставитися, мнѣ жду (шу) тебе; она же останочное дѣло воздуха того святого шѧше, уже бо единаго святаго ризъ не дошиявъ, лице же нашивъ и преста, і вотче главу⁽¹⁾ свою въ воздухъ и приверте нитю, ю же шѧше, и пославъ къ блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнемъ. И помолившися, предаста вкупе святая своя душа въ руцѣ Божіи мѣсяца Июня въ 25 день.

По преставленіи же ю, хотѣста людие, яко да поло-

женъ будеть блаженный князь Петръ внутрь града у соборныя церкви пречистыя Богородицы; Феврония же княгини въ града въ женствѣ монастыри да положитса у церкви Воздвиженія честнаго и животворящаго креста, рууще: яко да во мнишествѣ образе не угодно положити святыхъ во единомъ гробѣ. И учредиша има гробы особныя, і вложиша телеса ихъ въ: святаго Петра, нареченаго Давида, тѣло положиша во особный гробъ, и поставиша внутрь града въ церкви святыхъ Богородица доутрия, святая же Феврония княгини, нареченныя Ееросенія, тѣло положиша во особный же гробъ, и поставиша въ града въ церкви Воздвиженія честнаго креста. Общей же ихъ гробъ, егоже сами повелѣша истесати во единомъ камени, оста тощъ въ томже храмѣ пречистыя соборныя церкви, иже внутрь града. На утріе же воставше людие и обрѣтоша гробы ихъ особныя тѣла, въ ия же ихъ положиста; святая же тѣлеса ихъ обрѣтошася внутрь града въ соборный церкви пречистыя Богородица во единомъ гробѣ, егоже самп себѣ повелѣша истесати. Людие же иеразумни, яко же въ животѣ о нихъ митущеся, тако и по честнѣмъ ихъ преставлении, паки преложиша я во особныя гробы, и паки разнесоша. И паки на утріи обрѣтошася святые во единомъ гробѣ, въ немже сами повелѣста, у соборныя церкви Рождества Пречистыя Богородица внутрь града, еже есть далъ Богъ на просвѣщеніе и на спасеніе граду тому: иже съ вѣрою пририще къ именемъ ихъ и неоскудно исцѣленія приемлють.

ВАРИАНТЪ ТРЕТИЙ.

(По списку Императ. Публ. Библ. отд. XVII № 35.)

Сей убо въ рустой земли градъ нарицаемый Муромъ, въ немъ же бѣ самодержавству благовѣрный князь Павель. Искони ненавидай добра роду человѣчю дияволъ вселилъ непрѣзвенаго летащаго змия къ женѣ князя того на

блудъ, и являлся ей яковъ бывше естествомъ; приходящимъ же людемъ являшеся своими мечты яко самъ князь; тѣми же мечты не мало время преиде. Жена же того не тояше, но повѣда князю своему вся ключившаяся, и

змий, иже непріязненый, осиле над нею. Князь же мысляше что сотворити змиеви, и недоумѣяшася, и рече к жене своей: мыслю, жено, во недоумѣя: что сотворити непріязненому змю; не вемъ бо того, како бы на него навести смерть; нынѣ же заповѣдаю ти: блюди опасно, аще начнетъ той лукавый змий глаголати ка-ковы словеса, і вопроси его о семъ лъстивыми словѣсъ: бысть ли то лукавый и от чего ему смерть想要 быть; и аще увѣси, то повѣдай ми вскоре, яко да ты свобододышаши всяко вънынѣшнемъ вѣце злаго его дыхания, и сипѣния, и всего скаредия, иже смрадно есть глаголати, въ будущемъ вѣце судию нелицемерного Христа милостища себѣ сотвори. Жена же таковый глаголь мужа своего в сердцы своемъ приемши твердо, во единъ же отъ дній непріязнивому тому змю при-
дѣствиша к ней, она же, помня заповѣданое слово мужа своего, нача тому треклятому змю многія речи с лестнию простирати, и по многихъ словесехъ вопроси его, яко хвалия, речи (е): вижу, яко много вѣси, и весили свою кончину, и от чего ти будеть смерть? Онъ же, лъстивый прелестникъ, прелщенъ бысть отъ добрая жены, мня ея яко истинствующу к себѣ, и изрече ей тайную свою: смерть моя от петрова плеча, от агрикова мѣча. Жена же, слышавъ отъ него, и по отшествіи его поведа князю мужеви своему. Князь же, то слышавъ, недоумѣя: что есть ему смерть от петрова плеча, от агрикова мѣча. Имѣаше же у себя приснаго брата юнейшаго себѣ, именемъ Петра зовома. Во единъ же отъ дній повѣда ему, брату своему Петру, подробну вся змievы речи, яже сказа женѣ его. Князь же Петръ, слышавъ отъ брата своего, яко змий нарече тезоименито ему смерти своей, и нача мыслити мужествено, не сумнися, какобы змия убити, но не вѣдый агрикова меча. Имѣаше же обычай ходити по церквамъ уединяся. Бысть же церковъ в женствѣ монастырѣ Воздвиженіе честнаго креста Господня; и прииде к ней единъ помолитися. Яви же ся ему отроча, глагола: княже, хощеш ли да покажу ти агриковъ мечъ. Онъ же рече: покажи ми. И рече отроча: иди во сѣдѣ мене. И по-

каза ему во алтарной стѣнѣ между керемидами скважню, в ней же мечъ лежаше; князь же Петръ, видѣвъ мечъ, нарицаемый агриковъ, і взя его, прииде же въ домъ свой, исповѣда брату своему князю Павлу. И отъ того днія начаша искати подобна времени купно како погубити змия. Въ некое же время приключиша блаженному князю Петру прийти въ полату на поклонение брату своему; понеже имѧ обычай блаженный Петръ всегда приходити к брату своему на поклонение, яко бѣ мній его лѣты; і бывша у брата своего, потомъ иде въ полату ко сносѣ своей, і видѣ у нея сѣдяще мужа во образѣ брата своего, и изыде скоро ис полаты, и срѣте нѣко-
го человѣка от предстоящихъ брату своему, и рече: где есть братъ мой? Онъ же повѣда ему, яко въ полате своей. Онъ же, разумѣвъ лукаваго пронырство змия и хотя испытно увѣдати, паки иде к брату своему въ полату, и рече ему: когда убо семо прииде? братъ же рече ему: азъ по твоемъ изшествии отъ мене никако изходиши ис полаты своея. Князь же Петръ повѣда ему пронырство лукаваго змия и како виде у жены во образѣ его, рече же ему: отселе, брате, не изходи никако из полаты своея, дондеже азъ иду братися со змиемъ; ты же во время пребуди въ молитвѣ къ Богу: егда услышитъ Богъ молитву твою и подастъ ми помошь убить лукаваго змия. И тако увѣщавъ брата, і вземъ мечъ, нарицаемый агриковъ, и пришедъ въ полату ко сносѣ своей, видевъ змия зракомъ брата своею седяща, и твердо увѣривъся, яко нѣсть братъ его, но прелестный змей, и удари его мечемъ толико зѣло, яко змий воз-трепета и бысть мертвъ, и явися яковъ баше естествомъ. Блаженный же князь Петръ нача его мечемъ сѣщи, дондеже до конца низложи; отъ непріязненаго же его крови окровинся лицо блаженнаго князя Петра, отъ крѣп-
каго его ударения. И быша на блаженнемъ отъ той змievы крови болезненныя струпы и язвы, и прииде наинь болезнъ тяжка зело, яко весь острупился. И искаше во своемъ одержаніи отъ многъ врачевъ, и изгѣлія не получи ни отъ единаго. Понеже и брань его не баше с человѣки, но з дияволомъ; тако подобаше исцелению

быти не от человѣкъ, но от божественныхъ силы, по реченному словеси Господни во святемъ Евангелии: иже невозможно от человѣкъ, возможна суть от Бога, ему же слава иныѣ, и присно, і во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Сущу же блаженному князю Петру в велицей болезни и слышавъ, яко в пределахъ рязанской области мнози врачеве жителствуютъ, и повѣле тамо вѣсти себѣ; бѣ бо немощенъ зѣло: от великия болезни на конѣ ѿздити не возможно. И егда приспѣша въ предѣлы рязанския, розосла весь синѣклить свой искати врачевъ, яко да обращутъ такова врача, иже бы хто его от той болѣзни уврачивалъ. И повѣле обѣщати врачемъ дары многи. Единъ же от того синѣклита, иѣкто юноша, уклонися въесь, нарічemu Ласково, и прииде къ иѣкоему дому, и не виде у вратъ никого; видѣ же въ домъ, и не бѣ кто его ошутилъ; видѣ же и въ храмину, і видѣ: седаше бо едина дѣвица, точаше поставъ; предъ нею же скачетъ заецъ. Дѣвица же бысть яко въ сомнѣнїи, и нача глаголати иѣкаки странны глаголы, яже не удобразумны юноше тому. Рече бо: иельпо есть быти дому безъ ушей; а храму безъ очей. Юноша же не разумѣ глаголь ея, и рече къ девице: повѣждь ми, дѣво: гдѣ есть господинъ дому сего? Она же отвѣща со многимъ разумомъ: господинъ дому отецъ ии есть, ио идоша съ материю мою вкупѣ въ зами плакати. Есть бо у меня и братъ, но поиде чрезъ ноги въ нави зрѣти. Юноша же, слышавъ вѣщь подобну чудеси, яко не разумѣ ии единаго от глаголь ея и дивляшеся, рече: о дѣво! вижу тя мудру сущу: видохъ къ тебѣ, і видѣхъ тя дѣлающа поставъ, и предъ тобою зайца скачюща; и слышахъ отъ устъ твоихъ глаголы иѣкия странны, еже азъ не могу разумѣти! Она же глагола ему: человѣче, сего ли не разумѣши? Речи бо сия не суть странны и незнамы, яже глаголеши, ио всякия простоты исполнены, и аще не разумѣши, азъ ти повѣдаю простою беседою: пришелъ бо еси въ дому наю, і въ храмину видѣлъ мя въ толице простоте седищу безобразну и всяя лѣпоты лишену, и аще бы въ дому у наю былъ песь, и ощутивъ тя къ до-

му приходяща, аще бо онъ естество и безсловесенъ; но могъ бы ми бреханиемъ своимъ приходъ твой возвестити: то бо есть дому уши; и аще бы у меня въ храмине сей было отроча, и видѣвъ тя сеи храминъ приходяща, то бы ми повѣдало: се бо есть очи храму. Отецъ же мой и мати поидеша на погребенія мертваго, да тамъ надъ нимъ плачутъ; егда же они преставятся отъ жития сего, і надъ ними таожде учнутъ плакати: се бо есть заемный плачъ. Отецъ же мой и братъ древоделцы суть; въ лѣсе бо отъ дрѣвия медъ емлють; и нынѣ іде братъ мой на таковое дѣло, яко лѣсти ему древо въ высоту: чрезъ ноги долу зрѣти, еже бы не отторгнутися и не лишилися живота своего. Юноша же рече: о дѣво! вижу бо тя мудру сущу: повѣждь ми имѧ свое! Она же отвѣща рече: имѧ ми есть Феврония; повѣдай же и ты ми о себѣ: кто ты еси, и откуду, и камо гредеши, и чего ради семо придохъ? Онь же рече: азъ есмъ отъ предстоящихъ муромскаго князя Петра. Князь же мой, имѧ болѣзнь зѣло тяжку и многи язвы на тѣлѣ своемъ и струпы, понеже окровленъ бѣ отъ неприязненаго лѣтищаго змия, егоже убиль свою рукою, і во всемъ одержаниі искаша исцеления отъ многъ врачевъ, и не получи, и сего ради вѣле себѣ семо привезти; слышахъ, яко суть здѣ врачевъ мнози, и ныне во страну сию придохомъ, и не вѣмы како имѣнютъся, или гдѣ пребывають врачеве, и о семъ молю та повѣдати ми: аще гдѣ еси извѣстно вѣси врачевъ? Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ, могъ бы его уврачивати. Юноша же рече: что, убо, дѣво, глаголеши? кому бо требовати князя моего себѣ: аще кто уврачуетъ его, князь мой дасть ему имѣнія многа; но скажи ми врача того: кто есть, и камо жилище его? Она же рече: да привезите князя своего семо. И аще будетъ мягкосердый и смиренъ во отвѣтѣ, да будетъ уврачеванъ. Юноша же возвратися ко князю своему, и поведа ему вся поряду и подробну, еже видѣ и слыша. Благовѣрный же князь Петръ, слышавъ таковыя глаголы, удивися разуму дѣвичю, и рече

к предстоящимъ: довѣзите мя гдѣ есть она дѣвица. Предстоящи же, слышавше повѣление князя своеаго, повѣзоша его, и доидоша дому того, в немъ же бѣ дѣвица. И послалъ к ней князь юношу вопросити: гдѣ есть той врачъ хотѧлъ мя уврачевати? Слуга же, пришедъ к ней, вопроси ю; она же рече: шедъ, повѣдай князю своему, яко азъ есмь; хощу врачевати его, но имѣния ого не требую; имамъ к нему слово таково: аще имамъ супруга быти ему, то могу уврачевати его. Слышавъ же человѣкъ той, шедъ повѣда князю, яже слыша от нея. Князь же Петръ помысливъ себѣ: како ми, князю сущу, древоделцеву тщерь пояти жену себѣ, по изнемогаше болезню зело и зжалився, послалъ к ней, рече: что есть врачевство ея, да врачиють: имамъ пояти ю в жену себѣ. Человѣкъ же той пришедъ, слово княже повѣда ей. Блаженная же и преблаженная, не требуя многаго врачевания, но токмо вземъ сосудецъ малъ, и почерпе кислякти своея, и дуну на нея, и благослови я; и даде слузу. рече: приими сне, и шедъ отнеси князю своему, и повѣле (и) прежде учредити банию измытия ему водою, и потомъ да помажется симъ по всему тѣлу, токмо единъ струпъ оставить не помазанъ, и будетъ здравъ. И принесъ слуга помазание то ко князю, и вся глаголы ея повѣда ему; князь же повѣле банию учредити і восхоте блаженную искусити премудрости ея ради, якоже слышахъ глаголы ея от юноши своего. И послалъ к ней со единымъ отъ слугъ своихъ едино повѣсмо лыну, глаголя: яко синь дѣвица хощетъ ми супруга быти мудрости ради, и аще мудра есть, да учинитъ ми в семъ повѣсме срачицу, и порты, и убрусецъ, в ту годину, в нюже азъ пребуду в бани. Слуга же принесъ ей повѣсмо лыну, и княже слово сказа ей; она же, ни мало смутися, но рече слуге: взыди на печь нашу и вземъ полѣнца, снеси семо. Онъ же послуша ея и снесе. Она же повѣле ему отмерети пяди единаго утинокъ и отсечи. Слуга же повѣления ея сотвори, отсече утинокъ. Она же рече: возми сей утинокъ, отнеси князю своему, и рцы ему отъ менѣ: в кий часъ азъ очищу повѣсмо сне, а князь

твой да приготовить ми в семъ утище в ту годину станъ и все строение, чимъ сотчетца полотно его. Слуга же принесе князю утинокъ полѣнца и речи блаженныя вси повѣда ему. Князь же, слышавъ, удивися отвѣту ея, и послалъ того же слугу: шедъ і рцы дѣвицы, яко невозможно есть в таковъ мале древце і в малу годину сицева строения сотворити. Слуга же пришедъ и слово княже сказа ей. Она же рече: а се ли возможно есть человѣку мужеска возраста во единомъ повѣсме і въ такову годину, в нюже в бани пребудеть, сотворити срачицу, и порты, и убрусецъ. Слуга же отиде и повѣда вси ея отвѣты. Князь же, слышавъ, похвали ю. И по времени иде князь мытия въ бани; и повѣлениемъ блаженныя помаза онимъ кисляжемъ, яже уготова ему блаженная, вся своя струпы и язвы, и единого же струпа не помаза повѣлениемъ ея, изыде же изъ бани, и бысть здравъ, яко ничимъ болѣзни: и узрѣ до конца тѣло свое чисто и здраво, развѣ единаго струпа и (же) бѣ не помазанъ, и дивяща князь скорому своему исцелению, и бысть в размысле мнозе за оно слово, еже обѣщавшуся ему блаженную Февронию пояти в жену себѣ, бозотчества ея ради. И послалъ к ней дары многи, и повѣле глаголати ей: яко не возможно князю пояти тя в жену себѣ бозотчества твоего ради. Она же даровъ не прия, и глагола к слуге: шедъ, рцы князю своему, яко онъ во истинѣ не пребысть; есть же истинствуй, иже надо всеми сый: той сотворить, яко восходитъ.

Князь же Петръ поеха во отчину свою во градъ Муромъ здравствуя. И нача на немъ паки струпы явлатися отъ того единаго струпа, иже бѣ не помазанъ, единъ по единому, и бысть весь острупленъ, и виде себя в болезни велицеи, паки возвратися на готовое исцеление ко блаженей. Яко приспе к дому ея, послалъ к ней с молениемъ и з дары, прося врачевания и скораго исцеления. Она же ни мала гиѣва подержавъ, и рече слугамъ его: аще будетъ ми князь супружникъ, да будетъ уврачеванъ. Слуги же, шедше, возвѣстиша князю своему. Онъ же обѣщася с клятвою пояти ю в жену себѣ, аще исце-

литъ его. Она же увѣрился, и паки таково же врачеванія послала к нему, яко и прежде. Онъ же по предреченному сотвори: помаза все струны своя и не оставил ни единаго не целованна, и бысть весь здравъ, яко николиже болевъ. И воеха во отчину свою во градъ Муромъ, неся и блаженную с собою с великою честию; и дешедше града Мурома, благословенiemъ епископа града того, сотвориша бракъ честенъ, паки блаженную в жену себѣ, і вънчанъ бысть с нею в соборной и апостольской церкви, і радость велия бысть во граде. И живаста блаженныи во всякъ благочестии, и ничтоже отъ заповѣдей Божиихъ оставляюще, но все житие свое в смиреніи, і в кротости, і во страстѣ Божии провождающе.

По мале же времени старѣйши братъ блаженного князя Петра, князь Павелъ, отъ жития сего отиде; благоговѣрный же князь Петръ по брате своемъ бысть единъ самодержецъ граду Мурому. Ненавида иже добра врагъ дьяволъ вложи ненависть бояромъ его: начаша блаженныи князни Февронии не любити, женъ ради своихъ, яко бысть не боярскаго рода, Богу же прославляющу ея доброго ради жития ея.

Чудо блаженныи како прелагаше хлѣбныя крохи въ симиинъ.

Нѣкогда от предстоящихъ слугъ ея прииде ко благоверному князу Петру, и навади на ю, яко, рече, отъ стола своего безчинно исходить, вънегда убо востати ей, взимаетъ въ руку свою крохи яко гладна. Благоговѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повѣле ей обѣдати с собою за единственнымъ столомъ. Егда же скончаясь обѣдъ, она же, яко же имаше обычай, вземъ отъ стола в руки свои крохи, князь же Петръ, приимъ ю за руку и разверз, виде ливанъ добровоненъ и симиинъ; и от того дѣни остави ю ктому не искушати. По мнозе же времени придоша к ней съ яростю бояре его, рекуще; о кнѧже! хощемъ ти вси праведно служити и самодержецъ тя имѣти, но кнѧзни Февронии не хощемъ, яже господствуетъ женами нашими; аще же хощеш самодержецъ быти, да будетъ ти ина кнѧ-

ни; Феврония же, вземъ богатство си довольно, и отидеть аможе хощеть. Блаженный же князь Петръ, яко же бѣ ему обычаи, ни о чемъ же яности не имѣя, со смиренiemъ отвѣща: да глаголита Февронии, и яко же речетъ, тогда слышимъ. Они же наполнившись невистою и безстудия, умыслиша учредити пиръ, и сотвориша; и егда быша весели, начаша простирати безстудия своя глаголы, аки пси брешуще, отнимаютъ у святаго Божија даръ, егоже и по смерти ей Богъ неразлучно обѣща, глаголаху; о госпоже, княгиня Феврония! весь градъ и бояре в си глаголютъ: дажь намъ его же просимъ у тебѣ. Она же рече: возмита его же просита. Они же единными усты решати: мы убо, госпоже, иси князя Петра хощемъ, да самодержествуетъ над нами; тебѣ жъ жены наши не хотять, яко господствуетши надъ нами, но вземъ си богатство довольно, и отиди аможе хощеш. Она же рече: обѣщахъ вамъ, яко елико аще просите, примите; азъ же вамъ глаголю: дадите ми его же азъ попрошоу у васъ! Они же, злви, тому ради быша, не вѣдуще будущаго, и глаголаша съмѧтвою: яко аще речеш единиою, бѣзъ прекословия возмеши. Она же рече: ничтоже ино прошу, токмо супруга моего князя Петра. Бояре же рѣша ей: аще самъ восхощетъ, ничтоже ти глаголемъ. Врагъ бо наполни ихъ злыхъ мыслей: яко аще не будетъ князь Петръ, то поставимъ иного самодержца; кийждо от бояръ его держаще во умѣ своемъ, яко самъ будетъ самодержецъ. Блаженный князь Петръ не возлюби временнаго самодержества кромъ Божиихъ заповѣдей, но по заповѣдемъ Его шествуя и держася икъ, яко богогласный Матеей и по (во) своимъ благовѣсти вѣщасть, глаголя: аще кто пустить жену свою развѣ словеси прелюбодейнаго, и оженится иною, прелюбъ творить. Сей же блаженный князь Петръ по евангелию сотвори: одержание свое яко уметы вѣбни, да заповѣди Божији не разрушитъ. Они же, злви бояре, даши имъ суды за реде, глаголемей Оке, яже и до нынѣ под стенами града того; и тако отидоша от своего отчества, упование положше на всесильнаго Бога, промышлающаго своими угодники.

О прозрѣніи блаженныи въкоеиъ человѣце лукаваго помыслы.

Пловущимъ имъ по реце в судекъ, и некий человѣкъ бѣ у блаженныя кнѧзни Феврониї в судне, его же и жена в тоиже судне бысть, тоиже человѣкъ, приемъ помыслъ от лукаваго бѣса, і возре на святую с помысломъ. Святая же разумѣ духомъ злый его помыслъ, і вскорѣ обличи его, глагола ему: почерпи воды из реки сию сторону судна сего. Онъ же почерп. И повѣле ему пить. Онъ же испи. И паки повѣле ему святая почерпнути з другую сторону судна и испити. Онъ же сотвори тако. Она же рече: коя вода слаждыш? Онъ же отвѣща: едини есть вода и вкусъ едини. Святая же рече ему сице: и женское естество едини есть. Ты же, свою жену оставя, на чюжую мыслиши. Человѣкъ же той увиде, яко в ней есть прозорливый даръ, бояся ктому таковая помышляти.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися ва брѣзе; блаженный же кнѧзь Петръ нача помышляти: что се будетъ, еже волею гонзу самодержьства; предиввая же кнѧзни Февронии глагола ему: не скорби, книже: милостивый Богъ, творецъ и промысленикъ всему, не оставитъ вы в нищете быти!

Чудо блаженныя о древияхъ.

На брезе же томъ блаженному кнѧзю Петру на вечерю его ядь готовлеку, и потче поваръ его древца малы, на нихъ же котлы висяку; по вѣчери же святая кнѧзни Феврония ходяще по берегу, і видевши древца тыя, и благослови я, глаголя: да будуть сия древца на утриня велика древия, имуще вѣтвии и листия. Еже и бысть. Воставше бо заутра, обрѣтоша тыя древца велика древия, имуще вѣтвии и листия.

О пришествіи людей от града Мурома.

І яко же хотиху людие ихъ рыхло метатися в суды со брѣга, и аbie придоша велможи от града Мурома, моляще и глаголюще: о господине книже! от всехъ велмож и от всего града придохомъ молити тя, да не оставиши насъ сырыхъ, но возвратися на свое отечество! Мнози бо велможи во граде погибоша от

мечя, кийжде бо ихъ хоти державствовати, сами си изгубиша, а оставши со всемъ народомъ молитъ тя, глаголюще: о господине книже! аще и прогневахомъ тя, и раздражихомъ, не хотище да книана Феврония господствуетъ женами нашими, нынъ же со всеми домы своими раби есмы вяю, хощемъ, и любимъ, и молимъ, да не оставиши насъ, рабъ своихъ. Блаженный же кнѧзь Петръ и блаженная кнѧзни Февронии возвратистася во градъ свой, славя Бога, прославляющаго своя угодники. И бѣху державствующе во граде томъ, ходяще во всѣхъ заповѣдехъ и оправдавшихъ Господнихъ без порока, і в непрестанныхъ молбахъ и милостияхъ ко всемъ людемъ, сущимъ под областю ихъ, аки чадолюбивы отецъ и маті бѣста ко всемъ, и любовь равну ишути, ие любяще гордости, ии грабления, ии и Бога богатъюща; бѣста бо всему граду истинная настрия, а не яко иземника, градъ бо свой истинно и кротостию, а не вростю правяще, странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одѣвающе, бѣдныя от изнасти избавляюще, і во всякому благочестніи пребывающе и уождающе Богу, ему же слава и нынѣ, и присно, і во вѣки вѣкомъ.

Егда же приспѣ благочестное ихъ представление, умопиша Бога, да во единъ часъ будеть представление ихъ. И совѣтъ сотворивше, да будутъ положены во единомъ гробѣ и повѣлеста си учредити во единомъ камени два гроба, едину токмо преграду имуще между собою; сани же во одно время облекшеся во инишеския ризы; и нареченъ бысть блаженный кнѧзь Петръ во иноческомъ чину Давидъ, преподобная же Феврония наречена бысть во иноческомъ чину Ееросиня.

В тоже время преподобная и блаженная Феврония во храмъ пречистыя Богородицы соборныя церкви своима руками шыаше воздухъ, на немъ же ликъ святыхъ. Преблаженный же кнѧзь Петръ присла к ней, глаголи: о сестро Ееросиня! хощу уже отити от тела; нужду тя, яко купно отидемъ. Она же отрече: пожди, господине, да дошю воздухъ во святую церковь. Онъ же второе послал к ней, глаголи: уже мало пожду тя. Яко же тре-

тицею посла к ней, глаголя: уже хощу преставися, и не жду та. Она же остави точное дѣло воздуха того святаго шыаше, уже бо единаго святаго ризъ еще не шивъ, лица же нашивъ. И преста, и вотче иглу свою в воздухъ, и приверте иницию, сю же шыаше, и послала ко блаженному Давиду о купнемъ преставлени; и помолившися, предаста святая своя души в руце Божији мѣсяца Июня въ 25 день.

По преставлениихъ же, восхотѣста людие положити блаженнаго Давида внутри града в соборной церкви пречисты Богородицы, святая же Еуеросинії положиша тѣло виѣ града в женственъ монастыре в церкви Воздвиженія честнаго креста, глаголюще: яко во миншемъ образе не угодно есть положити ихъ во единомъ гробѣ; и учредиша имъ гробы особныя, і вложивше в ии тѣлеса святыхъ; святаго кнзя Петра тѣло поставиша внутри града в соборной церкви доутреа, а святыи Еуеросинії тѣло поставиша виѣ града в цер-

кви Воздвиженія честнаго креста; общий ихъ гробъ, егоже святнї сами повѣлеша истесати во единомъ камъни, остави (ша) тощъ в той же соборной церкви. На утрнє же вставше людие, обрѣтоша особныя гробы ихъ тощи, в пя же ихъ вложиста; святая же тѣлеса ихъ обрѣтоста внутри града в соборной церкви Рожества Пречистыя Богородица во единомъ гробѣ, его же сами себѣ повѣлеша сотворити; людие же иеразумнї, якоже в животе о нихъ матущеся, тако и по честнemъ ихъ преставлени, паки преложиша я в особныя гробы, и паки разнесоша; и паки же на утрнє обрѣтостася святнї во единомъ гробѣ. И кому не смеяху прикоснутися святымъ тѣлесемъ ихъ. И положиша я во единомъ гробѣ, в немъ же сами повѣлеста, въ соборной церкви Рожества Пречистыя Богородица, внутри града, яже даде Богъ на проскѣщеніе и на спасеніе граду тому. Аще бо кто с вѣромъ приходитъ к рацу мошней ихъ, неоскудно исцеление приемлетъ.

ПРИБАВЛЕНИЕ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ПЕРВАГО ВАРИАНТА.

Мы же по силѣ нашей, да приложимъ хваленіе имена. Радуйся, Петре, яко дана бысть от Бога власть оуби-ти иже летящаго смирнаго змія! Радуйся, Февронія, яко в женстей главъ святыхъ моужъ мудрость имѣла еси! Радуйся, Петре, яко струны и язвы на телѣ своемъ носа доблестенне скорби претерпѣль еси! Радуйся, Февронія, яко от Бога имѣла еси даръ въ девственни юности недоуги исцелити! Радуйся, славыны Петре, яко заповѣди ради Божія самодеръжства воелею шт-стули, еже не ѿставити супруга своеа! Радуйся, дивна Февронія, яко твоимъ благословеніемъ во единой ионци малое древie велико возврасте и ізынесоша вѣтвіе и листвіе! Радуйся, честная глава, яко во ѿдержаніи ваю, въ смиреніи, молитвахъ, и милости, и без гордости пожиста, тѣмъже и Христосъ дастъ вамъ благодать: яко и по смерти телѣса ваю неразлучно во гробѣ лежаша, духомъ же предстоита владыцѣ Христу! Радуйтася, преподобная и пре-блаженнаѧ; яко и по смерти исцѣленіе с вѣрою к вамъ приходящимъ невидимо подаета, во молитвы, и пре-блаженнаѧ супруга Февронія, помолитесь за насъ, творящихъ вѣрою память вашоу! Да помяннете же и мене грѣшнаго, списавшаго сіе, елико слышахъ, не вѣдый, аще ини соуть написали, вѣдоуще выше мене. Аще оубо грѣшень есмъ и гроубъ, но на Божію благодать и на щедроты его упова, и на ваше моленіе ко Хри-сту надѣлася, и троудихся мысльми, хотѣвый на земли

хвалиими почтити, и оу хвалы востузьса хотѣвъ вами, ради вашаго смиренія, и самодержества, и прено-добства, и по преставленіи вакемъ вѣнца пласти и не оуплѣтеше косноухса, прославленіе бо есте на не-бесѣкъ и венчали истинными и иотлѣнными вѣнь-цы отъ общаго владыки всѣхъ Христа, емуже подо-баетъ со безъначальнымъ Штцемъ, коупно со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ, всяка слава, и честь, и поклоненіе, и вѣнѣ, и присно, и во вѣки. Аминь.

ЗАГЛАВІЕ ВТОРАГО ВАРИАНТА.

Ица Юна, въ кѣ днѧ Покѣсть ѿ житїа стыхъ новыхъ чудо-творцовъ мѣромскихъ благокѣрнаго кнзѧ Петра, нареченнаго ко иноческомъ чинѣ прпнаго и достохвалнаго Дѣда, и супруги его благокѣрнныи кнгини Февроніи нарбнныи ко иноческомъ чинѣ прпнаго Задосннаго достохвалнаго. Благословки, ѡче!

ПОСЛѢСЛОВІЕ ВТОРАГО ВАРИАНТА.

Мы же по силѣ нашей да приложимъ хваленія имена. Радуйся, Петре, яко дана ти бысть власть от Бога убить змия летящаго! Радуйся, Февроніе, яко в женстей главъ святыхъ мудрость имѣла еси! Радуйся, Петре, яко струны и язвы на тѣле своеемъ носа, доблестенне скорби претерпѣль еси! Радуйся, Февроніе, яко от Бога претерпѣла (¹) еси даръ въ девственны

(¹) Вѣроятно: имѣла.

юности недуги исцеляти! Радуйся, Петре, яко заповѣди ради Божия самодержавства волею отступи! Радуйся, дивная Феврония, яко твомъ благословеніемъ во едину ноющь малое древне велико возрасте и иснесоша вѣтви и листви! Радуйтася, честныя главы, яко во одержании ваю, во смиреніи, и въ молитвахъ, и въ милостыни, безъ гордости пожиста; тѣмже Христостъ дарова ваю благодать, яко и по смерти тѣлеса ваю неразлучно во гробѣ лежаше, духомъ же предстоите владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление вѣрою къ вамъ приходящимъ невидимо подавается! Но молимъ вы, о преблаженная супруга, помолитесь о наасъ, творящихъ вѣрою память вашу, до помината же и мене, грѣшнаго, списавшаго сие, елико слыхахъ, не тѣдый аще иныи суть папи-сали, вѣдуще паче мене. Аще бо и грѣшенъ есть и грубъ, но на Божію благодать, и ющедроты его, и ваше моление ко Христу надѣяся, трудихся мыслами, хотя вы на земли хвалими почтити и не у хвалы ко-снухся. Хотѣхъ ваю вашего ради смиренія, самодержавства и преподобства, и по представление вашемъ вѣнца пласти и плетения коснухся. Прославлені убо есте на небесехъ и вѣнчаны истинными нетѣлесными вѣнцы отъ общаго владыки Христа, ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Отцемъ, купно и со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ЗАГЛАВІЕ И ПРЕДІСЛОВІЕ ТРЕТЬЯГО ВАРИАНТА.

Житіе и жизнь и щастіи чудесъ ского благокріпого кнѧзя Петра ко иноцехъ дѣда и сктыя благокріпныхъ кнѧзини Февронии ко иноцехъ Евдросинїи. мѣромскіхъ чудотворецъ. Благи ѿчи.

Богу и Отцу, и присносущному Слову Божию Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единобожию естеству, безначальному, купно въ Троїце воспѣваему, и славиму, и почитаему, и вѣруему, и превосносиму, и исповѣдуему, и благодариму, Содѣтелью и Творцу невидимо-

му, и неописану, изъони самосилну, неизреченною обычною си премудростю совершающему и строящему всическая, и прославляющему, еже хотя своимъ самовластиемъ, яко же бо исперва сотвори небеса, ангелы свои духи и слуги свои огнь палающъ, умныя чинове безтѣлесная воинства, ихъже неисповѣдимо есть величество, яко уму человѣческому невозможно постигнуть, і вся невидимая сотвори, яже не суть вѣдома человѣкомъ, видимую же тварь сотвори: небесная стихия, солнце, луну, звѣзды, и на земли древле созда человѣка по своему образу, и ниже тѣлесный видъ разумъ, ипо мысленный, яже Содѣтель отъ своего трисолничного Божества подобіемъ тричисленно лично дарова ему: умъ, слово, духу (ъ); иже пребываетъ въ человѣчехъ умъ, яко отецъ Слову, слово же исходить отъ него яко сынъ посылаемъ, на немъ же духъ почнетъ, ибо у коегождо человѣка изо усть слова безъ духа исходить не можетъ, но духъ съ словомъ исходить, умъ же началствуетъ. Да не продолжимъ слова отъ твари чистѣй (?), ио на предлежащее возвратимся. Богъ же безначальный, создавъ человѣка, почте и надо всѣмъ существомъ постави его и любя же въ человечествѣ роде вся праведники, грѣшнаго же иплуя, хотя бо въсемъ спастися і въ разумъ истинный прійти. Егда же, благоволеніемъ Отчимъ, и своимъ хотѣніемъ и споспѣшствомъ Святаго Духа, единъ отъ Троицы Сынъ Божій ни инъ ни никакъ (?) но тойже Богъ Слово Сынъ Божій благоволи родитися плотию отъ Пречистыя Богородицы Марії, и бысть человѣкъ, еже иль (?) бѣ на земли ходя, и никакоже Отчихъ нѣдръ отлучися, обаче же і въ Пречистую его Матерь Божественное естество его пребыть неизреченно, и никакою притчею повѣдати возможно, или къ чесому приложити, занеже вся тварь его есть; по твари же его разумѣваемъ безъ страсти его, ібо аще какову стоящу (древу) на земли, солнцу же съ небеси сияющу нась, въ ту же годину древу тому аще случитца поськаему быти, и симъ страдати, лучъ же солнечный отъ древа то (го) не отступить, ниже посекаетца со деревомъ, того не отступить, ни стражетъ. Глаголемъ

убо о солнце и о дрѣве, понеже тварь его есть; Зиждитель же и Содѣтель неизглаголаненъ есть; себо пострада за ны плотию, і грѣхи наша на крестѣ пригвозди, искушивъ отъ миродержителя лесца цѣною честною своею кровію; о семъ бо рече ны Павель: не будите раби чловѣкомъ, куплены бо есте ценою кровію Христовою. По распятии же Господь нашъ Іисусъ Христосъ тридневно воскресе, і въ четыредесятый день вознесеся на небеса, и седѣ одесную Отца, и послалъ Духъ Святый на святыя своя ученики и апостолы. Они же всю вселенную просвѣтиша святымъ крещенiemъ, и елицы во Христа крестиша, во Христа облекоша, да не отступаютъ отъ заповѣдей его, не яко лесцы и блазнители, иже по крещениі оставльше заповѣди Божія и лястящіе мира сего красотами, но яко же пророцы и апостолы, и мученицы, і вси святіи, Христа ради пострадавше въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницехъ, въ нестроенияхъ, въ трудехъ, во бѣзниахъ, во очищениихъ, въ разумѣ, въ долготерпені, во благости, въ Душе святе, въ любви иелицемъrie, въ словеси истинне, въ силѣ Божіи, иже свѣдомы суть единому вѣдущему тайны сердечныя, имиже землю просвѣтилъ, яко небо звѣздами украсилъ, и почте ихъ чудотворными, овыхъ убо ради молитвъ, и покаяния, и трудовъ, овыхъ же мужества ради і смиренія, якоже сихъ святыхъ прослави, о нихъ же намъ слово предлежитъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ТРЕТЬЯГО ВАРИАНТА.

ПОХВАЛА.

Мы же по силе нашей да приложимъ хваления има.
Радуйся, князе Петрѣ, яко на тѣбѣ бысть отъ Бога

власть убить летящаго змия! Радуйся, князя Февронія, яко въ женствѣ главѣ сватыхъ мужъ мудрость имѣла еси! Радуйся, княже Петрѣ, яко струпы и язвы на теле своемъ нося и доблестійній скорби претерпѣлъ еси! Радуйся, Февронія, яко отъ Бога имѣла еси даръ въ дѣственной юности недуги цѣлити! Радуйся, княже Петре, яко заповѣди ради Божія самодержавства волю отстуши, еже не остати супруги своей! Радуйся, дивная князя Февронія, яко твоимъ благословленіемъ во едину нощь малое дрѣвне велико возрасте, і ветвие и листие испусти! Радуйся (таса), честнѣй главѣ, (в) воздержанії ваю, въ молитвахъ, и смиренії, і въ милостыніи, безъ гордости иожиста, тѣмъ и Христосъ даде вамъ благодать, яко и по смерти тѣлеса ваша неразлучно лежать, духомъ же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление съ вѣрою къ вамъ приходиши невидимо подаете, но молимъ вы, о преблаженная супруга, помолитися о нась, творящихъ вѣрою память вашу, да помѣнетъ же и менъ, прогрѣшаваго, списавшаго сие, не вѣдый, аще ини суть написали, вѣдуще выше менъ; аще бо грѣшенье есть и грубъ, но на благодать Божію и на щедроты его уповая, и на ваша моление ко Христу надѣяхся, трудихся мысльми, хотя вы на земли хвалами почести, и не у хвали ко-снухся: хотехъ вамъ, ради вашего смиреннаго само-державства и преподобства, по преставлениі вашемъ вѣнца плѣсти и не уплатenia ко-снухся. Прославленіе бо есте на небесахъ, і вѣчнами истинными і вѣтленными вѣнцы отъ общего всехъ владыки Христа. Ему же честь и слава, купно со со беззначальнымъ его Отцемъ, и съ пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Духомъ, вынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Повѣсть эта принадлежитъ къ самыи замѣчательнѣмъ созданиемъ древней нашей письменности и представляетъ драгоценный матеріалъ для изученія какъ народныхъ вѣрованій и понятій, такъ равно и для древнаго быта. Основа ея очень древняя: загадка, составляющая важнѣшій интересъ разсказа, находчивость и умѣніе выйти изъ затрудненія, обладаніе тайными силами на пользу человѣка. Повѣсть наша имѣетъ поразительное сходство съ старинною малороссійскою сказкою *о дівцѣ семиліткѣ*, которую для объясненія мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь на южно-русскомъ языке.

Бувъ собі панъ, и загадавъ вінъ своїмъ людямъ загадку; и каже, що де ту загадку яка дівка, або удова одгадає, то вінъ ії за паню собі візьме. А загадка та була отъ-яка: що є на світі надъ усé ситчайшъ, швидчайшъ и милайшъ? Отъ и стали приходить до пана люде; одинъ каже: у мене дівка оттакъ велика сказати, другий тес, третій ще йинше; хто каже ситчайшъ надъ усé свінія, швидчайшъ — кошеня а милайшъ — дитина.... а другі по своєму казали. А панъ імъ отказує: «ні, не тес». Коли приходить до пана чоловікъ, бідний-бідний, сâне послідовій на селі и каже: «у мене, пане, є дівчина семилітка, послала мене до вашої милости, каже: ситчайшъ надъ усé земля, швидчайшъ око, а милайшъ сонь». Панъ, якъ почувъ, такъ ажъ у долоні сплеснувъ: «якъ разъ такъ!» каже. — Треба ії сватать, а панові не хочеться, бо вінъ есть панъ, а вона прости, и ставъ вінъ думати — якъ-би одъ неї одвязатися. Отъ и послале вінъ сватівъ и давъ імъ яєць голубічихъ. «Отдайте, каже, ій, щобъ вона мині къ світу голубіять вінела, щобъ до обіда воні виросли, а на обідъ панові послані». Ти й пішли; увіходять у хату; отъ дівка сидить сама собі, гола, та кросяна тче, и каже імъ: «ви-

бачайте, панове-сваті, що я гола, бо у мене хата безъ очей и безъ ушней, а хочъ и е очи, та завязані.« Ти стоять неначе дурні, нічого не второпають; трохи постоили, та й кажуть: «за дѣ твій батько та мати?» — А вона імъ каже: «батько поіхавъ у лісъ, а мати пішла на заемъ плакати.« — «А коли жъ батько твій вірнеться?» питаютъ сваті. — А вона каже: «коли поіде на обіздь, то сёгодні ввечері вірнеться, а коли навпростець, такъ дома не вочуватиме.« Ти нічого не второпають, тільки плечіма здвигають. А вона імъ каже: «учимъ же васъ панове сваті частувати: чи прибилью, чи ўбилью, чи тимъ, що на пана Бóга дівичня?» Сваті й кажуть: «скажи, будь ласкава, дівчино, що се ти таке говоришъ що ми нічого не второпаємо.« А вона каже: «за ви зъ своїмъ паномъ уміете загадкі загадовати, а одгадати не вмивалися, маєтъ! А то бачте: що я сказала, що въ мене хата безъ ушней и безъ очей, а хочъ и е очи, такъ завязані, такъ то — що у насъ въ хаті вікна віконницями позачинювані, а на дворі собаки нема; бо якъ-би собака була, такъ би дзвігнула, я бъ и почула, а якъ-би віконниці не були зачинені, то я бъ у вікно глянула, такъ побачила бъ васъ, та й одягнуся. Оттожъ вони й есть: що хата безъ ушней и безъ очей, а хочъ и е очи, такъ завязані. А те, що я сказала, що батько вірнеться ввечері, коли на обіздь поіде, а коли навпростець, такъ дома не вочуватиме, такъ то — що прямá дорога до лісу перекопана; коли батько поіде навпростець, то поламає візъ, то й вочуватиме въ полі, а коли на обіздь поіде, то тамъ дорога хороща, и вінъ поспіє у вечері прибути. А те, що я сказала, що мати пішла на заемъ плакати, такъ, бачте, у сусіда дитина вмерла; мати й пішла надъ нею сидіти, а якъ у насъ помре, такъ сусіда прийде надъ нашою сидіти: отъ вони й есть, що на заемъ плакати. А то, що я сказала чимъ

васъ частувати: чи прібыллю, чи єубиллю, чи тимъ що на пана Бóга дíвитця, такъ се бачте: прібыль — то молокó, бо якъ корову відоють, то й корова ціла, и молокó е: отъ воно и прібыль; а єубиль, такъ то сáло, бо якъ свиню заріжутъ, такъ хочъ сáла эъ неі добудуть, а свині въ хóзяйстві не буде; а те, що на пана Бóга дíвитця, такъ то сирівéць; бо вінь у насъ бóз-наколішній, такий кíслій, що якъ покоштуешъ, то й голову вверхъ задерешъ; ненáче на образа дíвичка! Тоді святій кáжутъ: «прислáвъ панъ нась до тéбе святами, тільки казавъ, щобъ ти отсі яйца взяла и къ світу голубйтъ вівела, и щобъ голубята панові на обідъ поспіли». А вона кáже: «скажіть панові, нехай вінь зробить ізъ однолітківъ плугъ, та віоре цілину, та насіє врóса, и щобъ те просо въ світу вирóсло, и щобъ ёго убрали и помолотили, щобъ будо чимъ тихъ голубятъ годувати!» А потімъ скóчила до іхъ, та якъ хватить іхъ за святкі, та подула імъ підъ святки, та й крівнула: «Оттакъ же! нехай горіть! Горіть тепéрь!» А воній: «де горіть?» та святки зъ сéбе. А вона кричить: «Горіть! Горіть!» Ті зъ переліку и сорочкі зъ сéбе и убрани поскидали, вéртятця-крутиятца, та кричать: «Дé, де горіть?» А вона ухопила у іхъ въ оберемокъ всю одéжу, та й сховала, а потімъ віпхала іхъ изъ хáти, та й кáже: «Панъ голубівъ хотівъ, отъ єму й голубі! ідіть собі гóлі — тепéрь голубами стали; а світкі згодітьца голубятъ укривати.»

Тоді панъ посилає до неі знаю и загáдує ій такъ: «Щобъ вона приїхала до меіне ні конéмъ, ні воломъ, ні саньмі, ні вóзомъ, ні оголоблями, ні війкомъ, ні бóса, ні обута, ні гола, ні вдягнута, ні зъ гостинцемъ, ні безъ гостинця.» Вона сказала: «Дóбре, приїду.» Та взяла й обмоталась уся бреднemъ, а сама сіла въ чóвень, а до чóвна козлá привязала, підъ мýшку зáйца взяла, та такъ и іде. Панъ якъ углáдівъ и велівъ на неі хортівъ спустити. Хорті до неі, а вона зъ підъ мýшками зáйца імъ пустила; воні й ушкáрили за зáйцемъ. А вона и вскочила до пана въ будівокъ. И кáже: «Ну, пáне, тепéрь я вáда, бо якъ казали, такъ я и приїхала: самій бáчите: ні конéмъ, ні воломъ, ні саньмі, ні вóзомъ, ні оголоблями, ні війкомъ, ні бóса, ні обута, ні гола, ні вдягнута, ні зъ гостинцемъ, ні безъ гостинця, бо гостинець бувъ, та втікъ.» Панъ и взвавъ ій.

Отъ приїшли мужики судітьца, и хáжутъ: були ми въ пólі, та найшлі сокíру, та вінкъ не поділимось. Одінъ кáже: «Я попéреду взгладівъ; а другий кáже:

»Ні, я.« Панъ и задумавсь, ве зна якъ іхъ розсудить. А вона кáже: «Отъ, Богъ-зна надъ чимъ думаете дóвго! Збíйте сокíру зъ топорища; одному нехай топорище, а другому сокíра буде!«

Удрóге упáть приїшли мужики судітьца. «Були ми», кáжутъ, «въ пólі, — ёго кобíла, а мій візъ. Та й заночували. А вранці, дíвимось, ажъ лошáтко стоїть ма-лењке; ми й заспорили: чи є лошáтко? Одінъ кáже: моя кобíла привелá, а другий кáже: мій візъ привівъ.» Панъ и задумавсь. А вона кáже: «Отъ Богъ-зна надъ чимъ думаете дóвго! Пустіть лошáтко: кудай воно побіжить, чи до кобíли, чи до воза? А лошáтко було со-бі слíпенъке, та й побігло до вóза. А той, що казавъ, що то ёго візъ привівъ лошáтко, и кáже тепéрь: отъ бáчте: я жъ казавъ, що мій візъ привівъ! А що не прáвиду я казавъ?«

Тоді панъ и кáже: «На що ти моі суді пересúжуешь? не хóчу я тебе за пана мáти. Бері у меіве, що тобі здаётся найдлішого и наймілішого, та йди собі одъ меіне.» А вона кáже: «Дóбре, підú; аби бъ позвóливъ узяти що е найдлішого и наймілішого. Та й кáже: «Якъ ми побráлисъ, то палі-гуляли, такъ и тепéрь трéба піти-гуляти расхóдячись.» Та напоіла пана пьяного, та положила на той візъ, що гній вóають, та й везé. А панъ прокинувсь, та й пітá: «Кудай ти менé везéшъ?» А вона кáже: «Ажé жъ ти позвóливъ узяти, що е найдлішого и наймілішого. А для менé нема ін-чого найдлішого и наймілішого одъ тéбе, я тебе и взяла.» Тоді панъ кáже: «Ну, гóді жъ сварítъца; вернімось до дóму, та станемо жити въ-кулі любéнько.»

Аналогія между этой сказкой и нашей повéстю видна сама собою и вѣтъ необходимости входить въ объясняльные подробности. Другія черты изъ этой повéсти общія вообще всякому сказочному эпосу. Змѣй, летающій къ женщинѣ — старинное повѣрье, сохраняющееся до сихъ поръ. И теперъ, если женщина начинаетъ страдать болѣзни, отъ которой сохнетъ, то думають, что къней летаетъ змѣй и ярыется ей въ видѣ знакомаго мужчины; говорять даже, что иные видятъ, какъ этотъ змѣй прилетаетъ въ видѣ огненнаго метеора, разсыпается надъ избой, где живеть обреченнія ему жертва, потомъ превращается въ мужчину. Убийство змѣя, очевидно, варіантъ тѣхъ же бесчисленныхъ сраженій съ змѣемъ, которыя можно найти въ множествѣ въ сказкахъ всѣхъ народовъ, и къ которымъ принадлежитъ наше старое сказаніе о щевекомъ богатырѣ Кириллѣ Кожемякѣ. Мальчикъ, который указы-

местъ Петру, гдѣ лежитъ агриковъ мечъ, — есть таинственное сказочное существо, воззывающее скрытую тайну, открывающее мудрость и часто являющееся въ видѣ дитяти въ народномъ эпосѣ. Къ этому сказочному представлению относится одна малороссійская пѣсня, въ которой спрашивается какое-то малое дитя (*малѣ пахолї*): какая птица лучше всѣхъ птицъ, какой цвѣтъ лучше всѣхъ цвѣтковъ, и какая людина лучше всѣхъ людей! Пѣсня эта, раздѣляемая на куплеты, представляетъ нѣсколько разъ повтореніе восклицанія: *та сказка мине прѣду, малѣ пахолї*. Такое же символическое *малѣ пахолї* является и въ этомъ отрочати, указующемъ, гдѣ лежитъ агриковъ мечъ.

Что такое агриковъ мечъ и почему онъ агриковъ, объясняетъ сказка о Добрынѣ Никитичѣ.

Агрикъ или Агрика былъ богатырь, побѣждавшій исполиновъ и чудовищъ; онъ собираль со всего свѣта оружіе и имѣлъ такое собраніе, какому подобного не было въ цѣломъ свѣтѣ. Въ числѣ оружій у него были иннврдово копье, сдѣланное изъ громовой стрѣлы и мечъ-кладенецъ, непобѣдимаго свойства. Когда умиралъ Агрикъ, то приказалъ, чтобы на его погребеніи сошлись богатыри и рѣшили споромъ и битвою, кому владѣть этими драгоцѣнными оружіями. Съѣхались трижды-тридевять богатырей и послѣ погребенія агрикова стали сражаться, и всѣ перебили другъ друга. Одинъ изъ богатырей, пережившій другихъ и смертельно-раненый, поручаетъ сокровища эти стеречь агрикову слугѣ, до тѣхъ поръ, пока явится достойный богатырь, которому предопределено овладѣть ими. Ключъ отъ этихъ сокровищъ долженъ быть лежать подъ головой убитаго, а этой головѣ слѣдовало валяться въ чистомъ полѣ до тѣхъ поръ, когда прѣдѣтъ желанный богатырь. Этотъ чаянныи богатырь былъ Добрыня Никитичъ, и онъ овладѣлъ сокровищами Агрика и съ помощью его умертвилъ Тугарина-Змѣевича — сказочное олицетвореніе враждебной силы, которую ни чѣмъ другимъ нельзя было побѣдить, какъ только агриковымъ оружіемъ.

Въ нашей повѣстѣ агриковъ мечъ запрятанъ подъ церковью, но между *керемедлями*; кереметами назывались мѣста языческаго богослуженія у восточныхъ народовъ финно-турецкаго племени. Это наводитъ на мысль, что все преданіе объ агриковомъ мечѣ заимствовано отъ этихъ народовъ и составляло сущность ихъ мифологическихъ представлений. Церковь стояла на мѣстѣ прежніихъ кереметей, потому что въ тѣ вѣка, когда христіанство распространялось и замѣнило угасав-

шее язычество, церкви обыкновенно строились на мѣстѣ, прежде священныхъ для язычниковъ.

Въ повѣстѣ нашей заключаются нѣкоторыя любопытныя черты дремъяго быта вѣрованій гражданскаго устройства и домашней жизни:

1) Отправка князя Петра за врачами въ разанску землю показываетъ тогдашнее понятіе о врачествѣ. Врачество было знахарство, а не искусство; знахары, заболѣвши, разсыпали своихъ слугъ разузнавать, гдѣ есть тѣ, которые выдаютъ себя за умѣющихъ пользоваться больныхъ. Воображеніе, отодвигая все чудесное, мудрое, необыкновенное въ даль, искало врачей не въ своей, а въ чужой землѣ. Такимъ образомъ и муромскій князь началъ искать врачей въ соседней, разанской землѣ.

2) Февронія говоритъ юношѣ, вступившему къ ней въ избу: *нелько есть дому бегъ ушио, а храму безъ очю*. Здѣсь домъ принимается въ смыслѣ всего домашнаго заведенія, двора, а храмъ въ смыслѣ избы.

3) Указаніе Февроніи на то, что отецъ ея и братъ были древолазцы, показываетъ, что въ этихъ странахъ, въ древности обильныхъ медомъ, поселяне занимались разведеніемъ пчелъ въ лѣсахъ; пчелы содержались въ бортяхъ и, какъ видно, плодились свободно, такъ что потомъ надобно было, собирая медъ и воскъ, иногда лазить на вершины деревьевъ.

4) Въ *Навы* — выраженіе старое, значить въ смерть. Здѣсь впервые, сколько известно, является это слово во множественномъ числѣ. Въ одной малороссійской пѣснѣ *наев* значитъ гробъ: *та ще тоги нікто не видавъ, щобъ умѣршии зъ наеви вставъ*; въ Чешской хроникѣ Далимилѣ слово *Навы* употреблено также въ смыслѣ могилы: *potom krok jide do nawy*; у Іоанна Экзарха Болгарскаго навъ — вампиръ: *наевъ изъ гроба изходяще*. Въ этомъ смыслѣ, по известію нашей лѣтописи, киевляне прозвали одного сановнаго мужа *наевъ*: *се наевъ пришолъ*; въ той же лѣтописи (подъ 1092, по поводу описанія страшныхъ явлений, совершившихся въ Полоцкѣ) навъ — бѣсы, привидѣнія, наносившія вредъ жителямъ Полоцка; навій великанъ — у южноруссовъ мертвѣцкій праздникъ. Въ нашей повѣсти *наевы* во множественномъ числѣ какъ будто какое-то царство смерти, міръ усопшихъ.

5) Изгнаніе Петра и Февроніи представляетъ важные указанія на общественный порядокъ и понятіе о власти. Видно, что въ восточной Руси, въ княжествахъ, рано образовалось сословіе, сильное и влиятельное, со-

словіо бояръ; оно успѣло уже развить аристократическіе зачатки. Женитьба князя на дѣвушкѣ изъ земледѣльческаго сословія уже трогала самолюбіе и казалась выходящимъ изъ границъ дѣломъ. Власть княжеская зависѣла отъ бояръ, но разъ предоставленая князю, была самодержащая до тѣхъ поръ пока признаютъ ее; подъ именемъ самодержавія, однако, нельзя понимать вполнѣ того, что впослѣдствіи разумѣлось. Достойно замѣчанія, что въ повѣстіи говорится, что когда князя изгнали, то некоторые думали сами захватить власть. Слѣдовательно, достоинство правителя не было въ Муромѣ исключительнымъ достоинствомъ княжескаго рода; слѣдовательно считались возможными случаи, а можетъ быть и бывали, когда вместо князя захватывали власть бояре, какъ подобные примѣры видны на другомъ концѣ русскаго міра — въ Галичѣ. Но эти попытки были и здѣсь, какъ и тамъ, неудачны; князь изгнанный возвращенъ снова потому, что въ городѣ явилось много претендентовъ и открылись усобицы, что составляло характеристику вообще русской исторіи. Это объясняетъ почему необходимъ былъ княжескій родъ и почему рюриковъ родъ держался въ Руси, не смотря на то, что власть его членовъ была слаба: безъ единаго рода

не было бы ничего прочнаго и всѣ между собою соились бы, и народъ страдалъ бы отъ ссоры сильныхъ. Какъ ни губительны казались иногда княжескія усобицы, но зло, происходившее отъ нихъ, не было такъ сильно, такъ ужасно, какъ то зло, которое могло возникнуть при совершенномъ отсутствіи опредѣленного понятія о правѣ лицъ на власть. Это-то самое образовывало и поддерживало, мало по малу, при согласіи выянія постороннихъ обстоятельствъ, самодержавную идею.

Когда бы ни составилась эта повѣсть въ ея масто-ящей формѣ, несомнѣнно то, что основа ея взята изъ старыхъ временъ. Точность описываемаго событія здѣсь не важна; дѣйствительно ли происходило съ Петромъ то, что здѣсь разсказывается объ изгнаніи, для нась все равно; довольно того, что въ народномъ понятіи существовало сознаніе, что такое событіе могло произойти.

Подробную оцѣнку этой замѣчательной повѣсти и отношенія ея къ сказаніямъ другихъ народовъ индоевропейскаго племени можно найти въ ученой статьѣ почтеннаго изслѣдователя нашей старинны Ф. И. Буслова, помѣщенной въ Атенеѣ 1858 года.

Редакт.

**ЛЕГЕНДА
О МАРѢ И МАРИИ.**

ЛЕГЕНДА О МАРѢ И МАРИИ.

(По списку Импер. Публ. Библ. Полод. дрессер. № 1350).

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТЪ.

СКАЗАНИЕ О МАРЕИ И О СОТВОРЕНИИ ЧТНГО И ЖИЕОТВОРАЩЕГО КРТА ГДНИ ЧТО ВЪ МУРОМСКОМЪ
УЕЗДЕ НА РЬВЕ ИЛ УНЖЕ.

Пенеже благий и премилостивый Богъ имъ не
восхотѣ благости своей въ молчаніи быти, но изли-
ятия въ ней и прошагти сущія отъ него человѣцы,
и милость его и человѣколюбіе проповѣдуєтъ вся тварь.

Тако и сія убо благочестиви поклонницы святая
единосущная Троица вѣрнія христіане, двѣ сестрѣ
Мареа да Маріи единородныи суще, добра рода и
благочестива, по лѣтѣхъ же нѣкіихъ родителя ихъ
вдана ихъ мужемъ Мареу именемъ Іоанну, Марію Логину,
Іоанъ живаше въ Муромѣ, а Логинъ въ рязанскѣ
предѣлѣхъ, и бысть между ини разстояніемъ
ше мало.

И нѣкоемъ же времени случися имъ быти у нѣ-
коего от еродникъ своихъ, и в то время ненавист-
никъ рода христіанскаго врагъ, не хоти видѣти любви
христовы въ людекъ, учина вражду промежъ Іоанномъ
и Логиномъ, и вложи гордыню въ сердца ихъ; и бысть
велика брань промежъ ихъ о мѣстѣхъ: ни единъ одно-
му мѣста не хощеть дати. Іоанъ поносяся богаствомъ,
а Логинъ хвалася отчествою, и о томъ велика при-
между ихъ, потомъ раздошася во свои себѣ дому: Іоанъ въ Муромѣ, а Логинъ на Рязань. О злата козни
діволи! Како от любви Божиї отврати, а вражду всѣ-
зять! Не только во гдѣхъ раздошася, но и клятву на

свои души положили, что другъ со другомъ и до смерти
не видѣться, и женамъ своимъ заповѣдали, чтобы имъ
сестрѣ съ сестрою не съѣзжаться, и письма не ссы-
латься. И тако въ томъ гдѣвѣ многимъ лѣтомъ минув-
шамъ безъ вѣсти другъ друга, и судомъ Божиимъ пре-
ставися Іоанъ въ Муромѣ, и того же мѣсяца и дни
преставися и Логинъ на Рязани. Великое то чудо: ка-
ко единаго дни и часа обѣ сестрѣ мужей своихъ от-
лучилися, а не вѣдаютъ другъ иро друга вдовства сво-
его! И ишув (шу) годиночному времени, востужися
Мареа о сестрѣ своей Маріи, и моля Бога, дабы подаль-
ши милости своей, чтобы видѣть ей сестра свое, и рече
въ пемыслѣ своемъ: пойду я на Рязань, и поклонюся
зятю своему Логину: да умилитсѧ надо мною, вдовства
ради моего, потомъ увижу сестру Марію. И милости-
вый Госпель Богъ не презрѣ и коленѣ рабы своей Мар-
еи: вложи ту же мысль въ сердце и сестрѣ еи Маріи
иити въ Муромъ поклонитися зятю своему Іоанну и
видѣти сестру; а не вѣдаютъ обѣ вдовства своего.

Ие малѣ же времени, повелѣ Мареа рабомъ своимъ
изготовити кони и себѣ колесницу и возгла запасомъ,
и пойде въ рязанскія предѣлы къ зятю своему Логину.
И тако повелѣніемъ Божиимъ и Маріи пойде того-
же дни въ Муромъ къ зятю своему Іоанну, а не вѣдая

другъ про друга. И ъдущи же Мареѣ путемъ, по нѣкоемъ дни прилучися стати на нѣкоемъ пустѣ полѣ, покоя ради; и въ тоже время пріѣде и Марія на тоже поле, привезь своего раба и рече ему: пойди, рабе, вопроси отъ служащихъ: кто на семъ полѣ стоитъ? мужескъ ли полѣ или женскъ! аще мужескъ полѣ стоитъ на семъ мѣстѣ, то поѣду далѣ отъ сего мѣста, аще ли женскъ полѣ стоитъ, то и я здѣ пребуду. Рабъ же маріинъ пріиде въ вопросы единаго отъ служащихъ ту: брате, повѣждь ми, кто стоитъ на семъ мѣстѣ? Онъ же отвѣща: стоитъ здѣ изъ Мурома вдова Марея, а ъдетъ на Рязань къ сестрѣ своей Маріи. Рабъ же маріинъ, слыша слово, тече скоро къ госпожѣ своей Маріи, и повѣда все поряду слышанное отъ служащаго онаго, Марія же, познавъ, что единородная сестра ея Марея, пометавъ все, течаше скоро къ Мареѣ со многими плачами; Марея же съ великимъ ужасомъ и со слезами иде на встрѣтеніе ея, и рече: устрашила еси мя, сестро! Кто еси ты? Съ плачами идешь ко мнѣ; азъ познати тебя немогу. Она же едва промолви отъ зѣленой своей начали и рече: азъ изъ Рязани убогая вдова сестра твоя Марія, бреду къ тебѣ, да плачу своего вдовства. И зря другъ на друга много, и не може по образу познати едина едину, токмо по отчеству и по именомъ, и хапивъ другъ со другомъ, и нападе на выи свои, и пролія слезы, аки рѣку, и безмолвно рыданіе творя. Раби же ихъ и рабыни, видя такое ихъ познаніе и неугодимый плач, приступиша къ нимъ со многими слезами, и молиша ихъ, дабы престали отъ зѣльнаго своего плача. Они же едва проглаголаша другъ ко другу; и рече Марія Мареѣ: Когда мужъ твой Іоаннъ умре? И отвѣща Марея: онаго лѣта и онаго дни и часа мужъ мой умре. Тако и Марія рече: сестро моя милая! Велие то чудо показа Богъ майдъ нами! отъ единаго дни и часа вдовство свое плачъ съ тобою: въ тоже время и мой мужъ Логинъ умре! И тако слезы къ слезамъ прилагаше, и плакастася горко, поминая безсовѣтіе мужей своихъ, и о своемъ многихъ лѣта несвиданіемъ. (даний) Потомъ же, размыслия о судьбахъ

Божіихъ, и глаголаша обѣ вкупѣ: о неизреченная премудрость Спасителя нашего Христа! О неисчерпаемыя глубины милосердія своего! Излія на насъ убогихъ благодать свою! Како многія лѣта не слыхаомъ другъ про друга, а нынѣ видимъ надъ собою благодать Божію! И возрадовостася великою радостію о своемъ свиданіи. Потомъ же повелѣ (ша) рабомъ своимъ учредить трапезу, и тако веселяся и радуяся, пивши и ядши, потомъ и рабъ своихъ насыщая довольно.

И скончавшу же ся тому дни, и бысть ношъ; они же обѣ сестрѣ легше на единомъ одрѣ спати и явися (ша) имъ Ангель Господень въ тонцѣ снѣ и даде Мареѣ злата, а Маріи сребра, и повелѣ имъ въ златѣ слити животворящій крестъ Господень, а въ сребрѣ ковчегъ кресту Господню, и рече имъ: зутра кого на встрѣтѣ узрите первого человека, тому отдайте злато и сребро: той же ванъ крестъ и ковчегъ построить. И убудистася отъ сна и посكونиши скоро отъ ложа своего, нападе на нихъ страхъ великий о видѣніи томъ. И повѣдаста другъ другу: како явися имъ во снѣ ангель Господень, и како даде имъ злато и сребро, и что повелѣ имъ творити; и очутивши обѣ, и обрѣтише Марея въ рукавѣ срачицы своея вданное ей отъ ангела злато, а Марія обрѣте у себя сребро, и возрадовостася великою радостію. О неизреченной благодати Божій! Како во снѣ дадеся имъ злато отъ ангела, тако и наявѣ бысть! Потомъ же Марея и Марія поѣде въ Муромъ къ своимъ сродникомъ свиданія ради, и мало отъиде отъ того мѣста въ нуть свой, и видѣша трехъ старцевъ достолѣтныхъ зѣло и сѣдинами украшеныхъ, грядущихъ къ нимъ прямо. Марея же и Марія увидѣша старцовъ и познаша ихъ по видѣнію ангелову; и страхомъ содержими, и воставши, поклониша онѣ старцемъ до земли, и повѣдана имъ о видѣніи ангеловъ все поряду, о златѣ и сребрѣ, и како повелѣ имъ отдать злато и сребро первымъ людемъ на встрѣчу пути сего, и повелѣ въ златѣ слити животворящій крестъ, а въ серебрѣ ковчегъ сему кресту Господню. Что вы намъ сотворите, честніи отцы,

видимъ мы убогіи, вашю святость. Старцы же отвѣщаша к нимъ: буди благодать Божія съ вами! Мы того ради к вамъ придохомъ. Мареа же и Марія отдаде злато и сребро старцемъ съ великою радостю. Старцы же пріяша злато и сребро, отъидоша въ путь свой.

Мареа же, ни о чёмъ сумняся, поѣде въ путь свой, поять же и Марію сестру свою съ собою, и пріѣде въ Муромъ въ свой ей домъ. И призвавъ свои сродники, и друзіи, и сосѣди близкіи, Мареа же обрадовася о неизреченной милости Божіей; и повѣда сродникомъ своимъ все поряду, како обрѣла сестру свою Марію, и о видѣніи ангеловъ, и о вданіонъ намъ златъ и сребръ, и како отдаша злато и сребро тремъ старцемъ на строеніе креста Господня. Сродницы же Мареи и Маріи, не познавше дѣла Божія, роптаху на ня и рѣша: безумніи есте жены! обрѣтосте толику казну и погубисте ю! Како невѣдомымъ и незнаемымъ отдасте толико злата и сребра? Или здѣ во градѣ мастеровъ нѣтъ, кому крестъ Господень построити? И ропташа многое несмысленіе, послаша рабъ своихъ по многимъ дарамъ и по малымъ стезямъ на взысканіе тѣхъ старцевъ возвратити къ себѣ. Послѣди же тѣхъ посланыхъ рабъ, по совѣту праведныхъ тѣхъ женъ, а своихъ сродницъ, Мареи и Маріи, по глаголу ихъ, поидоша съ ними на то мѣсто, гдѣ имъ явися ангелъ Господень и вдаде имъ злато и сребро, и на коемъ мѣстѣ то злато и сребро отдаша тѣмъ старцемъ.

По времени же иѣкоемъ, приближающимся имъ къ тому мѣсту, гдѣ отдаша старцемъ злато и сребро, и узрѣ (ша) издалеча грядуща къ нимъ три старцы; и несопша съ собою животворящій крестъ Господень златый въ ковчезѣ сребряномъ. Мареа же и Марія, познавъ дѣло Божіе, увидѣвшіе старцовъ, текше къ нимъ со сродницими своими скоро, и поклонистася старцемъ до земли, и

припадше со слезами къ честнымъ ногамъ ихъ, и рѣша къ нимъ: святче Божіи! вы ли есте на семъ мѣстѣ явистася намъ и взяста у насъ убогихъ вдовицъ вданное намъ отъ ангела злато на строеніе животворящаго креста и сребро на сотвореніе ковчега кресту Господню? И отвѣщающіе оные святые три старцы: мы взяли у васъ злато и сребро, и содѣла (ли) животворящій крестъ въ томъ златѣ, а въ сребрѣ ковчегъ кресту Господню. И рѣша старцы Марея и Марія: буди благодать Божія съ вами и по вѣрѣ вашей Богъ дарова вамъ! молитеся душамъ вашимъ на спасеніе, а миру на сохраненіе, и на очищеніе душамъ и болѣщимъ на исцѣленіе! И рѣша старцы: примите дарованіе вамъ отъ Бога, честный и животворящій крестъ Господень и ковчегъ! Они же пріяша съ радостю великою; и молаша Мареа и Марія и сродницы ихъ старцовъ; святче Божіи! повѣдайте намъ: откуду есте пришли сѣмо? Они же отвѣщаша: от Царяграда! И рече Мареа: Господине мой! коми мѣсяцы и денными дойде до сего мѣста? Они же отвѣщаща имъ: третій часъ. Потомъ же невидимибыша. Мареа же и Марія со сродники своими придоха въ домъ свой съ великою радостю славище Бога, и пресвятую его Богоматерь, и призвавъ священники, и молебная совершая честному и животворящему кресту Господню, и моля Бога, дабы явилъ имъ Богъ, гдѣ поставить честный крестъ и молитися. Явишеся животворящій крестъ Господень во снѣ, и бысть имъ гласъ отъ креста Господня: поставите ма въ церкви соборной архистратига Михаила архангела отъ сего мѣста едино поприще, и тутъ молитеся. Тако и бысть; и до нынѣ всѣмъ подается исцѣленіе съ вѣрою приходящимъ къ нему и молящимся. Мѣсто же въ Муромскомъ уѣздѣ, въ Унженскомъ стану, на рѣкѣ на Унжѣ, на погостѣ.

ВТОРОЙ ВАРИАНТЪ.

(Илл. Публ. Библ. отд. XVII № 35.)

СКАЗАНИЕ О НЕДВИЖИ ЧОСТНАГО И ЖИВОТВОРАЩЕГО КРЕСТА ГДЫ ЕСТЬ В МУРОМСКОМ ПРЕДСЛАВИИ РВИКЪ НА УНЖЕ У ЦРКВИ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА.

Бъша дѣвъ сестрѣ синеклицки дщери, ини единой Марія, друзей же Мареа. И посягну Марія за иѣкоего мужа, именемъ Іоанна въ Муромской области; Мареа же вдана бысть мужеви, именемъ Логина в Рязанскую область. Бѣже Іоаннъ синеклицка роду, но имѣніемъ не богатъ; Логинъ же бѣ родомъ менши юаннова отчества, а имѣніемъ богатъ зело; и случися имъ быти вкупѣ у родителей женъ своихъ на пиру и бысть промежъ ими при о первосвѣдоміи ихъ. Іоаннъ бо хотя выше сѣсти Логина по своему отчеству; Логинъ же недаше ему иѣста, богатства своего ради. И от того времени много лѣтъ между себѣ не знахуся и не сходахуся сами, и женъ не отпускаху, написаніемъ не ссылахуся до умертвія своего. И по мнозехъ лѣтехъ Іоаннъ и Логинъ, преждереченнамъ мужа, умрости обо во единъ день и часъ, а жены ихъ, Марія и Мареа, ии едини о сихъ не вѣдаше, но какждо о себѣ быста въ скорби и въ печали. И помысли Марія въ себѣ, глаголя: пойду къ зятю своему Логину, и вижду сестру свою, и аще онѣ возмутъ мя, и азъ учну у нихъ пребывать; аще ли не возлюбать, и азъ у сестри прощеніе пріиму. Мареа же сестра ея сіи же помысли, глагола въ себѣ: пойду къ зятю своему Іоанну и къ сестрѣ своей, и вижду, и аще они мя призратъ, и язъ имѣніемъ своимъ нанолнию ихъ, и будуть онѣ богаты и славны, якоже быль мужъ мой по своему отчеству. Яже помыслиша, тако и сотвориша. И пойдоша во единъ день изъ домовъ своихъ. И срѣтостася на пути, и стала станы особь, а не вкупѣ, не вѣдаху бо ся кто есть; и послана меншай се-

стра слугу своего прошати: кто есть стоять? Сама же помысли въ себѣ: егда будетъ сестра моя, то вкупѣ сидимся; аще мужеска полъ, то отидемъ подале. И пріешдъ слуга, вопроси, и увѣдевъ, яко ѿдѣть вдома отъ Мурома къ сестрѣ своей; слуга же, отшедъ, повѣда госпожѣ своей. Она же рече: сидимся вкупѣ. И сидишася, и поклонишася между себѣ и цѣловастася, но не познастася, яко сестры еста, дондеже увѣдение отъ вопросенія именъ и отчества, и отъ того познашася, и начаша лобызатися со слезами и радостю, и скорбѣти о мужехъ, и еже бяху не въ любви, быста мужа ихъ и скончастася, и не точю о нихъ, но наче о себѣ, еже толико лѣтъ не видахуся, ни писаніемъ не возвѣщахуся, и о семъ радовахуся, еже даде имъ Богъ видѣти на кончинѣ вѣка ихъ. И уготовиша ту трапезу, и ядоша и пиша въ славу Божію, и веселяхуся, и оочити начаша на томъ иѣстѣ, и не спаху совершение, ниже бѣти можаху. И въ мгновеніи очесе явися имъ во снѣ ангелъ Господень, и вдавъ имъ злато и сребро, Мареѣ злато, а Маріи сребро, и невѣлъ имъ то злато и сребро вдати первому человѣку, иже по саму пути заутро пойдетъ, они же взаша во снѣ злато и сребро, и завергтиша себѣ за рукова, и веевбудиша отъ сна, и повѣдати начаша сестра едини друзей, глагола: явися мнѣ во снѣ ангелъ Господень и вда мнѣ, глагола: присланъ къ тебѣ злато по твоей вѣрѣ; сотвори въ немъ животворящей крестъ! И посмотре у себе зата за руковою, и обрѣте за руковою на ягѣ. И повелѣши, рече, то злато отдати первому человѣку, иже днесъ пой-

деть путемъ симъ. Марія рече: также и мнѣ, сестро, явися ангелъ Господень, вда ми сребро и повелѣ такожде отдать и сотворити животворящему кресту ковчегъ. И посмотрѣвъ, обрѣте у себя за руковою сребро, и наче плакати со слезами и радостю, Богу молитися о томъ предивномъ чудеси, иже одари имъ Господь Богъ таковую благодать. И аbie узрѣша три мниха грядуща путемъ, и призваше ихъ к себѣ, повѣдаша имъ вся пораду прежде реченнай: како явися имъ ангель Господень во снѣ и вда имъ злато и сребро, и повелѣ имъ в златѣ сотворити крестъ Господень, а в сребрѣ ковчегъ, и повелѣ имъ взяти. И отвѣщаша имъ мниси: мы того ради к вамъ придоша (хомъ). Они же о томъ не поскорѣша ни мало, и вдаша мнихомъ злато и сребро, и повелѣша сотворити в златѣ крестъ, а в сребрѣ ковчегъ; мниси же взяша злато и сребро, и поидаша путемъ своимъ; сестреницы же отидоша в Муромъ к сродницамъ своимъ, и повѣдаша имъ вся бывшая. Сродницы же начаша на нихъ роптати, еже они таковую благодать отдаша невѣдомымъ старцемъ: или здѣ во градѣ нѣсть хитрецовъ кому в томъ златѣ сотворити честный крестъ, а в сребрѣ ковчегъ? И отвѣщаша имъ сестреницы: намъ тако повелѣ явившися на ономъ мѣстѣ! И сбрасшася к нимъ иного множество людей, и начаша урежати еже гнати в сльдѣ старцевъ онѣхъ, ради злата и сребра, даннаго имъ. И сотвориша совѣтъ та-ковъ: да единъ господинъ с чужимъ рабомъ, а рабъ

с чужимъ господиномъ, дабы тѣхъ мниховъ гдѣ обрѣсти и не утаити между собою злато и сребра. И егда восхотѣша ѻхати в разные пути, и аbie узрѣша тіи сихъ тріехъ старецъ грядущихъ, несущихъ животворящій крестъ, сотворенъ в златѣ, и в сребрѣ ковчегъ. И начаша младыя юноши к нимъ прікасатися, старцы же рѣша имъ: идѣже совѣщаася, тако и грядите. И узрѣша се бояре и вельможи, запретиша юношамъ, да не оскорбятъ мниховъ, и сами сидиша с коней, поклониша имъ, и пріяша ихъ честно; они же пріодоша ко онѣмъ двумъ сестрамъ. Рѣша Мароѣ и Маріѣ: иже явися вамъ во снѣ ангель Господень, и вда вамъ злато и сребро, сотворити повелѣ в немъ господень животворящій крестъ и ковчегъ, и се вами сотворили на долголѣтство, а міру на исцѣленіе! И вопросиша ихъ: гдѣ они быша? Они рѣша: во Царѣградѣ. И паки вопросиша ихъ: колико имъ из Царяграда? Они же рѣша: третій убо есть часть! И вопросиша ихъ: что убо готовити имъ на трапезу ясти? Они же рѣша: мы не требуемъ ясти; вамъ повелѣ Богъ пити и ясти! И се рѣша, невидимибыша. И потому явися онѣмъ обѣма сестрамъ животворящій крестъ Господень, да поставятъ его в церкви архангела Михаила. И сотвориша тако. Идѣже есть и до нынѣ животворящій крестъ Господень, точть неизреченная чудеса всѣмъ молящимся ему с вѣрою и до сего дѣне. Ему же слава, и нынѣ, и прино, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПОВѢСТЬ

ОБЪ УЛЬЯНИИ МУРОМСКОЙ.

ПОВѢСТЬ

ОБЪ УЛЬЯНИИ МУРОМСКОЙ.

(Импер. Публ. Библ. Русск. рукоп. ин° отд. I № 35.)

Во дни благовѣрнаго царя и великаго князя Іоанна Василіевича всеси Русіи, от его царьскаго двора, бѣ мужъ благовѣронъ и нищелюбивъ, именемъ Іустинъ, пророкомъ Недоревъ, саномъ ключникъ, имѣя жену такову же bogолюбиву и нищелюбиву, именемъ Стефаниду, Григорьеву дщерь Церемукіна; отъ града Мурома; и живища во всякомъ благовѣріи и чистотѣ, и имѣща сыны и дщери, и много богатства, и рабъ множества; от него же родися сія блаженная Ульянія. Бывша же ей 6 лѣтъ, оумре мати ея, и поять ю в предѣлы муромскіе баба ея, матери ея мать, вдова Анастасія Никифора Дубенскаго, во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; 6 же лѣтъ и сумре баба ея, и по заповѣди ея, поять ю к себѣ тетка ея, Наталия Путылова жена Арапова. Сія же блаженная Ульянія отъ младыхъ ногтей Бога воалюби и Пречистую Матерь, помногу чтише тетку свою и дщери ея, и имѣя во всемъ послушаніе и смиреніе, и молитвѣ и посту прилежаше, и того ради от тетки много сварика бѣ, а от дщере ея посмѣхаема: и глаголаху ей: о безоумная! что в толицѣ младости плоть свою изнураешъ, и красоту дѣвственную погубиши? И поуждаху ю рано ясти и пить; она же не вдаяшеся воли ихъ, но все со благодареніемъ пріимаше, и с молчаніемъ отходаше; по-

слушаніе имѣя ко всякому человѣку, бѣ бо из млада кротка и молчалива, не буйва, не величава, и от смѣха и всякия игры отграбаشه; аще и многажды на игры и на пѣсни пустошные от сверстницъ нудима бѣ, она же не приставаше к совѣту ихъ, недоумѣніе на ся воалагаша, и тѣмъ потантіи хотя своя добродѣтели; точію в прядивномъ и в пляличномъ дѣлѣ прилежавіе велие имаше, и не угасаше смѣща ея вся ноши; а иже сироты и вдовы немощныя в веси той бѣху, и всѣхъ обѣшиваше, и всѣхъ воужихъ и больныхъ всяцѣмъ добромъ назиравше, яко всѣмъ дивитися разуму ея и благовѣрію; и вселися в не страхъ Божій. Не бѣ бо в веси той церкви близъ, но яко два поприща; и не лучини ей в дѣвичестѣмъ возрастѣ в церковь приходити, ни слышати словесъ Божіихъ почитаемыхъ, ни учителя учѧща на спасеніе николихе, но смысломъ бо господнимъ наставляема иправу добродѣтельную. Егда же достигне 6-ю на 10 лѣта, вдана бысть моужу добродѣтельну и богату, именемъ Георгію, пророкомъ Осорину, и вѣньчани быша от сущаго ту попа, именемъ Потанія, въ церкви праведнаго Лазаря, в селѣ мужа ея; сей поучивъ ихъ иправильомъ святыхъ закону Божію; она же послуша ученія и наказанія виятно, и дѣломъ исполненіе. Еще бо свѣ-

кру и свекрови ея в животъ соущимъ, иже видѣвъше ю возрастомъ и всею добротою исполнену и разумну, и повелѣста ей все домовное строеніе правити, она же со смиреніемъ послушаніе имаше к нимъ, ни в чёмъ не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повелѣнная ими непреткновенно совершаще, яко всѣмъ дивитися о ней; и многимъ искушающимъ ю в рѣчахъ и во отвѣтѣхъ, она же ко всякому вопросу благочиненъ и смысленъ отвѣтъ даяше; и вси дивляхуся разумоу ея и славаху Бога; по вся же вечера довольно Богу молящеся и колѣно преклоненія по 100 и множае, и вставая рано по вся утра, также творяше и с. моужемъ своимъ; егда же мужу ея на царьскихъ службахъ бывающу лѣто или два, иногда же по три лѣта во Асторехани, она же в та времена по вся нощи безъ (сна) пребывающи, в мольбахъ, и в рукодѣліи, в прядиве, и в пилничномъ дѣлѣ, и то продавъ, нищимъ цѣну даяше и на церковное строеніе, многу же милостыню отай творяше в нощи, в день же домовное строеніе правяще; вдовами и сироты, аки истовая матъ, печашеся, своими руками омыя и корымъ и напаля; рабы же и рабыни удовляше пищею и одѣждею, и дѣло по силѣ полагаше, и никого простымъ имененъ назваше, и не требоваше воды ей на омовеніе рукъ подающаго, ни сапогъ разрѣшающа; но все сама собою творяше, а неразумныя рабы и рабыни смиреніемъ и кротостію наказуя, и исправляше, и на ся вину отлагаше, и никого не оклеветаше, но всю надежду на Бога и на Пречистую Богородицу возлагаше, и велика го чудотворца Николу на помощь призываще, отъ него же помощь пріимаше. Во едину же нощь, воставъ по обычаяу на молитву, без мужа, бѣси же страхъ и ужасъ велика напущаху ей, она же, млада еще и неискусна, тако убоися, и лаже на постели, усну крѣпко, увидѣ много бѣсы пришедшя на ю со оружіемъ, хотяще ю убить, рекуще: аще не престанешъ такового начинанія, аbie погубимъ тя; она же помолися Богу и Пречистой Богородицѣ и святому Николѣ, и явися й святый Никола держа книгу велику, и разгна бѣ-

сы, яко дымъ бо изчезоша, и воздигъ десницу свою, благослови ю, глаголя: дщи моя, мажайся и крѣпися, и не бойся бѣсовъскаго прещенія! Христосъ бо и въ повелѣ тебе соблюдати отъ бѣсовъ и злыхъ человѣкъ! Она же аbie от сна возноувъ, увидѣ явѣ моужа изъ храмини дверьми изшедъша скоро аки молни; и воставъ скоро, иде во слѣдъ ея, и аbie певидимъ бысть, но и притворъ храмини той крѣпко запертъ баше; она же оттолѣ извѣщеніе пріемши, возрадовася, славя Бога, и паче первого добрыхъ дѣлъ приложаше.

По малѣ же Божиѣ гїбѣ роускую землю постигъшу, за грѣхи наши, гладу велику зѣло бывшу, и мнози отъ глада того помираху; она же многу милостыню отай творяше, взимаше пищу оу свекрови наутренее и на полѣденное яденіе, и все нищимъ гладнымъ даяше, свекры же глагола ей: какъ ты свой иравъ времени? егда бѣ (у) Христа Бога изобиліе, тогда не могохъ та и раннему и полоуденному яденію принудити, а выѣтъ егда оскудѣніе пищи, и ты ранне и полѣдневное яденіе взимаешь! Она же, хотя утаитися, отѣща ей: егда не родихъ дѣтей, не хотящими ясти, и егда начахъ дѣти родити, обезспехъ, и не могоу не ясти не точію в день, но и нощю множицю хощетьмися ясти, но срамляюся у тебе просити. Свекры же се слышашъ, рада бысть, и посылаше ей пищу довольно не точію в день, но и в нощь; бѣ бо у ихъ в домоу всего обично, хлѣба и всѣхъ потребъ. Она же отъ свекрови пищу пріимая сама, а не ядяше, гладнымъ все раздаша; и егда кто умираша, она же найдаше омывати, и погребальной даине и на погребеніе сребреники даине, а егда в сей вѣкъ погребахутъ мертвыхъ кого нибоуди, о всякомъ молися о отпущеніи грѣхъ. По малѣ же морь бысть на люди силенъ, и мнози умираху пострѣломъ, и оттого мнози в домаѣ запирахуся и уязвенныхъ пострѣломъ в домаѣ не пущаху, и ризамъ не прикасахуся; они же, стай свекра и свекрови, изведенныхъ многихъ своими руками в бани омывалица, и о исцѣленіи Бога молите, и аще кто умираша, она же многи сироты своими руками омыть и погре-

бати наймал, и сорокоустъ даяше. Свекру же и свекрови ея въ глубоцѣй старости во иноцѣхъ умерыши мъ, она же погребе ихъ честно: многу милостыню и сорокоусты по нихъ разда служити по нихъ литоргію, и въ домоу своемъ покой миныхомъ и нищимъ поставляше во всю 40-цу во вся дни, и въ темницахъ милостыни посыпаше. Моужу бо ея въ то время на слоужбѣ во Астарахани три лѣта и болѣ бывшу, она же по нихъ много имѣнія въ милостыню истроша, не точію въ дни, но и по вся лѣта творя память умерышимъ. И тако по живъ съ моужемъ лѣта довольна во мнозѣ добродѣтели и чистотѣ по закону Божію, и роди сыны и дщери. Ненавидій же добра врагъ тщащеся спону ей сътворити; часты браны воздвизашася въ дѣтехъ и рабѣхъ; она же вся, смысленно и разумно разсуждая, смираше; врагъ же наусти раба ихъ: и уби сына ихъ старѣйшаго; потомъ и другаго на службѣ убиша; она же вмалѣ о ней (о семъ) оскорбися; но о душахъ ихъ, а не о смерти, и почти ихъ иѣніемъ, и молитвою, и милостынею; потомъ моли моужа отпустити ю въ монастырь; и не отпусти, и соѣщавшеся вкоупѣ жити, а плотнаго совокупленія не имѣти. И оустрои емоу обычную постелью, сама же съ вечера по мнозѣ молитвѣ возлегаше на печи безъ постели, точію дрова острыми странами къ тѣлу подстилаше, и ключи желѣзны подъ ребра свои подлагаше, и на тѣхъ мало сна пріимаше, дондеже рабы ея усыпааху, и потомъ вставаше на молитву, во всю нощь и до съвѣта, и потомъ въ церковь вхожаше къ заутренїи и къ литоргію, и потомъ ручному дѣлу пригражаше, и домъ свой богоугодно строяше, рабы свои довольно пищею и одѣяніемъ удовляша, и дѣло комоудждо по силѣ задаваше, вдовами и сироты печашеся, и бѣдныхъ во всемъ помагааше.

И по живъ съ моужемъ 10 лѣтъ по разлученіи плоти и, мужу ея преставльшуся, она же погребе и честно, и почти пѣніемъ и молитвами, и сорокоусты, и милостынею, и паче мірская отверже, и печашеся о душѣ, какъ угождти Богу, ревиоу прежнимъ святымъ женамъ, моляся Богу, и постяся, и милостыню безмѣрну творя, яко мно-

гажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займа дающе нищимъ милостыню, и въ церковь во вся дни хождаше къ пѣнію. Егда же приходаше зима, взимаше у дѣтей своихъ сребреники, чимъ устроити одежду, и то разда нищимъ, сама же безъ теплыхъ одежды въ зиму хождаше, въ сапоги же босыма ногама обувашеся, точію подъ нозѣ свої орѣховы скормлупы и чрапіе острое вмѣсто стелекъ подкладаше, и тѣло томаше. Во едино же время зима бѣ студена зѣло, яко земли разсѣдатися отъ мраза; она же иѣколько времія къ церкви не хождаше, но въ домоу моляся Богу. Во едино же времія зѣло рано попоу церкви той пришедшу единому въ церковь, и бысть емоу гласъ отъ иконы богоординичны: шедъ, рцы милостивой Ульянѣ, что въ церкви не ходить на молитву? и домовная ея молитва богопріятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меныши 60 лѣтъ, и Духъ Святый на ней почіетъ! Попъ же въ величѣмъ оужасъ бывъ, аbie пріиде къ ней, надъ при ногу ея, прося прощенія, и сказа ей видѣніе. Она же тяжко винать, еже онъ повѣда предъ многими, и рече: соблазнился еси, егда о себѣ глаголеши; кто есь азъ грѣшница, да боуду достойна сего нарицанія! И закая его не повѣдати никому, сама же иде въ церковь и съ теплыми слезами молебная совершишъ, цѣлова икону Богородицыну, и оттолѣ болѣ подвизася къ Богу, ходя къ церкви, по вся вечеры молашеся Богу во отходной храминѣ; бѣ же ту икона Владыцина и святаго Николы. Во единъ же вечеръ виnde въ ню по обычаю на молитву, и аbie бысть храмина полна бѣсовъ со всякимъ оружиемъ, хотяху оубити ю; она же помолися Богу со слезами; и явися ей святый Никола, имѣя палицу, и прогна ихъ отъ нея; яко дымъ исчезоша; единого же бѣса поймавъ моучаше; святою же благослови крестомъ, и аbie невидимъ бысть. Бѣсь же плача, вопіяша: азъ ти многу спону творяхъ во вся дни: воздвизахъ брань въ дѣтехъ и въ рабѣхъ, къ самой же не смыяхъ приближитися ради милостыни, и смиренія, и молитвы. Она бо безпрестанни, въ рукахъ имѣя четки, глаголя Іисусову молитву;

аше ядяше и піланье, ли что дѣлал, непрестанно молитву глаголаше; егда бо и почиваше, уста ся движася и утроба подвигаста (ся) на славословіе божіє; многажды видѣхомъ ю спищу, а рука ся чотки отдвигаше. Бѣсь же бѣзъ от нея, воинаше: многу бѣдоу нынѣ пріяхъ тебе ради, но сотворю ти спону на старость гладомъ измирати, не чужихъ корымити! Она же знаменася крестомъ; исчезе бѣсь от нея; она же к намъ пріиде оужасна вельми и лицемъ премѣнишися; мы же видѣхомъ ю смущену, вопрошахомъ, и не повѣда нищоже. Не по мвози же сказа намъ тайно и заповѣда не речи никомуо.

И поживъ во вдовѣствѣ 9 лѣтъ, многу добродѣтель показа ко всѣмъ, и многое нищета в милостыню разточи, точію ноужные потребы домовыные оставляше, и пишу точію годъ до года разчиташе, а избытокъ вся требующши растакаше: и продолжиша животъ ея до цара Бориса. В тоже время бысть гладъ крѣпокъ во всей роусстѣй земли, яко многимъ от ноужды скверныхъ мясъ и человѣческихъ плотей вкушати, и множество человѣкъ немачетно гладеющъ изомроша. В домоу же ся велика скончность пищи бысть и всѣхъ потребныхъ, яко отнюдь не пропрасте из земли всѣеное жита ея, кони же и скоты изомроша; она же моляще дѣти и рабы своя, еже отнюдь ничему и татьѣ не косноутися, но елико оставши сиоты, и ризы, и сосуды вся распродра на жито, и от того челядь корымаше, и милостыню довольну даваше, и в нищетѣ обычныя милостыни не разстася, и ни единого от просащихъ не отнуди тща, дойде же в послѣднюю нищетоу, яко ни единому зерну остатися в дому ея, и о томъ не смятесь, и все упованіе на Бога возложи. В то бо лѣто преселися во ино село в предѣлы вижеградъцкія, и не бѣ ту церкви, и яко два поприща; она же старостю и нищетою одержима, не хождаше к церкви, но в дому молящися, и о томъ немалу печаль имаше, и поминая святаго Корнилія, яко не вреди его и домовная молитва и иныхъ святыхъ. Велицъ же скудости умножиши в

дому ея, она же распусти рабы на волю, да не измурятся гладомъ, от них же доброрассоудны обѣщакуся с нею терпѣти, а ини отъидоша, она же со благословеніемъ и молитвою отпусти я, не держа гнѣза имало, и повелъ оставшимъ рабомъ собирати лебедоу и кору древяноую, и в томъ хлѣбъ сотверить, и от того сама съ дѣтьми и рабы питашася, и молитвою ея бысть хлѣбъ сладокъ; от того же нищеты даяние, и никого нища не отпусти; в то бе время без числа нищихъ бѣ. Сосѣди же ея глаголаху нищими: что ради взялъ (?) нимъ (къ нимъ?) в домъ ходите? она бо и сама гладомъ измираеть! Они же повѣдана имъ: многи села обходимъ и чистъ хлѣбъ вземлемъ, а тарь в сладость не ядохомъ, яко сладокъ хлѣбъ вдовы сея. Много бо имени ея не вѣдаху. Сосѣди же изобильный хлѣбъ (имѣюще?) посылаху в домъ ея просити хлѣба искушающа и такоже свидѣтельствующа, яко вельми хлѣбъ ея сладокъ, и дивися человѣкѣ (?) к себѣ горазди рабы ея печь хлѣбовъ, и не разумѣюще яко молитвою ея хлѣбъ сладокъ. Потерпѣ же в той нищетѣ два лѣта, не опечалися, ни смутися, ни поронита, и не согрѣши ни во устахъ своихъ, и не дастъ безоумія Богу, и не измеможе нищетою, но паче первыхъ лѣтъ весела бѣ.

Егда же приближися честное ея представление, и разболѣся декабра в 26-й день, и лежа 6 дней: въ день лежа молящеся, а в вощи воставая молящеся Богу особъ стояще, никакъ поддержаны, глаголаше бо: и у большаго Богъ истязуетъ молитвы духовныя. Генваря въ 4-й день, свитающу дню, призва отца духовнаго, и причастися святыхъ таинъ, и сѣдъ призыва дѣти и рабы своя, и поучая о любви, и о молитвѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣлехъ, прирече же и се: желаніемъ возжалахъ ангельскаго образа, иначескаго не сподобихся грѣхъ моихъ нищеты ради, понеже недостойна быхъ грѣшица сый убогая, Богу таикъ извольшу, слова праведному судоу его. И тоуть повелъ уготовити кадило, и еиміамъ положити, и цѣлова вся соущая ту, и всѣмъ миръ и прощеніе дастъ, возлеже, и прекрестися трижды, объинъ

чотки около руки своеи, посдѣднее слово рече: слава Богу всѣхъ ради! в роупѣ твои, Господи, предаю духъ мой, аминь! И предаетъ доушу свою в роупѣ Божіи, его же возлюби, и вси видѣвше около главы ея кругъ златъ, якоже на иконахъ околь главъ святыхъ пишется; и омывше положьше ю в кѣтѣ; и в туу воощь видѣша свѣтъ и свѣща гораща, и благоуханіе велие повѣвшее ис кѣти той; и вложьше ю во гробъ дубовый, везоша в предѣлы муромскія, и погребъше у церкви праведнаго Лазаря подлѣ моужа ея в селѣ Лазаревѣ за четыре версты отъ града, в лѣта 7112 генваря въ 10 день.

Потомъ надъ нею поставиша церковь теплую во имя архистратига Михаила, надъ гробомъ ея лучиня пещи быти, земля же возрасташе надъ нею по вся лѣта. И бысть в лѣто 7122 го августа въ 8 день преставиша сына ея Георгій, и начаша въ церкви копати емоу могилу, в притворѣ между церковию и пещю, бѣ бо притворъ той безъ моста, и обрѣтъше гробъ ея на верху земли цѣлъ, неврежденъ ничимъ, и недоумѣваху чѣ есть, яко отъ многихъ лѣть не бѣ туу погребаемаго. Того же мѣсяца въ 10 день погребъше сына ея Георгія подлѣ гроба ея, и поидаша въ домъ его учредити погребателей. Жены же бывшия открыша гробъ и видѣша полни мура благовонна, и въ той часъ отъ оужа-

сти не повѣдаша ничтоже; по отшествіи же гостей сказаша бывшия. Мы же, слышавъ, удивиХомся, и открыши гробъ, видѣхомъ такъ яко жены рѣша от оужасти, начерпахомъ малъ сосоудецъ мура того, и отвезохомъ во градъ Муромъ въ соборную церковь, и бѣ въ день аки квасъ свекольный, въ нощи же сгустывающеся аки масло баграновидно, тѣлеси же ея до конъца от оужасти не смѣяхомъ досмотрѣти, точію видѣхомъ ногъ ея и бедры цѣлы соуща, главы же ея не видѣхомъ; того дѣля, понеже на конъцѣ гроба бревно пещиное налегаше, от гроба же подъ пещь скважна, ею же гробъ той ис подъ пещы идяше на востокъ съ сажень, донъдѣже пришедъ ста у стѣны церковныя. Въ туу же нощь мнози слышаху у церкви той звонъ, и мнѣша пожарь, и прибѣгше, не видѣша ничтоже, точію благоуханіе исходиша, и мнози слышавше и приходиша, и мазахуся муромъ тѣмъ, и облегченіе отъ различныхъ недугъ пріимаху. Егда же муру то раздано бысть, нача подлѣ гроба исходить перстъ, аки песокъ, и приходять болѧщи различными недоуగи и обѣтираются пекомъ, тѣмъ и облегченіе пріемлють и до сего дна. Мы же сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство.

**СКАЗАНИЕ
о пльнномъ половчинъ.**

1111/92/ED

દ્વારાધીન કાન્ટો

СКАЗАНИЕ

О ИЛЪИНОМЪ ПОЛОВЧИНЪ.

О ПОЛОВЧИНЪ, ЕГО ЖЕ ПРЕДА НА ПОРУКУ ИСКУПЪ ДѢЛА СВАТОМУ НИКОЛѢ.

(Импер. Публ. Библ. рукоп. ин № 295).

Въ тѣхъ чловѣкъ цѣлесудрены и смыслены въ
славеніи градѣ въ Киевѣ, имѣа вѣроу вѣлику и лю-
бовь по святому Николѣ, и не вѣить кою притчею
сѣднєе оу него Половчинъ все лѣто жалѣзы шнованъ;
во единъ же чть двой глагола ему христіанинъ: доко-
лѣ хощени сидѣти оу мене? дай на себѣ искупъ и
отпуши та въ землю твою. Онъ же рече ему: аще я
отпустиши, принесу ти искупъ; аще ли я держинъ,
не вѣю что ти дати. Христіанинъ же рече ему: дай
на себѣ поруку; отпуши та. Половчинъ же рече ему:
ты самъ вѣси, яко нѣсть кто въ Руси поручался по
миѣ! И глагола свою христіанинъ: хощени ли дамъ
та на поруку святому Николѣ? Онъ же рече: не
 знаю его, ни онъ мене; то како поручитися по миѣ?
Христіанинъ же веде его въ церковь и показа ему ико-
ну святаго Николы, глаголя: хощени ли сену та дамъ
на поруку? Половчинъ же рече съ радостию: хондо;
аще я покалууетсѧ и все привезу, иако же долженъ
есмъ тебѣ! Мише бо яко иакоже въ Руси вѣра че-
ловѣка того, еже во святому Николѣ. Дивно бо есть,
братье, како не сматсѧ, пуща сего пленника; ии по-
мысли въ сердцѣ своемъ: принесеть ли ему искупъ
или не принесеть! Но едино во оумѣ иако порученіе
святому Николѣ и не ишати потвиути. И си речъ чюд-

ный мужъ, отпусти ильянина, дадъ ему одѣніе и по-
требу на путь доволю, и ма конь свои всадисѧ и
шибъ давъ, рече ему: брате, не мози соглати, ему же
са если обѣщашъ привести икону или прислати; аще
ли же солжиши, извѣсто ти буди: не иначе обѣща-
ти руки поручившагосѧ по тебѣ. Онъ же рече: створю
все, и немъ же глаголени. И си рекъ, поклонивъся пой-
де. Едоущи же путемъ, алу мысль во сердцѣ смысливъ,
глагомаше: иѣсть смысла во истину въ Руси семъ,
вже и предаетъ образу на поруку, за дѣлъ написавоу,
Николѣ нарцающему, что ми можетъ створити? иако бо
не важко его, ии онъ мене! како бо можетъ доска хо-
дити или ъздити? аще бы и великоу чловѣку дадъ
ма на поруку, и тото въ своей земли по бомоса, ии
искупа дамъ! И ту мысль имѣа, прїеха въ землю свою;
домашими же его миѣша такоже яко безъ ума шти-
щена; а не вѣмущи силы Божія и чудеса святаго Ни-
колы; безумніи сютѣ гордящисѧ суетнимъ боратствомъ,
смышлами оу него, не болтисѧ ему велику своею по-
ручникомъ, ииащи яко игру суща бывши, самъ безумни
во игрѣ не радиши и семъ. Мало же дній мену, яви-
са ему истинный и иеложный и иезамедленный по-
мощникъ и поборникъ христіаномъ святый великий
Никола, глагола: знаешши ли ма, друже? Половчинъ же

рече: не знаю. Кто ты еси? И глагола ему святый Никола: не азъ ли поручихся по тебе, принести было ти искупъ християнину ѿному, ты же что ради медлиши? се глаголю ти: повези на себѣ искупъ, да бѣдти не сътворю! И си рекъ, не видимъ бысть. Половчинъ же дивися явленію, мнящи ничтоже суть и скоро забы. Единою же всѣдь на конь поѣхъ на полѣ, явися ему святый Никола, и исторже съ коня, и потратася имъ, глаголъ: не рѣхъ ли ти, окалине, повези на себѣ искупъ християнину ѿному, яко данъ ми еси имъ на поруку; и вскорѣ забылъ глаголанное мною, и се еще ти глаголю: пожалуй себѣ самъ: повези на себѣ искупъ; аще ли забудеш се, то оуэрѣши что ти будеть отъ мене. И си рѣкъ святый Никола къ нему, невидимъ бысть. Половчинъ же той всѣдь на конь, поѣхъ въ домъ, на сердцѣ имъ мысль повѣстї скоро искупъ, имъ бо некажу болезнь отъ втораго явленія святаго Николы; и бывши ему во мнозѣ питїи и во скотскомъ житїи, забы и то, мна яне мимо шло и ничтожъ ему будетъ, яко и нынѣ мнозихъ видѣмъ: аще и законъ Божій свѣдѣть, егда найдеть болѣзнь на нихъ или бѣда велика, шолатся Богови со слезами и на помощь призываютъ попы, и мниси, и нищіи, глаголющи: господіе, помолитесь о насть да помилуетъ ны Богъ васть ради; тацѣ уже не будемъ ацѣ же иныѣ, но инъ обычай приниметъ, иже Богоугодно; разумѣваетъ, яко всуе матемса въ житїи семъ; егда же дастъ намъ Богъ тѣхъ молитвами, къ инимъ же вѣру приложиша, тогда забудоутъ, внегда полегчить ини, еже ркоша въ болѣзни или въ бѣдѣ молящеса: и здрави бывши, тѣхъ озлобляютъ, ихже призываща на молитвоу, неизнающе ихъ творачса, а на иныхъ гнушаются и возрить, аки безсмертнѣ сествориша. Такожъ и сей поганій половчинъ, егда потрясе имъ явившися святый Никола, тогда оубоялся его; егда же мину неколико дней не явился ему, тогда онъ забы. Неколи же потомъ за мало дній приключися сонму быти княземъ ихъ и великожамъ, съхавшимъ мнозимъ, и тому Половчину туже прїхавши, и егда ставши на кони въ сонмищи съ иими, сторже его съ коня сила

Божія невидимая, всѣмъ зрачимъ и дивящимъся, нача терзати и порѣвати его, глаголъ: не рѣхъ ли ти, окалине, повези на себѣ искупъ, да негорѣти сего будеть; онъ бо християнинъ теплою вѣрою прибеже ко мнѣ, и возверже печаль свою на мѧ, то како могу зреѣти его въ печали той; ты же, безумный варваръ, гордый, не помяну моего порученія, ни убоася суда Божія, яже приде на тѧ скоро, ни моего первого и втораго явленія! И глаголаше: и се нынѣ оуже въ третьемъ явихъ ти ся, терпѣніе мукоу си (?) за преслушаніе! Страшно же баше, братіе, видити мученія его: швогда бо бѣ главою потченъ ѿ землю, швогда же отъ земли восхыщенъ и ѿ землю разъраженъ, иногда же баше гла-ва его между ногъ его, и кому невидимо аки батоги біяше его сила Божія, единако глаголющи: повези на себѣ искупъ християнину ѿному. Школо же его стоящіи всѣ разѣгошаася; ини же лежаше аки мертвъ. Знающіи же повѣдаша, ѡхавши, роду его бывшее мученіе то надъ имъ, иже, прїхавши, взяша его съ жива. Многи же дни лежа не могы глаголати, но яко отъ сна возбноувъ и брашна вкусивъ, оукрѣпши, и поѣда роду своему все бывша: первое явленіе и второе святаго Николы, и казнь и глаголаніе; иже, ничтоже вѣдущи бывшаго ему, нынѣ слышавши, начаша глыбатися на ны, сице глаголющи: кто тако безуменъ яко же ты? видивъ явленіе первое и второе поручника своего и неубоялся, ни покѣда наимъ; мнюхомъ бо яко же прежъ глагола наимъ: кому же да на порукоу? безъ ума данъ есмь богови рускому! Ши же рече имъ: ей, не самому Богу, но святцу его Николѣ! Ши же рѣша ему: аще не Богу ихъ, но слузи его; не вѣси ли яко велики слуги его; не тоинъ самъ дѣть преславная, но и тѣ слуги его, аще бо бѣда кака любо отъ васть бываетъ имъ, то глаголють: за грѣхи наша Богъ не помогаетъ наимъ; аще бы имъ помогъ, то ни единъ бы насть осталъ отъ нихъ! Ты же, безъ ума не убоися Бога ихъ и святца того, вижь, что еси пріобрѣль еси! Аще нынѣ не пѣши со искупомъ въ Русь, то отъида огъ насть, и

единъ погини, да и мы съ тобою казни не пріимемъ. половчинъ же той убоѧвъса, то слышавъ отъ нѣхъ, и мало пождавъ, повелъ рабомъ своимъ нарядатися и стадо коней отлучити, иже баше дати искупъ, и малое стадце къ тому прилучити, еже дати отъ поручению святому Николѣ, дабы уже не мучиль его; баше бо богатъ ѿбо. И тако скоро поѣха на Русь съ конми тѣми и не токмо искупъ пригна господину своему, но и боле болѣа поручника своего, нашего поборника великаго помощника святаго Николы. Егда же пригнаса ко граду Киеву, не ѿха на дворъ, идѣже бѣ сѣдѣть у господина онаго, но ѿха прежде ко церкви святаго Николы, идѣже бѣ данъ на порукоу ему, и слѣзъ съ коня, далече, пѣши приде, ведый за собою малое оно стадце коней, и вшедъ въ притворъ, оуздѣ икону иконоу святаго Николы, сице со слезами падъ на землю рече: не моучи мене, Господи мой поручниче, святче Божій Николо, се искупъ весь пригнахъ христіанину твоему и тебѣ нечто мало отъ порученія, да не гнѣваешися на мя; по неже хотѣхъ соглати и не добро мнѣ бысть. И си изрекъ и кони отдавъ іерѣю толи церкви, поѣха ко господину своему, и пригнали на дворъ его болшее стадо коней, поклонивъся рече ему: се искупъ мой, го-

споди, а оу поручника быхъ уже! И сказа ему все поряду бывшее. Христіанинъ же той, се слышавъ, и видивъ, оужасеся сердцемъ и судивися о преславнѣи семъ чудесе, и скоро вставъ, тече въ церковь святаго Николы, и падъ предъ образомъ его, многи слезы пролія, хвали милосердие его, глаголаше: что ти принесу, святче Божій, за все, яже мнѣ воздаль недостойномоу рабу твоему; твоихъ бо даровъ весь есмь обиленъ, имѣй бо ты широту царства небеснаго, и намъ оттуди дароваи дары; мы же точію сѧ ти приносимъ, оудивляемса твоей милости, хвалимъ твоа щедроты, блаужимъ твое заступление! И такоу оумножену створивъ молитву въ святѣи церкви его, идѣ въ домъ свой, и созва весь родъ свой, и илема, и други, и сусѣды своя, глагола: срадуйтесь, яко оудиви милость свою на мнѣ убозѣмъ святитель христовъ Николае! И сказа имъ все поряду, еже створи половчинъ; иже же вси слышавши се, яко единими усты похвалиша, глаголюще: дивень Богъ во святыхъ своихъ, творай чудеса святыми своими! Боголюбивый же той мужъ створи праздникъ честенъ святоу Николѣ, якоже на память его творити чрезъ иночъ стояніемъ и пѣніемъ, попы же и мnisъ на обѣдъ созва и нища милостынею учреди.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Эта сказание составляет одно из чудесъ, приписываемыхъ Св. Николаю Чудотворцу и находится во многихъ старыхъ спискахъ житій этого святаго, издавна существовавшаго русскимъ народомъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Начало его относится къ древнимъ временамъ до-татарского периода удѣльно вѣчеваго уклада и сколько можно судить, оно дошло до насъ въ видѣ, не слишкомъ удалившемся отъ первообраза. Это показываетъ и складъ, и отчасти языкъ, удержавшій древнія формы, хотя послѣдующія переходныя эпохи и положили на немъ печать свою. При скучности памятниковъ отъ этихъ отдаленныхъ временъ, оно составляетъ драгоценность для нашей исторіи.

Во время борьбы южно русского народа съ половцами, попадались въ плѣнъ непріятели съ обѣихъ сторонъ; наше сказание показываетъ, что русины держали плѣнниковъ у себя и отпускали за выкупы. Русинъ, поймавши половчина смотрѣлъ на него какъ на выгодный источникъ дохода. Выкупъ со стороны половцевъ, за неимѣніемъ еще у нихъ монетъ, состоялъ въ скотѣ и лошадяхъ. Безъ сомнѣнія стада и табуны составляли и предметъ торговли съ русскими, о которой встрѣчаются короткія извѣстія и въ нашихъ лѣтописяхъ.

Уже въ эти далекія времена поручительство, игравшее столь важную роль въ послѣдствіи, было однимъ изъ важнѣйшихъ юридическихъ обычаевъ. Поручившемуся

давалось за то вознагражденіе отъ того, за кого онъ ручался, какъ это видно изъ того, что половчина счѣлъ нужнымъ, кроме табуна, пригнанного для того, кто его держалъ въ плѣну, доставить еще небольшое стадо и Св. Николаю.

Христіанинъ, отпуская плѣнника, не смотря на то, что онъ былъ его должникъ, счѣлъ нужнымъ надѣлить его на дорогу пищею и одеждою. Это древній коренней обычай отпустить изъ дома человѣка, въ какихъ бы отношеніяхъ онъ ни находился, накормивши и надѣливши всѣмъ нужнымъ, и вообще съ заботливостію, чтобы отпущеный не потерпѣлъ по выходѣ отъ хозяина. На такомъ основаніи и Владимиръ, отпуская отъ себя проповѣдника Св. Бруно къ печенѣгамъ, оказывалъ ему такое заботливое попеченіе, какъ это видно изъ письма самого Бруно.

Сказание наше сообщаетъ тоже любопытныя черты половецкаго быта; видно, что у Полоццевъ были вѣча; на нихъ сѣживались князья разныхъ вѣкъ, на которыхъ дробилось половецкое племя. Видѣть съ князьями сходились знатные (вельможи), совѣщались въ чистомъ полѣ, сидя на коняхъ верхами. Нашъ половчинъ вѣроятно былъ одинъ изъ знатныхъ особъ половецкаго народа.

Нѣть нужды распространяться о томъ, что самое важное достоинство этого древнаго сказанія то, что оно рисуетъ живо и наглядно дѣтскій простодушный взглядъ русского человѣка старого времени.

СКАЗАНИЕ

О СТАРЦѢ, НИЗВЕДШЕМЪ ДОЖДЬ СЪ НЕБА.

СКАЗАНИЕ

О СТАРЦЬ, ИЗВЕДШЕМЪ ДОЖДЬ СЪ НЕБА.

(Импер. Публ. Библ. Писод. древлехр. № 4606.)

СЛОВО В СТАРЦЫ, (Б) ИЖЕ МОЛИТВОЮ ДОЖДЬ С НЕБОСЯ СЕВДЕ.

Бысть иѣкогда въ Моурьстей области бездождіе вели-
кое, и молящимся имъ, епископъ и игуменове, и попо-
ви, а) и вси б) людіе со усердiemъ къ Богу да подастъ
дождь; и не бысть по многи дни дожда. Бысть лю-
демъ страны той велика скорбь, бездождія ради, яко
отаюдъ в) плодомъ нерости, и от многа солнца зноя земля
изсыхаше. г) И молящимъ людемъ къ Богу, дабы по-
миловалъ ихъ, епископъ же прилежно молящеся Богу,
да подастъ в) земли дождь, и бысть с небеси гласъ гла-
голющъ: иди по утрени е) в) к западнымъ вратамъ града:
аще кого узриши перво в) ходяще в) во градъ, и того удер-
жи, и рцы ему: да помолится. И будетъ вамъ дождь.
Епископъ же шедъ съ заутрени со всѣмъ крилосомъ сво-
емъ, и сѣде во вратѣхъ i) града, и се вхождаше в) единъ
старецъ, ж) нося на плещу своемъ бремя дровъ; епископъ
же повелъ удержати, ж) и воставъ сложи с плещу его в)
бремя дровъ епископъ, о) и поклонися в) до земли, глагола
ему: Господа ради, авва отче, помолися да Господь по-
слетъ намъ милость свою и пуститъ дождь на землю.
Старецъ же недостоинъ себе глаголаше и грѣшна. р)

Епископъ ему прилежно молящеся, да помолится за
люди и за градъ. с) Умоленъ же бывъ старецъ отъ епи-
скопа и преклонъ колѣна молящеся Богу, и в тотъ т) часъ
бысть туча, и снide дождь великъ; видѣвъ же епископъ
и у) люди бывшее, прославиша * Бога, епископъ же нача
молити старца, глаголя: Господа ради, сотвори любовь,
отче, повѣждъ намъ ползы ради житіе свое, да и мы
поревнуемъ твоимъ добродѣтелемъ и добруму житію
твоему. И рече старецъ: прости мя, Господи отче, азъ
бо отнюдъ ж) грѣшенъ и убогъ, ничтоже имы поконна,
имже бы им душа моя утѣшалася; но се яко видиши
мя, вхожу во градъ, нося бремя дровъ; сеже творю по
вса дни, се продая, куплю си хлѣбъ, иного же не имамъ
ничтоже, и сплю во церкви по вся нощи, а утро исходя
тоже творю; аще ли будетъ зима или слота, день
или два, тогда алченъ пребываю, донеле же, тихо исходя,
паки сѣку дрова, и на плещу мою ношу во градъ, и
продаю: тѣмъ ядъ п) си ч) куплю, а лишнее неимущимъ
раздаваю; от дому же чужаго, ни от чужая силы ни-
когда не взяхъ хлѣба, ни ядохъ туве ни у кого же.

Еже слышавъ епископъ и почюдися ^{ш)} иже с нимъ прослави (ша) Бога, имущаго потаены рабы своя, тому единому свѣдоми. ^{ш)} И велѣ ^ъ) епископъ кормлю и одежю от церковнаго притяжанія дати ^и) ему. Онъ же не хотѣ, ^и)

едва былъ умоленъ от епископа, нужею одва пріимаше. И тако сконча жизнь свою в добродѣти. ^и) Богу нашему слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. ^и)

*Отмѣнны варіант по списку Илл. Нубл. Библ. отд. I. № 209.
(рук. XV вѣка.)*

а) ем. священници. б) мѣтѣ. в) ем. отигоудь. г) со слова и от многа ем. и от многаго зноя солнечнаго земля исхла. д) Богъ. е) ем. поутреніи. ж) о епископе. з) ем. первое. и) ем. въсходяща. і) ем. оу врѣть. и) еф. въсходжаше. я) синецъ и) ем. удрѣжати. в) епископъ. о) мѣтѣ. п) до

земли. р) со слова глаголаша ем. ииѣгъ глаголаше: яко азъ грѣшникъ есмъ. с) со слова за люди ем. ии градъ и за люди. т) ем. и в том у) вси. ф) ем. и прославиша. х) ем. отигоудь. ц) ем. хлѣбъ. ч) ем. себѣ. ш) ем. много чюдися. ѿ) соуть. ѿ) ем. повелѣ. и) ем. давати. ѿ) со слова онъ же ем. старецъ же не хотѣ корымъ пріимати от нихъ. з) о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, ему же подобаетъ всяка и честь и поклоненіе Отцю и Сыну и спѣтою (Духу). и) со слова Богу мѣтѣ.

ПОВѢСТЬ

О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ РАБѢ.

ПОВѢСТЬ

О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ РАБѢ.

(По списку Имп. Публ. Библ. Погод. дреолехр. № 1350.)

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТЪ.

Бысть иѣкій мужъ вѣренъ Господеви и житіемъ добре, той же имише у себя сына единородна суща. И во времиана иѣкая бысть гладъ крѣпокъ по странѣ той, и оскудѣ добрыи той мужъ всяко тѣлесно пищею; и рече онъ рабъ Христовъ: чадо мое любимое! видиши ли, яко мы оскудѣхомъ, и не имѣемъ что ясти: уже къ смерти гладной приближаемся, промыслити же о себѣ не сѣмы, но токмо едино запродадимъ тя; и ты будешъ живъ, и мы не умремъ гладомъ. И глагола ему сынъ его: отче мой, твори надо мною еже хощени! Отецъ же его приведе ко единому от вельможъ и глагола ему: хощени ли купити сына моего? Вельможа онъ возврѣшанъ, рече: хощу. И вземъ цѣну, дастъ отцу его. Божій же чловѣкъ и Христовъ рабъ призыва къ себѣ сына своего, и прослезися жалостно, і рече: чадо мое возлюбленное! утроба моя! послушай мене и сохрани заповѣдь мое до кончины живота своего спасенъ будеши; се же ти, чадо, заповѣдаю: егда начнуть служить божественную литургію, и ты никакоже не отступай в то время отъ церкви до послѣдняя молитвы; или лягуттися мимо ити, в то время какъ литургію Божію служать, не моги мимо пропти, не дослушашъ конца. И аще, чадо, сие мое наказаніе сохраниши, и владыко Христосъ помилуетъ тя отъ всякия бѣды, ради великія

своѧ милости и для великия службы божественная покроетъ тя милостію своею. И сія рекъ, разыдоша кіаждо в домы своя.

Доблій же онъ отрокъ, по наказанію отца своего, нача прилежати к церкви Божіей, паче же во время божественная литургія, и сіе творишу ему не мало времени. По лѣтамъ же иѣконахъ цѣломудренный онъ юноша видѣ госпожу свою со инымъ иѣкомъ работъ не въ коемъ тайномъ блудъ творишу; узрѣвъ же онъ и ужасеся и умолча, никому же сего не повѣда, паче же Бога моляще, глагола: Господи, отпусти госпожѣ мої беззаконіе сіе, яко соблазнъ діавола есть и прелестъ его! Госпожа его начатъ помышляти лукавое въ сердцы своемъ на предивного отрока сего, и глагола въ себѣ: егда видѣль то, иѣкогда скажеть господину своему на нихъ. И тако окаянная она умысли на цѣломудренного да погубить его, исполнися гнѣва и злобы, и глагола мужеви своему: се рабъ купленный иѣсть добръ, яко втайне соглядываетъ, и главы твои ищетъ, и мыслить како бы погубити тебя, и мнѣ госпожѣ своей много досаждаетъ укорынны словесы злыми и беззаконными, да лѣпоти есть сего убить, неже онъ иасть погубить. И слыша се вельможа господинъ его, и вѣрова словесамъ лукавымъ, осуди кроткаго и молчаливаго сего от-

рока на смерть, и глагола епарху другу своему: друже мой! молю ти ся, учими по дружбѣ наю: имамъ раба, егоже пришло к тебѣ съ убрусомъ, и ты отсѣки главу ему, и но егоже пришло послѣ его, и тому отдаши главу, вложи въ убрусъ. И послѣ неновиннаго отрока, дасть ему убрусъ, глаголи: иди к епарху другу моему с убрусомъ, и даждь ему. Онъ же не вѣдаше, яко на смерть посланъ биша; идуши жъ ему мимо церкви и слышитъ поющу божественную литургию, и по заповѣди отца своего ста у церкви, моляся Богу, дожидая конца пѣнію, да исполнитъ службу свою камо посланъ. Госпожа же его гнѣвъ полна сущи, ускори послать виноватаго оваго раба к епарху по главу праведничу, и глаголи к рабу своему: иди к епарху, и рцы ему, и еже дасть ти, принеси ко мнѣ вскорѣ, яко потребна ми вещь есть. Идуши же ему, видѣ друга своего въ церкви стояща, и божественнаго пѣнія слушающа, и рече ему: камо идеши, друже? Онъ же рече: господинъ послалъ мя к епарху града сего со убрусомъ симъ. Онъ же рече: и азъ от госпожи своей къ нему жъ посланъ; молю ти ся, друже мой, азъ хощу послушать божественнаго пѣнія, ты же возми убрусъ сей и доне-

си его к епарху, да оба подъемлемъ орудіе едини. И взявъ убрусъ другъ его, отнесе к епарху. И в той часъ епархъ отсѣче сму главу и вложи во убрусъ. И егда совершиша божественная литургія, доблій же отрокъ прииде к епарху; и вземъ епархъ главу во убрусъ, дасть ему, речъ: даждь ю господину своему. Отрокъ же вземъ главу, принесе ю, дасть господину. Видѣвшее же господинъ и госпожа вещь дивну, ужасошася, и дивящеся въ себѣ, глаголюще: яко осужденный на смерть живъ прииде, а посланный на животъ мертвъ обрѣтеся! И призыва вельможа того вѣрнаго раба своего, и нача его вопрошати отвѣта: како гонзну смерти? И повѣда отрокъ пред всѣми: яко не хоти преступить заповѣди отца своего, стахъ у церкви на молитву, дондеже скончася божественная служба; видѣвъ же друга моего идуща, и вопросихъ, и дахъ ему убрусъ, сей да донесеть его к епарху. Сей же злѣ смончася, азъ же по совершеніи пѣнія идохъ на свое орудіе, и дасть мнѣ епархъ убрусъ сей. Сыншавше воаднившася вси, прославиша Бога, яко соблюде Богъ отрока праведнаго от смерти, заповѣди ради отца его и многаго ради спасенія его и правды.

ВТОРОЙ ВАРИАНТЪ.

(Илл. Публ. Библ. отд. I. № 209 рукоп. XV в.)

Иже древле бысть се, погѣда наѧ вѣкто от нѣкѣрныхъ: бѣ моужъ етеръ богообоянніи и тъ сына оу себѣ имѣ едіородна; и бысть во странѣ той моужъ, и рече сынови своему: о чадо! видиши ли, яко осиротехомъ и не имамъ что ясти, хощени ли да та продамъ, да и ты боудешъ живъ, и мы, твои родителье, гладомъ не оумремъ? И глагола сынъ: твори, отче, еже хощени. Отецъ понимъ его, и веде ко единому от вельможъ, и

взять цѣноу на сыноу своемъ, и рече ему: чадо мое! се заповедаю ти: егда ти боудеть слоужба во святѣй церкви, и не мози отти, доколѣ кончаша слытоую слоужьюбоу. То изрекъ, отиде от него в домъ свой. Отрокъ же послушныый, свершаша отца своего поклоненіе, и мноушило лѣтоу, види госпожоу свою творящю блоудъ съ слоугою своимъ, и никому же сего не вѣдаше, но моляше Бога, дабы ина грѣха оставилъ.

Госпоже же его исполнি�ша (исполнися) гнѣва, срама не мoga терпѣти, глагола моужеви своему: сій новокупленый рабъ нѣсть добръ: о глаголѣ твоей мыслѣ; да левъ (?) есть его оубити, иежели онъ тебѣ, моего живота, оубить. Сіи блoudная жена и льстивая моужю своему глаголаше; онъ же лоукавая ея словеса слышавъ и ять вѣроу, и осудить праведнаго оумрети, а онъ и не велише, и съвѣщащася с епархомъ: его же ти с оуброусомъ пришли, того оусечи главу и даси ю кто ти по вee приидеть. А не нарече именемъ ии единого от слоугъ. И пришель в домъ свой, пославъ праведнаго, и давъ ему уброусъ. Онъ же не вѣдаше на смерть ида; бысть же идоущю ему ии церковь, слышашъ божественою иѣснъ поему, вѣспомяноу отца своего наказанье и ста оу церкви, жды съвершения слоужбѣ. Госпоже же его, гнѣвомъ обдержима, оускори послати виноватаго по немъ к мечнику; пожде виноватый идуши, и видѣ дроуга своего оу церкви стояща; тожде рече ему правыи той отрокъ: камо, дроуже, идеши? Посланъ же рече ему: ко мечнику повелено ии есть ити. И тъ глагола: и азъ итомуу же если былъ посланъ с симъ оубрусомъ, да возми оу

мене, дроуже, ты оуброусъ сей, и неси его ко мечнику томоу, да не оба трудивися. Онъ же вземъ оуброусъ оу него, и несе его ко мечнику. И в томъ часѣ мечникъ оусекиоу главоу виноватаго и в оубрусь обвить. И съвершени же бывши божественны слоужбѣ во церкви, прїиде правыи отрокъ к мечнику; онъ же главоу вземъ, и дасть ему, и рекъ: неси сию господиноу своему. Отрокъ же вземъ главу и несе ю господину своему. Госпоже его, и осподинъ оудивистася, како посланный на смерть прїиде и ви (бѣ?) жѣвъ, а иже по главоу шедый а той оумре, и въпросиша его. И отрокъ же начать повѣдати предо всеми, глаголюще ииъ: азъ, не ослоушашся отца своего заповѣди, стахъ оу церкви до совершения слоужбы; пожде дроугъ мой скоро, и дахъ ему уброусъ сей, и оумре азъ; азъ же придохъ живъ. И вси прославиша Бога, како съблюденъ бысть отрокъ от смерти, сотворивъ заповѣдь отчю, виноватый азъ оумре. Се же, братъи и сестры, сышаше, не мозите исходить ис церкви прежде конца чѣнью, паче же в часъ литоргіи, да избавлени боудете бѣдъ и добръ поживете Богоу нашемоу.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Ткань этой легенды напоминаетъ известную Шиллерову балладу *der Gang nach Eisenhardt*, взятую изъ средневѣковыхъ преданий. Занимствованъ ли предметъ ея содержанія извѣтъ изъ разсказа, или независимо сложилась она у насъ самобытно на основаніяхъ, сходныхъ съ тѣми, которые произвели на западѣ подобную легенду — рѣшительно опредѣлить трудно. Едва ли разсказъ занесенъ съ запада, какъ это показываетъ греческое слово *епархъ*: или самый разсказъ могъ взять быть изъ византійскаго міра, или вѣроятнѣе, слово *епархъ* вошло въ составившуюся на Руси легенду потому, что это слово довольно обыкновенное и часто упоминаемое въ раз-

ныхъ житіяхъ греческихъ святыхъ, издавна у насъ переведенныхъ и распространенныхъ во всеобщемъ чтенії. Замѣчательно, что во второмъ варианѣ болѣе старомъ, слово *епархъ* употреблено только одинъ разъ, а въ прочихъ замѣнено словомъ *мечникъ*. Это побуждаетъ предполагать, что въ первоначальной редакціи слова *епархъ* вовсе не было, а внесено оно впослѣдствіи; и такимъ образомъ ничто не обличаетъ иноязычного происхожденія нашей легенды. Слово *епархъ* означало начальника въ общирномъ смыслѣ. Продажа дѣтей родителями во время голода — событие частое въ древней Руси, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи.

**ЛЕГЕНДА
о двухъ сапожникахъ.**

ЛЕГЕНДА

О ДВУХЪ САПОЖНИКАХЪ.⁽¹⁾

(Имп. Публ. Библ. Отд. I. № 209, рукоп. XV в. также Погод. древлехр. № 1606.)

С НЬЮЮ ДЕЮЮ СОУСЕДУ ШЕВЦЮ.

Послушайте о семъ. Быста два соусѣда шевцы вкупѣ живоуща; единъ же ю имѧше отца, и материю свою, и жену, и дѣти многы; по вси дни хождаше въ церковь в годъ пѣнія и вся о Бозѣ кормяше, от ремѣства своего изобиловаше и во милостыню подавая; а дроугій же, хитръ сый вели, но не ходяше ко церкви и дѣляшъ и в недѣлю, не опочиваше всегда, но не себе кормити не можаше. Завидя же соусѣду своему, и единою со гнѣвомъ рече ему: откуду ты обогатѣлъ еси? азъ же больше тебе прилежа ремѣствъ своемъ обищахъ уже; онъ же глагола ему мудростю, хотай наоучити, дабы къ церкви ходить, рече ему: обрѣтаю, брате, на пути злата, ходящи ко церкви, и оттуду есмъ обогатѣлъ; аще и ты, дроуже, со мною хощешъ всегда ходити ко церкви, да тя взываю, и еже обрящевъ, ты половину взимай. Онъ же ять вѣроу соусѣду своему, начать с нимъ ходити къ церкви. И благослови Богъ: обогатѣ и много хвалище совѣтника своего, славя Христа Бога. И рече единою к немоу: о брате! много ми еси ползоваль души моей и имѣнью моему, но ими ми вѣроу: ничто на поути не обрѣтохъ

николиже, якоже ты ми рече, но не должно есть Господне слово, иже рече: первѣе ищете царствія небесна-го, и си вся приложатся вамъ. Се ти повѣдаю: обрѣтохъ бо уже и пріобрѣтохъ. Се же увидѣвъ архиепископъ, сотвори доброго совѣтника пресвитеромъ; бѣ бо книгамъ хитръ вели.

Се же, брате и чада, слышаще, тещите къ церкви дѣло оставыши, да Господь помилуетъ мы, аще бо и много ся труждаемъ дѣлающе или коуплю дѣюще; а от Бога не будетъ дано, но не успѣмъ то ничтоже; того дѣла, братіе, боудьте ко церкви востанливи на оутреннюю, и на літоргію и на вечерню. Да благословить вы Господь и лѣта ваша исполнить миромъ и обильно житіе вы подастъ, а по исходѣ отсуду царство небесное подастъ вы, по милости вашей помилують вы Господь. Всякъ ко церкви потщиша. Аще еси праведникъ, течи, да правды не погоубиши, аще ли еси грѣшникъ, течи ко церкви всегда, да оучены святые слышшиши, а не отчайся, брате, но всегда ко Богу со возыханьемъ помолися и кайся от сердца грѣховъ своихъ,

(1) Польск. szwec, малороссійск. швецъ = сапожникъ.

Бога моли ходячи к церкви, и церквь бо всѣмъ есть пристанище: всякъ в ню потицся, да спасется; аще по воли господни пойдете, вся бо вамъ Господь хотѣнія ваша исполнить, не должно бо есть рекый: исщете прежде царствия небеснаго и си вся приложатся вамъ; и паки

Господь пророкомъ рече: аще хощете, послушаете мене, благая земная снесте; аще ли не хощете, не послушаете мене, оружье вы поисть. Уста бо Господня глаголаша сие; аще послушаетъ кто, спасенъ будетъ, и кто не послушаетъ, осужденъ будетъ въ моуку.

ЛЕГЕНДА

о покаянії князя.

ЛЕГЕНДА

О ПОКАЯНИИ КНЯЗЯ.

(По списку XVII века.)

Бѣ нѣкій благонравный и сватыи обычаевъ іерей, живый виѣ града, добродѣтели же его ради и чуднаго жителства и ко чадомъ духовнымъ наказанія и исправленія отвояду чловѣцы притекаху, хотище его пастыри себѣ ишѣти; и нѣкогда во святый и великий посты стекающими къ нему покаянія ради множество народа, тогда узрѣвъ се князь оного града, вопросы ихъ: камо и чего ради грядуть толико народа собраніе? Изѣстши ему, яко ко оному святому и чудному іерою исконідати предъ нимъ грѣхи свои. Князь же, слышавъ сѧ, нача въ себѣ помышляти, глаголи: яко ишѣ, наче всѣхъ согрѣшишу, удобѣе бы себѣ такова искати іерей, и врачества на грѣхи; иможе есмь грабитель, и губитель, и грызунъ предъ Богомъ и ближними, братію мою, всѣми чловѣки. И отъ сего помышленія начи во ину мысль прииде, глаголя: можетъ ли ишѣ что, такову сущу грѣшину, покайне помоши? Обаче первая мысль его превозмъ: поиде ко оному доброму отцу іерою грѣхи свои исконідати; прииде же и ириаде исконідати; и рече ему добродѣтельный отецъ: подобаетъ тѣ, чадо, воспріять лѣпчарство на струны грѣховъ твоихъ, спитвию, и че хощени: можемъ ли, яко церковь прѣ, пятьнадесетъ лѣтъ зановѣданное имо исконіе? Онь же рече: аще милость твой разсмотрить о

ишѣ, яко не могу! Иерей же рече: аще седмь лѣтъ? и потомъ: аще три лѣта? и посемь: аще три мѣсяца? И князь рече: не могу, отче святый, обыкній въ слабостехъ моихъ ни сего понести. И рече отецъ: аще можешъ покаятися чрезъ едину нощь, единъ во храмъ, иже предъ градомъ, побѣти въ томъ за отпущеніе грѣховъ и пребыти въ сокрушеніи сердечнѣй? И князь едину нощь во храмъ томъ пребыти восхотѣ. Священникъ же наказавъ его и оставилъ въ церкви оной, отъиде. Князь же, егда видѣ въ церковь, нача въ себѣ помышляти: лучше ишѣ покаятися нынѣ отъ сердца, нежели егда предвасходити начнетъ конечная немощь. И ста предъ олтаремъ въ сокрушеніи сердца, прося отпущенія грѣховъ своихъ; егда же бысть вечеръ глубокій, видѣ нѣкто отъ сватыхъ⁽¹⁾ демоновъ отъ всяя страны топи собранася; и рече единъ старѣйши: лишихомся друга нашего великаго, аще иребудеть въ замѣреніи искаженіи; а гѣже ли яко напиѣ бѣ; да потицется же кто изъ насъ сю соториши, да или разслабиши, или устрашиши, и оставя покаяніе, избѣжитъ, и аще тако соториши, то виши нашъ будеть. И паки рече: есть ли между нами таковый, иже бы его смы-

(1) Здѣсь слово перенесено.

шленіе изгнati возмогъ? И отвѣща единъ: аще по-
велиши, азъ его изжену. И той рече: иди. И демонъ
премѣнился въ признакъ сестры его, юже князь почи-
тая и любя, и все повелѣнемъ и совѣтомъ ея творя,
понеже бѣ зѣло добра и мудра. В таковой фантазіи
пріиде же демонъ в чину и урадѣ княжкомъ ко
церкви, нача глаголати: брате любезный! како сицевое
безуміе сотворилъ если? всяко бо и ииѣмъ образомъ
Бога милостива сотворити имашি. Здѣ же в таковомъ
храмѣ и в пустѣ мѣстѣ, не имѣя слугъ, ни обороны,
како смишши стояти? вѣси же елико ненавидящихъ тя
имаши: пришедши бо, на части разсѣкуть тя, но изыди;
молю тя, изыди; аще ли же не послушаещи мене, то не
имѣй мя отсель сестру себѣ. И отвѣща князь: даде ми ся
за епитимію тое, пребѣти во храмѣ семъ сюю нощь; аще
ли же не послушаю, то отпущенія великихъ monkъ
грѣховъ не пріими; отыди, сестро, не стужай ми, ини-
ко убо отсель, аще и убитъ буду, не отыду. И демонъ,
много иетався, возвратися посрамленъ, и сказа сія
всі старѣшему, глаголя: твердѣшій камени человѣкъ
оный сотворися, и вѣмъ, яко преодолѣти сому всѣми
напыши силами не возможемъ. Слыша сія иныхъ, уни-
чижи подруга своего, и рече: азъ пойду и того часа
низложу его! И претворился во образъ жены его, и на
руку имѣя яко сына его, и издалече вошія, яко женамъ
обычно, и пріиде в церковь, распростерши волосы, пла-
чющи горко, глаголя: како ты единъ от всѣхъ, не
имѣя печали о насъ, мене и чадо остави здѣ, скрыся;
придома бо ненавидящіи на тя, градъ твой излия, бо-
гачество разграбиша, людей пленіша; азъ же едва воз-
могла безобразно съзывемъ утенци! Престави отъ на-
чина твоего, и со оставшими пожени во складъ вра-
говъ твоихъ, и въ печалихъ ихъ тебе одолѣши ииѣ, и
свое возвратили; аще ли же не изыденъ, то како си
дѣмъ? Но сама ся убію, а сына твоего пред тобою
о мость разшибу! И верже сына о мость. Но князь ини-
ко же умышленіемъ врага склонися, во и ииной же-
нѣ, яко и сестрѣ, отвѣща, и отыде демонъ съ горе-
стю и со стыдомъ, посрамленъ, воагѣща умыслъ лу-

кавый, но не полученъ. И старый рече: побѣждени
убо есми отсель; но дабы еще кто от насъ покусилъ
одолѣти толикую крѣпость! умыслихъ азъ, прему-
дрѣе всѣхъ умыслихъ! И старый повелѣ; той же зло-
хитrie свое нача творити. Слышить князь: и се бура
страшная воста, и громы, и молніи убивательнія с не-
беси, и начаси храмъ от бури колебатися, и от мол-
ніи храмъ весь возгорѣся, и сквозь стѣны прогорѣ;
окресть же храма демони вси, собрашася воинюще: иди-
те, помозите, помозите! И въ церковь текоша, глаголю-
ще князю, якобы человѣцы изъ града на отъятіе при-
текоша: изыди, книже, господарю нашъ, изыди, да не
туне сожженъ будеши и яко самоубійца осудишися!
И князь рече: никако убо отсюду, аще изгорѣти имамъ,
не изыду; за повелѣнемъ бо отца и пастыря моего,
аще бо и умру, надежду имамъ яко от руку господню
благая пріими! Сие слышаше демони, изчезша по-
срамленни; князь же видѣ, яко вичаже бысть, удиви-
ся. И паки начаша демони сорѣтвоти, дабы кто поку-
сился от насъ еще, и коему взяти ва ся подобie поша,
много же яко пономаря. И вшедъ в церковь, повелѣ
пономарю во звонъ ударити яко во утрени; самъ же
иинимъ понъ возжеле склони, и яко уэрѣ князь архѣ
окомъ, рече то: како убо ты, про克莱ный, во складъ
храмѣ стояши, и кто ти сѣмо пусты, такаго склерит-
теля, и убійцу, и грабителя? во изыди скоро; аще ли
же ослушаешьися, то посль ти склоу изверги; ибо
не имамъ ити, доидеже адѣ будеша. Князь же вика-
ко не подышаши, но паки укрылся тако, якоже и
прежде, откѣца; демонъ же и вси его други, бѣсове, со
уничтоженiemъ и срамомъ злобы и лукавствія свое ге-
разбѣглasse. И воссія заря, и проскѣтися день; и князь
изыде из храма, очищень от всѣхъ грѣховъ своихъ.
И видѣ, о немъ же и прежде измануся отъ великихъ
отецъ, яко оній князь, елико противася діаволу, толико
вѣнцевъ отъ вседержительныхъ рукъ господни прія; та-
ко же и наставникъ его славу отъ Бога и просвѣщеніе
воспrij. Пріиде князь во градъ, обрѣте жену и вея в
дому, якоже и вчера бысть, возда хвалу Богу. Видите

колику мэду и славу за истинное показание и за терпение толикихъ отъ діавола противностей ири, колика же ждетъ мука тѣхъ, иже ни мало противится діа-

волу, не худѣшими отъ діавола и искушенными преступниками себе показують!

ТАЖЕ ЛЕГЕНДА МАЛОРОССІЙСКАЯ.

(По списку Импер. Шубл. Библ. Погод. дреслехр. № 4335.)

Едень рицерь булъ въ панствѣ нѣкоторомъ, тай булъ барзо скрігый: нѣкому нѣгды не попуститъ любъ през пижинокъ. Той ехалъ конемъ мимо едину церковь и спомнивъ собѣ о злостахъ своихъ, тамъ коня привязавши, вошолъ до церкви, а поклякнувши сталь спорѣдь чивити пред духовнымъ; сповѣдникъ за его грѣхи казаль ему абы два рока покутовалъ. Онъ мовилъ: не могу. Тогда кроузъ полроку ему казаль покутовать; онъ отповѣдалъ: не могу; потомъ през три недѣлѣ, потомъ през три днѣ, а онъ не хотѣлъ. Мовилъ ему сповѣдникъ: поневажъ такъ есъ⁽¹⁾ твердого, а тоже тебѣ даю, абы през едину ночь туть на молитвѣ преночовалъ, чого Богъ тебѣ да поможетъ, тилю сталае трвай, а нѣгды не бойся, кроме Господа Бога. Той жолнѣръ, поклякнувши пред образомъ Пресвятой Богородицы, сталае на молитвѣ и коня не смотрѣль, а въ первую годину ночи сталае шумъ великий коло церкви. И мовилъ, ставши, сатана: о братія и слуги мои! что учиниши: ото вашъ пріятель, который всегда нашу волю чиниши, теперъ если его съ той церкви през тую ночь не выженемъ, и овъ вашъ не будеть. Тогда еденъ мовилъ діаволъ: пане! если мнѣ кажешъ, я пойду, а его той часъ выбавлю! Теди ему позволилъ. Тогда діаволъ пустилъ страшный пожаръ огнистый коло церкви, же ажъ въ оболоня поломя стало шибатись, а онъ почалъ с

другими шатацами кричать: втѣкай, втѣкай, а то згоришъ тутъ марне, поки двери не занялися, бо погода южъ не выхопишъся. А онъ мовилъ: то не можна, абы я отоль мѣль выти, бы и згорѣмъ, бо ми то дано за покуту. Той огонь горѣльично, а потомъ згасъ. Тогда⁽¹⁾ сатаны радилиця яко бы его могли вывести. Была засъ въ того рыцера сестра родная, барзо мудрая, от которой онъ раду всегда заживалъ. Діавольще учинивши, робитися въ постать сестры его, и пришовши къ нему, мовилъ: наймилшій мой брате! Яко жъ тутъ на томъ мѣсту почовать важилистеся. Хто въсъ зле радиъ? а претожъ идѣть до дому що нарихлѣ, же бы и намъ що злого не перешкодило. А онъ мовилъ: бы ми найгоршая якая речъ трафилася, отсюль не пойду, бо то мнѣ дано за покуту. Тогда сестра мовила: а тоже, если я не слухаete, нѣгды въмъ въ порадѣ жадной не буду! Въ томъ пошла пречъ. А пришовши до своихъ, побѣжалъ якъ его му силь а не могъ отвѣстись. Тогда еще еденъ мовилъ: пане! мнѣ кажи, и я его отоль выведу. А онъ ему позволилъ. Тогда той сатана нарадился того рыцера женою, а пришовши до него зъ роскощными волосами и дѣтей двое пред его принесъ, мовачи: што жъ такъ робите тутъ не подбаве; онъ-то якіесь літри, напавши на нашъ замокъ, челядь разгнали, все побрали, мене, якъ видишъ, обнажили,

(¹) Слово не разобрano.

(¹) Слово не разобрano.

отожь втекла з дѣтьми твоими двома сынами, для того жъ, змилуйся над собою и надо мною, поспѣйся за ними, взявшими люду остатокъ: можемъ ся помстити надъ ними своеи кривды; теды онъ отповѣдалъ: би мнѣ тужъ пришло и до смерти, не пойду зъ сего мѣстца. Теди она рекла: знать же мя не любишъ, а вѣдь дѣтей своихъ; о тожъ тебѣ дѣти твои! И моцно вдарила о землю, тіе дѣти плачучи лазили, а онъ на нихъ ни позрѣль. Тогда тое все погинуло. Тако же покуси знову радиися що з нимъ починать, потомъ еденъ сатана в постать священника премѣнился, а пріишолъ до церкви з лѣнтарнею (¹), свѣчку на олтарѣ засвѣтилъ, рече же до

жолнѣра: чесо тутъ бавишъся? Иди иречь, а то почну служить утреню. Пошовши позвонилъ и знову мовилъ: иди же отсюль, бо есь ты проклятый, не годенъ есь, же бимъ при тебѣ почаль служить, бо я вѣдаю, же съ ты таکъ и такъ грѣшилъ. Отповѣдалъ жолнѣръ: не пойду я ажъ до самого свѣта, бо то мя дано за покуту; тогда и той сатана згинулъ. А рицерь на день завтрашній коня знайшолъ, здоровую жену, и дѣтей, и сестру и весь маестокъ цѣлый, а сповѣдникъ его развязалъ отъ всѣхъ грѣховъ. Такая его покута Богу стала приемна на прикладъ и намъ грѣшнымъ. Если щирымъ сердцемъ покуту будемъ читити, то и насть Богъ приметъ до своей хвали. Ему же слава и честь и поклонъ въ Троици святой. Аминь.

(¹) Ви. з лѣнтарнею = съ фонаремъ.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Настоящая легенда должна быть древняго происхождения и относится ко временамъ независимыхъ удѣльныхъ князей. Искушение кающагося въ образѣ жены, которая извѣщаетъ мужа о внезапномъ нападеніи враговъ, напоминаетъ тѣ времена, когда удѣльные князья безпрестанно нападали другъ на друга. Самое существованіе ея въ малороссійской формѣ подтверждается древность, побуждая предполагать, что первоначальный образъ, въ какомъ она оставлена, отнесится ко вре-

менамъ, предшествовавшимъ расторженію федеративной связи между южной и сѣверной Русью. Здѣсь выражено народное представленіе о томъ, какъ человѣкъ, для достиженія цѣли, рѣшается устоять противъ страшныхъ видѣній, которыми бѣзы хотятъ его испугать и отвѣтить отъ предположенной цѣли, представленіе, общее множеству народныхъ разсказовъ, между прочимъ и тому, который такъ прекрасно передалъ Гоголь въ своемъ *Віль*.

**ПОВѢСТЬ
о грѣшной матери.**

ПОВѢСТЬ

О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ.

(Изъ рукописнаго Синодика Имп. Публ. Библ.)

ПОВѢСТЬ ПОДѢЗНА О НЕКОЕМЪ, ИЖЕ АДЬЮ РУКОЮ ИДАШЕ.

Монахъ ижай извѣда намъ, глаголя: яко шедшу
и ишогда ко святому Феодориту, патріарху антиохій-
скому, и понуждему ии на сѣдѣ, повѣдаше моему сми-
ренію: яко предъ малыми дѣлами пріиде странне здѣ-
шне извоменіемъ, и многими власы, и одѣждою власи-
меню одѣянія, и сего прижахъ асти со мною. Пришел-
шу же ему и сѣдшу, ерехъ его ядуща лѣвою рукою,
ибо десная его рука обвита платомъ, даже до перстъ.
Глаголахъ убо ему: почто, брате, не яси десною ру-
кою, ибо лѣвомъ? ибо великий Василій во обычныхъ сво-
ихъ ученихъ глаголетъ: десная убо рука служить отъ
чресль до главы, лѣвая же отъ чресль подобна до до-
лу. Онъ же глагола ми: прости ми, святейший владыко,
страсть бо ми нѣкая есть, и сего ради не могу! И
многое иудивъ его, не хотища зрити. И яко обрадован-
на человѣка искитиша портъ, еже на деснѣй руцѣ его,
и на едину страну вергокъ, даде прочее рука не утѣ-
шиши смрадъ и лютъ, яко же всѣмъ держати своя
язздри и отбѣжати, дондеже паки о немъ чистымъ
портомъ обви братъ смрадную свою руку, и тако пре-
ста отлученный и лютый смрадъ. Азъ же, рече, удивль-
ся о сихъ, начахъ иудити мужа рещи ми: что убо
есть се? Онъ же, воздыхнухъ велми, начать извѣдати
ми, глагола: азъ, святейший владыко, иныхъ матерь

доброизначу зело, и велми юна сущи овдовѣ, мене то-
чію имущи младенца; скончавшуся моему отцу, яко
же речеса, властъ себе идици и піанству, и блуду,
и може отъ блуда своего собрати ей многая стражданія.
Миѣ же въ мѣру возраста пришедшу, оукоснѣвакиша
же мати моя въ сицевой сквернѣ, случися ей умрети.
Азъ же въ чювство пришель, и поразумѣхъ откуду
седиво богатство собра, вдахъ себѣ прочее отреченію
земныхъ, многими сущими отеческими и матерними
стражданіемъ, положихъ въ сердцѣ моемъ, глаголя: не-
возможно ми, владыко, Господи Боже, отъ нечистаго
сего богатства пріяти; но вси раздамъ церквамъ божі-
имъ и иницимъ, за душу матере моей. Сице сотворихъ,
раздахъ и моя вся, не оставилъ себѣ ничто же, кроме
яже иша одежду, и сія сотворъ за душу своея, (еа?) со
всакимъ извоменіемъ и вѣрою несумѣнною. И помыш-
лихъ въ себѣ, глагола: откуду сувѣмъ, и кто ми из-
вѣститъ яко пріять Богъ данная иницімъ, и паче яко
отъ скверныхъ баухъ собрана винъ! И яко аще полу-
чи отрады мати моя, или ползу оубо кую сицевыхъ
ради милостынъ же и примишеній! Идохъ убо, владыко,
во Іерусалимъ къ патріарху; и вси слушашася сказахъ
ему. Онъ же сія слышавъ, глагола ми: добрѣ сотво-
рилъ еси, о чадо, попекся о матери спасеніи. Сія бо

творя себѣ, благодѣйствуещи, и спасенія, сподобляющи свою душу; но обаче никто же опасно совершенное можетъ вещи увѣрити, ио иди въ скитъ и въ Віфанду, и тамо обращеніи богоносны мужи и прозорливи и могутъ ти о семъ молитвою откровенія извѣстити. Азъ же по словеси патріарха абіе идохъ въ скитъ и въ Віфанду, и вся бывшая блаженнымъ онимъ отцемъ сказа-захъ. Преподобніи же и присіохвальніи сія слышавше, и отъ множества смиренія ихъ койждо глаголаху: яко иѣсть чадо такова въ нась, якова ты ищеши, и разумъ твой; но аще хощеш послушати совѣта нашего, винди во внутреннюю пустыню, и тамо обращеніи человѣка Божія совершенна, могуща ти о сихъ извѣстити. Да не убо труда ради облынишися, о чадо, но надѣя-ся иди, Господь съ тобою! Азъ же пріимъ хлѣбъ и воду, и молитву святыхъ старецъ, путешествовавъ дній 30; и обрѣть пещеру малу, и близъ ея мало воды, и при водѣ стопы человѣчи; и обрадованіи быхъ, приближихъ къ пещерѣ. И толкнувшись по обычаю, и отвѣща ми внутрь святый старецъ; и изыде; и бывшу обычному монашескому поклоненію, и молитвѣ, сѣдо-хомъ, и глагола ми рабъ божій: добрѣ пришелъ еси, чадо, что толикъ трудъ до нась претерпѣль еси пріи-ти, рцы ми: и како христіанское коѣмъ живеть днесь! како царіе? како вѣра утверждена? Мнѣ же рекшу: яко молитвами вашими преподобными равно ангеломъ жи-вущими, вся благочестно и мирно, идѣже есмы утвер-ждена суть; но о немъ же подвигохся, отче святый, о семъ мя просвѣти, молюся, принадая къ стопамъ ногу твою. Тому жеrekшу: и кака вина къ намъ твоего при-хода? И исповѣдавшу мя вся, яко же речеся, и рекшу яже о извѣщеніи: отце честный, пріяти молюся ради къ Богу дерзновенныя ти и богопріятныя молитвы, аще получи кую пользу смиренная моя мати, или ни? Отвѣща рабъ божій истинный, глаголя: паче моей силы и до-стоинства такое прошеніе; обаче помолимся вкупѣ съ тобою Богу, о чадо, и еже хощеть и волить откры-еть намъ; и сотворь вайнъимъ своимъ жезломъ писмо окружно постави мя внутрь, и заповѣда ми дній седьмъ не

сѣсти, и елико по силѣ ни ясти, ни пить, но молитви Бога день и нощь, яко да явить намъ искомому откровеніе. И азъ, рече, внутрь пещеры тоже да сотворю. И си-ленъ есть иже мыслемъ судіа, и утробамъ и сердцамъ испытатель, иже безвѣтныи вѣдецъ, и объявитель иевѣдомыи, открыть намъ недостойныи по воли его. И сотворъ молитву прилѣжну, оставилъ мя внутрь пис-мене, и внide въ пещеру свою. И сотворишъ мя 6 но-щай, и 6 дній, и яко пріиде седмая нощь, быхъ яко во иступленіи, и зрю на лѣвую страну, и се езеро тинно смрада исполнивъ, и главы нѣкіхъ восходящіи изъ глубины езера, и съ ними видѣхъ матерь мою восходящу и визходящу до выа. И познавши мя, во-зопи: чадо мое доброе, помилуй мя! И паки поникши во глубину тины. И паки возведши до персей, и во-зопи зѣло: чадо мое, помози мя! И паки зашедши во глубину, и до третіе видѣхъ ту вошедшіу, и еще ино-жнае волюшю, со сунулениемъ и икотами слезами, и рыданіемъ, сице глаголющу: чадо мое, не остави ме-не въ бѣдѣ сей! Азъ же, бѣды яко забыть, прости-рь десную мою руку, и похвативъ за власы главы ея, той же въ долинѣ погразши, омочися рука моя въ тинѣ смрада онаго до запистія, сице же исторгъ матерь свою, и на десно обозрѣвъ, оузвѣхъ купель воды чи-сты, и благовонны, и сладки, тамо убо ввергъ ту, и оныхъ смрадныи онія тины, и съ тамо сущими свѣт-лыми людми сокупихся, хвалище и славище съ именемъ Христа Бога нашего. Дню же прочее бывшу и се рабъ божій пріиде, вопроша мене, что убо еси ви-дѣль; мя же повѣдавшу, той знаменаніе глаголемаш, таковая бо бѣяша и самъ яко же глаголаша зрѣвый; мнѣ же руку износящу, и неизчѣтнаго смрада не терпи, глаголаше святый: о семъ не печалуй, се бо печать есть истиннымъ еже вѣровати намъ, и всѣмъ слыша-щымъ и видѣющимъ, яко истинно есть видѣніе, а не привидѣніе или мечтаміе, и яко силенъ есть Богъ и по смерти творити милость и щедроты, иже отъ все-го сердца творящимъ приношенія и милостыни за от-шедшихъ, и тѣмъ подати милость, яко щедроты его на-

всѣхъ дѣлахъ его, елика хощетъ и можетъ. О руцѣ же твоей азъ извѣщу: можаше бо Богъ всически и ту тако-
ваго премѣнити смрада, но да не якоже речеса, двоевѣр-
но иинится быти и неизѣро многимъ, сице ту благоволи
имѣти. Сице рекъ ми рабъ божій, и малый пласть сей,
иже зриши, отъ святаго его мантіи отрѣзавъ и обвѣтъ ми
руку; и аbie преста весь смрадъ. Пріиде же паки его
ради blaухоханіе, и еже пребываетъ пласти належащу;
аще ли кто возметъ его, яко же и ты иныї створилъ
еси, никто же стерпить смрада неизѣченаго. Но сихъ
же глагола ми по истинѣ рабъ божій: се, чадо, толикъ
путь шествовалъ еси, зѣло утрудився, и яже на по-
требу не имаши что подобаетъ ти створити, или ка-
ко отыденіи во страну свою не трудно, и яко сія гла-
голаше ми. Се дхну вѣтръ югъ, и облакъ граденъ

упоржеся отъ запада; святый же старець рече: тебѣ
повелѣваю, ангелу иже облаки водящему, и вся со-
держащему сильною дланію о имени Христовѣ, иже
облаки составляющему, пріими брата сего облакомъ, и
донеси его во своя ему, яко да всѣмъ скажеть вели-
чія божія, яко силенъ, право и несумѣнно просащимъ
подавати прошенія ихъ, приношенія ради милостыни о
мертвыхъ и о живыхъ, и милость въ родъ и родъ до-
вѣка, и щедроты его на всѣхъ дѣлѣхъ его. Пріеми
убо облакъ, и представи ми оу дому моему, яко Авва-
кума въ ровѣ Даниловѣ; азъ же пребывахъ хвала и
слава Христа Бога нашего, во всякомъ благовѣріи и
чистотѣ, яко Тому подобаетъ слава и держава во вѣки
вѣковъ; аминъ.

ЛЕГЕНДА О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ МАЛОРОССІЙСКАЯ.

(Ингер. Публ. Библ. Позод. дресслер. № 4555.)

Былъ единъ человѣкъ священничокъ, котрий завше
за свою матку Богу си молілъ и святую службу от-
правовалъ, а покуту великую за ю мѣвалъ. Тогді ча-
су одного, яко съ плачемъ молилася Богу, обачилъ еи
предъ собою, а она на страшномъ змію сидѣть и зъ па-
зокъ его огонь страшный сѣрчастый выходилъ; два
зась діаволи зъ ланцугами огнестыми при неи стояли,
котріе мозокъ еи висисали; въ очахъ сидѣли два ме-
дведки, въ ушахъ срокія двѣ мыши відатъ було, лю-
ти зась шатанъ стоять противъ неи каменемъ бючи
уста еи, и коло шні еи барзо ужъ великий обвинулся
а персей сссаль, на пальцахъ еї огнестие перстени були,
ноги зась еи подъ зміевимъ брухомъ были звазані. Тоє
відачи онъ законникъ паль на землю отъ страху не
могъ и слова мовити, а она ему мовила: не бойся, на-
мишай сину, бо ві я, аві тиє, що зо мною, тобі зашко-

дить не могутъ. Я то есть проклятая и несчастная матка
твоя, которая естемъ тимъ мукамъ въ вѣки отдана. Въ
томъ синъ, будучи посиленъ Богомъ, всталъ, и мовилъ:
чему съ тако сродзѣ мукамъ oddана, поневажъ часто
есъ святый сакраментъ примовала, исповѣдь чинила?
Отповѣдала же: збытный есть гнѣвъ Божій, бомъ всю
молодость мою въ роспустахъ и уборахъ марныхъ скон-
чила. А любомъ ся сподівала того однако воли до по-
кути не міамъ, и святій сакраментъ негодне пріимова-
ла. Мовилъ ей синъ: что значать тиє мукї? отказалася:
змій, на которомъ сижу, данъ мі есть за любощи
непристойные, котрихъ я прагнула до себе, тиє зась
два шатани, що мя ланцугами бютъ, единъ есть
данъ за тое, же къ отцу своему завше ся наприграла,
вимогючи рознє убори, другий зась ми даний жемъ
нишихъ до той же своей воли приволила, страшний

ужъ за тое данъ мі есть, жемъ златые ланцуги и монисто носила и перси показывала, за тое мя той страшный ужъ зъ великою болестю мою смокчеть; што ма беть у уста за тое, жемъ дивилася где злые учинки спрашивают; въ ушахъ мыши сродзе гризутъ, жемъ слухала пісней спроснихъ; ноги ввязаны подъ зміннимъ

брюхомъ, женъ танцевала збитне, показуючи голені и вискою и бігания непристойного; а для того а ѿ твоя молитва, а ні тежъ чіа іншая можетъ мя отъ той муки визволити. Се заразъ той змій и все товариство еи смрадоиъ великимъ поднесши въ ниспавицю (?) обернулося и зникло.

ВИДѢНИЕ МУКЪ

ГРѢШНИЦЫ ВЪ АДѢ.

ВИДЪНИ МУКЪ ГРѢШНИЦЫ ВЪ АДѢ.

(Имп. Публ. Библ. Погод. № 4577.)

Два иниха добродѣтели пріодоша слово Божіе прѣпопѣдати въ нѣкій градъ, въ пемъ же нѣкай жена со сроднымъ своимъ и со инѣми чужеложство сотворила, и тягости ради грѣха, срама ради, 12 лѣтъ приходя каятися и глашѣ. Едакже узрѣ сихъ иноковъ странныхъ, рече въ себѣ: сіи суть незнаеміи и иностранніи, и ниже когда паки къ наимъ возвратятся? исповѣмъ въ грѣхъ свой и беззаконіе мое. И по святѣй літургїи, приступи ко единому, нача исповѣдати грѣхи своя; и другой инихъ видѣ, яко за комъждо изреченіемъ грѣха изъ устъ ея жабы скверніи падаху и изъ церкви выскакаху. И егда пріиде до сего великаго грѣха, еже со сроднымъ сотвори, и не хотѣ стыда ради исповѣдати, инихъ же, не вѣдый, еже грѣхъ велий имать и не исповѣда, даде ей разрѣшеніе; и тако скончася исповѣдь; другій же инихъ видѣ, яко вси купно во внутренняя ея виндоша паки. Отъидаша же иниси изъ града, и идоша путемъ; видѣвши же сіе видѣніе все ко другу своему исповѣда; и той во страшь и печали рече: во истиину, брате, утапла нѣчто грѣховъ своихъ, но возвратимся, брате, и направимъ ю къ покаянію. И по многомъ отшествіи, паки возвратиша и обрѣтоша ю мертву, вознущашася душами и восплакаша зѣло инозы, и начаша с постомъ въ сокрушеніи сердца мол-

ти Господа Бога, да извѣстить по милости своей, что се еже видѣти, и третіаго дня, вкупѣ имъ идущими, показася имъ бна жена сѣдащи на страшномъ и лютомъ зміи, и два єжа велика сокрушаху вью ея, и два перси ссуще, два же нетопыри деруще очи ея, и от устъ ея исходитъ огнь жупелный, руцѣ же ея грызаху два пса великия, во ушахъ ея двѣ стрѣлы великія огненнія, воиззена во главу ея, колико бѣша власовъ толико ящерицъ. Сіе старцы они ясно узрѣша, падоша яко мертві; тогда жена рече: не ужасайтесь, благодѣтеля моя и боголюбезная; азъ убо бна жена проклятая, иже предъ тобою, Пантеніаре сиященній, исповѣдахся, и сицевый грѣхъ срама ради утаихъ, и исповѣдатися устыдѣхся, и за сіе осуждена бысть тако мучитися на вѣки. Тогда Пантеніаръ рече: заклинаю тя именемъ великаго Бога нашего, да исповѣси намъ, что таковое страшнѣйшее различество твое, и что есть муки сія иже, рече, видимъ? И ничто (?) жена (¹) извѣщу убо ти, и не скрою ничто же: иже вмѣсто власовъ моихъ ящерицы даны ми суть за украшеніе главы, нетопыреве на очахъ моихъ мученіе и казнь прелестнаго возрѣнія и возвожденія бровей, стрѣлы огненные въ

(¹) Вероятно пропущено слово: рече.

ушахъ — казнь за слышаніе глаголь лестныхъ и пѣсней
сатанинскихъ, из усть пламень жупелный исходашъ —
за прелестныя моя словеса, и сквернословіе, и осуженіе,
ужеве, иже ссугъ перси моя, — за нечестивое и скверное
дотыканіе многихъ, въю тако же ужеве сокрушаютъ —
за украшеніе выи, и обидаютъ озлобленіе псовъ въ
казнь дѣль моихъ гнусныхъ и пріятія руками и еже ими
давахъ любовникомъ моимъ; съденіе же на седь вели-
комъ и страшномъ зміи за желающую мою похоть тѣ-
лесныхъ и скверныхъ счастей, иже ми зѣло нестерпимо-
мою мukoю дручитъ, и въситъ, и палицъ огнемъ иска-
неннымъ адскимъ и бедра тайная, и вся внутренняя моя,

въ казнь скверныхъ и многихъ злыдъ дѣль моихъ. И
Пантеніаръ рече: повѣждь ми, коихъ ради грѣховъ
человѣка на осуженіе болѣе идутъ? И рече жена ви-
щици осуждаются смертныхъ ради грѣховъ, жены же
паче четырехъ ради способовъ грѣховыхъ: нечистоты
ради отъ своихъ мужей, суетныхъ и непотребныхъ ради
украшеній, и еже вражити людямъ, и стыда, его же ра-
ди не исповѣдаютъ грѣховъ своихъ. И Пантеніаръ
рече, хотя ю еще вопросити: можетъ ли ей подати ка-
домощь; ~~одинъ~~ ^{одинъ} страшный, ~~одинъ~~ ^{одинъ} ей нестерпимую му-
ку, движесъ съ нею и залезъ за ю ёдская иѣста.

ЛЕГЕНДА

О ВРЕМЕННОМЪ ПОСѢЩЕНИИ АДА.

ЛЕГЕНДА

О ВРЕМЕННОМЪ НОСЪЩЕНИИ АДА.

(По списку XVII в.)

ИМО ЭДЬ ЛУЧШЕ СКОРБИ ТЕРПЬТИ И ПРИНАТИ БѢДЫ, НѢЖЕЛИ ТАМО.

Бѣ иѣкій человѣкъ благонравный и благочестивый, во иноеземъ оубо покаяніи иже здравъ буда творя, въ вѣлю болѣзнь впаде, въ ней же годищюое время терпя. нача просити Господа Бога и молити, дабы толикимъ его скорбемъ конецъ сотворити Богъ изволилъ, и смерть по милости своей послати. Оусмыша благополучный Богъ его молитву, явися ему ангель его и рече: избери оубо себѣ что хощеши, или да еще въ скорби сей пребудеши лѣто единио, или да будеши терпѣти муки три дни въ завершениѣ покаянія о грѣхъхъ и добродѣтелей недостатка, и азъ повелю, и смерть приидетъ, яко же хощеши; аще ли же ни, лѣто еще въ скорби тѣлеснѣй пребудеши, безъ всякаго препинанія въ мѣсто оупокоенія прїдешши. Человѣкъ же той, невѣдая искусъ муки, ииѣшее избра, рече ко ангелу: хощу паче умрети, и не точію три дни, но доколѣ изволитъ Богъ мучити мя въ воздаяніе грѣхъ моихъ, точію да не терплю здѣшнія болѣзни. И рече ангель: буди тако. И тако болящій оумре, и душа его отслася въ муку. По скончаніи оубо дnia единаго, прїиде къ нему той же ангель Божій и рече: что ти, душа, како терпяши,

иже сама себѣ избра, еже въ нихъ быти? И рече душа: о прелестниче, а не ангель, како ми тысащу лѣть сихъ страшныхъ и нестерпимыхъ муки въ мѣсто трехъ дней пристроилъ терпѣти еси? И рече святый ангель: о душе, не долготю въ мукахъ сихъ пребытіемъ лѣть, но нестерпимою и прѣнногою мукою искушена тако глаголеши, како же сія не покаявшимся вѣчно терпѣти? ты оубо, о душе, еще точію единъ день здѣ, но даю ти совѣтъ всяко аще хощеши, и Господь Богъ яко сый премилостивъ сумилосердится о тебѣ, дабы еси возвратилася, якоже еще въ тѣлѣ ти сущей рекохъ, да постраждаши лѣто единио. И рече душа: о изволлю не точію едино лѣто, но аще бы и до скончанія міра въ тѣлѣ терпѣти скорби, аще бы были и вищи, ииже терпѣла, не жели здѣ часъ единый! И за симъ словомъ нестяжательствомъ ангела святаго возвратися душа въ тѣло. и воскресе онъ чистый человѣкъ. Пребысть жѣ нареченное лѣто, возлюбленіе, скорби терпя, множеству человѣкомъ сіе извѣща, оспѣхъ къ покаянію подая, и егда прїиде по лѣте скорби часа время, преставися, и видѣ въ вѣчное оупокоеніе.

ЛІЧЕНІ, ПРИМЪЧАНІЕ.

ІІІ ПІДЗАГЛАВІЙ ДОЧІРНІХ О

Въ народѣ существуетъ вѣрованіе, что впадающіе въ летаргический сонъ, похожій на смерть, и снова возвращающіеся къ призракамъ жизни, особенномы произволеніемъ Божіимъ отпускаются обратно въ земную юдоль изъ загробнаго міра, сохрания воспоминаніе о томъ, что души ихъ видѣли къ этомъ мірѣ. Настоящая легенда относится къ этому вѣрованію. Бла-

гочестивые люди думаютъ, что кто предъ смертію долѣе болѣеть, тогъ своими страданіями искушаетъ часть свою согрѣшений; чѣмъ кѣ продолжительнѣе мучимъ болѣзню, которая наконецъ низвела его въ могилу, тѣмъ болѣе прощается ему грѣховъ и облегчаются наказанія, ожидающія насъ въ адѣ.

**ЛЕГЕНДА
о прельщенномъ инокѣ.**

ЛЕГЕНДА

О ПРЕЛЬЩЕНИИ ОМЪ ИНОБЪ.

СЛОВО С ИНОДЪ МОЛЯЩЕМСА БОГУ, ДЛЫ БЫЛ, ИКО ЙОВЪ, ИЛИ ИКО ИСЛАКЪ. БЛАГОСЛОВИ ОТЧЕ.

(По списку конца XVI в.)

Повѣда намъ иѣкіи отъ отецъ о иноцѣ иѣкоемъ, молящуса Богу, яко да сподобитъ его быти яко Йовъ, или яко Исаакъ, или иного прежде бывшихъ патріархъ, или яко единого отъ пророкъ. И по иноземъ его моленіи, пріиде емоу гласъ, отъ Бога глаголющы: неможеши быти якоже Исаакъ. Отвѣщавъ же иныхъ: аще не боуду якоже Исаакъ, да ионе хотя яко Йовъ. Паки же къ немоу божественный гласъ: аще побѣдши, рече, якоже и онъ діавола, можеши быти. Минихъ же обѣщаю тако быти, и слыша паки гласъ глаголющъ ему: иди, рече, въ келю свою, якоже просилъ еси; буди ти. По днехъ же иѣкихъ преобразися діаволь въ иѣкоего воина, пришедъ ко иныху, рече: молюся твоему преподобію, отче, помилуй мя гонима отъ иѣкоего цара, и вземъ сія дѣсти літръ злата, и отроковицу сию, и отрочища, и оукрый оу себе, идѣже вѣси; азъ же, рече, иду во ину страну, идѣже царь обрѣсти мене не можетъ. Минихъ же не разумѣє сѣти діаволя, рече къ немоу: чадо, не могу сія взяти, понеже смиренъ есмь чловѣкъ, и не могу сія сохранити. Онъ же нуждаше иныха не презрѣти моленія его. Минихъ же отвѣща къ нему: шедъ, рече, чадо, и положи сія подъ каменемъ. Онъ же моляще его приг҃жено: отче, приеми сія самъ, и положи идѣже вѣси. Вѣровавъ же иныхъ глаголемымъ отъ бѣса, взять злато оно, и

отроковицу, и отрочища, поругаемъ отъ бѣса. Поднекъ же иѣкихъ вълагаетъ иныху рать (?) на отроковицу и растлить сию. Раскаль же ся о прилучившемся ему, востарь, субивъ отроковицу. Глагола ему помыслъ: воставъ оуби и отрочища, яко да не повѣсть отцу своему бывшую венцъ. Воставъ же абіе и оуби и отрочища. Рече же къ нему помыслъ: вземъ врученню ти злато и бѣжи во ину страну, идѣже воинъ не возможеть обрѣсти тя. Отпѣдъ же въ иѣкоую страну, и созда себѣ отъ злата онаго монастырь. По совершеніе же церкве, се воинъ пріиде, иже образомъ діаволь, и начатъ воини гласомъ велиемъ: о вужда! помозите! Народи же стекнися, глаголаку ему: что сія зовещи, чловѣче? Онъ же съ плачомъ отвѣща: иныхъ сей отъ моего злата, преданнаго ему, созда церковь сию. Воставие же чловѣци мѣста того изъ безчестіемъ и рабами отгнаша его. Иже образомъ воинъ и естество же діаволь, тойже на иныха гнѣвяся, отыде, глагола: азъ сія сотворю ти, яже ни въ умѣ своемъ никакже помыслилъ еси! И сія рекъ, отыде. Минихъ же борясь помыслы своими день и нощь непреста, дондеже отлучися отай мѣста онаго, рекъ: яко се явленно бысть дѣло мое, но да вземъ оставше ему злато, и иду во градъ иѣгде далече, идѣже воинъ онъ пріити не возможеть. Оубо (иде?) во градъ незнаемъ далече, и оуэрѣ тамо отро-

ковицу и́кую зъло красну, дщерь сущу оу и́коего рядника, и глагола отцу ея: дайми сю в жену. И пой сю в жену себѣ. По лѣтѣ же и́коемъ, оумре отецъ ея отроковици; князь же града того искаше в него мѣсто поставить иного рядника; рѣша же ему мужіе града того: обычай есть града сего, яко же пометъ жену и дщерь оумершаго рядника, той приемлетъ сице его служеніе, аще и нехотя. Рече же к нимъ князь: есть ли оубо таковый человѣкъ оува? *Онъ же рѣша:* есть, яко же мнится намъ, яко же иноческа чина быти его глаголуть прежде бывша. Князь же рече: шедше приведете его съмъ. Они же шедъ приведоша его ко князю. Онъ же и не хотя обѣщася пріяти таковое служеніе. Впадающимъ же и́кимъ аще и в мало согрѣшеніе, той же, иже и́когда бысть мнихъ и постникъ, нынѣ же рядникъ, повелевааше мучити немилостиво согрѣвшая; овый же князю даваше затворити ся въ темницы, ноги ихъ забити въ кладѣ, а другія же говяжими жилами бія оуморяще, иныя же смолою горящею опалая, множайшая же творящю, повѣдати безъ слезъ не могу. В сихъ же оупражняющуся, иже и́когда мниху отшелнику сущу, нынѣ же ряднику, се діяволь приде во образъ воина и начать звати и гласы испущати, яко и народу много стещися, на безчисленны его гласъ. Начать же князь вопрошати его, рекъ: престани, человѣче, от безчисленнаго кричанія иемысленно; яже по тебѣ, скажи намъ. Отвѣщаю же воинъ князю, рекъ: видиши ли рядника сего, его же имате во градѣ вашемъ: сей мнихъ бѣ и́когда; михъ же прилучнися гониму быти от и́коего царя, вручихъ ему злата много, к сему же и дщерь мою дѣву су-

щу и отрочища единого; и просто реши вся подробну сказавъ прилучшаися ему, князю же прилежно о вещи слушающу, прибытка рада своего, и вопросы бывшаго и́когда мниха, нынѣ же рядника: аще истинна суть иже отъ воина глаголемая? Онъ же и не хотя исповѣдався переду, и забѣ на отроковицу и отрочища, и како и камо исконично бысть злато оно. Князь яко видѣ, яко и́кій же прибытокъ имать пріяти от злата оного, повелѣ смерти иютой дредати его. Водиму же ему въ града смертному мѣсту, се діяволь, иже во образъ воинъ, срѣте его на пути ведома народомъ, и рече к нему: вѣсли, авва, кто есмъ азъ? Онъ же к нему: си ты еси воинъ! Рече, его не познахъ. Воинъ же к нему рече: азъ есмъ, его же слышаль еси, сатана, иже первозданнаго престиль Адама, ратую человѣки, и не оставляю никого же спастися или быти якоже Исаакъ или якоже Іовъ, но тшуся сотворити вся, яко Архитохела оного или яко Юда Скариотинъ, или яко же Кайнъ, (а) иже в Вавалонѣ старцы, и подобніи тѣмъ; вѣрой же, яко и ты сице поруганъ бысть отъ мене, и не оувѣда ратовать, сокровенную брань. Сия же рекшу бѣсу и ина множайшая, и забѣ невидимъ бысть; окяннны же той мнихъ, паче же рядникъ, пострада смертное оудавленіе, поругаемъ от бѣса за тщеславное его высокомудріе. И мы оубратія, соблюдемся, ие высокомудріемъ просити от Бога выше мѣры нашел, и начинати дѣла, иихъ же невозможемъ совершити; добро же паче шествовать царьскии путемъ, иимъ же идоща святіи отцы наши, неоуклоняющеся на десной или на шуй, спасися отъ прелестнаго вѣка сего, имуще во всемъ смиренномудріе.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ УМЕРЩВЛЕННОМЪ МЛАДЕЦЪ.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ УМЕРЩВЛЕННОМЪ МЛАДЕНИЦѢ.

СЛОВО С ХРИСТОЛЮБИМОУ НУПЦѢ, ВЪНУЖЕ СОТВОРИ БѢСЪ НИПСТЬ, МИЛОСТИНИ ЕГО НЕ ТЕРПА, БЛАГЫЙ
ЖЕ БОГЪ ДОБРОДѢТЕЛИ ЕГО РАДИ ОТЪ НЕДУГИ ИСЦѢЛЯЕ, И ДѢТИЦІА ЗАКОЛЧЕНІГО ЕГО РАДИ ЧУДОДѢЛ
БѢСИРВСИ.

(По списку XVI вѣка.)

Повѣдаше иѣкто отецъ вѣщъ дивну и ползы исполненоу, яко иѣкто коупецъ благовѣренъ и милостивъ, елико оубо Богъ даяше ему, то все оубогымъ раздаваше. Единою же идущю емоу купити по обычай, и обита въ гостиници покоа ради; и иѣкто нищъ моляше и прося милостыни; христолюбивый же купецъ рече нищему: брате! се яко же мя видиши на пути семъ, а товаръ мой напредъ поустихъ предъ собою, не имѣю оу себѣ ничтоже, еже бы мя что дати; но молися о мнѣ к Богу; егда же възвращуся, дамъ ти потребнаа. Глагола нищій: како оубо приходъ твой вѣдомъ боудеть мнѣ? Коупецъ же рече: въ ты дни ожидай мене; аще ли тогда не обрящеши мене, и показа емоу дѣску, лежашу ту, и рече к нищему: что мя Богъ повелить, подъ сею положю дѣску, ты же възми яже обрящеши, и моли о мнѣ Бога. Оумедлившю же коупцу, прїиде нищій въ начерную годину и подемъ дѣску, и обрѣте скровище злата, издавна скровенно; пождавъ нощи, и понимавъ все, и обогатися, и коупи себѣ полаты многоцѣнныи, рабы и рабыни, села же и винограды, волы же и велбоуды, кони же и мыскыи, и все елпко богатымъ довѣрять, поять себѣ женоу отъ велможъ, и начать жити славно, въ мнозѣ службѣ. По времени же прїиде онъ благовѣрный купецъ, и бывъ на мѣстѣ, въ-

спомяноу нищаго, и вземъ злато въ руку, въходѣ положити подъ ону дѣску, якоже обѣщаши нищему, и порази его духъ лоукавый, и паде наань язва зла отъ ногу и до главы, якоже на блаженнаго Іона; и раздаа все имѣніе врачамъ, и нача самъ яко единъ отъ нищихъ ходя просити милостыни, и прїиде въ домъ сего богатаго, бывшаго прежде нищаго, иже по сего съвѣту тоу подъ оною дѣску обрѣте скровище и обогатѣ. Прїимъ же сего, яко единстваго отъ нищихъ, въходѣ накормити, посемъ въспроси его: како и откоуду случися болезнь лютаго сего недуга? Онъ же сказа ему вся поряду. И разумѣй человѣкъ, яко сего ради дарова ему Богъ толико богатство, и рече: ты ли еси оный коупецъ? Рече богатый: сіи вся, яже видиши, тебе ради дарова мя Богъ подъ оною дѣску обрѣсти богатство. Сей же рече емоу: ты же разумей, яко тебе ради діяволь болѣзнь сію наведе на мя! Рече же богатый: аще мене ради злаа болезнь случитися, живъ Богъ, яко не изыдеши отъ дома моего ни отъ трапезы моей не отлучишися, но покою ти вся дни живота моего! И оставилъ его въ дому, не худѣ печешеся имъ, имуща хитрость врачевскую. По мнозѣ же временни не възможе исцѣлить его отъ недуга; послѣди же всѣхъ, инъ врачъ прїиде, глаголя: ничимъ же възможете страсти тоа исцѣлить, но аще кто зарѣжетъ мла-

деньць первенецъ, и тою кровію помажеть от главы и до ногу, и будетъ здравъ болны. И положи си богатыи на сердци; баше бо оу него младенецъ первенецъ, помысли заклати младенца сдравіа ради недужна. Печаше бо ся велии о того спасеніи, за многу любовь. Искаше времени да без матере младенца заколеть; обрѣте же часть, егда жена его в банию иде мытися, видѣ своего младенца на ложи ~~блѣднаго~~ ^{блѣднаго} ~~вокровенаго~~ ^{вокровенаго}, ~~с~~ ^с тѣлѣниемъ притече закла и, и источи кровь в лохань, и паки вложи мертваго младенца, и покры и, и поимъ болящаго на мѣсто скровно, и сволкъ его, и постави на мѣстѣ нага, и вземъ кровь младенца, помаза его по

всему тѣлу от главы и до ногу, и аbie здравъ бысть болны, якоже исперва. Се же чудо створи Богъ вѣры ради человѣка того и любви, юже имѣ к Богу и к нищимъ. Пришедши же мати от бани, приидъ к дѣтишю да же надонѣть, и егда откры лице младенца, и нача по обычаю дѣти верещати. Слышавъ же отецъ, притече к дѣтишю оужасенъ, и видѣ своего дѣтища ~~жизни~~ ^{жизни} ~~его~~ ^{его} же бѣ закла ~~жизненія~~ ради болнаго, и прослави Бога, таковая створи чудеса, яко болнаго исцѣли, мертваго вѣскреши; се же бысть обою вѣры ради, и милостыни ради, и любви.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Здѣсь высказалось древнее восточное повѣрье, будто бы кровь младенца (и особенно первенца) очищаетъ отъ проказы. У евреевъ существуетъ апокрифическое преданіе, будто бы Фараонъ, въ числѣ многихъ гоненій, творимыхъ сыномъ Израилевымъ въ Египтѣ, страдая проказою, приказывалъ приносить къ нему еврейскихъ младенцевъ и омывался ихъ кровью. Въ одной еврейской книжѣ, печатанной въ XVI в.: «Чинъ Пасхи», есть гравюра, изображающая царя въ коронѣ, съ язвами на обнаженномъ тѣлѣ; онъ стоитъ въ ваннѣ; предъ нимъ вельможи растворяютъ младенцамъ жилы и испускаютъ кровь, которая брызжетъ фонтаномъ на тѣло царя и въ ванну; вдали плачущія матери. Съ востока это вѣрованіе перешло къ намъ и, какъ видно, укоренилось въ ряду народныхъ суевѣрій. По извѣстію преосвященнаго Игнатія Тобольскаго подобныя заколенія младенцевъ случались между раскольниками. Извѣстное обвиненіе евреевъ, будто бы они крадутъ иновѣрныхъ дѣтей для добыванія изъ нихъ крови, существующее съ незапамятныхъ временъ, между разными объясненіями, для чего нужна евреямъ дѣтская кровь, сопровождалось и такимъ мнѣніемъ, будто евреямъ необходима она для исцѣленія

себя отъ наружныхъ болѣзней, въ родѣ проказы. Случай действительно происходившіе, когда находмы были убитыя дѣти, иногда съ явственными признаками испущенія изъ нихъ крови, случаи, возобновлявшіе и поддерживающіе древнее обвиненіе на Евреевъ (¹), вѣроятнѣе могутъ быть объяснены тающимися въ народной демонологіи остатками древняго восточного, но въ старину распространявшагося между европейскими народами вѣрованія о цѣлебности дѣтской крови. Настоящая легенда, гдѣ хотя высшее правосудіе спасаетъ умерщвленнаго младенца, но гдѣ, однако, не отвергается цѣлебное свойство дѣтской крови, можетъ служить этому нагляднымъ подтвержденіемъ.

(¹) См. Эйзенмангера: *Das Entdeckte Judithum*. Въ Польшѣ въ XVII в. составлена была обѣ этой книжка подъ названіемъ *Złobć żydowska* (есть въ Публ. Библ.) съ явными признаками неумѣреннаго фанатизма. На новогреческомъ языкѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, появилась подобная книжка какого-то монаха Неофита: *Открытыя тайнства жидовской вѣры*. Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы и Азии, въ разныя времена въ различныхъ мѣстахъ находмы были украденные и умерщвленны дѣти; вездѣ и всегда, при недостаточности глубокихъ свѣдѣній въ этнографіи, подозрѣніе падало на евреевъ.

**ЛЕГЕНДА
о братствѣ.**

ЛЕГЕНДА О БРАТСТВѢ.

(Иллпр. Публ. Библ. Погод. дрездехр. № 4606.)

УКАЗ СО БРАТОТВОРЕНІИ ВАКО СОТВОРИ ГОСПОДЬ БРАТСТВО КРЕСТНОЕ, ЕЖЕ НАЗВАТИСА МЕЖЪ СОБОЮ
БРАТСТВО ВСѢМОУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИАНИНУ.

Бысть царь, имя ему Семиклей; и любяше о Господи рече (рѣчи) слышати и желаше видѣти Христа велики. Во единъ отъ дній Семиклей царь на одрѣ возлегъ въ полаты своей и узрѣ птицу великую и чудную, летающу посредѣ полаты своеи, і воздвигнися о ней; и возлетѣ птица, и удари крилѣ своими, и от среды полаты взятся прахъ палатный, і виnde во очю его, и от слѣпоты пораженъ бысть царю Семиклею. И жена его бяше Купава, и бяше прокаженна, и сынъ Провъ: той имѧше же ну, и та имѧше бѣса въ себѣ. Якоже Семиклей царь ослѣпѣ, и призва сына своего Прова и глагола ему: иди, чадо, въ земля далная, и не поими отъ града сего никого же, да не повѣсть о мнѣ, и збери по людемъ дань, да вложи въ сокровище, и послѣди о немъ вси поживемъ, поне иже и узнаютъ вси людие, яко азъ отъ слепоты пораженъ есмъ, и інъ царь приметъ наше царство, а сокровенное наше то будетъ намъ на послѣдокъ. Сынъ же его Провъ изшедъ изъ града и не поимъ съ собою никого же, вели (вели) бяше жалостивъ и плачевное сердце имѣяше Провъ о болѣзни отца своего, и поя тако иныя слуги своя себѣ, и збираше дань съ великою крамолою; и мало даяху ему, а онъ же начать спѣшино имати, имѣяше же сердце плачевно яко инъ никтоже. Видѣвъ же Господь вели-

кую жалость и сотвори Господь: и яко рабъ приде къ Прову, и рече: пріими мя, да буду съ тобою. И рече Провъ ко Христу: отъ кое страны еси? И рече ему Христосъ: отъ горнихъ есмъ. Провъ же рече: како есть имя твое? Господь же рече ему: имя мое Емъмануилъ. Провъ же рече: колику доброта твоя? Господь же рече къ нему: князь есмъ. Провъ же слышавъ, радостенъ бысть. И рече Провъ: буди со мною. И вопроси Господь Прова: о Прове! каково здѣлаєши дѣло? Онъ же отвѣтшавъ: единъ рабъ есмъ Семиклея царя, посланъ есмъ собрати дань, а народъ мнѣ не даетъ, а повелѣно ми есть борзо принести, собравъ; не вѣмъ что сотворити. Рече ему Емъмануилъ: азъ спѣшио соберу ти. И рече Господь Прову: стани подалече: азъ иду во градъ. И пришедъ Емъмануилъ во градъ, и возгласи, глаголя: дайте Божія Богови, а кесарево кесареви! И слышавъ народъ таковыя рѣчи; и приношаху много золата и сребра. Провъ же видѣ, и удивися: откуда ми се да приидеть? Азъ бо во мнозехъ мѣстехъ и ничто же сопрахъ, се же во единомъ мѣсте и все ми предастъ елико хощу! И рече Провъ Господу: Емъмануилъ! како любовь сотворю съ тобою? И рече Господь: какову любовь хощемъ, такову сотворю съ тобою! Яко братство! сотворити хощу, и возлюбиши мя, яко самъ себя

И рече Провъ: сотвори. И Господь вземъ харатія и рукою своею записавъ братство, и рече идоложными усты своими: проклять есть человѣкъ той, иже сотвори брата и не вѣрова въ него! Сие убо братство болѣ брата рожденаго! И рече Провъ: много злата съ вами, поидемъ въ землю нашу!

И придоша ко граду; и сташа (ста) при водѣ; и глагола Господь къ Прову: о брате Прове! Провъ же рече: се азъ. И глагола ему Господь: внидемъ въ воду и омыемся скверны наша. Тогда дивишася ангели его, да рече Господь: о брате Прове! И вниде Господь въ воду и ухвати рыбу и рече: о Прове! И рече Провъ: се азъ, Господа! И рече къ Прову: вѣсли яко рыба, что есть? И рече Провъ: не знаю, брате. И рече къ нему Господь: очи сеа рыбы отъ слѣпоты, стамехъ есть отъ проказы, а желчь ея есть за нечистоту духа! Провъ же пріятъ рыбѣ, и разумѣвъ въ сердцы своемъ яко отецъ его осльпѣ, а мати его прокаженна есть, жена же его имаше духъ нечистъ. И пре-

дастъ имѣнія своя вся Еммануилу, и вземъ рыбу, идѣ къ родителемъ. И баше Семиклей затворенъ, да не познаетъ инъ его никтоже о слѣпотѣ его; и пришедъ сынъ его Провъ, растрои рыбѣ очи, и помаза очи отцу своему; той прозрѣ отъ слѣпоты; и смихирѣ помаза мать свою, и исцелѣ; желью помаза жену свою и исцѣли ю. И видѣвъ же царь Семиклей и удивися зѣло и рече сыну своему: откуду, Прове, взялъ еси? Онъ же исповѣда ему всю истину. Семиклей же рече: поидемъ, сыну, той есть Христосъ, его же азъ видѣти восхотѣхъ! И воставъ съ плачомъ поиде; и узрѣ царь Семиклей Господа издалече; и бысть Господь невидимъ отъ нихъ! Семиклей разстерза ризы свои, глаголаше: Слава тебѣ, владыко, яко не оставилъ мя еси въ погибели, взирающе на рукописаніе твое плачуще, и глаголюще, и славяще Бога: Слава тебѣ, владыко, яко изволилъ еси счетатися съ рабомъ Провомъ! Яко тому подобаетъ всяка слава, честь, и поклоненіе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, во вѣки. Аминь.

ПРИМѢЧАНИЕ.

Эта легенда вымышленна, какъ видно, въ оправданіе и освященіе обычая, существовавшаго у нась, какъ и у другихъ народовъ, обычая побратимства или названнаго братства. Сущность его состояла въ томъ, что два лица заключали между собою союзъ на жизнь и на смерть и обязывались другъ друга защищать и выручать изъ бѣды, одинъ другому помогать и оказывать взаимную дружбу и любовь. Обычай этотъ, общій народамъ арійскаго племени существовалъ въ глубокой древности въ такъ называемый герническій или богатырскій вѣкъ. До сихъ поръ онъ наблюдается у восточныхъ Афгановъ. Въ древней Греціи являются названными братьями, побратимами, Тезей и Пиритой, Орестъ и Пиладъ, Ираклъ и Іоластъ, Ахилль и Патроклъ. На противоположномъ концѣ Европы, у Скандинавовъ, онъ сопровождался священными обрядами. Союзъ братства назывался *fostbroedralag*; его заключали между собою люди, связанные общимъ дѣломъ. Нерѣдко побужденіемъ къ нему была равная для обоихъ вражда и ненависть къ однѣмъ и тѣмъ же врагамъ; нерѣдко двое враговъ, столкнувшись между собою непріязненно и оѣнинъ другъ въ другѣ равное мужество и храбрость, прекращали бой и заключали братство. Обычай этотъ сопровождался такимъ обрядомъ: молодцы разсѣвали себѣ ладонь и спускали кровь въ одну ямочку, выкопанную въ землѣ, а потомъ давали другъ-другу окровавленныя руки и произносили обѣтъ братства.—Другой обрядъ, еще торжественнѣе, соблюдался такъ: вырывали изъ земли полосу дерна, иногда же три полосы, но такъ чтобы ихъ края были соединены между собою, и ставили ихъ на жерди, такъ высоко, какъ только человѣкъ можетъ достать остриемъ копья. Стоя на колѣнахъ подъ этой землею, витязи призывали боговъ въ свидѣтели своей клятвы и обѣщались навсегда жить между собою какъ родные братья. Если бы одинъ изъ этихъ

названныхъ братьевъ былъ убитъ, другой долженъ быть торжественно похоронить убитаго и отомстить за него. Названное братство считалось действительнѣе роднаго. Въ одной Сагѣ двое родныхъ братьевъ, сыновья Біорна Бѣд-фаръ (*Bödfar*) и Ельгфроди (*Elgfrði*) испытавши свою силу одинъ надъ другимъ, вступаютъ въ названное братство. Ельгфроди разрѣзываетъ руку и даетъ брату пить свою кровь, чтобы послѣдній получилъ черезъ то лицо. Сдѣлавши выемку въ скалѣ, онъ сказалъ брату: «степерь я буду всегда знать судьбу твою; если я здѣсь найду кровь, то это будетъ значить, что тебя нѣтъ на свѣтѣ, и я долженъ буду мстить за тебя, ибо я твой названный братъ и люблю тебя больше всего на свѣтѣ!» Какъ святы по скандинавскимъ понятіямъ казались такие союзы, показываетъ слѣдующее обстоятельство, случившееся уже послѣ водворенія христіанства: Ніор-фи, упландскій король, заключилъ съ викингомъ Вафильсономъ братство и объявилъ ему, что союзъ ихъ долженъ быть крѣпокъ, хотя отецъ Вафильсона былъ только ярлъ и не происходилъ отъ королевской крови; несмотря на такое неравенство, союзъ оставался непоколебимымъ. Впослѣдствіи между ихъ сыновьями возникла ожесточенная вражда; тѣмъ не менѣе отцы не только не вмѣшивались въ ихъ дѣла, но даже и тогда, когда король въ этихъ расприяхъ потерялъ своихъ сыновей и послѣдній, оставшійся въ живыхъ, его сынъ хотѣлъ, по долгу родового мѣщенія, мстить за убитыхъ братьевъ, отецъ объявилъ, что если онъ покусится на это, то самъ онъ, отецъ, убьетъ его, своего сына, ибо дамъ клятву въ братствѣ и долженъ мстить за названного брата. По принятіи христіанства, когда проповѣдники вооружились противъ кроваваго мѣщенія, и самое название братства, тѣсно связанное съ потребностію мстить, стало упадать, хотя слѣды его существовали долго и впослѣдствіи переродились въ болѣе гражданственную институцію товари-

щества или артельщины (*felagskap*), когда въ сколько друзей соединялись вмѣстѣ, преимущественно для торговли, но иногда и для разбоевъ.

Уже въ глубокой древности, какъ видно изъ нашихъ старинныхъ богатырскихъ пѣсней, гдѣ сказочные события вращаются около имени Владимира, существовало названное братство богатырей, заключавшее между собою такие союзы. Такъ Потокъ Ивановичъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ были между собою названные братцы. Илья Муромецъ заключаетъ названное братство съ Василіемъ пьяницей. Какъ цѣнилось это названное братство, показываетъ пѣсня про Василиса, гдѣ одинъ изъ богатырей, Данило Денисьевичъ, увидавши, что противъ него идетъ вмѣстѣ съ роднымъ братомъ названный братъ, Добрыня Никитичъ, самъ убилъ себя съ отчаянія:

Тутъ возговорить Данило Денисьевичъ:
Скажите гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Братъ на брата со боемъ идетъ,
Береть Данило свое востро копье,
Тупымъ концомъ втыкать во сырь землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ!

Въ Новгородской жизни существовало названное братство и цѣнилось выше роднаго, какъ говорить Васька Буслаевъ Костѣ Новоторженнину:

Год еси ты Костя Новоторженнинъ!
А и будь ты мнѣ названный братъ,
А паче мнѣ брата родимаго!

Вносядстїи этотъ обычай изыческихъ временъ принялъ религиозный характеръ и освящался церковнымъ обрядомъ. Существовали для того въ старыхъ требникахъ особы послѣдованія. Запорожскіе козаки заключали между собою побратимство и этотъ обычай способствовалъ образованію религиозныхъ церковныхъ братствъ, процветавшихъ въ XVII вѣкѣ. Братались даже и съ невѣрными. Такъ Хмельницкій, разговаривая съ

польскими послами, называетъ татарскаго мурзу Тугайбя своимъ братомъ и говоритъ, что онъ все для него сдѣлаетъ, чего бы ни захотѣлъ Хмельницкій и свѣтъ не разорвать ихъ козацкой пріязни. Черногорцы до послѣднихъ временъ заключали между собою въ церкви побратимство и священникъ читалъ имъ привлечнныя молитвы и давалъ цѣловать крестъ въ утвержденіе ихъ союза. Въ Сербіи и Болгаріи, по извѣстію Вука Сѣфановича, соблюдается не только между мужчинами, но между мужчинами и женщинами названное братство, утверждаемое религиознымъ обрядомъ. Если случится заболѣть женщина или дѣвица, она избираетъ себѣ юношу и идетъ съ нимъ въ церковь или монастырь; священникъ кладетъ ей на голову крестъ или священный покровъ, и если больная выздоровѣетъ, то называется того, кто проводилъ ее, братомъ, а онъ ее сестрою. Въ поминальный понедѣльникъ (наша радуница) послѣ пасхи, въ Сербіи есть обычай, называемый дружичало, когда мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами, а иногда и оба пола между собою, сплетаютъ вѣнки изъ вербовыхъ вѣтвей и цѣлются сквозь нихъ, и мѣняются ими, бросая вѣнокъ на голову того, съ кѣмъ поцѣловались, и вмѣстѣ съ этимъ промѣниваются красными яицами. Такой же обычай существуетъ и у волоховъ. У насъ что-то подобное дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Петровъ день, теперь исключительно только между женщинами: собираются на лугу, водятъ хороводы, цѣлюются и мѣняются крестами; это называется кумиться; кума съ кумою заключаютъ вѣчную дружбу. Независимо отъ этого существуетъ (хотя уже рѣдко) обычай промѣниваться грудными крестами, обычай, означающій установление взаимнаго братства между двумя особами.

Въ настоящей легенды царь Семиклей лицо выдуманное на греческой ладѣ, Прорѣтъ *Probus*, имя взято изъ житій святыхъ, гдѣ часто упоминается о царѣ Прорѣтѣ. Купава — славянское имя. Стамехъ — стомахъ, желудокъ. Очевидно, составитель легенды находился въ сколько подъ впечатлѣніемъ книги Товита.

**ЛЕГЕНДА
о святомъ Георгии.**

ЛЕГЕНДА

О СВЯТОМЪ ГЕОРГІИ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1540.)

Повѣща намъ авва Георгій: входащу ми в гору срете мя черноризецъ старъ, и рече ми: поиди, что влечшися. Вземъ крестъ, поиде от мене преди, и пошедъ мало, совратися с пути на стезю, и азъ во следъ его идохъ, и се стадо овцъ, пастухъ оуже лежаше на кончине, змию оуязвенъ. Башеть источникъ близъ, и рече ми старецъ: почерпи ми воды и принеси съмо, и облей крестъ надъ чашею, юже носиши, и раздвигше оуста воліахове. И рече старецъ: во имя Пресвятых Троицы силою Христовою исцѣляетъ тя, рабе Божій, Христовъ мученикъ Георгій! востань и жени овцы на място свое. И восклюнъся отроцъ, нача блевати, таково зло яко же святому самому и великому старцу дивитися. И яко в елике чашь хотя гнати овца, и воспроси старецъ: повѣжъ ми, како ся еси клялъ вчера оубозѣй оной вдовице, а отдавъ ея овечку, иже ти вдала бѣ пасти, то на трехъ сребреницахъ далъ ю еси, тоже глаголаъ еси: волкъ есть съелъ. И рече сю пастухъ: отче, тако есть. И ты како оувѣде? И рече старецъ: чадо! сѣдашу ми оу кѣліи своея, прииде ко мнѣ мужъ на кони борзо, и рече ми: Софоние! востань, иди борзо ко источнику, сущему одесную тебе на оугъ, и вишъ человѣка, от змия оуядена, и оттоуду возвратися на северскій путь, и срищеши ту чернеца, носяща в руцѣ крестъ на древе, и вземъ крестъ, и облей водою, и дашь

оуяденому пiti, реки: во имя Отца и Сына и Святаго Духа силою Христовою исцѣляетъ тя, рабе Божій, Георгій! И рпы ему посемъ: не кленися именемъ Божіимъ, ни святыми его, ни солжи кривды, и вдаждь убозѣй женѣ овцы, да не горѣе ти что боудетъ. Яко слыша оуноша от старца, и паде на ногу его, глаголя: отдашь ми, авва, яко тако есть; продахъ овцы тоя жены на трехъ сребреницахъ, и вчера ей солгахъ рекий: волкъ есть оубѣль. И рече ми: истина ли есть, ни лжѣши? И рѣхъ ей: тако ми Бога истиннаго! И рече же ми жена: вѣнъ мя оубогу сущу, да яко же хощеши, то и твориши, а поищи тебе Богъ и святый Георгій, ему же бѣхъ обѣщала во святый праздникъ его заклати! И азъ паки рѣхъ, прельщеный діяволовъ: тако ми святый Георгій, егоже молиша, а зѣль есть волкъ! И суне молю твоє благолюбіе, помолися к Богу и святому Георгию, да ми отпустить грѣхъ, а женѣ дамъ три овны и на праздникъ святаго Георгія до живота своего подаю оубогимъ от того, еже испасаю, десятое. И помолися старецъ, и отпусти, и рекъ ему: чадо, блюдися, да не в горышее впадеши, и дажь оубозѣй яко же ся обѣщаль! И егда слышахъ рекуща имя свое Софоніе, велики прослави (ся) Христосъ Богъ; и рѣхъ отай во оумѣ своемъ: се есть, к нему же мя послалъ святый Георгій!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Хотя эта легенда, какъ должно думать, греческаго происхожденія, но по содержанію представляетъ непосредственную связь съ русскимъ побѣдомъ о томъ, что св. Георгій управляетъ волками и зміями⁽¹⁾, покровительствуетъ пастуховъ и наказываетъ ихъ⁽²⁾. Нельзя

не обратить вниманія на способъ уваженія святаго; старуха даетъ обѣщаніе закласть св. Георгію овцу въ день его праздника: обычай языческаго жертвоприношенія примѣняется къ христіанскимъ новатіямъ. Эта черта тоже находится въ связи съ переводомъ на житіе св. Георгія древнихъ нашихъ мифологическихъ сказаний.

⁽¹⁾ См. стихъ о Егоріи храбромъ въ Чтеніяхъ 1848. № 9, стр. 153.

⁽²⁾ Во многихъ мѣстахъ Россіи въ обычай выгонять скотъ въ поле въ первый разъ неиначе какъ 23 апрѣля. Существуетъ вѣрованіе, что волки не смѣются растерзать овцы безъ позволенія св. Георгія. Онъ назначаетъ каждому изъ этихъ звѣрей добычу, и если случается, что волки опустошаютъ стада, то

это дозволяется имъ въ наказаніе людямъ за грѣхи; съ другой стороны надо по молитви св. Георгію, чтобы предохранить стадо отъ волчьего хищничества.

**ЛЕГЕНДА
О КУПЩЪ.**

ЛЕГЕНДА О КУПЦЬ

СЛОВО С НЕНОЕМ КУПЦЪ.

(Изъ сборника XVII в., доставленного к-жею Сауушкиной.)

Бѣ вѣкъ купецъ христолюбивъ и мило-
стивъ до нищихъ: куплю дѣя, раздѣляше на три части:
едину нищимъ, а вторую на пищу себѣ, а третю на
куплю; послѣдь же обнищавъ велии аки не имѣй оу себѣ
ни до пѣнзя, и входя в церковь святая Богородица,
плачася оу иконы святая Богородица по вся дни о
грѣсѣхъ своихъ, и о нищетѣ своей, помысли въ серд-
ци своемъ. Бяше бо икона святая Богородица оукра-
шена всякою тварью златомъ, и сребромъ, и каме-
німъ драгимъ, и жемчугомъ и множествомъ оутвари.
И пришель человекъ ко иконѣ святая Богородица
со слезами, глаголаше: госпоже пречестная Владычи-
це, помощнице всѣмъ християнамъ, оубожествомъ обо-
гатительнице! и мнѣ грѣшному, госпоже, помози, и дай
же мнѣ, госпоже, утварь свою, иже на иконѣ твоей, и
да сотворю, госпоже, куплю, и воздамъ ти: вѣдое
въ спать возвращу! И сице моляся часто ко святѣй Богородицѣ со слезами; и услыша плацъ его Богородица.
Приде нѣкогда по бычаю своему в церковь пред икону,
и поклонився с плацемъ, и оуздѣ оутварь пред иконою
лежащу, и взмѧ идяше в домъ свой радуясь, слава
святую Богородицу, помощнику печальнымъ; и пришель
в гостьбу, начать куплю дѣяти оутварю, и сотвори
льто все в куплѣ торгуя, и обрѣте богатство много, и

по лѣтѣ возвратися в домъ свой, со многимъ богат-
ствомъ, славяще святую Богородицу. И внидоша нѣціи
в церковь и не обрѣтоша оутвари на иконѣ, и начаша
заповѣдати по граду: кто есть взмѧ утварь на иконѣ?
И то слышавъ купецъ онъ, и прїиде в церковь, и
вshedъ поклонися святѣй владычицы нашей Богоро-
дицы, и воспроси вину о иконѣ; они же начаша по-
вѣдати погибшую оутварь на иконѣ 3 дни. онъ же от-
вѣщасть купецъ глаголя: азъ есмъ взялъ оутварь на
иконѣ, понеже быхъ оубожалъ, и ходай в церковь с
плачемъ пред иконою святая Богородица; глаголахъ же:
Пречистая! дай же ми утварь свою, яко оубожахъ;
многажды с плачемъ моляхся оу иконы; во единъ же день
внидохъ в церковь на заутренюю, и поклонихся пред
иконою владычица нашей Богородица, и обрѣтохъ на
мѣстѣ оутварь лежащу, и вземъ то все, идохъ в гостьбу,
и есть мнѣ все лѣто гостищу, і нынѣ придохъ со множествомъ
богатства; и се даю иконѣ вдвое, что взяхъ
оутвари на иконѣ. И оукрасивъ икону, а иное дастъ
церкви, и криосу, и нищимъ, а самъ оттолѣ обогатихъ,
(обогатися) молитвами святая Богородица. И се слы-
шавше оудивиша вси, и прославиша святую Влады-
чицу нашу Богородицу.

НРИМЪЧАНІЕ.

Плацъ, вмѣсто плачъ, особенность новгородского на-
рѣчья, въ которомъ и замыняется ч. Вмѣстѣ съ этимъ
признаки характера торгового быта этой легенды так-
же заставляютъ предполагать, не сложилась ли она въ

Великомъ Новѣградѣ? Особенности языка и склада по-
казываютъ, что она старинного происхожденія. Слово
гостыба значитъ мѣсто торговли; глаголь гостити —
торговать.

ЛЕГЕНДА

о произхождении винокуреия.

ЛЕГЕНДА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИНОКУРЕНІЯ.

ВЫПИСАНО ИЗ КНИГИ ИЗ СТОГЛАВНИКА СО ПИТИИ, І ОТ ЧЕГО СУТЬ УСТАЛІСА ВИНОС ПИТИС.

(Рум. Муз. Сборн. № 363 XVI в.)

По вознесени Господни, ученицы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа ходиша по земли, и учаху людѣй Господни заповѣди, правой християнствѣ вѣрѣ, и закону Божию. И завидѣв сатона завистию своею, и начаша з бѣсы своими бѣседовать, како бы уловити родъ человѣческии пьянствомъ? И выступивъ сильныі бѣсь, и глагола сатанѣ своему: азъ вѣдаю, господине. И даша ему сатана власть пиянную, и нача с нимъ бѣседовать, и глагола бѣсь: еще я вѣдаю: осталось тое травы, что есть прельстимъ Ноеву жену на оравитскихъ горахъ; иду нынѣ по нее, и прелщу человѣка, его же обряшу. Посемь воста сотана з бѣсы своими, и поклониша ему, и воздаша хвалу и честь велию, и посадиша его на престолъ своеи царьстемъ, и даша ему вѣнецъ царскіи, и пореиру, и скепѣтръ, и варѣче его сатана: пияны еси бѣсь, возлюбленны мій.

И поиде бѣсь «пияны мій», и обрете человѣка нѣкоего напутнї, въ Палестину идуща изъ града вонъ во иныи градъ, потому что обвищавша зело. И глагола бѣсь: поиди, человѣче, во градъ сей і выди заутра: азъ ти дамъ вещь, и будеша у царя пож(ал)ованъ, чего ты и не вѣдаешь. И пристроили себѣ мѣсто уготованно при рѣце у источника, и побѣже бѣсь на

оравитскии горы, і взя скоро траву, еже есть хмель, и приде на урѣченное мѣсто на источникъ, и уготова кубы, и налиша браги, и накинухъ (накину) горышки, и потомъ замазаша тестомъ с трубами, и сквозь каден пропустиша, и налиша кади полно воды, и подложиша под кубы огни, и нача огнемъ варити; и поиде сквозь каден трубами аки хитрое зелие (недоумѣющу человѣку тому, и на умъ его не взыдоша); потомъ положиша въ стекляницы, и послала его бѣсь ко царю, и повелѣ поклонитися и отдать честно царю, аки дары честныи.

И созва царь во градѣ своемъ велможи свои, и нача дивитися подаренному отъ человѣка того хитрому зелию, каково есть. И налиша чашу царю, испиша ю, и понесоша велможамъ всѣмъ. И быша всѣ веселы во градѣ Царь и велможи нача (ша) человѣка того дарити, чего ему прежь сего и на сердце не взыдоша.

И глагола бѣсь: поиди, человѣче, въ Палестину къ царю. И глагола въ Палестинѣ царь человѣку тому: кто ти есть указа таковое зелие здѣлать? Зѣло есть предивно! Дай его сѣмо, и азъ дамъ ему до полуцарства моего.

А бѣсь въ ту пору поидѣ въ свое мѣсто, къ сатанѣ, и поклониша сатанѣ своему. Окоянны же сатана даша ему власть царскую въ пиянѣстве, по прежреченному

объщанию своему. И быше бысть свѣтлыи (?) сатана су-
угодшими своими бѣсы, и еще дастъ ему сатана лю-
кавыи 300. бѣсовъ на помощь. И бысть великъ той
бѣсь у сатаны.

А человѣкъ той поиде и по всей земли искати бѣса
на мѣсте томъ, и не обрѣте его, и возвести царю о
прежреченному хитромъ зелии семъ: і не вѣмъ, гдѣ и ку-
ды человѣкъ прежреченный; а я то, царю, такое хи-

тре зелие умѣю сдѣлать и сотворити. Человѣкъ же
той бысть пожалованъ от царя, и нареченъ будетъ у
царя великии вельможа и другъ царевъ.

И оттолѣ разнеся то хитре зелие, смѣрѣчъ иныиши-
нее вино, рѣкомая горѣлька, по всемъ странамъ и гра-
домъ, въ Цари, і въ Литву, і въ Немѣцы, и во вся гра-
ды, и к намъ въ свято-русскую землю.

ЛЕГЕНДА

О НЬЯНИЦѢ, ПРОДАВШЕМЪ ДУШУ БѢСУ.

ЛЕГЕНДА

О ПЬЯНИЦЪ, ПРОДАВШЕМЪ ДУШУ БЪСУ.

(Иллпр. Нубл. Библ. Погод. фримлхр. № 1344.)

Прикаличися яко нѣцы человѣцы честніи по мирскому въ корчемницѣ піаху, и глаголюще с собою о различныхъ вещехъ, бысть же бесѣда и о семъ, что будетъ послѣ сего житія? Тогда единъ рече: всуе намъ сіе іеремъ повѣдають яко по смерти души живутъ. И се му словеси начаша вси смѣяты; и прииде ту аbie нѣкій человѣкъ сильный и великий, и сѣде с ними, повелъ продавцу принести вина, и начаша пить, и вопрошать; и рече оный первый: о душахъ глаголемъ, аще бы кто хотѣлъ купити мою душу, то убо бы за всѣхъ заплатилъ, еже испити, и продамъ ю с радостію! Они же вси безумному глаголанію смѣяхуся. Онъ же прашлецъ рече: азъ сицевого продателя ишу; готовъ ю есмъ купити; повѣждь ми, что хощешъ за мю пріяти? Той отверзъ уста, рече: за злато и серебро хощу продати. И аbie согласистася о цѣнѣ, купецъ души аbie оточте сребро; едаже вси піаху радостно полными судами, ничто же печащеся, сей же предалъ есть душу; егда же прииде вечеръ, рече оный купецъ: время уже всякому возвратитися во свояси, обаче нежели разыдемся, да разсудимъ си: егда кто купитъ конь, тоже будетъ со уздою или нѣсть того узды, иже купи? И твѣщаша вси согласно яко тако есть правда. И се аbie ный окаянныи предатель начать от страха трепетати, а купецъ оный восхитивъ его с тѣломъ пред очима всѣхъ, вознесе горбъ, и несе душу и тѣло с собою во адъ, ибо діаволъ бысть во образѣ человѣка. Ктобъ есть иныхъ, иже душу купуетъ? Но такъ оный, о немъ же в гаданіяхъ еще и в сѣни ко Аврааму речено бысть: дажь ми душу, а богатство возьми себѣ.

**ЛЕГЕНДА
О БЪЛГАРСКЪ.**

ЛЕГЕНДА ОБЪ ИГРОКЪ

ИЖЕ ЧТО НЕ ПОМЫШЛЯЩЕ ГРЕХЪ БЫТИ ѿ ИГРАХЪ ШАХМАТНЫХЪ И ПРОЧИХЪ КОСТАРНЫХЪ ИГРАХЪ.

(Румънц. Муз. Сборн. № 363. XVI в.)

Нѣкій воинъ отдаде себе на всякую игру, и ни внощи, ни во дни не даде себѣ покоя, но на всякъ часъ о семъ печащеся, и мѣшецъ нося сребра, потрясая имъ и ко играню призыва; и во всякихъ играхъ зѣло получень: и никто бо отъ него тако отходя, но всѣхъ обыгryва. Чѣо же Богъ о немъ впредъ будущимъ родомъ показа? И тако Богъ таковыми забавы гиунается; и оставя память о Бозѣ, и въ сихъ забавляются, въ нынѣже рвеніе, роспяя, гнѣвъ, зависть, свары.

Попущено бысть отъ Бога, дабы съ тѣмъ воиномъ игралъ діаволъ. И прїиде къ нему во образъ человѣчи,

предложи сребро, и воинъ свое, и начаша играть; и нимало поступи воину, но все демону сприсобляло, воину же и сребра недостало. И вскочи воинъ разгѣвався, рече: или діаволъ еси? И рече демонъ: престанемъ о семъ, яко уже приближается день; нѣсть же мнѣ что у тебе, кроме самого пояты. И восхитивъ того сквозь кровъ храмины, повлече съ таковою силою, иже вся внутренняя его обрѣтоша между крова изриновенна и осталася; что же тѣлу сотвори и нигдѣ не обрѣтеся, аще и много жена его и сынове о семъ покущеся; точію чрево и вся внутренняя его обрѣтошася.

**ЛЕГЕНДА
о ляхъ и пресвитеръ,**

ЛЕГЕНДА

О ЛЯХЪ И ПРЕСВИТЕРЪ.

(Иллпр. Публ. Библ. Погод. Сб. № 1544.)

Въ Новоторжскому уѣздѣ пустыня есть нареченія Каменка; въ той пустынѣ церковь пресвятая Богородицы. Во время же разоренія московскаго отъ безбожныхъ лаховъ нашествіе бысть и на сю пустынью, въ ней же токмо живый инохъ и пресвитеръ. Лахъ же исконный прииде въ церковь пресвятая Богородицы, ведый съ собою жену въгую отъ плаща русскаго; пресвитеръ же той церкви, видя сіе, убоится лаха, бѣжа во олтарь, крься подъ святую трапезу, яко же послѣди о себѣ повѣствова. Той же окаймлый и безбожный лахъ вниде со дерзновенiemъ во святый алтарь и дерзнувъ снять со престола образъ пресвятая Богородицы, и изнесе изъ олтаря въ церковь, поверже на землю и богомераское свое проклятое безстудство з женою оною на образъ томъ содѣя; пресвитеръ же зря сіе, сѣдя подъ святой трапезою, умильно слезы испусти, плачася глаголи: о пресвятая дѣво Богородице! почто попустила сему ока-

яному ту свою святую церковь осквернити и толикое безстудство на образъ твоемъ содѣяти? како есть, о госпоже, не погубиши? Тогда гласъ бысть отъ образа: о пресвитере! сей безстудный песь за своя дѣянія зѣ побиетъ; тебѣ же глаголю: яко не толико мнѣ содѣя безстудство сей иноязычникъ, яко же ты; понеже безстрашіемъ приходиши въ церковь мою и безъ боязни приступаешъ ко святому жертвенному: въечеру упиваешься до піяна, а заутра служиши святую литургію и предъ симъ моимъ образомъ отрыгаешь оный гнусный піянственный свой духъ, и лице мое симъ зѣло омерзилъ еси, паче сего блуднаго поганика; онъ бо невѣдѣніемъ сотвори и за сіе погибнетъ, ты же, вѣданъ, согрѣшаешь; глаголю ти: престань отъ сего такова дѣла! И такъ гласъ той преста; лахъ же гонимъ бысть силою Божіею отбѣже; пресвитеръ же, воста, во благихъ поживе вся дни живота своего.

ПОВѢСТЬ

о бѣсноватой женѣ соломоніи.

ПОВѢСТЬ

О БѢСНОВАТОЙ ЖЕНѢ СОЛОМОНИИ.

(Импер. Публ. Библ. отд. XVII, № 27.)

Въ лѣто 7169 февраля въ день содѣяся сице въ предмѣхъ от града Устюга за четырьдесѧть поприщъ: въвверхъ по Сухонѣ рѣки есть волость, глаголемая Еро-гоцкая, въ ней же церковь Пресвятыя Богородицы; тоя же церкви іерей именемъ Димитрій, і жена его именемъ Ульта, имаста же у себе дщерь, именемъ Соломонію, о ней же намъ нынѣ слово предлежитъ. И дошедши ей Соломоніе въ совершенній возрастъ, і восхотѣста родители ея въ законное сочетаніе мужеви вдати нѣкоему землемѣльцу именемъ Матею, еже и бысть. И по брацѣ бывши ей въ невѣстномъ чертозѣ, і не по мнозѣ времени восхотѣ мужъ ея от ложа ізыти на предверие храмины, тѣлесныя ради нужды. И по изшествіи его, иже иско-ни венавидій добра злыі старый врагъ диаволъ сатана, иже не престаяше человѣки боря, умыслия такова самъ іли посланъ отъ человѣка недобра на погубленіе же-ны тоя, і прїиде аки нѣкто ко храминѣ, и толкійся во двери без молитвы, и глагола человѣческимъ гласомъ: Соломоніе! отверзи! Она же воста от ложа своего і отверзи двери храмины тоя, мня мужа своего пришедшага, і пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки нѣ-который вихоръ велій, і явися аки пламя нѣкое ог-нено і сине. Она же усумнѣся, і въ недоумѣніи бысть; і паки помале приде і мужъ ея къ ней во храмину,

наипаче ужасеся. И бысть во всю нощь без сна; при-иде на нея трясение і великий лютый ознообъ, і въ тре-тій день она очути у себѣ во утробе демона лута, терзающа утробу ея, и бысть въ то время во иступле-ніи ума от живущаго въ ней демона. И въ девятый день по брацѣ, по заходженіи солнца, бывши ей въ клѣтцѣ съ мужемъ своимъ, на одрѣ восхотѣста почити, і внезапу видѣ она Соломонія демона, пришедша къ ней звѣр-скимъ образомъ, мохнатая, имуща кнохи, и ляже къ ней на одрѣ. Она же вельми его убоялся иступи ума. Той же звѣрь оскверни ее блудомъ, аbie же она очутился на утрия въ третій часъ дня, і не повѣда никому быв-шее дияволское кознодѣйство, і съ того же дні окаян-ніи демони начаша къ ней приходить кромѣ великихъ праздниковъ по пяти и по шти человѣческимъ зракомъ, яко же нѣкотори прекрасніи юноши, і тако нападаху на нея, і сверняху ея, і отходаху, людемъ же ничто же видѣвшимъ сего. Она же, Соломонія, повѣда мужу своему яже о себѣ, како тиє демони приходя скверня-ху. Онъ же ничто же ей отвѣча. И живши съ мужемъ своимъ въ дому нѣсколько времія, видя же онъ гибель же-ны своея, отвезе ю ко отцу ея іерею Димитрію и ма-тери, і оставилъ ю жити у него. Они же, окаянніи во-дянніи демони, і тамо хождаху и скверняху, і егда она,

Соломония, исходаще ис храмини на предверие, они же, окаянні, невидимо восхищаху и уношаху в воду; она же кричаше великимъ гласомъ; домашнимъ же на гласъ бывшими и не видѣвшими никого же, живяше же у нихъ въодѣ три дни і три нощи. Такоже сильно сквернаху ея, і отнеспе я, оставляху овогда на лесу, овогда на полѣ, і пометаху ю нагу, і нѣкими христолюбивыми людми направляема къ дому отца своего.

Отецъ же і мати ея, видя таковую гибель дщери своея, плакахуся зѣю и недоумѣвахуся; и по малѣ времяни они окаянні демони пришедшіе, бывши ей единой въ дому отца своего, і начаша ея бросати овъ демонъ во единъ уголъ храмины, інъ также во иный уголъ, овъ на палати, інъ же на печь, і тако мучаху ея многи часы, и взяша нѣкое єже и привязавше за шию ея, і взяша камень жерновый, и воздѣвше на єже и положиша на лицѣ, і на перси ея, і на столѣ прорѣзаша диру, и тутъ же воздѣвше, і повѣсивше ея совсѣмъ къ стропу храмины. Слышавше же сосѣди надъ нею бывшее, і повѣдаша отцу ея; онъ же пришедъ, і не виде никого же во храминѣ, токмо ея едину лежашу, і єже на выи ея, і камень, і столъ, і не вѣде она, како отрѣшися отъ верху храмины, бывши ей аки мертвѣ на многи часы отъ того мученія, і едва прочнуся. Отецъ же ея разрѣши; придоша же і сосѣди, і видѣша тѣло ея все избито, посинѣ, а болѣзни она никако же чюяше. Отецъ же и мати ея къ нощи запираху (ся) во храмину едину, бояхуся ея: егда они, окаянні демони, къ ней приходаху, і она бываетъ вѣдь ума, і даютъ ей демони копие желѣзное, дабы заколола отца своего; і заутра показуетъ копие истинно, а не привидѣниемъ, всемъ страшно, і бысть ей таково мучение безъ престани; не обрѣташе отъ нихъ покоя; а иния ихъ вражия козни невозможно і описанію предати: инози тому вражию кознодѣйству въ той волости свидѣтели.

По томъ же времени придоша тиі же водяни демони многое множество, і начаху нудити ея, чтобы она жила у нихъ, і вѣровала бы яко же і они въ сатану отца своего, тако же бы пила і ъла съ ними, і

волю бы ихъ всю творила; прежде ласканиемъ і честию хотяху ея превратити отъ християнския вѣры; глаголаху ей всячески: видиши ли, Соломоние, каково житие наше; все добро і богато, і въ чести ты у насъ велицѣй будешি. И иная утѣшнаѧ увѣщанія. Она же имъ ничто же отвѣща. Видѣша же они окаянні демони, что добротою і ласкотою не возможоша прельстити і превратити отъ християнскія вѣры истинныя, і начаша ея мучити: растягоща ея по стенѣ, і руцѣ і нозѣ ея въ смыки забиша, і начаша копиемъ ея колоти, і рожны зводати, і ножы рѣзати, і ножты все тѣло ея драти, і паки вопрошаše ея: вѣруеши ли въ насъ і во отца нашего сатану? Она же ничто же имъ отвѣща. И расковаша ея, і возведоша на высокое нѣкое мѣсто, і взяша за руки и за ноги, і бросиша ея на землю, еже падши смертино; і едва отдохну, паки взяша ю къ себѣ, і даша ея нѣкоеї дѣвѣ, а называютъ ея они ту дѣву Ярославкою; также дѣва нача ея вопрошати: како ты прииде съмъ, ізъ коего града іли веси, і отца і матери, і сродичей? о всемъ подробнѣ вопрошаše; она же все скажуя о себѣ сущее; также дѣва Ярославка рече ей: аще ты, Соломония, жити здѣ не хощеши, і ты у нихъ не яждь, ни пій, і ничто же имъ не отвѣщай, и они помочатъ да и отпустятъ. И по малѣ времени демони придоша і вопрошаху: вѣруеши ли въ насъ? Она же имъ ничто же отвѣща. И много прещаху ей, угрожающе, дабы вѣровала. Она же молчаще. И по мнозѣмъ прещени, взяша же они лукави дуси і отнесоша на лѣсъ едва живу сущу отъ многаго мучения; і съ великимъ трудомъ ко своему дому едва она дойде. И живши въ дому отца своего шесть дній, паки они демони, пришедшіе невидимо, взяша ея і унесоша къ себѣ. И бысть у нихъ два дни і двѣ нощи, і зача у нихъ въ утробѣ, і носила ихъ полтора года. Приде же ей время родити, і бѣ она въ дому отца своего, і выслала отца своего изъ дому вонъ со всѣми живущими, сказа ему, еже хотяше родити і еже бы ихъ темнозрачныхъ не убили. И въ кое время нача она родити, і прииде къ ней отъ тѣхъ темнозрачныхъ демоновъ жена, і нача съ нею водитися; і

роди ихъ шесть, а видѣніемъ они сини, и взя ихъ та жена, что с нею ведилась, і унесе из храмы под мость. Отецъ же ся прииде в домъ со всѣми домашними і начаша ясти, і они темнозрачні демони, которые родились, воставше из под моста, камениемъ начаша метати і землю бросати. Отецъ же, і мати ея, і вси живущі в дому, видѣвши таковую гибель, побѣгша із домау вси. Она же, Соломония, едина оста. Жена же, которая с нею ведилась, прииде і принесе ей сосудъ крови, і велише ей пить. Она же не можаше пить. И рече к ней темнозрачная жена: когда ты не пьешь крови, і ты замоли отца своего. Она рече имъ: дадите мяще урочное время, і язъ заколю отца. Того ради глаголаше имъ, яко не можаше уже терпѣти мучения от тѣхъ демоновъ, ихъ же родила; понеже ссаху ея за сосы ако зміи лютыи; і три дни і три нощи не внидоша в домъ вен домашні, страха ради смертнаго от каменного метания, і в четвертый день едва внидоша, і не видѣша никого же. Соломонию же паки демони с собою унесоша и скверниша ю. И паки зачать во утробѣ от ~~насъ~~ дьяволъскаго, і носила, і родила двоихъ демоновъ в дому же отца своего, і невидимо унесоша ихъ от нея. Во ино же время родила единаго демона, и паки родила еще двоихъ демоновъ, а когда она, Соломония, рождала, хлѣба не ядяше ни мало, но привношау ей невидимо темні они синцы птичью кровь, і траву, і коренье, і тѣмъ ея питаху. И не помнозѣ времени, они окажні взяша ея невидимо і унесоша ю к себѣ в воду. И бысть у нихъ она три дни і три нощи, отцу же ея і матери чаящимся живота ея и плакавши много; і егда они окажні принесоша ея к себѣ, начаша веселитися, того ради яко дѣтей родила, і примесоша ихъ пред нею, ихъ же родила, і вопрошау ихъ: что вамъ сия жена? Они же рекоша: мати намъ есть. И посемъ паки они окажні сѣдоша каждо на своемъ мѣстѣ другъ друга честною болшою творяще і почитающе; начаша сти і пить, і ея Соломонию начаша принуждати. Она же, яко же и прежде, тако же не хотяше. Они же окажні паки муками начаша претити ей; она же

имъ повинуся, і изволи воли ихъ быти. И даша ей ковшъ, і начаша виномъ наливати, і всѣмъ темнозрачнымъ повелѣша подносити, і имены ихъ звати. Она же, Соломония, всѣмъ ношаще пить от первого до послѣднихъ. Баше же ихъ многое множество, глаголюще другъ ко другу: всяко мы ея мучили, і были, і вожами рѣзали, і копиемъ кололи, и ногты драли, дабы отступилась вѣры своея, и в насть вѣровала, і жила бы у насъ, і никако могохомъ ея отвратити; и паки глаголаше (а): сваримъ в котлѣ воды, і тамо кинемъ ея, негли убоився повинется намъ! И не збыться злый совѣтъ ихъ, і паки ея отдаша дѣвкѣ Ярославкѣ; она же повѣда ей все, еже у нихъ слыша, что хотѣша ея сварить; Ярославка же рече ей: Соломоние, азъ тебя у нихъ отпрошу ко отцу сходiti простилися. И нача ея учiti и наказывать ихъ імены кове какъ зовутъ; учила же де та Ярославка прежде по десяткамъ, тотъ выучить, да виой. Она же, Соломония, по десяткамъ уча, всѣмъ имъ імена позна. Посемъ же рече Ярославка: Соломония! какъ тебя отпустятъ ко отцу простилися, и ты вели отцу своему тѣхъ іменъ переписати, которые тебѣ сказахъ, и вели ихъ окаянныхъ проклинати во святомъ олтарѣ, идѣже безкровная жертва приносится Господу Богу, і по семъ имъ окаяннымъ уже невозможно будетъ тебя увести, ни приближитися. И прииде та дѣвка Ярославка ко онымъ темнозрачнымъ демономъ, и глагола имъ: отпустите Соломонию ко отцу простилися; и простились она со отцемъ, будетъ здѣсь вѣчно жити. Они же послушаша ея, и понесоша Соломонию ко отцу, и принесоша на вѣкое блато; башеже ихъ окаянныхъ многое множество, и начаша ея Соломонию во блате топити; і в то время бысть туча велия с молниєю і со громомъ страшныи, і тресканиемъ зѣлнымъ, и нача ихъ молниєю палити, і убиша ихъ многое множество. И баше ихъ блато і езеро исполнено аки смолою, і видя ихъ погибаемыхъ, и побѣже от нихъ, и скрыся в нѣкую яму; они же окажні оставши демони і тамо ея нашедше, і всякими муками неудобосказуемыми паки начаша мучити; і в той часъ бысть паче буря велия, і громъ, і молния, і они

лукаві, страху дѣла бури, едва отъ нея отступивше, она же у нихъ убѣже, і дойде до дому отца своего с великою скорбию, понеже истомлена; узрѣвше же ея отецъ и мати, зѣло возрадовашася, понеже отчаявшеся, яко уже вѣчно ей не быти из воды от нихъ окаянныхъ демоновъ. Она же, Соломония, нача повѣдати отцу своему, како ея демоны мучили, і како отдаша дѣвцѣ Ярославкѣ, и что ей Ярославка наказывала, какъ ей от демоновъ отбыти, і како ихъ іменами зовутъ, выучила і імена велѣла ихъ написать і проклинать. И то все подробну сказала отцу. Отецъ же и мати ея і вси сердоболи, слышавше глаголемая от нея, плакахуся зѣло, і едва престаша от слезъ; отецъ же ея написа імена ихъ, яже слыша от нея, і нача ихъ окаянныхъ проклинати во святомъ олтарѣ, идѣже тайная жертва совершается. Оттолѣ же Соломония оттого демонскаго мучения і от ранъ в болѣзнь впаде близъ смерти, і во единъ от дней мало усну от той болѣзни, і видѣ во снѣ вѣкую жену сватолѣпну, пришедшу к ней, і глагола: Соломоние! поиди ты ко граду Устюгу, а здѣ не живи ни мало, і от волхвовъ себѣ не ищи исцѣленія; не будетъ тебѣ от нихъ помощи. Соломония же вопрошаše імени ея. Она же рече: азъ есмь нарицаюся преподобная Феодора! И абие невидима бысть. Она же убудися от сна, і повѣда видѣніе отцу своему. Отецъ же ея нача посылати ко граду Устюгу; она же рече: не могу сего услышати. Возбранише бо в ней демонская сила. Отецъ же ея и мати едва умоляста, дабы шла ко граду Устюгу; и едва повинуся; и бывши ей на Устюгѣ, і повелѣша ей жити у соборные церкви Пресвятых Богородицы, на площадѣ у вдовы, именемъ Соломони же, і начаша водити ея ко церквамъ: в соборъ Пресвятых Богородицы, і к чудотворцамъ преподобнымъ к Прокопию и Иоанну; и начаша в ней демоны утробу ея рвати і терзати; она же от того демонскаго терзания в скорби бысть; і сердоболи ея, призвавше священника Никиту соборные церкви; онъ же пришедъ исповѣдавъ ея, і причастивъ Христовыхъ тайнъ. И по малѣ времени паки оздраве, і впаде на нея таковое желаніе,

дабы паки ити в домъ отца своего. И бывши ей в дому у отца своего нѣсколько времени, і во единъ от дней по захожденіи солнца придоша нечистніе души темніе демоны, і начаша кликати ея іменемъ: Соломоние! гласомъ рекуще: полонянка! А гласть ихъ слышаху отецъ ея і мати ея, і всѣ ту живущіе людіе на погосте; і бывши ей у отца своего осмь недѣль, і они окаянныи демоны по многи времена приходжау, і кликаху какъ і прежде, і глаголаху отцу ея в слухъ і всѣмъ слышащимъ: попе, отдай ты намъ нашу полонянку, а мы тебѣ дадимъ живота колько тебѣ годно; и паки блядуще они окаянни: намъ ея, полонянку, отдалъ братъ нашъ; аще вы ея нынѣ і не отдадите намъ, у васъ унесемъ же, что намъ отдали братъ наша ваданіи демоны, а нась она оболгала і проманула; не можемъ ли унести ея в лѣсъ. И по вся нощи приходжау они окаянни, кричаще і ревуще, і храмину ломающе, идѣже она пребыше. В то же время бысть освященіе церкви Пресвятых Богородицы ту на погосте, и приїждали с Устюга соборные церкви священники Никита, да протодіаконъ Димитрій ва освященіе, і иппі мнози люди, и то все слышавше они вражне кознодѣйство, какъ они крикаху и зваху ея, и проشاху у отца ея; і каковъ человѣкъ в какихъ рѣчахъ оспорить ихъ, или учнетъ бранить, і они, окаянни враги, всякихъ людей браняще і обличающе всякими грѣховными виды, кто что сотворилъ каковъ грѣхъ, і обнажающе совѣсть всякаго человѣка, и много прящеся отхожаху. Отецъ же паки отвезе ея к Устюгу, чтобы она Соломония ходила ко церквамъ божиимъ: в соборъ к Богородицѣ, и к праведнымъ к Прокопию и Иоанну чудотворцамъ; пришедъ і стояше во церкви во время божественныхъ литоргій, і на святѣмъ евангелии, і на великомъ сходе, і на приношенні, і на спрошенні; і они, окаянни демоны, в ней живуще, пометаху ея о поместь церковный. Людемъ же зрящимъ, мнѣша ей от пометания мертвѣ быти; окаянни же они демоны яко свини виждающе, і стонуще, і иными многими гласы всѣмъ в слухъ слышати; утроба же ея в то время велими наѣмаяся и злѣ мучима; едва во умъ приходжаše, во

неотступна от церкви Божиихъ бысть всегда; і паки явися во снѣ преподобная Феодора, наказуя рече ей: Соломония! живи ты здѣ неотходно от града Устюга, і от церкви Пресвятая Богородицы и святыхъ преподобныхъ Прокопия і Иоанна никогда не отступай, а к отцу своему на Ергу никогда не ходи, да не когда та паки унесутъ демони, і будетъ послѣдняя ти горши первыхъ; а се тебѣ вѣдомо буди, чого дѣля ты тажко страдала от демоновъ: потому что тебя попъ пьянъ крестилъ, и половины святаго крещения не исполнилъ; а крестися ты рукою крестообразно і истово, какъ прежде сего; і подобаетъ тебѣ имѣти трехъ отцевъ духовныхъ, а ко церкви всегда ходити ко всякому пѣнию; аще ли не можеши итти, и ты вели ся носити. I посемь преподобная невидима бысть.

● I в нынѣшнемъ въ 179 году, во святый великий постъ, принужена быть Соломония сердоболи своими исповѣдатися у отца духовнаго соборныя церкви у священника Никиты, і причастися святыхъ таинъ того же дни; по захожденіи солнца, смятесь в ней окаянный демонъ, і начать утроба ея рвати; она же от тяжести нача велики кричати; і прогрызъ у нея лѣвый бокъ на скрость; і егда прогрызъ, Соломония же очути себѣ, а во умъ пришедъ, і видѣ срачицу свою окровавлену, і показа сущимъ тѣ: что ей сотвори демонъ в нощи; они же, видѣвшіе гибель ея от демона, плакахуся зѣло. I начаша утренюю благовѣстити; она же скорбна поиде ко утрени; і егда на девятой пѣсни возгласи іерей диаконъ: Богородицу і матерь свѣта пѣсными возвеличимъ! I нача демонъ во утробѣ ея паки мястися и терзати. По отпѣти же утренни иде в домъ, і клепанию бывшу к литургії, Соломония же паки прииде во церковь, і егда нача іконы цѣловати, і в то время во утробѣ ея живущій демони начаша рвати утробу ея, ей же вошіощу, (ей) і во время чтенія святаго апостола нача блевати, і бывши ей во иступленіи ума, і егда прииде время святаго причастия, і тогда живущій в ней демони начаша ея бити і о помостъ церковный метати; священникъ же служащий едва с великимъ страхомъ причасти ся Христовыхъ та-

инъ, людемъ тажко держащимъ ея, і нача демонъ устами ея вопити великимъ гласомъ: сожже мя, сожже мя! I по малъ паки во умъ пріиде; прииде же в домъ, і с того времени ни мало даяше покоя живущій в ней демонъ: терзаше утробу ея и люте рваше, і велики мучаше ю паче первого. Позна бо онъ окаянный свою гибель. I мѣсяца маія въ 27 день зѣло мучина бѣ от демона Соломония и тажко велики утомися, і усну, і видѣ святыхъ і праведныхъ Прокопия і Иоанна, пришедшихъ к ней; и глаголаша святіи ей: Соломония! молися Прокопию і Иоанну; они тебя по малъ времени избавять от такового мучения, Исусову молитву твори без престави і крестися істово і разумно, крестообразно, яко же и прежде; и повелѣша ей молитву Іисусову творити; демонъ же, живущій в ней, не даяше ей молитвы творити; і с великимъ трудомъ едва молитву сотвори; і рекоша ей святіи: уже ты, Соломония, послѣдній годъ ходиши! I паки святіи рѣкоша: мѣши ли у себе сердоболи? повели имъ псалтырь на всякъ день глаголати. I по семъ рекоша ей святіи: вѣруеша ли во Христа? Она же рече: вѣрюю азъ во Христа. I третицю воспросиша: во истину ли вѣруеша? Она же отвѣща: во истину вѣрю во Христа! I паки рекоша святіи: слава тебѣ, владыко Христе Боже человѣколюбче, яко еще хощеть Соломония твоя раба быти! I аби святіи невидими быста; убудижеся от сна, никому же повѣда видѣния, до времена, егда исцѣль.

I в лѣта 7179 іюля в 8 день в самую в память святаго праведнаго Прокопия послѣ божественная литургії, прииде она Соломония в соборную церковь Пресвятая Богородицы, і повѣда сама все о себѣ всему освященному собору Архангельского монастыря архимандриту Арсению, да соборныя церкви протопопу Владимиру з братицю і всѣмъ православнымъ прилучившимся: како она, Соломония, исцѣление получи милостью общиye заступницы рода христіянскаго Пресвятая Владичици наша Богородица і приснодѣвы Марія і святыхъ праведныхъ Прокопия і Иоанна Устюжскихъ чудотворцевъ.

В прошломъ во 167, грѣхъ ради моихъ, вселился въ мене иже искони ненавидій человѣки і всегда боряй сатана дияволъ і его демонская сила, і облада мною единадесѧтъ лѣтъ і пять мѣсяцъ; і въ ти лѣта мучима была азъ всякими неудобы сказуемыми муками, яко же прежде явлено бысть; і не видѣвъ азъ грѣшная свѣтла сего естественаго истинно, і солнечныхъ лучъ, но бя ми і день яко же нощь, и ко церквамъ Божиимъ ходила аки нѣкоторый плѣнникъ связанъ, овогда во церкви святая, овогда въ притворѣ, ии поющаго ни чущаго гласа слышахъ, очеса моя помрачи святая (?) і уши оглохнувшіе отъ демонскаго страшнаго его первого мечтания; і егда въ первый день коснуся вражій демонскій синій пламенъ, і бяше съ того дни і до сего времени во ушахъ моихъ шумъ велий во время божественнаго пѣння. И мѣсяца юля противъ осмаго числа памяти святаго праведнаго Прокопія, прииде ми таково желаніе что ми ятико всенощному бдѣнію къ праведному Прокопію чудотворцу во церковь слышати бы его преславныя чудеса, а прежде сего такова желанія не бысть ми; і придохъ и стахъ виѣ церкви, у сѣверныхъ дверей. Въ то же время во церкви чутъ житие его праведнаго Прокопія, азъ же стояхъ тамо малъ часть, і нача меня братъ мой послыати въ церковь; ово же страха ради брата своего, ово зазрѣния ради ту стоящихъ людей, едва съ великимъ трудомъ внидохъ въ церковь, возброняше бо ми демонская сила; і повелѣ ми братъ мой сѣсти на лѣвой крылоси утѣснения ради всенароднаго; і рекохъ брату азъ: веди ты меня близъ чущаго. И постояхъ ту азъ малъ часть, і внезапу видѣхъ гробъ святаго Прокопія аки потрясеся, і живущая во ми демонская сила смутися, і нача вопити во утробѣ моей, аки малый младенецъ, і предстоящимъ ту слышати ужастное ея вражие кознодѣйство; азъ же не могохъ стояти во церкви, і побѣгохъ, і идохъ въ притворъ святыхъ чудотворцовъ Козмы и Дамьяна, і быхъ во иступлении ума; бѣхъ азъ з братомъ моимъ і инѣмъ нѣкимъ человѣкомъ, егда же во умъ придохъ, паки поведоша мя во церковь святаго Прокопія; азъ бо не могу

быти отъ живущая во ми демонская сила, начахъ во пити елико могій: не ведите мя во церковь святаго Прокопія! они же нуждею мя повлечаху; азъ же отторгиуся отъ нихъ, і идохъ во церковь святаго Ioanna чудотворца, і сѣдохъ, і видѣхъ гробъ святаго Ioanna аки потрясеся, і велими азъ убохся страшного того видѣнія, і руками своими грѣшными держахся о гробъ святаго Ioanna, и воздремахъ мало, і видѣхъ свѣтъ неизреченный, і во свѣтѣ дѣвицу святолѣпну і прекрасну зѣло, ея же красоты невозможно сказать; ідаше же она во церковь святаго Ioanna въ полуденные двери подле настоящія иконы, і прїиде до мене, і взя мене за правое плече, і глагола: Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ! Азъ же не отвѣщахъ ничто же. Она же рече ми: Соломония, глаголи: аминь. Азъ же ничто же отвѣщахъ. Она же паки ту же молитву второе і третіе, і рече ми пресвятая она дѣвица: Соломония! глаголи: аминь. Азъ же едва отвѣщахъ: аминь! Она же рече: отвѣщай еще дважды: аминь! Азъ же отвѣщахъ дважды: аминь, аминь! И рече ми: вѣси ли кто есть азъ? Азъ же рекохъ ей: госпоже моя! ни мало тя вѣмъ; азъ бо есть грѣшная въ скорби велицѣй отъ живущая во ми демонская сила. И рече ми пресвятая святолѣпная дѣвица: како ты не вѣси мене? въ домъ бо мой приходиши безпрестаніи пять лѣтъ! Азъ же грѣшная рекохъ: гдѣ есть, госпоже, домъ твой? Она же рече ми: домъ мой есть соборная і апостольская церковь; азъ же есть нарицаюса пресвятая Марія, рождшая плотию Іисуса Христа, творца моего і Бога! днесъ бо покажу тобою чудо велико, ради представителей і молебникъ ко ми, праведныхъ Прокопія і Ioanna Устюжскихъ чудотворцевъ; ты же молися имъ безпрестанно, яко да исцѣлѣши. Есть нынѣ во утробѣ твоей седьмадесѧть бѣсовъ, і еще имутъ прийти на тя тысяча седмьсотъ бѣсовъ: и ты ихъ окаянныхъ не бойся; представительствуютъ бо за тебе святіи чудотворцы Прокопій і Ioannъ, і избавятъ тя отъ демонская сила немощныя; и крестися ты разумно і внятно крестымъ знаменіемъ, яко же і прежъ сего. И паки рече ми пресвятая Богороди-

ца: како у тебе учнугъ вопрошати святнї Прокопій і Іоаннъ какова обѣщания твоего, и ты имъ во всемъ обѣщайся сохранити заповѣди, елико ти они изрекутъ. И слыша азъ грѣшная, не могу отвѣщати ей ничтоже. Посемъ же рече пресвятая Богородица: миръ тебѣ Соломоние! И поиде от тѣмъ же путемъ от амо же пріиде. Азъ же возбнувъ от того преславнаго видѣнія и ужаснаго явленія, і хотѣхъ бѣжати из церкви, і видѣхъ брата моего близъ стояща, і убоихся, паки укрѣпихся, і сѣдохъ, і задримахъ, і видѣхъ свѣтъ велий во церкви, яко николи же тако видѣхъ, і святаго Прокопія идуща во церковь в западныя двери, і яко близъ бысть гроба святаго Іоанна, воста же і святый Іоаннъ из гроба; і прідоша ко мнѣ грѣшней, і ставше предо мною святнї и глаголюще: отидите, проклятиї, от рабы Божиї Соломониї. И глагола мнѣ святый: Соломоние! молися от глубины сердца твоего заступници христіанской пречистой Богородицы і святыхъ праведныхъ Прокопію і Іоанну, и будеша на сій день исцѣлена; дай же намъ обѣщаніе таково, чтобъ тебѣ к прежнему твоему мужу не итьти і за иного также не посагнуты; і будетъ тебѣ люто мучение еще на три часы дневныхъ, і потомъ исцѣлѣши; і на то время призови к себѣ дванадесять священниковъ, и чтобъ они надъ тобою глаголали дванадесять псалтырей в тѣ три часа; а буде тѣ псалтыри не исполнятся, і призови отца духовнаго, чтобъ тебя онъ исповѣдалъ і причастиль Христовыхъ таинъ, временнаго ради лютаго мучения. Баше же святый сей Прокопий видѣніемъ, русь власы велицы, браду же имѧ просту і русу, не зѣло малу, одѣяніе же кратко, сапоги на ногахъ, кочерги в рукахъ; Іоаннъ же святый таковъ бяше, яко же на иконѣ написанъ странническимъ образомъ. И паки рекоша: миръ тебѣ, Соломоние! И поиша от нея, і невидима быша. Азъ же грѣшная возбнувъ от того преславнаго видѣнія, і в себе пришедши, і поиходъ из церкви; братъ же мой понимъ мене і инъ нѣкто, поведоша мя паки во церковь ко святому Прокопію, азъ же нача волити елико могій: не водите меня ко святому Проко-

нию! Они же не послушаша, но с вуждею мя влекоша в церковь; азъ же быхъ во церкви малъ часъ, і не могъ стояти от демонскіе во мнѣ силы, і паки нача (хъ) азъ молитися брату моему, дабы мя отпустилъ ис церкви; онъ же ослаби мя і отпусти мя; азъ же придохъ в домъ, идѣже живахъ; и быхъ азъ во иступленіи ума, і нача (хъ) повѣдати свое видѣніе, еже видѣхъ во церкви святаго Іоанна чудотворца; і не бѣ в той храминѣ никого живущаго, токмо братъ мой виѣ храминѣ стояй, і слушаль словесъ monkъ, еже азъ глаголахъ. А азъ того не вѣмъ с кимъ глаголахъ, или кому повѣдахъ видѣніе; і егда же изглаголахъ і умолчахъ, братъ же мой, шедъ ко церкви Собора пресвятая Богородицы, і повѣда отцу моему духовному священнику Никитѣ, еже слыша от мене множество, невѣдущи. Онъ же повелѣ мя привести в соборную церковь. Братъ же мой і инъ нѣкто понимше і поведоша мя во церковь пресвятая Богородицы, и поставивша мя в предѣле во церкви святаго Предтечи; і нача отецъ мой духовный вопрошати мя о видѣнії, еже онъ слыша от брата моего; азъ же помни все видѣніе, і не могъ повѣдати ему от диявольскаго томления, братъ же мой повелѣ имъ псалтырь глаголати; отецъ же мой духовный да тоя же соборная церкви священникъ Симонъ начаша надо мною псалтырь глаголати; і мнѣ наипаче учало быти большее мученіе от живущихъ во мнѣ демоновъ; і не могъ азъ грѣшная слышати' от нихъ глаголемыхъ словесъ; і начахъ волити имъ, чтобы они надо мною псалтыри не глаголали, и дали бы еще мнѣ сроку на три часа: і вамъ то видѣніе все объявлено будетъ. Они же, священницы, повелѣша мя вести из церкви к брату моему; понимъ же мя братъ мой і инъ другій, изведоша ис церкви, и бывшу ми во иступленіи ума, и видѣхъ паки видѣніе преславно і страшно: на деснѣй странѣ священническій и диаконскій чинъ идуще, і поюще, і крестъ і евангile песуще, с кандалы и єнміямомъ, а на шуеї странѣ видѣхъ демоновъ многое множество, а видѣніемъ они окяяни бяху черни, і сини, і изувѣры, і страшны, и бяше яко туча велика, і ва ѹице мое они окяяни

плеваху і сморкаху; азъ же прихода тѣхъ страшныхъ і изувѣрьихъ ничтоже пострадахъ, молитвами пресвятыхъ Богородицы і святыхъ праведныхъ Прокопия і Иоанна; и приведоша же мя въ домъ, идѣже живахъ; і начахъ азъ просити отца духовнаго; прииде же мнъ отецъ мой духовный, і исповѣда мя, і причасти святыхъ таинъ страшнаго ради мучения, і благослови мя, отиде от мене; і по семъ придоша священницы і диакони глаголати псалтырь надо мною, і видѣша мя яки мертву, а чрево мое надмеся зѣло люто оними лукавыми; і зряща мя вси плакаху, видяще мое гибельство. И се внезапу свѣтъ возсия неизреченный, идѣже азъ лежахъ, і видѣхъ юношу, идуща во храмину тою і свѣщу несуща, і по немъ ідуше святні Прокопій і Иоанъ, і ставше узъ главы мои, глаголаша святні мужи собою; азъ же того не вѣмъ что они глаголютъ; і паки приступи ко мнѣ святні Прокопій, і прекрестилъ рукою своею утробу мою, а святні Иоанъ, держа копейцо въ руکѣ малое, і той приступи ко мнѣ, і разрѣза утробу мою, і взя изъ меня демона, і подавъ его святому Прокопію; демонъ же нача вопити великимъ гласомъ і витися въ руцѣ его; і святні Прокопій показа мнъ демона, і рече: Соломоние! видиши ли демона, иже бысть во утробѣ твоей! Азъ же зря его видѣниемъ чернь и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна; и положи его окаяннаго на помостъ і закла его кочергами. Святні же Иоанъ паки нача изнимати изъ утробы моей по единому и давати святому Прокопію; онъ же закалаша ихъ по единому. И рекоша святні: Соломоние! нынѣ мы у тебе ізяли половину демонскихъ силы вражия, а совершение исцѣленіе пріимеша въ дому моемъ, у гроба святаго Прокопія. И паки глаголаша святні чудотворцы: до уреченыхъ трехъ часовъ не подобаетъ намъ быти. И отидоша от мене, і невидимибыша; посемъ начаша у святаго Прокопія молебная совершати і воду святити архимандритъ, і игуменъ, і протопопъ, со всѣми освященными соборы; въ то же время и меня грѣшную принесоша тутъ же во церковь ко гробу святаго Прокопія; ничимъ же азъ, грѣшная, могохъ дви-

нутися, ни руками, ни ногами, ниже языкомъ проглаголати, но яко мертвъ от демонскихъ силы, живущей во мнѣ. И внезапу облиста мене свѣтъ велий, і явившася святні Прокопій і Иоанъ, і ставше предо мною тѣмъ же образомъ, яко же і прежде; і рече святні Иоанъ святому Прокопію: чтобы у мене грѣшной рѣжа срачицы не окровавить, і церкви Божией не осквернить. И святні Прокопій отвѣща: не имать она, Соломония, окровавитися, і домъ мой не будетъ окровавленъ отъ вражия силы. И нача святні Иоанъ ізнимати тою же раною демоновъ, яко же і прежде; святні же Прокопій пріиша, і меташе ихъ на помостъ церковный, і давляше ихъ ногою своею. И глагола святні Прокопій ко святому Иоанну: чиста ли утроба у Соломонии отъ живущихъ въ ней демоновъ? И отвѣща святні Иоанъ: чиста есть, і нѣсть порока въ ней! Посемъ святні Прокопій смотряше самъ въ утробу мою, да бы чиста. И рече святні Прокопій: славно Богъ прославися! Также и святні Иоанъ рече: славно Богъ прославися! И паки і мнѣ рекоша святні: глаголи і ты, Соломоние, славно Богъ прославися! Языкъ же мой подвижеся, і рекохъ: славно Богъ прославися! И паки глагола мнѣ святні Прокопій: Соломоние! отъ сего дне буди ты исцѣлена отъ того великаго демонскаго мучения болѣзни; еще же тебѣ будетъ вражie мечтаніе, і ты же не убойся. И паки рече мнѣ святні Прокопій: здравствуй, Соломоние, до великаго Божія суда! И благослови мя рукою своею і глагола: буди наше благословеніе надъ тобою отъ нынѣ и до вѣка! И рече: Соломоние! иди къ правому краю; сотвори молитву Іисусову, і глаголи: славно Богъ прославися! И по глаголаніи святні невидимибыша. Азъ же оттого преславнаго видѣнія въ себѣ пришедъ, і увидѣхъ во церкви солнешный свѣтъ, і обозрѣхъ всю церковь і образы, і вопросихъ азъ у брата своего во церкви: і стою или видѣніе вижу? Отвѣща мнѣ братъ и рече: во церкви стоиши святаго Прокопія на литургії, і чтется святое евангелие. Посемъ же узрѣхъ і гробъ святаго Прокопія, і возрадовахся радостию великою, і поклонишися (поклонихся) у гроба святаго Прокопія, при-

падши, начахъ молитися і в помощь призывати: о святый Божій праведный Прокопие! яко не презрѣлъ еси мене грѣшную, но взыскаль еси, яко овцу погибшую, і от насилия вражия изъялъ еси! И во утробѣ же моей не почухъ силы вражия, і бѣхъ яко николи же страдахъ, и изва, иже отъ диавольскаго злого прогрызения, исцѣлѣ, і отнынѣ есмь здрава, яко же рече ми святый. И понудихся ити к правому крилосу и рещи, яко же свати наказаша, і не могохъ, ово утѣшненія ради всенароднаго множества, ово же і святыхъ ради, і бояхся, дабы иатежу не учинить во время божественныхъ літургії. Се же преславное чудо пресвятая Богородицы і святыхъ і праведныхъ чудотворцевъ Прокопия і Иоанна слышаще, священномонахини и весь освященный соборъ, градцкие: воевода і народъ, і прославиша Господа Бога і Спаса нашего Иисуса Христа, і пречистую Его Богоматерь пресвятую Богородицу, и святыхъ праведныхъ Прокопия і Иоанна, і пѣвшe молебная со звономъ в соборной церкви пресвятая Богородицы, і оттоле пришедъ во церковь со кресты святаго Прокопия, также молебная пѣвшe со звономъ же, і посемъ придоша со кресты во церковь святаго праведнаго Иоанна, также молебная пѣвшe со звономъ, с вѣрою и со слезами, за преславное і великое чудо пречистыя Владычицы нашей Богородицы і приснодѣвы Маріи, і свя-

тыхъ і праведныхъ преславныхъ чудотворцевъ Прокопия і Иоанна, і торжествовавше свѣтло отидаша в дома своя, славяще святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ, и присно, і во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРЕДІСЛОВІЕ КЪ ПОВѢСТИ.

Хоту убо, братіе, воспомянуть вашей любви повѣсть эъло душеполезну, яже бысть во дни наша, яко не прозираеть милосердый Господь Богъ рода нашего во многии грѣхи падающаго, но посѣщаеть милостивѣй своимъ благоутробiemъ і творить чудеса Матерію своею пресвятою Богородицею с угодники своими Прокопиемъ і Иоаннамъ, і яко не токмо не презрѣхъ, (не презрѣ), но и паче помилова, не оставляя своего создания в конецъ, ниже забы дѣло руку свою, еже содѣяся вывѣ пресвятою Богородицею, общею заступницею рода христіянскаго і великими стражи града нашего Устюга, праведными Прокопиемъ і Иоанномъ преславное чудо, страха і ужаса исполнено, еже азъ слышахъ грѣшный у нея Соломоніи из самыхъ усть ся, при свидѣтеляхъ отца ся духовнаго священноіеря Никиты, того же Устюга, соборные церкви пресвятая Богородицы, і отца ея роднаго священноіеря Дмитрія, і написахъ сіе в память будущимъ родомъ.

ВАЖНІЙШІЯ ПРИБАВЛЕНІЯ И ОТМЪНЫ.

по списку XVII в., принадлежащему профессору Ф. И. Буслаеву.

Строки
печати.
текста.

На страницѣ 153.

- 5 послѣ слова Дмитрій: — бывшій въ Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ монахъ Діонісій,
10 послѣ слова Матею: — иже бысть пастухъ скотскій,
16 послѣ слова посланъ: — от нѣкоего чародѣя волхва от
человѣка лукава оболянника

Строки
печати.
текста.

- 23 послѣ слова бысть: — помышляше во умѣ своемъ яко не
мужъ ея пріиде к ней, но некое страхование непри-
язненное;
42 с.м. Онаже Соломонія: — Соломонія же, всегда приходжа-
ща в собственный умъ свой,
45 послѣ слова время с.м. видя и проч. до слова отвезе: му-

Строка
печати.
текста.

чися и труждаяся демонскою вражескою силою оби-
дима лютѣ видевше мужъ ея насилиствование жены своей.

47 посль слова окаянні: — водіні,

На страницѣ 154.

3 посль слова гласомъ ем. домашнинъ до слова живище: —
отець же ея и матери и вси домашні исходище ис хра-
мины за нею, и не видѣвше ея нигдѣже, плачуще и ры-
дающе, возвращающихся въ домъ свой унылы и сѣтованияній

5 посль слова въ водѣ ем. три и пр. до слова скверниху: —
овогда день, овогда же два и три не исходиши отъ нихъ,
но и тамо также мучаху ея скверниі Ѹни демони, ру-
гающеся всически,

17 посль слова перси ея ем. і на столѣ до слова і повѣшив-
ше: — также и столъ приѣдѣши;

19 посль слова сосѣди: ем. сл. надъ нею бывшее: — бываю-
щее надъ обсыпаніемъ опою женю таковое необычное
страхованіе, и великий стукъ и громъ и шумъ во хра-
минѣ ея, ужасошаши,

33 посль слова покол: — овогда бо ея уношаху въ воды, ино-
гда же вознесши на горы и на холмы превысокіи, и
на храминѣ, и всически по ругавшися ей и изрѣваху
ея долу.

35 ем. слова волости: — веси

— посль слова свидѣтели: — и неожни биху яко тако страданіе
отъ множества неприязненніи силы і якоже при самомъ
Христѣ Спасѣ нашемъ срѣте его мужъ пѣкій отъ града,
иже имише бѣзы многія отъ многихъ лѣтъ и въ ризы не
облечашеся, и въ храминѣ не живище, но во гробѣхъ,
тако и здѣ суть.

44 посль слова будеші: — и иничѣмъ будеши скудна.

45 посль слова видѣша ем. они окоянні демони: — они не-
чистіи дуси не глаголеть къ пимъ ничто же,

48 ем. растагоша и пр. до слова і начаша: — расковаше ея
по стѣнѣ руками и ногами и между древомъ вбира,

52 ем. и расковаше ея: — и отковаша отъ стѣнъ ея,

55 посль слова взяша ю ем. і даша до слова: также: — сквер-
ніи оттолѣ и приведоша къ себѣ въ темная своя жи-
лица и отдаша ея некоторой дѣвицѣ, юже называются
окаянніи они Ярославкою, глаголюще ей: увѣщай сию
жену, дабы она съ нами жила здѣ, і пила, і ъѣла и въ нашу
вѣру веровала, якоже и ты, а мы ея не могли превра-
тити ласканіемъ, и нуждею, и мучениемъ, яко не гла-
голеть съ нами ничто же; сами же отъидаша отъ нихъ;

63 посль слова отпустять: — Соломония же внять всѣ глаголы
ея, яже глагола ей дѣвица, яко глаголемая Ярославка;
і о себѣ дѣвица сказа ей, яко рожденіе мое есть града
Ярославія і отгаде ми къ симъ темнообразнымъ мати моя
по рожденію моемъ.

72 посль слова нощи ем. і зача и пр. до слова прииде: —
Соломония же от скверна смѣшения ихъ имише во
утробѣ своей многіи нечистіи духи, и нося ея время и
половремени, рекше полтора года.

74 посль слова въ дому отца своего ем. і выслала и пр. до
слова і прииде въ строкѣ 77: — и повелѣваетъ отцу
своему и матери и всемъ домашнімъ, да изыдутъ вси
изъ храминѣ вонъ, токмо ея едину да оставятъ, яко хо-

Строка
печати.
текста.

щетъ родити неприязненную силу демонскую, дабы
ихъ прескирніи ти пришедше не убили, егда начнетъ
она родити ихъ; они же съ неволею послуша ея і изы-
доша, і вси сѣтующе і плачуще горко, токмо оставиша
ю едину въ храминѣ.

77 кильк: отъ тѣхъ

На страницѣ 155.

1 посль слова сини: — і темни

2 посль слова ізъ храмини: — и положи ихъ

6 посль слова бросати: — въ храмину.

12 посль слова крови: — гнушающи,

— посль слова і ты: — вземъ копие или ножъ,

25 посль слова ии мало: — и со человѣки ничто же бесѣдо-
ваше, понеже тогда виѣ ума бываше;

28 ем. окаянні: — чернородні (тоже и въ другихъ мѣстахъ
ниже).

31 ем. плакавшими правильнѣ плакавшимъ

— ем. ея правильн. ю.

35 посль слова каждо ем. на своеи и пр. до слова другъ
въ 36 строкѣ: — по чину ихъ на своихъ мѣстахъ,

50 посль слова совѣтъ ихъ ем. і паки и пр. до слова Яро-
славка: — понеже диавольская часть темна и помышлаху,
въ темныхъ жилищахъ своихъ живиаху, а не во свѣтѣ; и
яко хотише премилостивъ і всесильнъ Господь Богъ
и Спасъ рода человѣческаго чюдомъ прославити и
возвеличити Пресвяту, Пречисту, Преблагословенную
матерь свою, пренепорочную владицицу Богородицу и
приснодѣву Марію, общую христианскую надежду, и
угодниковъ своихъ неусыпныхъ стражей великаго гра-
да Устюга, праведныхъ и блаженныхъ Христа ради юро-
дивыхъ Устюжскихъ чудотворцевъ Прокопия и Иоанна,
и сего ради продолжи и попусти Господь Богъ сей
женѣ Соломоніи отъ чернородныхъ поруганий и мучинъ
быти, да боле прославится и возвеселится сие великое
дѣло и въ чудодѣйствие и удивление произыдетъ. Аще
же Господь Богъ сию жену и попусти чернородныи
дemonомъ мучити и поругатися ей, но милость его
Божија и милосердие не оставляше ея до конца погибну-
ти. Посемь диавили паки отдаша Соломонію же прежде-
помянутой дѣвицѣ Ярославкѣ, да научить ея по воли
нихъ ходити. Дѣвица же вземъ ю у чернородныхъ, седѣ
съ нею особы. Соломония же всее повѣда дѣвицѣ Яро-
славкѣ, яко видѣ у темныхъ і слыша у нихъ глаго-
ланныя.

56 посль слова выучить ем. да иной: — потомъ другой де-
сятокъ, тоже третій и четвертый.

65 ем. темнозрачными: — темнообразными

70 посль слова і въ то время: — Божиімъ промысломъ

74 ем. исполнено аки смолою: — исполнено ими, аки смолою
покровенно;

На страницѣ 156.

1 ем. лукаві: — чернородні

7 посль слова ея: — черні.

13 ем. имена: — темная і мрачная имена

39 посль слова оздраве ем. і нападе на нея таковое жела-

Строчки
печатн.
текста.

- ніє: — и аbie наложи на ю прелестиве злы врагъ же-
ланіе таково
- 43 *посль слова* гласомъ до слова А гласть:— велимъ яко всѣмъ
людемъ слышати сице і рекуще: полонянка, полонянка!
- 53 *посль слова* демонъ ем. а насть и проч. до слова I по
вся ноши: — понеже она оболстила і прельстила ихъ, і
они насть глагомаша: не можете ли вы ее увести въ
лѣсъ.
- 62—63 *посль слова* въ какихъ рѣчахъ: — непріязненную силу
по гласу и по вонросу ихъ
- 64 *посль слова* враги ем. всякихъ до слова кто *въ 65* широ-
кль: — всяко тѣхъ людей злословиаху, обличающе всяки-
ми грѣховными пороками,
- 67 *посль слова* отхожаху: — Соломонія же поживе у отца
своего въ волости осьмь недѣль і множицою приходаху
чернородніи и кликаху ея, якоже и прежде, нарицающе
ея полонянкою, всѣмъ людемъ слышащимъ гласы ихъ,
самихъ же не видиху.
- 70 *посль слова* чудотворцамъ: — Соломонія же
- 72 ем. на приношенні, і на спрошенні: — на приношенні
пречистыхъ таній.
- 74 *посль слова* церковный: — и давляху ея,
- 75 *посль слова* демонъ: — живущи во чревѣ ея,
— ем. яко свиній: — яко малыи свиній;

На страницѣ 157.

- 2 ем. во снѣ: — въ тонцѣ снѣ
- 4 ем. і от церкви: — и прихода къ церкви
- 5 *посль слова* Иоанну: — на всякий день и
- 9 ем. от демоновъ: — от чернородныхъ демонскихъ силъ;
- 12 ем. триехъ отцевъ духовныхъ: — выну отца духовнаго, а
у него всегда спрашивавшися о всякомъ,
- 15 *посль слова* невидима бысть: — Соломонія же. от сна воз-
бнувшись, дивищеся зѣло и видѣнного вскорѣ никому же
повѣдаше; по видѣнїи же оному страдаше Соломонія
такоже: якоже и первіи, мучаху бо ея темніи прокля-
тии нечистиіи дуси, живущі въ ней, и тогда она виѣ себѣ
бываше, и бѣгаше из храмини своеи, въ ней же живиша,
обнаженна въ раздраниемъ ризѣ і простертыми власами,
и пометашася въ воду зимнимъ и лѣтнимъ временемъ;
прилучивші же ся людіе ту овогда постигаху ея на
край воды, а иногда въ водѣ удерживаху і извлекаю-
ще ю из воды на берегъ і из пролуби на ледь, аки
мертву; утроба же у нея тогда бываше яко у жены ро-
дити хотящей, і во чревѣ ея терзахуси темніи демони
яко рыбы во мрежахъ; і сие страданіе ея видиша ту
предстоящиі людіе, удивишиху зѣло, і отношаху ю аки
мертву въ домъ, ядѣже она живиша, и сие мученіе і то-
мленіе от демонскихъ силъ многажды ей бываше.
- 20 ем. сматлеся і пр. до слова утроба: — сматлося въ ней
нечистіи дуси темніи и начаша терзати
- 22 ем. і прогрызе: — і прогрызаша
- 25 ем. сотвори демонъ: — сотвориша ей нечистые дуси
- 26 ем. от демона: — от нечистыхъ духовъ,
- 30 *посль слова* терзати: — чрево ея.
- 35 *посль слова* апостола: — Павла
- 41 *посль слова* гласомъ ем. сожже до слова во умъ: — яко

Строчки
печатн.
текста.

- всѣмъ людемъ дивитися і ужасатися, како темніи нечи-
стіи дуси усты ея воскричаша зѣло: о горе намъ! яко
сожже насть! Священникъ убо совершивъ святую ли-
тургію; Соломонія же, по отпѣніи божественныхъ службы,
43—44 ем. живущій въ ней демонъ: — живущій въ ней зліи темніи
демони:
- 46 *посль слова* гибелъ: — і вѣчное себѣ томленіе і мученіе
і со старѣшиною своимъ сатаною.
- 47 ем. демона: — демоновъ, живущихъ въ ней,
- 50 *посль слова* Иоанну: — и призываи ихъ на помощь;
- 51 *посль слова* от такового: — томленіе,
- 54 ем. демонъ же: — демони же
- 59 *посль слова* день: — и ношь
- 60 *посль слова* во Христа: — Она же ничто же къ нимъ отвѣ-
ща. И рѣша ей: глаголи ты, Соломоніе, сице: вѣрю
азъ во Христа! Она же ничто же къ нимъ отвѣща; і
рекоша ей: глаголи ты, Соломоніе, сице: вѣрю азъ
во Христа!
- 70 *посль слова* і повѣда сама все о себѣ: — яже напреди
писанная, како от демонскихъ темніи силъ пострада и
мучима бѣ люте зѣло.
- 78 *посль слова* чудотворцевъ: — і начать о себѣ глаголати
сице.

На страницѣ 158.

- 11 *посль слова* слышахъ ем. очеса до слова уши: — но бѣста
очи мои помраченныи,
- 21 *посль слова* придохъ: — съ братомъ моимъ Андреемъ,
- 26 *посль слова* трудомъ: — принужденiemъ братнимъ
- 27 *посль слова* сила: — яже во мнѣ;
- 30 *посль слова* чтущаго: — здѣ бо азъ не слышу ничто же.
- 42 *посль слова* Прокопія: — азъ бо тамо не могу быти от
живущия во мнѣ демонскихъ силъ!
- 44 *посль слова* чудотворце ем. і сѣдохъ: — въ тоже время
тожъ чтиху от житія и чудесъ святаго Прокопія, і
утѣшненія ради азъ грѣшна сѣдохъ на лѣвый крылось,
и повелѣ ми той церкви пономарь сѣсти ко гробу свя-
таго Іоанна; азъ же по повелѣнію его сѣдохъ ту;

На страницѣ 160.

- 34 *посль слова* быти: — къ тебѣ.
- 35 *посль слова* начаша ем. у святаго і пр. до слова въ то-
же время на строкѣ 37: — у святаго Прокопія, якоже
обычай бываша по всячѣта благовѣстити къ молебствію;
і собравшимся всѣмъ священникомъ, архимандрату, і
игуменомъ, і протопопу, со всей братіею, і прочихъ
церквей священникомъ і диакономъ, і всему церков-
ному причту і властелю великаго града Устюга, і всѣмъ
гражданомъ, мужемъ же и женамъ, молебна соверша-
ти со звономъ и воду святити всѣмъ освященнымъ со-
боромъ;
- 49 *посль слова* тою же раною ем. демоновъ: — прочихъ ос-
тавшихъ демоновъ,
- 64 *посль слова* вражie ем. мечтаніе і пр. до слова і паки: —
искушение і мечтаніе, ты же не убойс ихъ, і якоже за-
повѣдахомъ тебѣ, еже къ мужу твоему не возвращатися,
и за много не посигати, ты же і обѣщалася Господу Бо-

Строки
печатн.
текста.

гу і пречистій Богородицѣ и нама, еже сохранити и
соблисти крѣпко, сие по обещанию твоему соблюди і
онаско сохрани.

72 посль слова свѣтъ — сладко і ясно,

74 ем. і стомо или видѣніе вижу: — въ церкви ли азъ стомо
или видѣніе вижу?

— посль слова рече: ем. во церкви и пр. до слова посемъ: —
во церкви святаго і блаженнаго Прокона, сестро моя
Соломоніе, стояши при святѣй божественій літургії
и при чтенії святаго евангелія.

На страницѣ 161.

10 ем. святыхъ ради: — страха ради,

12 посль слова літургії: — а на чревѣ моемъ, комъ мѣстомъ

Строки
печатн.
текста.

вынимали святні демонскую вражю силу, і то мѣсто
знать, ради истиннаго свидѣтельства; дабы не помышляли
люде привидѣніе се быти, а не истинное чудо
святыхъ і праведныхъ чудотворцевъ.

15 ем. і народъ: — і весь народъ, мужи, і жены, і всяко возрасть,

27 посль слова і Иоанна: — Тогда не бысть такова человѣка,
иже видѣ и слыша о преславномъ семъ чудеси, дабы
воздержатися ему от слезъ, не вся купио мужи и жены
пролинша радостныя источники слезъ, видище и слышаще
преславное великое чудо пресвятыхъ владычицы
нашне Богородицы и приснодѣвы Маріи, і угодниковъ
Божіихъ, святыхъ і праведныхъ чудотворцевъ Устюж-
скихъ Прокона и Иоанна,

ПРИМѢЧАНІЕ.

Христіанское понятіе о злыхъ духахъ подчинилось у насъ, какъ и у другихъ народовъ, материальными представленіями. Вѣрованіе, что злые духи являются съ разными отправленіями жизни тѣлесныхъ существъ, является въ глубокой древности; вездѣ оно поддерживалось остатками прежнихъ языческихъ воззрѣній, удержавшихся въ воображеніи народовъ послѣ крещенія. Такъ въ первые вѣки христіанства извѣстное мѣсто въ книгѣ Бытія о приходженіи сыновъ Божіихъ къ дщерямъ человѣческимъ толковалось половыми сообщеніемъ духовъ съ женщинами. Составлялись и ходили изъ рукъ въ руки апокрифическая сказанія, наполненные подобными вымыслами. Къ такимъ, между прочимъ, принадлежитъ еврейская баснословная исторія о Лилутѣ, будто бы первой женѣ Адама, которая измѣнила ему, смѣшалась съ злымъ духомъ и сдѣлалась праматерью поколѣнія бѣсовъ, представляемыхъ не только съ материальными отправленіями, но даже подлежащихъ смерти, также точно, какъ и бѣсы въ нашей повѣсти, которыхъ убиваетъ молнія. Въ сектахъ манихейского склада, т. е. приписывавшихъ твореніе матеріи злому духу, (къ нимъ принадлежать Павликіане, Богумилы, Катарры, Альбигойцы) господствовала басня о смѣшении Евы съ сатаною и о происхожденіи половины рода человѣческаго, въ лицѣ Кainsа, отъ злого духа. Представленіе о материализмѣ демоновъ поддерживалось и тѣмъ, что древнихъ греческихъ и римскихъ боговъ и полубоговъ признавали злыми духами, и такимъ образомъ самые вымыслы иконологіи не считали чуждыми исторической дѣйствительности; само собою — и похожденія Юпитера, Вакха, Аполлона, страсти, волокитства, пиры олимпійцевъ, не были уже сказками, но считались существовавшими фактами, только перенесенными на бѣсовъ. Мнѣніе о половомъ сообщеніи бѣсовъ съ женщинами долго было по-всемѣстнымъ въ Европѣ; Иорнандъ приписываетъ проис-

хожденіе цѣлаго поколѣнія Гунновъ связи волшебницъ съ злыми духами. Были люди, даже просвѣщенные по своему вѣку, которые, хотя видѣли нелѣпость этого вѣрованія, не рѣшались, однако, счесть всего за совершенный вымыселъ и толковали, что злые духи, не имѣя сами въ себѣ ничего материальнаго, обольщаются, однако, людей кажущимися явленіями, затѣмъ вѣтаютъ смыслъ человѣческій и представляются женщинамъ въ видѣ мужчинъ, а мужчинамъ въ видѣ женщинъ.

По вѣрованію, общему всѣмъ христіанскимъ народамъ, материальные бѣсы представляются чудовищами; образъ ихъ первоначально сложился на югѣ отъ сатировъ и фавновъ, ибо ихъ представляютъ съ рогами, въ шерсти и съ хвостомъ; образъ этотъ, переходя къ сѣвернымъ народамъ, встрѣтился съ старинными туземными языческими представленіями, и видоизмѣнился, оставаясь все таки болѣе или менѣе сходнымъ въ главныхъ чертахъ. Нашъ бѣсъ въ своемъ образѣ имѣетъ человѣческую фигуру, кожу темносиняго цвѣта, иногда мохнатъ, нагъ, всегда съ рогами и съ хвостомъ, но можетъ принимать различные человѣческіе образы: такъ и Соломонія являлись демоны въ видѣ красивыхъ молодцевъ. Во множествѣ западныхъ предавай о беременности женщинъ отъ бѣсовъ видны два представленія: или эти женщины рождаются чудовища, какъ наша Соломонія, или же дѣйствительныхъ людей, злыхъ волшебниковъ, какъ въ исторіи Мерлина, либо безобразныхъ и свирѣпыхъ какъ въ миѳѣ о происхожденіи Гунновъ. Въ средніе вѣка толковали однако, что собственно рожденіе отъ бѣса есть только мечтаніе, бѣсовская игрушка, и потому-то женщины производятъ на свѣтъ не людей, а чудовищъ, которые не имѣютъ человѣческой жизни и остаются въ бѣсовскомъ мірѣ; лица же человѣческаго существа, на которыхъ отпечаталось бѣсовское происхожденіе, рождаются собственно отъ

мужчинъ, но съ содѣйствіемъ злыхъ духовъ; такъ и унасть въ XI вѣкѣ тоже происхожденіе приписывалось князю полоцкому Всеславу, по словамъ лѣтописца, сказавшаго, что мать его родила отъ волхвованія. Беременность и роды нашей Соломоніи въ народномъ воображеніи, очевидно мечтанія, способъ мукъ которыхъ задавали ей бѣсы, проходя черезъ нее, и оставаясь въ ней по желанію, овладѣвая ея тѣломъ. Связь Соломоніи съ бѣсомъ есть только представленіе, которое напустили на нее бѣсы; замѣчательно что варіантъ по списку г. Буслаева, старается придать болѣе реальности тому, что выдѣлываются бѣсы съ Соломоніею, чѣмъ варіантъ Публичной Библиотеки. Но тѣмъ не менѣе бѣсы составляютъ свой отдельный материальный міръ, и какъ животные раздѣляются на два пола; къ Соломоніи приходитъ темнозрачная баба уже не человѣческой, а бѣсовской породы. Русскій народъ повсемѣстно воображаетъ бѣсовъ подъ образомъ двухъ половъ; существуетъ слово *чертовки*; существуютъ разсказы видѣвшихъ бѣсовскихъ самокъ. Одинъ мужикъ въ Новгородѣ разсказывалъ, что онъ собственными глазами видѣлъ ночью на озерѣ Ильменѣ черную бабу, которая сидѣла на камнѣ, мылась и хохотала, потомъ исчезла. Это была, по его повітію, не русалка, но чертовка, бѣсъ женского пола. Обыкновенное мѣстопребываніе бѣсовъ — болото и озера; оттого и въ нашей повѣsti они называются *водяные*; это какіе-то земноводные люди, подверженные, какъ и мы, условіямъ материальной жизни: они ёдятъ, пьютъ, имѣютъ половое сообщеніе, рождаются и умираютъ; они безобразны, и по наружности скорѣе похожи на звѣрей, какъ на людей; они, какъ люди, мыслить и говорить, имѣютъ общественные связи, ибо сознаютъ между собою братство, имѣютъ религію, и покланяются божеству, называемому сатаною; отличаются отъ людей тѣмъ, что могутъ принимать различные образы, способность, которой однако не лишены безуслов-

но, по народному вѣрованію, и люди — если они колдуны; бѣсы, кроме того что они звѣри по наружности и люди по жизни, еще всѣ какъ бы колдуны, т. е. всѣ, по природѣ своей, способны на то, что доступно между людьми только нѣкоторымъ, обладающимъ таинственnoю наукою. Такое понятіе о существѣ бѣсовъ истекаетъ изъ предлагаемой повѣсти.

Вѣрованіе во вселеніе бѣсовъ въ человѣка сильно утверждено было въ народѣ встарину и не истребилось до сихъ поръ. Рѣдкому изъ насть, особенно посѣщающему мѣста, означенованныя чудотворными исцѣленіями отъ мощей и иконъ, не удавалось видѣть и слышать такъ называемыхъ кликушъ или бѣсноватыхъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ дѣйствительно страдаютъ первыми припадками, поразительными и ужасными на взглядъ и не вполнѣ объяснимыми физиологически; другіе подчиняются силѣ воображенія и такихъ болѣе всего; треты притворяются. Характеръ разносятъ о нихъ разсказы, изображая ихъ привадки въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Повѣсть о Соломоніи есть полнѣшее изображеніе бѣсноватой, какъ она только могла представляться самому разгульному воображенію въ XVII вѣкѣ. Не смотря на триптичность нѣкоторыхъ мѣсть, она не лишена и поэтическихъ образовъ. Смыснанная, какъ говорится въ предисловіи, (которое, какъ приписка, не составляетъ существенной части разсказа и потому приводится въ приложеніи) со словъ страдальцы, она, вѣроятно, имѣеть историческое основаніе; должно быть существовала описанная здѣсь Соломонія, подверженная первыми страданіямъ и сумасшествію, и впослѣдствіи получившая исцѣленіе. Образы ея болѣзненнаго воображенія, сложившіеся подъ влияніемъ воспитанія и общихъ вѣрованій, принимались за истину и составили предметъ для литературного развлечения современниковъ.

ПОВѢСТЬ
о саввѣ грудцынѣ.

ПОВѢСТЬ О САВВѢ ГРУДЦЫНѢ.

ВАРИАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(По списку Иппер. Публ. Библ. in 8, № 75.)

Покѣсть сѧ страхъ и сѫжаса исполнена и избрѣченаго сѹдилѣнїя достопна, како члобѣкоименныи Богъ долготерпѣлихъ сѹй, ожиданія нашаго обращенїя и избрѣченными скоми ѿдѣами всякаго члобѣка приходитъ ко спасенїю, яже бысть во дни сѧ, и исклѣстъ члобѣкоименїи ское надѣ родомъ христіанскимъ.

Бысть убо въ лѣто 7114, егда за умноженіе грѣхъ ради нашихъ, попусти Богъ на Московское государство, богомерзкаго отступника еретика Гришку Растрину Отрецьева, иже похити престолъ россійскаго государства разбойнически, а не царски. Тогда по всему Россійскому Государству умножися злочестивая литва и многая пакости и разоренія народомъ россійскимъ на Москвѣ и по градомъ твораху, и от того литовскаго разоренія многія domы свои оставляху, и из града во градъ бѣгаху.

В то же время, во градѣ Велицѣмъ Устюзѣ, бысть неко житель града того Фома, прослытіемъ же нарицаемый Грудцынъ Усовыхъ, ихъ же родъ во градѣ томъ влечется. Той убо Фома Грудцынъ, видя въ Россіи такое нестроеніе и нестерпимыя пакости отъ нечестивыхъ лаховъ, и не восхотѣ жити, оставляетъ великий градъ Устюзъ и домъ свой и преселяется въ понизовой царственій градъ Казань. Зане не бысть въ понизовыхъ градѣхъ злочестивыя литвы, и живаше той Фома съ женою своею во градѣ Казани, даже до лѣть благочестиваго великаго государа царя и великаго

князя Михаила Феодоровича всея Россіи. И имъ же у себѣ сына единородна, именемъ Савву, двоенадесятъ лѣтна возрастомъ; обычай же имѣше той Фома куплю дѣяти, отѣзжая внизъ Волгою рекою, овогда къ Соли Камской, овогда въ Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ шахову область, отѣзжая куплю творяше, тому же и сына своего Савву поучаше и нальностно таковому дѣлу прилежати повелѣваше, дабы по смерти его наследникъ быль имѣнія его.

О отѣзгѣ Фомы Грудцына на куплю въ шахову область.

По некоемъ же времени восхотѣ той Фома отплыти на куплю въ шахову область, и обычныя струги къ плаванію съ товары устроивши, сыну же своему, также устрониъ обычныя суды съ товары, повелѣвать ему по себѣ плыти къ Соли Камской; и тамо купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше. И аbie подаде обычное цѣлованіе женѣ и сыну своему, путь касается. Малы же дни помедля, и

сынъ его на устроенныхъ судѣхъ по повелѣнию отца своего к Соли Камской плаваніе творити начинаетъ, достигшу же ему Усолскаго града Орла, аbie приставаетъ ко брегу, и по повелѣнию отца своего у нѣкого нарочита человѣка в гостиницѣ обитати приставаетъ. Гостинникъ же той и жена его, памятуя любовь и милость отца его, немало прилежаніе имѣюще, и всякое благодѣяніе творяще ему, и яко о сынѣ своемъ всяко попеченіе имѣюще о немъ; онъ же пребыть в гостиницѣ оной немало время. В томъ же градѣ Орлѣ нѣкто бысть мещанинъ града того именемъ и прослытіемъ Боженъ Второй, уже престарѣвся въ лѣтѣхъ, и знаемъ бише во многихъ градѣхъ благонравнаго житія его ради, понеже и богатъ бѣ зѣло, и по премногу знаемъ и друженье бѣ саввицу отцу Фомѣ Грудцыну. Увѣдавъ же Боженъ Второй, яко из Казани Фомы Грудцына сынъ его во градѣ ихъ обрѣтается, и помыслилъ в себѣ, яко отецъ его со мною многу любовь и дружбу имѣюще, азъ же вынѣ прерѣхъ его, но убо возму его в домъ мой, и да обитаетъ у мене, и питается со мною от трапезы моей. И сія помысливъ, усмотря нѣкогда того Савву путемъ идуща, и призвавъ его, начать глаголати: друже Савво! или не вѣси яко отецъ твой со мною многу любовь имать, ты же почто презрѣлъ еси мене и не присталъ еси в дому моемъ обитати? Нынѣ убо не преслушай мене: прїди и обитай в дому моемъ, да питаемся от общія трапезы моей: азъ убо за любовь отца твоего всемлюбезно яко сына пріемлю тя. Савва же, слышавъ таковые от мужа глаголы, велики радъ бысть, яко от такова славна мужа пріять хотеть быти, и низко поклоненіе тверн предъ нимъ. И немедленно от гостинника онаго отходить в домъ мужа того Божена-Втораго, и живяще во всякомъ благодѣяніи, радуяся. Той же Боженъ Второй старъ сый, и имѣя у себѣ жену третьимъ бракомъ новоприведенну сущу пояту дѣвою; ненавидя же добра роду человѣчу сопостать діаволъ, видѣ мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ его, аbie уязвляетъ жену его на юношу

онаго к скверному смѣшенню блуда; и непрестанно уловляше юношу онаго ласивыми словесы к паденію блудному. Вѣсть бо женское естество уловляти умы младыхъ к любодѣянію. И тако той Савва лестю жены той, паче же реши от зависти діаволи, запать бысть, падеся в сѣть любодѣянія с женой оною, и непрестанно в ономъ скверномъ дѣлѣ пребывая с нею, и ниже бо воскресенія день, ниже праздники помняше, но забывши страхъ божій и часъ смертный, и всегда в калѣ блуда яко свинья валяшеся; и в таковомъ ненасытномъ блужденіи много времѧ яко скотъ пребываше.

Нѣкогда же приспѣвшу празднику Вознесенія Господа Бога нашего Іисуса Христа, в навечеріи же праздника онаго Боженъ Второй поимъ с собою юношу онаго Савву и поидаша до святых церкви к вечернему пѣнію, и по отпущеніи вечерни паки пріодоша в домъ свой, и по обычаю вечерни возъгоща кійждо на ложи своеемъ, благодаряще Бога. Внегда же болголубивый онъ мужъ Боженъ Второй заспа крѣпко, жена же его, діаволомъ подстрекаема, воставъ тайно с ложа своего, и пришедъ к постели юноши онаго, и возбуди его, понуждаше его к скверному смѣшенню блуда. Онъ же, аще и младъ сый, но яко нѣкую стрѣлою страха божія уязвленъ бысть, и бояся суда Божія, помышляше в себѣ: како в таковый господственныи праздникъ таковое скардное дѣло сотворити имамъ! И сія помысливъ, начать с клятвою отрицатися от нея, глагола: яко не хочу всеконечно погубити душу мою, в таковый праздникъ превеликій осквернити тѣло мое. Она же, ненасытно распалаема похотю блуда, неслабно нудаше его, ово ласканіемъ, овоже и прещеніемъ нѣкимъ, угрожая ему, дабы исполнилъ желаніе ея, и много труждышися, увѣщевая его, во никакоже возможе его преклонити к воли своей; божественная бо нѣкая сила помогаше ему. Видѣвъ же то лукавая жена, яко не возможе привлещи юношу онаго к волѣ своей, аbie зѣлою яростю на юношу распалися, и яко людая змія возстенавъ, отъиде от ложа его, помышляше, како бы волшебными земіи онопти его и неотложно

алое свое начинение совершил хотя. И елико замыслил сіа и сотвори. Всегда же начаша клевати во утреннему пѣню, боголюбивый же оный мужъ Боженъ Второй, скоро возставъ от ложа своего, возбудивъ же и юношу онаго Савву, походиша на славословіе Божіе ко утренни вкушъ, и отслушавши со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ. И придоша въ домъ свой, а егда же приспѣ время божественнїй литургіи, походиша паки с радостю до святых церкви на славословіе божіе. Проклятая же она жена тщательно устроиша на юношу волшебное зеліе, и яко змія хотащи ядъ своей изблевати на него. По отпущеніи же божественнїй литургіи Боженъ Второй и Савва изыдеша из церкви, хотище ити въ домъ свой. Воевода же града того пригласи онаго мужа Божена Втораго да отобѣдуетъ съ нимъ; вопроси же и о юноши оному: чей есть сынъ, и откуду? Онъ же повѣда ему, яко из Казани Фомы Грудцына сынъ есть. Воевода же приглашаетъ и юношу онаго въ домъ свой, зане добрѣ знаше отца его. Они же походиша къ нему; и бывше въ дому воеводскому, и по обычаю общія трапезы причастишаася, и с радостю возвратишаася въ домъ свой; и егда пришедшіе, повелѣ Боженъ принести отъ вина мало, да исплюютъ въ дому своеімъ, чести ради господственнаго онаго праздника: иначто же бо скѣдый лукаваго умыщенія жены своеї. Она же, яко ехидна злаа, скрываетъ злобу въ сердцы своеімъ и подпадаетъ лестію къ юноши оному. Принесену же бывшу вину, забѣ наливаетъ чашу, и подносить мужу своему; онъ же испилъ, благодаря Бога, потомъ наливаетъ сама испиль, забѣ наливаетъ отравного онаго уготованного зелія, и подносить юноши оному Саввѣ. Онъ же, ни мало помысливъ, ниже убоиша лукавства жены оныя, чайше яко никоего же зла мыслить на него, и без всякаго размышленія выпиваетъ ятое оно отравное зеліе. И се начать яко пѣкій огнь горѣти въ сердцы его. Онъ же помышляше, глагола въ себѣ: яко много различныхъ питій въ дому отца моего, и никогда же такого питія не испилъ, яко же нынѣ! Егда же испилъ питія онаго, начать сердцемъ ту-

жити и смербѣти по женѣ оной. Она же, яко лютая ліца, простно поглядаше на него, и ни мало привѣтство являемъ ему. Онъ же, сокрушаяся, тужаше по ней сердцемъ. Она же начать мужу своему на юношу онаго клеветати, и великая словеса глаголати, и повелѣваніе изгнati изъ дома своего. Боголюбивый же оный мужъ, аще и сожалѣя сердцемъ по юноши, обаче уловиша бысть женскою лестію, повелѣваетъ юноши изыти изъ дома своего, сказу ему вины нѣкія. Юноша же съ великою жалостю и тугою сердца отходить отъ дома его, тужа и сѣтуя о лукавой женѣ оной. И прииде въ домъ гостинника онаго, идѣже первѣе обиташе. Онъ же вопросилъ его, каковы ради вины изыде изъ дома Боженова? Онъ же, сказу, яко самъ не восхотѣ жити у него: зане гладно мнѣ бысть. Сердцемъ же скорбя и неутѣши тужаше по женѣ оной, и начать отъ великія туги красота лица его увидати и плоть его истончаватися; видѣвъ же гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща зѣло, неудомѣвающеся что ему бысть.

Бысть же во градѣ томъ нѣкій волхвъ, чарованиемъ своимъ сказуя кому какова скорбь приключится; онъ же узнавав; или жити или умрети. Гостинникъ же той и жена его, благоразумни супце, не мало попеченіе о юноши имаху, и призывають тайно волхва онаго, хотище увѣдѣти отъ него, какова скорбь приключися юноши оному: волхвъ же егда пришель, и посмотрѣвъ въ волшебныи свои книги, сказа имъ истинну, яко и некоторыя скорби юноша не имать въ себѣ, токмо тужитъ по женѣ Божену Втораго, яко въ блудное смишение падеся съ нею, нынѣ же отстуженъ бысть отъ нея, и по ней, стужая, сокрушаєтъ. Гостинникъ же и жена его, таковая слышавше отъ волхва, не яша вѣры ему, зане Боженъ мужъ благочестивъ баше, и боися Бога, и имъ во что дѣло сіе вѣйниша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой женѣ оной, и день отъ дне отъ той туги истончи плоть свою, и яко бы нѣкто великою скорбю болѣвъ.

Нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ, на поле, отъ великаго унынія и скорби прогулятися, и

идише единъ по полю, и никого же пред собою или за собою видише, и ничто ино помышляше, но токмо сътут и скорби о разлученіи своемъ от женоы оныя, и помыслия такову мысль злую во умѣ своемъ, глаголи: и егда бы кто от человѣкъ, или самъ діаволъ сотворилъ ми сіе, еже бы лаки совокупитися мнѣ с женою оною, азъ бы послужилъ діаволу! И такову мысль помысливъ, аки бы ума иступивъ, и идише единъ по полю, и мало пошедъ, слышитъ за собою гласть зовущъ, на имя; онъ же, обращися, зритъ за собою юношу, борзо текуща, в нарочитѣ одѣяніи, помавающа рукою ему, пождати себе повелѣвша; онъ же, стоя, ожидал юношу онаго к себѣ, и егда же пришедъ к Саввѣ юноша той, паче же рещи супостать діаволъ, иже непрестанно рыщетъ, ища погибели человѣческія, пришедъ же, и по обычаю поклониша между собою, рече же пришедый отрокъ к Саввѣ глаголи: брате! что убо яко чуждъ бѣгаеш от мене? азъ бо давно ожидахъ та, да како бы пришелъ еси ко мнѣ и сродственную любовь нынѣ со мною; азъ убо вѣмъ та давно, яко ты отъ рода Грудцыхъ Усовыхъ из града Казани, и о мнѣ аще хощени увѣдати, азъ того же рода от града Великаго Устюга; здѣ давно обитаю ради конскія покупки, и убо по плотскому рожденію братія мы с тобою, а нынѣ убо буди братъ и другъ и не отлучайся от мене; азъ бо вспоможеніе во всемъ радъ чинити тебѣ. Савва же, слышавъ от минимаго онаго брата, паче же рещи от бѣса, таковые глаголы, велии возрадовася, яко в таковой далекой неизнамой странѣ сродника себѣ обрѣтѣ; и любезно цѣловастася, поидаша оба вкупѣ по пустынѣ оной. И пошедъ мало, рече бѣсь к Саввѣ: брате Савво! Какую скорбь имаши в себѣ, яко изчезе велии юношеская красота твоя? Онъ же, всяко лукавнуня, сказоваше ему иѣкую быти великую скорбь в себѣ. Бѣсь же осклабився, и рече: что убо скрываеш от мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою; но что ми даси, азъ помогу в скорби твоей? Савва же рече: аще убо вѣдаши истинно мою скорбь, юже имамъ в себѣ, то поиму вѣру тебѣ, яко можени ми

помощи! Бѣсь же рече ему: ты убо, скорбя, сокрушающа сердцемъ своимъ по женѣ Божена втораго, замѣ отлученъ еси от любви ея. Но что ми даси, азъ учиню та с икою по прежнему въ любви ея? Савва же рече: азъ убо, елико имамъ здѣ товаръ и богатство отца моего, и с прибылками все отдаю тебѣ, тоимо сотвори по прежнему любовь имѣти с женой оною! Бѣсь же и ту устыдяся, рече ему: что убо искушаемъ я? азъ бо вѣмъ, яко отецъ твой много богатство имать; ты же не вѣси ли, яко отецъ мой седмирицею богатѣе отца твоего, и что мнѣ будетъ в товарѣхъ твоихъ? Но даждь ми на ся рукописаніе мало иѣкое, и азъ исполню желаніе твое. Юноша же радъ бысть, помышляя к себѣ: яко богатство отца моего все цѣло будетъ; азъ же дамъ ему писаніе что ми повелѣть написати; а невѣдѣй в какову пагубу властн хощеть, еще же и писати совершенно ниже слагати что умѣя. Оле безумія юноши онаго! Како уловленъ бысть лестюю женскою, и тоя ради в какову погибель снисходить! Егда же изрече бѣсь к Саввѣ слова сия, онъ же с радостю обѣщаше дати ему. Минимый же братъ, паче же реши бѣсь, вскорѣ изъемъ из опчага чернило и хартію, даетъ юноши, и повелѣваетъ ему немедленно написати писаніе. Той же юноша Савва, еще несовершенно умѣши писати, елико бѣсь сказование, той же и писаше, не слагая, и таковыи писаніемъ отречеся Христа, истиннаго Бога, написать же богоотметное оно писаніе, отдать діаволу, и предадеся в служение діаволу, минимону своему брату, и тако поидаша оба во градъ Орель. Вопроси же Савва бѣса, глаголи: повѣждь ми, брате мой, гдѣ обитаеш, да увѣмъ домъ твой? Бѣсь же возсѣдяся, рече ему: азъ убо особаго дому не имамъ, но гдѣ прилучится, тамо и ночую; аще ли же хощени видѣтися часто, то ищи ми всегда на конной площади, яко же рѣхъ ти: здѣ живу ради конныхъ покупокъ; но азъ и самъ не обѣюся посѣщати ти; нынѣ же иди к лавѣ Божена Втораго, вѣмъ бо, яко с радостю призоветъ та паки в домъ свой жити. Савва же, по глаголу брата своего діавола,

радостно течаше к лавкѣ Божена Втораго, Боженъ же егда в усердно приглашаетъ его к Господине Савво кую злобу с бѣ, и почто изшедъ прочее убо молю омъ мой, азъ его, яко присно тебѣ. Савва же жена таковыя (¹) радостию возрадовася, и скоро потече в домъ Божена Втораго. Жена же его, егда увидѣвъ юношу и діаволомъ подстрѣкаема, радостно срѣтаетъ его и всякимъ ласканіемъ привѣтствованіе его и лобаши. Юноша же уловленъ бысть лестю женскою, паче же діаволомъ, паки запинается в сѣти блуда с проклятою ею женой, и ниже праздниковъ, ниже воскресенія день поминаше, ни страха Божія имѣюще, понеже ненасытно безпрестанно с нею в камъ блуда валилася.

По инозѣмъ же времени, аbie входить в слухи в пресловущій градъ Казань матери саввины, яко сынъ ся живетъ неистово и непорядочно, и елико было с нимъ отеческихъ товаръ, всѣ изнурихъ (ль) бѣ в блудѣ и пьянствѣ. Мати же его, таковыя о сынѣ своемъ слыша, зѣло огорчилася, и пишеть к нему писаніе, да бы онъ оттуду возвратилсѧ ко граду Казани в домъ отца своего. Егда же прииде к нему писаніе, онъ же прочеть, посыпавъ и на во чѣто же вмѣнивъ; она же паки посыдаетъ к нему второе и третіе писаніе, ово моленіемъ молитъ, ово же и клятвами заклинаетъ его, да бы немедленно ѿхалъ оттуду во градъ Казань. Савва же ни мало внять материню моленію и клятвѣ, но ни во чѣто же вмѣнаше, токмо в страсти блуда упражняшася.

По нѣкоемъ же времени посмѣть бѣсь Савву, и подоша оба за градъ на поле; изшедшими же имъ из града, глаголетъ бѣсь Саввѣ: брате Савво, вѣси ли кто есмъ азъ? ты убо мнини мя совершенно быти от ро-

да Грудцыныхъ, но иѣть тако: нынѣ убо за любовь твою повѣмъ ти всю истину, ты же не убойся, иже устыдися звати мя братомъ себѣ, азъ убо всесовершенно улюбихъ ти в братство себѣ; но аще хощеша увѣдати о мя, азъ убо сынъ царевъ; но идемъ прочее и да покажу ти славу и могутство отца моего; и сія глаголя, приведе его в пусто мѣсто на вѣкій ходить, и показа ему в нѣкоемъ раздолѣ градъ велики славенъ; стѣны и покровы и помости всѣ от злата чиста блестахуся; и рече ему: сей есть градъ и творение отца моего, но идемъ убо и поклонимся купно ему; а еже даль ми еси писаніе, нынѣ вземъ его, самъ вручи отцу моему, и великою честію почтень будеша от него. И сія изглаголавъ, бѣсь отдаетъ Саввѣ богоотметное оное писаніе. Оле безумія отрока! вѣдьмъ яко некоторое царство прилежитъ в близости к Московскому государству, но все обладаемо бѣ царемъ московскимъ, аще бы тогда вообразилъ на себѣ образъ честнаго креста, вся бы сія мечты діавольскія яко сѣнь погибли!

Но на предлежащее обратимся. Егда же пошдоша оба к привидѣнному овому граду и приближившиимъ имъ ко вратамъ града, срѣтаютъ ихъ юноши темнообразніи, ризами и волосы златыми украшены, и со тщаниемъ поклоняющиеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи діаволу, такожде и Саввѣ. Вшедшимъ же имъ во дворъ царевъ, паки срѣтаютъ ини юноши, ризами блестающиеся паче первыхъ, такожде поклоняющиеся имъ. Егда же вшдоша в полаты царевы, аbie друзья юноши срѣтаютъ ихъ, другъ друга честію и одѣяніемъ превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Саввѣ. Вшедъ же бѣсь в полату глаголя: брате Савво! пожди мя здѣ мало; азъ убо шедъ возвѣщу о тебѣ отцу моему, и введу тя к нему; егда же будеша пред нимъ, ничто же размыслия или боися, подаждь ему писаніе свое. И сія рекъ, поиде во внутренія полаты, оставилъ единаго Савву; и помедливъ тамо мало, аbie входить к Саввѣ, и по семъ вводить его пред лице князя тмы.

(¹) Означенные точками мѣста въ рукописи вырваны.

Той же, съди на престолѣ высокѣй, каменiemъ драгиы и златемъ преукаращомъ, самъ же той сладко велико и одѣялъ блестялъ, окресть же престола его зришъ Савва множество юношъ крѣлатыхъ стоящихъ, лица же ихъ овыхъ сини, овыхъ баграны, иныхъ же яко смола черны, примиць же Савва пред царя онего, надъ на землю, поклонися ему; вопросъ же его царь, глаголи: откуду пришасть еси съмъ, и что есть дѣло твое? Безуинный же отъ юноши подноситъ ему богоотметное свое писаніе и вѣщасть: яко примиць, великій царю, послужити тебѣ. Древній же змій сатана пріемъ писаніе, и прочетъ его, обозрѣвъся къ сквернообразнымъ своимъ воиномъ, рече: аще ли и пріиму отрока сего, то не вѣнъ, крѣпокъ ли будетъ мнѣ, или ни. И признасть сына своего, саврина минимаго брата, глаголя ему: еди прочее, и обѣдуй съ братомъ своимъ. И тако оба поклоницася царю, и изыдоша въ преднюю полату, начашше обѣдти, и неизреченныи еди пріонишаху имъ, также и пітіе, яко дивитися Савву, и глаголи: яко никогда же въ дому отца моего таковыхъ ядей вкушахъ, или пітія исніхъ!

По яденіи же посмѣсть бѣсь Савву, и поидоша изъ двора царева, и изпѣшили же имъ изъ града, вопрошасть Савва брата своего бѣса, глаголи: что убо брате; яко видѣхъ у отца твоего, окресть престола его, юношъ много крѣлатыхъ стоящихъ? Бѣсь же, улыбаясь, рече ему: или не вѣнъ, яко мнозіи языцы служить отцу моему, индїи, персы и інніи мнозіи? ты же не дивися сему, и не сумнѣваися братомъ звати мя себѣ; азъ бо да буду тебѣ меншій братъ; тоико елико реку ти, во всемъ буди послушенъ мнѣ; азъ же всякаго добродѣйства радъ чинити тебѣ. Савва же во всемъ обѣщаися послушенъ быти ему; и тако уѣрившицися, пріониша паки во градъ Орелъ, и оставль бѣсь Савву, отходить.

Савва же паки приходитъ въ домъ Боженовъ, и пребывающе въ прежнемъ скаредномъ своемъ дѣлѣ. Въ то же время пріиде во градъ Казань изъ Персіи со многими прибытками отецъ саввинъ Фома Грудцынъ,

и яко же лѣпо, обычное дѣлованіе подавъ женѣ своей, возвращаетъ ей о сынѣ своемъ: живъ ли есть? Она же повѣдаетъ ему, глаголи: яко отъ многихъ слышу о немъ: по отшествіи твоемъ въ Персіи, отъиде онъ къ Соли Камской, тамо и до нынѣ живеть неудобное житіе; все бо богатство наше, яко же глаголютъ, изнурилъ въ пьянствѣ и блудѣ; азъ же много писахъ къ нему о семъ, дабы оттуду возвратилъся въ домъ нашъ; онъ же ни единныя отповѣди подаде мнѣ, но и нынѣ тамо пребываетъ; живъ ли или ни, о семъ не вѣмъ. Фома же, таковыя глаголы съышавъ отъ жены своей, вѣло смутился умомъ; и скоро сѣдъ, написавъ епистолю къ Савву со многими моленіемъ, дабы безо всякихъ замедленій ѿхаль оттуду во градъ Казань: да вижду, рече, чадо, красоту лица твоего; понеже давно же видѣть бѣхъ! Савва же таковое писаніе иранилъ, и прочетъ е, нивочто же вмѣнивъ, ниже помысли ѿхати къ отцу своему, но токмо упражняюще въ неизысканномъ блужденіи. Видѣвъ же Фома, ничто же успѣвать писаніе его, абиевъзвѣстить готовити подобныя струги съ товаромъ, пути касается къ Соли Камской, до Камы: самъ, рече, сыскавъ, пониму сына своего въ домъ мой. Бѣсь же егда увидѣвъ, яко отецъ саввинъ путешество творить къ Соли Камской, хотя поищи Савву въ Казань, и аби глаголетъ Савву: брате Савво! доколѣ здѣ во единомъ маломъ градѣ жити будемъ? ио идемъ убо во иные грады, и погуляемъ тамо; паки сѣмъ возвратимся. Савва же ни мало отречеся, ио глагола: добрѣ, брате, глаголеши, идемъ, ио пожди мало; азъ бо возму отъ богатства моего иѣколико пенязей. Но и ту бѣсь возбраняетъ ему о семъ, глаголи: или не видѣть еси славы отца моего, и не вѣнъ ли яко вездѣ села его суть? да идѣже пріидемъ, тамо и деньги у насъ будуть, елико потребно. И тако поидоша отъ града Орла, никакъ же вѣдомы, ниже той самъ Боженъ Второй, ии жена его, увѣдавши о отшествіи Саввина.

Бѣсь же и Савва объ едину нощъ отъ Соли Камской объявишася на рѣкѣ Волзѣ во градѣ, нарицаемомъ Кузьмодемьянску, разстояніе имѣюще отъ Соли Камской бо-

лье двутысяцъ поприщъ; и глаголеть бѣсъ Саввѣ: аще кто ти знаемый уаритъ здѣ, и вопроситъ: откуду пришелъ еси? ты же глаголи, яко от Соли Каменія, в третію недѣлю прідохенъ до здѣ. Савва же, олико зановѣда ему бѣсъ, тако и сказование; пребывши же в Кузмодемьянску нѣсколько дній, аби посмѣсть бѣсъ Савву, паки и об едину нощъ из Кузмодемьянска прідоша на рѣку Ону, в село, нарізаное Павловъ Перевозъ; и бывши имъ тамо в день четвертка, в той же день въ селѣ томъ торгъ бываетъ; ходящимъ же имъ по торгу, узрѣвъ Савву нѣкого престарѣлого иша стояща, рубищами гнусными зѣло одѣянна, и зряща на Савву прилично, и тѣло илачуща; Савва же отлученія мало от бѣса, и притече ко старцу оному, хота увѣдати визы плача его, и пріешъ ко старцу, рече: какъ ти, отче, мечаль есть, яко тако плачени неутѣшио? Нинѣже онъ святый старецъ глаголеть ему: илачу, рече, чадо, о могилѣ души твоей; не вѣси бо яко погубилъ еси душу твою и волею предался еси діаволу? вѣси ли, чадо, с кѣмъ нынѣ ходиши, и его же братомъ себѣ наріцаши? но сей не человѣкъ, но діаволь ходай с тобою, и доводить тя до ироности адскія! Егда же нарече старецъ к Саввѣ глаголы сія, обозрѣвши Савву на минаго своего брата, наче же рещи на бѣса, онъ же издалеча стоя, и грозяся на Савву, зубы скрежеташе на него. Юноша же вскорѣ оставилъ святаго онаго старца, вріиде пана к бѣсу; діаволъ же велики начать поносити его, и глаголати: чесо роди с таковыми злыми душегубцемъ сообщился еси? не знаешь ли сего лукаваго старца, яко многихъ ногубляетъ, на тебѣ же видѣвъ одѣяніе нарочито, и глаголы лестныя промиистивъ к тебѣ, хота отлучити тя от людей, и удавомъ удавити тя, и обрати с тебе одѣяніе твое хощеть; нынѣ убо аще оставлю тя единаго, то вскорѣ ногибнеши без мене. И сія изрече, со гѣвомъ посмѣть Савву оттуду, и приходить с нимъ во градъ Шую, и тамо пребываху нѣсколько времія.

Фома же Грудцынъ Усовъ, пришедъ во градъ Орель,

вопрошаетъ с самъ своимъ, и цикоже мѣжие пойдати ему о немъ. Всі бо видаху его, яко и пред его пріездомъ сѧть его во градѣ хожданіе вѣдьма видѣти, а идѣло вневанно скрыто, выхѣ же вѣсты. Овіи глаголаку, яко убоялся прішествія твоего, замѣ сѣдъ изумриль все богатство твое, и его ради спаси, наче же всѣхъ Боженъ Второй и жена его, дѣлящіяся глаголаху яко об нощъ спаше с нами, заутра же, ипшѣ нѣкуды; мы же ожидахомъ его обѣда; онъ же от того часа никако гдѣ явися во градѣ шашемъ, а идѣло подѣся, ии азъ, ии жена моя о есмъ ио вѣны. Фома же многими слезами обливаясь, и ожидая сына своего, и не мало пождавъ, тицено надеждею возвратившися въ домъ свой, и возг҃ыдастъ вѣрадостный случай женѣ своей, и оба вкунѣ сѣтующе и скорбяще о лишеніи единороднаго сына своею, и въ таковомъ сѣтованіи Фома Грудцынъ ножиye нѣсколько времія, ко Господу отъиде; жена же его оставшия вдовово супци.

Бѣсъ же и Савва живуще во градѣ Шувѣ, во времи же то благочестивый великий государь, царь и великий князь Михаилъ Федоровичъ всія Россіи воскотѣ послати воинство свое противу короля польскаго под градъ Смоленскъ, и по его цареву указу по всей Россіи набираху новобрачныхъ тамошнихъ солдатъ; во градѣ же Шую ради салдацкаго набору посланъ съ Москвы столыникъ Тимофей Воронцовъ, и новобрачныхъ солдатъ во вси дни воинскому артикулу учаше. Савва же и бѣсъ, приходаше, смотраху учение ихъ. Рече же бѣсъ к Саввѣ: брате Савво! хощеш ли послужити царю, да ванишемся и мы въ солдаты? Савва же рече: добре, брате, глаголеш; послужимъ убо. И тако написавши въ солдаты, и начевши купно ходити на учение. Бѣсъ же въ воинскомъ ученикъ такову премудрость Саввѣ дарова, яко и старыхъ воиновъ и начальниковъ по ученимъ превызти; самъ же бѣсъ яко бѣ слугою Саввѣ, ходаше за нимъ и оружіе ношаще его. Егда же из Шую новобрачныхъ солдатъ приведоша къ Москвѣ, и отдаша ихъ въ научение нѣкому нѣмецкому полковнику; той же полковнику, егда

пріиде видѣти новобранныхъ солдатъ на учени, и аbie видѣть юношу изада суща, в учени воинскомъ зъю благочинно и урядно поступающа, и ни малаго порока во воемъ артикулѣ имѣюща, и многихъ старыхъ воиновъ и начальниковъ во учени превосходяща; и велики удивися остроумію его, и призвавъ его к себѣ, вопрошасть рода его. Онъ же сказуетъ ему всю истину. Полковникъ же, велики возлюби Савву, и назва его сыномъ себѣ, даде же ему с главы своей шапку, драгоцѣнныи бисеромъ утворенну сущу. И вручаетъ ему три роты новобранныхъ солдатъ, да вмѣсто его устрояетъ и учить той Савву. Бѣсь же гайно принаде к Саввѣ, и рече ему: брате Савво! егда ты недостатокъ будеть денегъ, чимъ ратныхъ людей пожалывать, повѣйди ми, азъ ти принесу, елико ги потребно будеть, дабы в командѣ твоей роптанія и жалобы на тебя не было. И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишинѣ и покой пребываху; в протчихъ же бо ротахъ молва и мяtekъ непрестанный, яко от глада и наготы, непожалованыи, помираху; у Саввы же во всякой тишинѣ и благополучномъ устроеніи солдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумію этого. По иѣкоему же случаю явствено учинися о немъ и самому царю. В то же время на Москвѣ не малу область имѣя шуринъ царевъ, бояринъ Семенъ Лукъ-иновичъ Стрешневъ, увѣдавъ про онаго Савву, повѣтываетъ его пред себѣ привести; и егда же пріиде, рече ему: хощени ли, юноше, да пріиму тя в домъ мой, и чести немалыя сподоблю тя? Онъ же поклонившися, рече ему: есть, рече, господине, мой братъ у мене; юпрошу его: да аще ли повелитъ ми, то с радостю послужу ти! Бояринъ же ни мало возбранивъ ему о немъ, и отпустивъ его; да вопроситъ, рече, брата своего. Савва же пришедъ, повѣда сіе миному брату своему Іѣсу. Онъ же с яростю рече ему: почто убо хощени презрѣти царскую милость и служити рабу его? убо и самъ нынѣ в томъ же порядкѣ устроенъ; же бо и самому царю внатенъ учинися еси, ни убо, ие буди тако; да послужимъ царю; егда убо царь

увѣсть вѣрную службу твою, тогда и чиномъ возыщень будешъ. От днесъ по повелѣнію же цареву вси новобранныи солдаты разданы по стрѣлецкимъ полкамъ в дополненіе. Той же Савва поставленъ бѣ на Устрицкѣ в земланомъ городе, в зимнѣй приказѣ, в домѣ стрѣлецкаго сотника именемъ Іакова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестиви и благонравни суще, видяще саввино остроуміе, зъю почитаху его. Полки же на Москвѣ во всякой готовности к шествію баху.

Во единъ же от дній пріиде бѣсь к Саввѣ, и рече ему: брате Савво! поиdemъ прежде полковъ в Смоленскъ, и видимъ что творять поляки, и како градъ укрѣпляютъ, и бронные сосуды устроютъ. И об едину нощь в Смоленску с Москвы ставше, и пребывше в мемъ три дня и три нощи, и никакже видими. Они же все видѣши и созирающе, како поляки градъ укрѣпляху, и на приступныхъ мѣстахъ всякия громады поставляху, в четвертый же день объяви бѣсь себя и Савву в Смоленску полякомъ. Они же егда уэрѣвшіе ихъ, велики возмѧтошася, начаша гнанти по нихъ, хотище уловити; бѣсь же и Савва скоро изѣгтише из града, и прибѣгъша к рекѣ Днепру аbie разступися имъ вода; они же и преодоша рѣку онью, яко по суху; поляки же много стрѣляюще по нихъ, но никакже вредиша ихъ. Удивляхуся глаголюще: яко бѣсове суть во образѣ человѣческомъ пріидоша и бывше во градѣ нашемъ! Савва же и бѣсь паки пріодоша к Москвѣ, и ставше у того же сотника Іакова Шилова. Егда же по указу цареву полки с Москвы под Смоленскъ поишлиша, тогда и той Савва с братомъ своимъ в полкахъ поишлиша, надо всѣми же полками тогда бояринъ бысть Феодоръ Іоанновичъ Шеинъ. На пути же бѣсь рече к Саввѣ: брате Савво! егда убо будемъ под Смоленскимъ, тогда от поляковъ из полковъ из града выйтѣть единъ исполнитъ на поединокъ, и станеть звати себѣ противника; ты же не убойся иначе, изыди противу него, азъ убо, вѣдая, глаголю ти, яко ты поразиши его;

на другій же день паки от поляковъ выйдетъ другій и сюмъ на поединокъ, ты же изыди паки и противу того; вѣмъ бо яко и того поразиши; в третій же бо день выйдетъ из Смоленска и третій поединщикъ, ты же ничего не бейся, и противу того изыди, но и того поразиши, самъ же уязвенъ будеши от него вмалѣ, азъ же изву твою вскорѣ уврачую; и тако убѣщаешьъ его. Придоша под градъ Смоленскъ, и ставше в подобномъ мѣстѣ; тогда же, по глаголу бѣсовскому, высланъ бысть из града иѣкій воинъ страшень зѣло, на кони ъзда, и искаше из московскихъ полковъ противника себѣ, но икто же смыше изыти противу его. Савва же аbie объявитъ себя в полкахъ, глаголѧ: аще бы мнѣ былъ воинскій добрый конь, азъ бы изшелъ на брань противу сего непріателя царска, друзья же его слышавше сія, скоро возвѣстиша боярину о немъ. Тогда же бояринъ повелъ Савву привести пред себя, и повелъ ему коня нарочита дати, и оружіе икоѣвъ яко вскорѣ погибнути имать юноша от полскаго онаго воина страшна. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, икто же размышилъ или боялся, выѣзжаетъ противу полскаго онаго воина, и аbie поражиши его вскорѣ, и приводить с конемъ его в полки московскія, и от всѣхъ похвалимъ бѣ Савва. Бѣсь же ъзда по немъ, служа ему, и оружіе его иоша за нимъ. Во второй же день паки из Смоленска выѣзжаетъ славный иѣкій воинъ, и ица из войска московскаго противника себѣ; и паки выѣзжаетъ противу его той же Савва. И того вскорѣ поражаетъ, и вси удивляхуся храбости его; бояринъ же разгнѣвася на Савву, и скрываше злобу в сердцы своеи. В третій же день еще выѣзжаетъ из града Смоленска иѣкій славный воинъ паче первыхъ, также ища и позывая противника себѣ. Савва же, аще и убоѧлся ъхати противу таковаго страшного воина, обаче по словеси бѣсовскому немедленно выѣзжаетъ и противу того. Но аbie полякъ той яростно напустивъ и уязви Савву конемъ в лѣвое стегно. Савва же исправлься нападаетъ на поляка онаго, и аbie убиваетъ его, но

и с конемъ в таборы привлече его, и не малъ зазоръ смоляномъ наведе; все же россійское воинство во удивленіе приведе; потому же начаша из града вылоски выходити, и войско с войскомъ сопшедшися, свалнымъ боемъ битися; а идѣже Савва с братомъ своимъ с которого крыла воеваху, тамо поляки от нихъ невозвратно бѣжаху, тыль показающе; безчисленно бо много поляковъ побивающе, сами же ни от кого вредими баху. Слышавъ же бояринъ о храбости юноши онаго, и иже не могій скрыти тайного гибва в сердцѣ своемъ, аbie призываеть Савву к шатру и глаголеть ему: повѣждь ми, юноше, какова еси рода? и чѣ еси сынъ? Онъ же повѣда ему, яко из Казани Фомы Грудцына Усова сынъ его. Бояринъ же вачать всякими недѣлыми словесы поносити его, и глаголѧ: кака ти нужда в таковый смертный случай призыва? азъ убо знаю отца и сродниковъ твоихъ, яко безчисленно богатство имутъ; ты же от какова гоненія или скудости, оставя родителей своихъ, сѣмо пришелъ еси? обаче глаголю ти: ни мало здѣ медли, но иди в домъ родителей твоихъ, и тамо во благоденствіи с родителями своими пребывай; аще ли преслушаеш мене и услышу о тебѣ, яко здѣ имаши пребывать, то без всякаго милосердія здѣ имаши погибнуть; главу бо твою вскорѣ повелю отъяти отъ тебе! Сія же бояринъ к юноши изрече, и яростенъ отъиде от него. Юноша же со многою печалію отходитъ от шатра. Отшедшимъ же имъ, глаголеть бѣсь к Саввѣ: что убо тако печалуешся о семье? аще неугодна служба наша явися здѣ, то идемъ прочее паки к Москвѣ, и тамо да пребываемъ. И аbie вскорѣ отъидаша от Смоленска к Москвѣ, и присташе паки обитати в домѣ того же сотника Іакова Шилова. Бѣсь же бо днемъ пребывающе с Саввою, к нощи же отхождаше от него во свои адская жилища, идѣже искони обычай окаянныхъ пребывать. Не малу же временно минувшу, аbie разболѣвся Савва, и бѣ болѣнь его тяжка зѣло, яко быти ему близъ смерти; жена же сотника онаго, благоразумна сущи и болѣщися Бога, всяко попеченіе

и прилежаніе о Саввѣ имущи, и глаголаше ему иногожды, дабы повелѣлъ призвати іерея, и исповѣдати грѣхи своя, и пріобщиця бы святыхъ тайнъ, да не-како, рече: в таковой тяжкой скорби внезапу без покаянія умреть. Савва же о семъ отрицаця, яко аще, рече, и тяжко болю, но нѣсть сія болѣзнь моя к смерти; и день от дне болѣзнь его тяжчае бяше; жена же она неотступно притужаше его, да покается убо; оттого, рече, не имаши умрети; и едва принужденъ бѣ Савва болюбивою оною женою, повелѣваетъ призвати к себѣ іерея; жена же она вскорѣ посылаеть ко храму святаго Николая, нарицаемаго в Грачахъ и повелѣваетъ призвати іерея той церкви. Іерей же ни мало замедли, притече к болящему; бѣ бо іерей той лѣты совершень сый, мужъ искусень, и бо-гобоязливъ зѣло; пришедъ же к болящему, начать молитвы покаянныя глаголати, яко же бѣ обычно. Егда же всѣмъ людемъ из храма изшедшамъ, іерей же начать болнаго исповѣдывати, и се внезапу зритъ болный во храмъ той вшедшу толпу велию бѣсовъ. Минимый же его братъ, паче же рещи бѣсь, пріиде с ними же, уже не человѣческимъ образомъ, но в существенномъ своемъ звѣровидномъ образѣ, и ставъ созади бѣсовскія онъя толпы, велии на Савву ярся и зубы скрежеташе, показуя ему богоотметное оное писаніе, еже даде ему Савва у Соли Камскія; и глаголя бѣсь к болящему: зриши ли, клятвопреступниче, что есть сіе? не ты ли писалъ еси? или мниши яко покаяніемъ симъ забудеши от насъ? Ни, убо; не мни того; азъ убо всею силою мою подвинуся на тя! Сия же и иная многая неподобная бѣсомъ глаголющими, болный же зря очевидно ихъ, и ово ужасаця, ово же надѣяся на силу Божию, и до конца все подробнѣ исповѣда іерою оному; іерей, аще и мужъ свѧтъ бѣ, обаче убоится страха онаго, зане людей никого же в храмѣ кромѣ болнаго видѣ, толпу же велику слыша от бѣсовскія онъя силы, и с великою нуждею исповѣда болнаго, отъиде в домъ свой, никому же сія нопѣданъ. По исповѣди же оной нападе на Савву духъ

иечистый, и начать немилостиво мучити его, ово о стѣну бія, ово о помость с одра его неметая, овоже хранилѣніемъ и пѣною давляше, и всякими различными томленіями мучаше его; богомюбивый же той мужъ, вышеменованный сотникъ, с благоравною женою свою, видище на юноши таковое от діавола внезапное нападеніе и несносное мученіе, велии сожалѣюще, и стенаху сердцы своими по немъ, но никакоже могуще ему помочи. Бѣсь же день от дне на болнаго лютѣ нападая, мучаше его; и всѣмъ предстоящимъ ту от мученія его не малъ ужасъ твораше. Господинъ же дому яко видѣвъ на юноши такову необычную вещь, паче же и вѣдѣй, яко юноша той вѣдомъ бѣ и самому царю храбости ради своея, и помышляше с женою своею како бы обвѣстити царю о семъ; бѣ же сродница иѣкая у нихъ в домѣ царствѣнъ; и сія помышливши, посыаетъ немедленно жену свою к сродницѣ своей, повелѣвая ей, да вся подробнѣ извѣстить ей, и дабы немедленно о семъ извѣстити царево; да не како, рече, юноша онъй в таковомъ зломъ случаѣ внезапу умреть, а они истязаніи от царя будуть за неизвѣщеніе о немъ. Жена же его, ни мало помедливъ, скоро тече к сродницѣ своей, и вся повелѣнна ей от мужа своего по ряду сказа; сродница же оная, яко слыша таковыя глаголы, умилился душою, ово поболѣвъ о юноши, паче же скорбяще по сродницѣхъ своихъ, да не како и вправду от такового случая бѣду пріимутъ себѣ, и ни мало помедливъ, скоро тече от дому своего до палатъ царевыхъ, и возгѣщасть о семъ ближнимъ сигнитомъ царевымъ, и не в долзѣ часѣ внушается царю о семъ. Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердіе свое изливаетъ наинъ, глаголя предстоящимъ ту сигнитомъ, да егда бываетъ повседневное измѣненіе карауловъ, повелѣваетъ посыпать в домѣ сотника онаго, идѣже болнай той юноша лежитъ, по два караулищца, да надѣряютъ, рече, опасно юношу онаго, да не како от онаго бѣсовскаго мученія обезумѣть, во огнь или въ воду ввергнется; самъ же онъ, благочестивый царь, посыпание к болящему

новседневную пищу, и елико здравъе болныи той явит-
ся, повелѣвъть возвѣстити себѣ. И сому тако бывшу,
болныи же не мало времѧ въ таковомъ бѣсовскомъ то-
мленіи пребыть.

Бысть же мѣсяца Іуля въ третій день юноша онъ
необычно отъ бѣса умучить бысть, аbie заспавъ мало,
и во снѣ яко бы на агѣ начать глаголати, изливая
слезы изъ омженныхъ очей своихъ, сице рече: Пом-
илуй о всемилостивая Госпоже царице Богородице,
помилуй, владычице, не солжу, всесарице, не солжу, но
исполню елико обѣщахся ти! Домашніи же вси и сна-
бдывающіи его воини, таковыя отъ болнаго глаголы
слышавше, и удивиша глаголюще: яко нѣкое видѣ-
ніе видѣтъ!

Егда же болныи отъ сна воѣнувъ, приступивъ къ
нему сотникъ, и рече: повѣждь мнъ, господине Савво,
что таковыя глаголы во снѣ, и къ кому рекъ еси?
Онъ же паки начать омывати лице свое слезами, гла-
голя: видѣхъ, рече, ко одру моему пришедшу жену свѣ-
тотѣпну зѣло, и неизреченною свѣтлостю сіяющу,
носящи бо ризу багряну; съ нею же и два мужа нѣ-
кая сѣдинами преукрашены, единъ убо во одѣждѣ
архиерейскѣй, другій же апостольское нося одѣяніе, и
не мвю иныхъ быти, токмо помышляю жену овую
Пресвятую Богородицу, мужъ же: единаго неусыпнаго
стража града нашего Москвы, прославнаго въ іерар-
сѣхъ архиерея Божія Петра митрополита, втораго же
иаперника Господня апостола Иоанна Богослова, ихъ
же подобія образъ добрѣ знаю; и рече мнъ свѣтотѣп-
ная оная жена: что ти есть Савво, и что тако скор-
бши? Азъ же рѣхъ къ ней: скорблю, владычице, яко
прогижаху Сына твоего и Бога, и тебе, заступницу ро-
да христіанскаго, и за се лютѣ мучитъ мнъ бѣсь! Она
же, осклабивъ, рече мнъ: что убо нынѣ мыслиши, яко
ты избыти отъ скорби сен; и како ти выручити ру-
коносіе свое мѣзъ эдѣ? Азъ же рѣхъ къ ней: не могу,
владычице, аще не помощю Сына твоего, и твою все-
силову милостію! Она же рече мнъ: азъ убо умолю о
тебѣ Сына своего и Бога, токмо единъ глаголь мой

исполни, и аще избавлю тя отъ бѣды сен, хощеш
ли иной быти? Азъ же тыа молебный глаголы го
слезами рѣхъ къ ней воснѣ, яже и вы слышасте
отъ мене! Она же паки рече мнъ: слыши, Савво, егда
убо приспѣхъ праздникъ явленіе образа моего, яже
въ Казани, ты же приди во храмъ мой, яже на пло-
щади у Ветошнаго ряду; азъ же предъ всѣмъ наро-
домъ чудо явлю надъ тобою! И сія рече мнъ, невидима
бысть. Сія же слышавъ сотникъ и приставленные во-
ини отъ Саввы изглаголанная видѣнія, велии почуди-
шася. Сотникъ же и жена его начаша помышляти, да
како бы о семъ видѣніи возвѣстити цареви, и умы-
слиша послати по сродницу свою, дабы она возвѣсти-
ла царевы полаты сиگлитомъ, и дабы внушено было
о семъ царю. Егда же прииде въ домъ сотника онаго
помянутая сродница ихъ, они же повѣдаша ей видѣ-
ніе юноши онаго Саввы, она же уразумѣвъ и немед-
ленно отходитъ до царевы полаты, аbie возвѣщаетъ о
семъ ближнимъ сиگлитомъ царевы полаты, и немед-
ленно внушаютъ царю о видѣніи саввиномъ. Царь же,
егда услышавъ о семъ, велии почудися.

Егда же бысть праздникъ Казанска Богородицы
іуля осмаго дня, тогда бо бысть крестное хожденіе до
церкви той Казанска Богородицы со святыми икона-
ми и честными кресты, изъ соборныхъ и апостольскихъ
церкви честнаго Успенія пресвятая Богородица, въ
томъ же крестномъ хожденіи бысть великий Государь
царь и великий князь Михаилъ Феодоровичъ, и свя-
тѣйший патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и
множество велможъ. И аbie повелѣваетъ царь прине-
сти болящаго Савву до церкви той, тогда же, по пове-
лѣнію цареву принесоша болящаго онаго до церкви ка-
занска Богородицы, скоро на коврѣ, и положиша его
внѣ церкви въ преддверіи. И егда же начаша литор-
гисати, тогда нападе на болнаго Савву духъ нечистый,
и нача алѣ мучити его діаволъ. Она же велімъ гла-
сомъ вопія: Помози мнъ, Госпоже Дѣво, помози мнъ, все-
сарице Богородице! И егда же начаша иерувимскую
нѣсть воспѣвати, тогда возгромѣ яко громъ и бысть

глазь глаголющъ: Савво! востани и гряди съмъ во храмъ мой, Онъ же воспрянувъ с привесенаго ковра, якобы никогда скорбѣль, и скоро притече во храмъ той, паде ницъ пред образомъ пресвятаго Богородицы казанскія, моляся со слезами, тогдѣ же низпаде от верху округа церковнаго богоотменное оное писаніе, яже даде Савва у Соли Камскія діаволу, все бо заглаждено, яко же бы никогда писано. Еще же повторя гласть бысть: Савво! се твое рукописаніе яже ты писалъ еси, и исполни заповѣди мои и к тому не согрѣшай! Онъ же воспрянувъ и пріемъ хартію оную и начать велигласно глаголати со слезами пред образомъ: О преблагословленная Мати господня, заступнице рода христіанскаго и молебница к Сыну своему и Богу нашему! Прости· ми содѣянная, и избави мя от адскія пронасти; азъ бо исполню обѣщанное мною! Тогда же съзвавъ царь и патріархъ, и вси предстоящи велиможи, и видѣвшіе таковое преславно чудо, благодариша Бога и пречистую его Матерь, и велими подивиша такому Божію милосердію, яко избави его от адскія пронасти; по совершении же бо-

жественный литургіи, начаша хвалу Господеви воздавати, и молебствовать всѣмъ освященнымъ соборомъ, о явшемся чудеси пред всѣми, потомъ проводиша святые иконы и честные кресты до соборныхъ церквей; понде царь во своя царскія шатры, радуяся о нензреченнѣмъ чудеси, и благодаряще Бога; такожде и той Савва понде в домъ свѣй поминутаго сотника Іакова Шилова здравъ, яко же бы никогда скорбѣль; и со видѣвъ сотникъ и жена его, велими подивиша, и благодаршиша Бога за таковое его милосердіе над родомъ христіанскимъ. Савва же, мало поживъ ту у сотника онаго, и елико имѣя сокровища, вси раздаше по церквамъ и нищимъ, аbie отходитъ в монастырь Чуда Архистратига Михаила, яже зовется Чудовъ монастырь, близъ соборныхъ и апостольскихъ церкви честного и славна Успенія пресвятаго Богородицы, и постриженъ тамо во иноческій чинъ, и нача жити в томъ монастырѣ, в трудѣхъ пребываю, в постѣ и молитвахъ неусыпныхъ, угождая Господеви; и тако поживе лѣта доволна, ко Господу отъиде с миромъ; и погребенъ бысть в томъ монастырѣ.

ВАРИАНТЪ ВТОРОЙ.

(По списку конца XVII или нач. XVIII в. сообщен. В. М. Бѣлозерскимъ.)

Покѣсть зело предисна бысть к древнимъ времена ю лѣта, града Бѣліаго Устюга купца Фомы Грѣцына, о сыне его Сакѣ, како онъ даде на себѣ дѣмкоѣ Рукописаніе, ю како издавленъ бысть милосердiemъ Пресвятаго Богородицы Казанскїя.

Быть убо во дни оны, в лѣто 7114 году, егда за умноженіе грѣховъ нашихъ попусти Богъ московскому государству, богомерзкому отступнику, еретику Григорію ростригѣ Отрењеву престоль россійскаго государства разбойнически плѣнить, тогдѣ же всему рос-

тійскому государству умножиша злочестивыи Литва, многія наности и раззоренія начаша чинити над народомъ россійскимъ; тогдѣ в Москвѣ, того литовскаго разоренія ради, многія люди дены свои оставляю, из градовъ вонъ бѣгаху. В то же время же градъ Устю-

гѣ Великомъ бысть нѣкто житель града того, именемъ Фома, прозваниемъ Груцынъ. Той убо Фома видѣ въ Россіи велико нестроеніе и мятежъ, не терпя пакости отъ нечестивыхъ Лиховъ, оставляетъ Великій градъ Устюгъ и домъ свой, и преселяется съ женою свою въ низовыій славный градъ царствующій Казань, понеже не бысть въ низовыхъ градехъ злочестія, даже до лѣтъ благочестиваго великаго государа царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всесїи Россіи самодержца. Иже имѧ Фома у себя единороднаго сына, именемъ Савву, двѣнадцати лѣтъ возрастомъ. Обычай же имѧше той Фома куплю дѣяти, отѣжжая внизъ по Волгѣ рѣкою, овогда къ Соли Камской и во градъ Астрахань, а иногда за Хвалынское море, въ Шахову область; и сыну своему повелѣваетъ со обычными товарами плыти къ Соли Камской, хъ купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше, и аbie Фома обычное цѣлованіе подаде женѣ своей и сыну своему, а самъ въ путь касается за Хвалынское море, въ Шахову область. Мало же дней помѣшавъ, и сынъ его Савва на устроенные суда работныхъ людей наявъ по повелѣнію отца своего, приплывъ къ Соли Камской и приставъ ко брегу, и по повелѣнію же отца своего приставъ у нѣкоего гостинника, нарочита человека. Гостинникъ же той и жена его, помня любовъ отца его, немалое прилежаніе творя Саввѣ, яко о сынѣ своемъ попеченіе имѧ; Савва же пребысть у гостинника того немалое время.

Въ томъ же градѣ вѣкто бысть мѣщанинъ града того, прозваниемъ Боженъ Второй, престарѣлый во многихъ лѣтехъ; и знаемъ баше во многихъ градехъ за благонравіе житія его, понеже и богатъ бѣ зѣло, и попрѣмногу знаемъ и друженъ отцу Саввѣ, Фомѣ Груцыну. Увидавъ же Боженъ, яко изъ Казаны града Фомы Груцына сынъ его Савва во градѣ ихъ обрѣтается, и помысливъ въ себѣ, яко отецъ его со мною многую любовь имѧше, азъ же сына его прозрѣхъ, нынѣ убо возму его въ домъ свой, да обитаетъ у меня и питается со мною отъ трапезы моей. И сія

помысливъ, нѣкогда усмотрѣвъ Савву путемъ идуща, и призва его къ себѣ, начатъ глаголати: «Друже Савво, или ты не вѣси, яко отецъ твой со мною любовь имѣетъ? ты же почто не присталъ еси въ дому моемъ? Нынѣ убо прошу тебя, пріди и обитай въ дому моемъ, да питаемся обще отъ трапезы моей: азъ за любовь отца твоего любезности (любезно тя?) пріемлю, аки сына свое-го. Савва же, слышавъ таковыя отъ Божена глаголы, велими радъ бысть, яко отъ такового славнаго мужа пріять хощеть быти, и ниское поклоненіе сотвори ему, и немедленно отъ гостинника того отходитъ въ домъ мужа того Божена; и живяше во всякомъ благодѣяніи, радуясь. Той же мужъ Боженъ Второй старъ бѣ, имѣя у себе жену новоприведенную, поять сущу дѣвицу, сочетавшеся ему третімъ бракомъ, и живе съ нею по заповѣдіи Господни.

Ненавидя же діаволъ добродѣтели человѣческой, видя мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ его и осквернити ложе его, аbie уязвляеть жену его на юношу онаго Савву скверному блуду, и непрестанно уловляше юношу онаго ласивыми словесы къ блудному дѣлу (лесть бо женская уловляеть естество младыхъ юношѣй къ любодѣянію). И тако Савва ласцію жены той, паче же отъ зависти діавола, запать бысть, паде въ сѣть любодѣянія, и съ женою свою несътно творяще блудъ, безвремянно въ ономъ скверномъ дѣлу пребываше съ нею, ниже воскресный, ныже праздники помнаше, но забываше страхъ Божій и часъ смертный, всегда въ калѣ яко свиня валился; и въ томъ несътномъ блужденіи время много пребываше. Нѣкогда же приспѣвшу празднику Воскресенію Христова, и въ навечериѣ праздника Боженъ понимъ съ собою онаго Савву, и поиша до святыхъ церкви къ вечернему пѣнію; и по отищенніи вечерни возль же на ложи своемъ, благодари Бога.

Егда же боголюбивый онъ мужъ Боженъ заснувъ крѣпко, жена же его, діаволомъ подстрекаема, воста яко отъ ложа своего, и пришедъ къ постели юноши того, и возбуди его, и понуждаше скверному блудному

смѣшнію. Онь же младъ смѣй, но ико нѣкою стѣлою страха Божія уязвленъ бывъ, убояся суда Божія, помышляше въ себѣ: како въ таковый Господень праздникъ Воскресеніе Христово таковое скверное дѣло сотворити? И сія помысливъ, съ клятвою отрицатися нача отъ ней, глаголя: яко не хочу всеконечно погубити душу свою, въ таковый великий праздникъ осквернити тѣло свое. Жена же, распалиема похотію блуда, неслабно нудяще его и прельщеніемъ иѣкимъ утѣшаючи его, дабы исполнилъ ея желаніе; и много труждашеся, утѣшевая его, никако возможе приклонити къ воли своей: божественная сила помогаше. Видѣвъ та лукавая жена, яко невозможно привыщи къ воли своей юношу онаго, аbie зѣло и зло яростю распалися на юношу, яко лвица возрыкавъ отиде отъ него, и помышляше волшебными зельями опоини его; и не отложи злого намѣренія своего, хотя совершилъ. Вскорѣ звонити начаша къ утреннеу пѣнію; благолюбезный же той мужъ Боженъ Вторый, скоро воставъ отъ ложи своего, возбудивъ же юношу онаго Савву; и пондоша на словословіе Божіе къ заутрени; и отслушавъ со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ, придоша въ домъ свой. Егда же приспѣвъ время божественные литургіи, придоша паки съ радостю до святыхъ церкви, слушати святую литургію; проклятая жъ оная жена тщательна устроила на юношу онаго волшебное зеліе, яко змія хощеть ядъ свой изблевати на него; по отпущеніи же божественныхъ литургій, Боженъ Вторый и Савва изыдоша изъ церкви, и хотѣша идти въ домъ свой. Воевода же града того пригласи онаго Божена, да обѣдуетъ съ нимъ; вопроси же и о юношѣ оному: чей есть сынъ и откуду? Боженъ же повѣдавъ ему, яко изъ Казани сынъ [Фомы] Груцына. Воевода же приглашаетъ и юношу онаго въ домъ свой, ионеже знаше отца его. Боженъ же Вторый съ Саввою бывши въ дому воевоцкомъ, и обще отъ трапезы вкусиша, съ радостю возвратиша въ домъ свой. И повелѣвъ Боженъ принести въ домъ своемъ, чести ради господственаго праздника, ничто бо вѣдуще злого умышенія же-

ны своеи; а оная лукавая жена скоро скрывается въ сердцы своеи, и подпідая лестію къ юноши оному, принесенного жъ вина наливаетъ чашу мужу своему и подносить; Боженъ же испивъ, и благодари Бога; и потомъ наливаетъ отравного зелия уготованного, подносить юношѣ Савву. Савва же ни мало помысливъ, иже убоялся лукавства жены онай, чаяше, яко никакаго зла на него не мыслить; выпивъ оное лютое зелие, и отъ того часа нача яко огнь горѣти въ сердцѣ его. Онъ же помышляше въ себѣ, глаголя: яко многоразличныхъ пітей въ дому отца моего піхъ, и никогда же такого пітія не півахъ, якоже нынѣ. И начать сердцемъ болѣти и скорбѣти по женѣ онай; жена же оная, яко лютая лвица, съ яростю взгляданіе на него, овогдаже пришествіе являше къ нему. Савва же скрушаючи по ией и тужаше. Оная жена нача мужу своему на юношу клеветати неільными словами, и повелѣша его изъ дома своего изгнati, иенавидій бо его, понеже діяволомъ научаема. Боголюбивый же той мужъ, аще и сожалѣть по немъ сердцемъ своимъ, обаче уловленъ бысть лестію жены своей, повелѣваетъ юношѣ изыти изъ дома своего, сказа ему тако вину нѣкую; юноша же съ великою жалостію отходитъ отъ него, тужа и сѣтуя о лукавой онай женѣ, и паки прииде въ домъ гостинника того, идѣже первое обрѣташеся.

Савва же, отшедъ отъ Божена Втораго, и прииде къ гостиннику; гостинникъ же вопроси его: коемъ ради вину изыде изъ дома боженова? Савва же сказалъ, яко самъ не восхотѣлъ жити у него. И нача Савва скорбѣти и неутѣшно тужити по женѣ онай, и отъ великия печали нача красота лица его измѣнятися, и плоть его истощеватися; видѣвъ же гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща, зѣло недоумѣвающеся, что убо есть юношѣ.

Въ томъ же градѣ бысть волхвъ иѣкий, черованиемъ своимъ сказуя, кому лаковая скорбь приключится, живеть или умреть поизнаваетъ. Гостинникъ же и жена его, благоразумны суще, немалое пенечесие съ именіемъ

имѣаху, и призвавше онаго волхва тайно, хотище увѣдати, какова приключися юношѣ Савва скорбь. Волхвъ же оный, присмотрѣвъ въолшебныѧ свои книги, и сказаши всю истину, яко нѣкоторая скорбь есть, и тужитъ по женѣ боженовой; яко въ блудное дѣло падеши съ нею, и понынѣ же отлученъ бысть отъ неї, и по неї онь тужитъ и сокрушається. Гостинникъ же и жена его, слышавши отъ волхва таковыѧ словеса, не яша вѣры, понеше Боженъ мужъ благочестивъ баше и боялся Бога, и на во чѣто вмѣниша дѣло сіе.

Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой той женѣ, день отъ дне источи всю плоть свою отъ той скорби. Нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ въ поле, отъ великаго унынія и скорби прогулятися, едаше единъ по полю, и никого же за собою и предъ собою видяще, и ничтоже ино помышляюще, токмо съгуга о скорби и разлученіи своемъ отъ жены оныя; и помысливъ такую мысль во умѣ своею о женѣ оной, и глаголя: Егда бы кто отъ человѣкѣ или самъ дѣволъ сотворилъ мнѣ сіе, и азъ бы ему послужилъ, хотя самому дѣволу! И таковую мысль помысливъ, яко бы изъ ума выступилъ, и идаше единъ; и мало пошидъ, слышавъ за собою гласть зовущу, яко имя; Савва же обративъ, узрѣвъ за собою юношу, борзо текуще въ нарочитомъ одѣяніи, машуще рукою ему. И пришедъ юноша той къ Саввѣ, нача рещи, иже есть юноша той супостать дѣволъ непрестанно рыщетъ яко левъ, и ища погибели человѣческія; пришедшу же ему къ Саввѣ, и по обычаю поклониша между собою; и рече ивимый юноша къ Саввѣ: брате Савво, что тако чуждъ и бѣгаєши отъ мене? Азъ бо давно ожидалъ ти, како бо пришелъ еси ко мнѣ, да родственную любовь имѣмъ со мною; азъ бо вѣмъ ти сродника себѣ давно, яко ты отъ рода Груцыхъ; і азъ изъ града Казани; а о мнѣ хощеши увѣдати, і я отъ того же рода, отъ града Великаго Устюга; здѣ давно обитаю, ради конскія покупли. Но убо буди братъ и другъ мой, и не отлучайся отъ мене: азъ убо всякое попеченіе и испоможеніе во всемъ тебѣ радъ чинить. Сав-

ва же, слышавъ отъ онаго брата бѣса таковыѧ глаголы, велики возрадовася, яко въ таковой далной и неизнамой сторонѣ сродника себѣ обрѣте; любезно цѣловатися начаша, і пошлиша оба вкупѣ по пустынѣ оной. Рече бѣсь Саввѣ: брате Савво, какую скорбь имѣши, что велики исчезе яко юношеская красота твоя? Савва же сказа ему неправду нѣкую; бѣсь же рече ему: Что убо скрываши отъ мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою. Что ми даси, азъ помогу ти скорби твоей? Савва же рече ему: даще бо вѣдаеши истинную скорбь, которую азъ имѣю въ себѣ, то иму вѣру, яко поможешь. Бѣсь же рече ему: Ты убо скорбиши и сокрушающися сердцемъ своимъ по женѣ боженовой, отлученъ еси отъ жены его любви ся. Слышавъ же Савва, рече: азъ убо елико имамъ товаровъ и богатства отца моего, и съ прибытками, все отдаю тебѣ, токмо сотвори любовь по прежнему зъ женою оною. Бѣсь же тутъ разсмѣявся, рече ему: Что убо искушаешь мя? азъ убо вѣмъ, яко отецъ твой многа богатства имѣсть, ты же не вѣси ли, яко отецъ мой седмерицею богатѣе отца твоего? И что ми въ твоихъ товарахъ? Но дажь ми рукописаніе малое, и азъ исполню желаніе твое. Юноша же Савво радъ бысть, помышляя въ себѣ, яко богатство отца моего цѣло будетъ; азъ же дамъ ему писаніе, что ми велѣть писать; а того не вѣдаеть, въ какую пагубу хощетъ впасти; да аще онъ Савво совершенно писать не умѣеть, но радостію обѣщаши дати писаніе бѣсу.

Бѣсь же скоро вынимаетъ чернила и хартію, даетъ юношѣ, и перо, повелѣвая ему немедлено писати; той же юноша Савво несовершенно писать умѣеть, и елико можно, бѣсь ему сказоваше, то Савво и пишеть. Нѣсть благаго, иже таковое писаніе пишеть:

(*) Отрекаюся отъ Христа истинаго Бога и предаюся во услуженіе дѣволу.

Написавъ же таковое богоотметное писаніе, отдастъ Савва дѣволу брату своему; и тако пошлиша оба во

(*) Въ подлиннике противъ этого места на поляхъ приписано красными чернилами: «Зрѣ, како даетъ на себя писаніе.»

градъ. Вопросивъ же Савва бѣса, глаголи: Повѣждь ми, брате мой, гдѣ ты обрѣтаешся, да увѣмъ домъ твой. Бѣсь же посмѣялся, рече ему: ибо (азъ бо?) особаго дому не имѣю, но гдѣ прилучится, тамо и ночую; ищи мя всегда на конной площади: азъ убо рѣхъ ти, здѣсь живу ради конскихъ покупокъ. Но и самъ азъ не полѣплюся, посѣщати тя всегда буду; и ты, брате Савво, иди к лавкѣ боженовой. Егда же увидѣ Боженъ Савву, усердно приглашаетъ к себѣ, глаголи: господине Савво, кую злобу сотворихъ я тебѣ, и почто изшелъ еси из дому моего? Нынѣ убо молю тя, приди паки в домъ мой обитати со мною: азъ убо за любовь отца твоего, яко родному сыну своему радъ тебѣ всеусердно.

Савва же егда слышавъ от Божена Втораго такія рѣчи, неизреченою радостію возрадовася, и скоро потече; егда же прииде в домъ боженовъ, жена же боженова егда увидѣвъ юношу и діяволомъ подстрекаема, с радостію встрѣчаетъ его, всякимъ ласканіемъ привѣтствоваше его, и ласкаше ему. Савва же уловленъ бысть женскою лестію, паче діяволомъ научаемъ бѣ, впадаетъ паки всемъ (в сѣть?) блуда с проилетою оною женою; и не имѣаше бо ни праздника, ниже страха Божія бояшеся, но беспрестанно с нею в блудѣ пребываше, аки свинія в калѣ тинномъ валяшеся. По многомъ же времани аbie входить в слухъ в славный градъ Казань, к матери саввиной, яко сынъ ея живеть не-порядочнымъ житіемъ жизнъ свою, и елико с нимъ было, вся отеческія товары изнуриль в блудѣ и піянствѣ.

Мати же саввина, слышавъ такое о сыне своемъ, зѣло огорчися, и пишетъ к нему писаніе, дабы онъ оттуду возвратился ко граду Казани, в домъ отца своего. Егда же прииде къ Саввѣ писаніе, прочте его, и посмѣяся, и ни во что же вмѣни писаніе ея; мати же ея (его?) вторично посылаеть, и третицю, овогда с моленіемъ, овогда же и с клятвами, заклинаеть его, дабы немедлено ѿхалъ оттуду во градъ Казань. Савва же нимало внятъ матернее моленіе, и клятву ни во что же вмѣни, но в блудѣ упраздняшеся непрестанно, забывъ страхъ Божій.

По нѣкоемъ же времени поемаетъ бѣсь Савву, брата своего, и пошоша оба за градъ в поле; и шедше из града, глаголи бѣсь: Брате Савво, вѣси ли кто есть азъ? Ты бо иꙗши мя совершенно быти от рода Груцыныхъ? Нынѣ убо за любовь отца твоего повѣждь ти истинную всю; ты же не убойся, ниже устыдися зватися братомъ со мною; азъ убо повѣждъ: совершенно возлюбихъ тя и в братство себѣ пріяхъ. Но аще хощеш вѣдати о миѣ, азъ убо сынъ царевъ: приидемъ, да покажу ти славу отца моего. И сія глаголи, приведе его в пустое мѣсто на нѣкій холмъ, и показа ему в нѣкоемъ раздоліи градъ велии славенъ: стѣны, кровли, и мости, все от зата чистаго сотворены. И рече Саввѣ: Сей есть градъ отца моего; поиdemъ убо вкупѣ, и поклонимся отцу моему; а еже далъ ми еси писаніе, нынѣ возми его, самъ вручи отцу моему, и великою честію почтень будешъ от него. И сія изглаголавъ, бѣсь отдаетъ Саввѣ богоотметное писаніе. Оны же отрокъ безумный вѣдасть, яко никакаго государства в близости, еже прилежати к московскому царству, не имѣтъся, но все обладаемо московскимъ царемъ: аще бы тотъ тогда отрокъ вообразилъ себя животворящимъ крестомъ Господнимъ, вся бъ сія мечтанія діяволскія, (діявольская) яко прахъ пред лицемъ вѣтра, изчезнула! Егда же пошоша к привидѣнному граду, и пришедъ ко вратомъ, и встрѣчаютъ ихъ юноши темнообразни, ризами и поясами украшены, и со тщаніемъ поклонишася и честь воздаша сыну цареву, бѣсу; такожде и Саввѣ поклоняющеся. Вшедшимъ же имъ на дворъ царевъ, паки встрѣчаютъ иные юноши, ризами блестающими, паче бо первыхъ, такожде поклоняющими имъ. Егда же внидоша в полаты царскія, аbie другія юноши встрѣчаютъ и воздаютъ ему честь, яко сыну цареву такожде и Саввѣ: И вшедшу бѣсу в полату, и глаголи бѣсь Саввѣ: брате Савво, пожди ми мало; азъ убо ѿшъ, возвѣщу о тебѣ отцу моему, и приведу тя к нему; егда же будешъ пред лицемъ его, ничтоже размыслия виши бояся, подаждъ ему писаніе свое. И сія рекъ, туть

чась пошедъ во внутренніи полаты, оставилъ Савву единаго; и медливъ тамо мало, пришедъ къ Саввѣ, и поемъ его за руку, и вводить предъ лицо князя тмы. Онъ же сидѣа на престолѣ, каменiemъ драгимъ и златомъ преукрашенъ, и славою великою блесталъ; окрестъ же престола его зритъ Савво множество юношей крылатыхъ стоящихъ; лица же ихъ у овыхъ сини, а у овыхъ же багряны, а нынѣ яко смола черныя. Егда же пришедъ Савва предъ царя онаго, и падъ на землю, поклонися ему; вопроси же его царь, и глаголѧ: откуду пришелъ еси сѣмо, и что ты есть дѣло тво? Безумный же юноша Савва подноситъ ему бо-гоотметное свое писаніе, и глаголѧ: прідохъ, вели-кій царю, послужити тебѣ! Древній же змій сатана пріять писаніе и прочте его, и обратится къ темно-образнымъ своимъ слугамъ, и рече имъ: аще ли прі-иму отрока сего писаніе, но не крѣпокъ будетъ мнѣ? И призыва сына своего, а Саввина брата, и глаголя ему: Иди въ протчія полаты, и обѣдуй съ братомъ своимъ. Они же визко поклонишася царю, изыде (изыдоша) въ пе-реднюю полату, и нача (ша) обѣдати; и разныхъ имъ питей и ядей приношау, яко давитися можно. И рече Савва брату своему; яко николиже въ домѣ отца мо-его таковыхъ брашенъ ве вкушаль и питей не пивалъ! И по отъденіи же поять бѣсъ Савву, и поиша изъ двора царева. И глаголя Савва брату своему бѣсу: Что убо, брате, яко видѣхъ у отца твоего, окрестъ престола его, много юношей крылатыхъ стоящихъ? Бѣсъ же разсмѣялся, рече: ему: или не вѣси, яко мно-гія языцы служатъ отцу моему: индейцы, персидане, арапы и иная многія языцы? Ты же не удивляйся сему, и не сумнѣвайся братомъ звати мя; азъ буду тебѣ мен-ший братъ; токмо елико реку ти, во всемъ буди по-слушенъ мнѣ; азъ же всякое благодѣяніе радъ чи-нить тебѣ, благопоспѣщенство и добродѣтель. Савва же обѣщаася во всемъ послушну ему быти; и тако прі-доша въ домъ Боженовъ, и пребываше въ скверномъ своемъ прежнемъ дѣлѣ.

Въ то же время пріиде во градъ Казань изъ Пер-

сиды со многими прибытками отецъ саввінъ, Фома Груцынъ, якоже лѣто едино бывъ; и обычное цѣло-ваніе подавъ женѣ своей, и вопрошааетъ ея объ сынѣ своемъ, живъ ли есть онъ, или нѣть? Она же повѣда ему, глаголя, яко отъ многихъ людей слышахъ объ немъ: по отшествіи твоемъ, вскорѣ онъ отъиде къ Соли Камской; тамо и донынѣ живетъ; а богатство на-ше, сказываютъ, что все изнурилъ въ піянствѣ и въ блудѣ; азъ же много къ нему писахъ, дабы оттуду возвратился въ домъ свой, онъ же ни единныя грамот-ки ко мнѣ не писалъ, и недостоитъ ему тамо быти; и нынѣ живъ ли, или нѣть, о томъ не вѣдаю. Фома же таковыя глаголы слышахъ (въ) отъ жены своей, зѣло смутился, и написавъ епистолю къ Саввѣ со многимъ моленіемъ, дабы оттуду бѣхъ во градъ Казань, въ домъ свой, безъ всякаго замедлевія. Савва же таковое писаніе получивъ, и прочетъ, ни во что вмѣни, токмо упраз(д)няясь въ несытномъ своемъ скверномъ блудо-дѣяніи.

Увѣдавъ же о семъ Фома Груцынъ, яко ни во что вмѣняетъ писаніе его, повелѣваетъ готовить подобныя суда съ товаромъ, и къ пути касается; и рече женѣ своей: покаместъ сыщу сына своего, тогда и въ домъ свой возвращуся!

Бѣсъ же егда увѣдавъ, что отецъ саввінъ путеше-ствуєтъ къ Соли Камской, хотя поиши Савву въ Ка-зань, и аbie глаголеть бѣсъ Саввѣ: брате, доколѣ здѣ намъ во единомъ маломъ градѣ жити? Поиdemъ убо во иной городъ и погуляемъ, и паки сѣмо возвратимся! Савва же ни мало отрицаася, глаголя ему: Добре брате, глаголеш: пойдемъ! Но пожди мало, да возму нѣчто отъ богатствъ моихъ. Бѣсъ же возбраняетъ ему о семъ глаголати: не видаль ли славу отца моего, не вѣси ли, яко вездѣ села его есть? Но поиdemъ, много у насъ денегъ будетъ, елико потребно. И тако поиша изъ града, никому же видимы, ниже самъ Боженъ, ни жена его, не видѣли отшествія саввина. Бѣсъ же и Савва во едину нощь отъ Соли Камской объявишаася на рѣкѣ Волгѣ, въ Козмодемьянскомъ, а

по исчислению верстъ от Соли Камской 2,000. И глаголеть бѣсь: Савво, аще кто тя узрить здѣ и вопроситъ, откуду пришелъ еси, ты же глаголи от Соли Камской в 4 дни прїхалъ сюды. Савва же, елико повѣда ему бѣсь, тако онъ и сказываетъ людемъ.

Пребыть же тамо нѣсколко дней, бѣсь поемлетъ Савву и во едину нощь из Козмодемьянского преи- доша на рѣку Оку, в село, называемое Павловъ-песевозъ. И бывшимъ имъ тамо в день четвертка, в той бо день в томъ мѣстѣ торгъ бываетъ, и ходящимъ имъ по торгу, узрѣ Савва въкотораго престарѣлаго мужа стояща, рубищами худыми одѣяна суща, и зряще на Савву прилежно, велими горко плачуща. Савва же отлучися от бѣса, и пришедъ к старому мужу, и рече ему: кака тебѣ, отче, печаль есть, яко неутѣшино плачещи? Святый же мужъ глаголя ему: плачю, чадо, о погибели души твоей: не вѣси ли ты, яко погубилъ еси душу твою, дался еси ты в волю діаволю? Вѣдаши ли ты чадо, с кѣмъ ходишъ, и его братомъ своимъ нарицаешь себѣ? Сей бо не человѣкъ, во діаволъ ходить с тобою, и ведеть тя до пропасти адскія. Егда же изрече святый мужъ к юношѣ глаголы сія, обозрѣвшія Савва, увидѣ брата своего бѣса; бѣсь же издалеча стоя, и грозитъ рукою ему, и зубы скрежуще на него. Савва же скоро от святаго мужа отъиде, и прииде паки к бѣсу; діаволъ же нача его велими поносити, и глаголя ему: чесо ради с таковыми злыми душегубцомъ сообщился еси? Не вѣси ли ты лукаваго такового старика, яко многихъ погубляетъ? Видѣвъ на тебѣ одѣяніе нарочито, и глаголеть ласивыя словеса, хотя тебя отлучити от людей, и удивити тя, и обратъ с тебя одѣяніе твоє. И нынѣ убо аще оставлю тя единстваго, то вскорѣ погибнешь без меня. И сія діаволъ рече со гнѣвомъ, и поемлетъ Савву с собою, и приходитъ с нимъ во градъ Шую, и тамо пребысть многія дни.

По малѣ же времени Фома Груцынъ прибыль к Соли Камской, и вопрошаєтъ о сыне своемъ; но никтоже не можаше о немъ повѣдати: вси бо видяху,

яко пред прїездомъ его былъ во градѣ у Соли Камской, и всѣми былъ видимъ. Они (ови?) же глаголаху, яко убояся прїшествія его, зная за собою, что изнурилъ богатство твое, и сего ради скрываясь от тебя. Паче же всѣхъ Боженъ и жена его давляхуся, и глаголаху, яко в нощи сей спящи с нами, поутру же пошелъ не вѣмъ куды, и ожидающи его обѣдати; онъ же от того часа нигдѣ не явися во градѣ нашемъ, ни азъ, ни жена моя о семъ не вѣдомы. Фома же многими слезами обливашеся, и живаше, ожидая сына своего; и немало пожда, возвратися в домъ свой, и возвѣщаетъ нерадостный смучай женѣ своей; и оба вкупѣ сътоваху и скорбаху о лишеніи сына своего единороднаго, и в таковомъ сътованіи Фома Груцынъ нѣсколко время поживе, отъиде ко Господу; жена же его осталася вдовою сущею ей.

Бѣсь же и Савва живутъ во градѣ Шубѣ. Во времѧ же то благочестивый государь царь и великий князь Михаила Феодоровичъ, всея Россіи самодержецъ, изволилъ послать войско свое противъ короля полскаго, под градъ Смоленскъ; и по его государеву указу набираху новобраныхъ салдатъ; и в то же времѧ и в городъ Шую ради салдатскаго набора присланъ былъ из Москвы столникъ Тимоѳей Воронцовъ, и выбранныхъ салдатъ по вся дни воинской ексерцыи учаше. Бѣсь же рече Саввѣ: брате Савво, запишемся и мы в салдатскую службу! Савва же рече ему: добрѣ, брате, глаголеши: послужимъ! И тако запишавшеся оба в салдаты, и начаша куплю ходити на учение; бѣсь же к воинскому учению такову мудрость Саввѣ дарова, яко и старыхъ воинъ и начальниковъ провосходяше; а самъ бѣсь яко слуга за Саввою хождаше, нося за нимъ оружие. Егда же новобраныхъ салдатъ приведоша к Москве, и отдаша в наученіе нѣкоему иноземцу полковнику, полковникъ же, егда прииде видѣти новобраныхъ салдатъ во учение воинской ексерциї, и видя Савву зѣло искусна и порядочна поступаетъ, и ни мала порока во всемъ артикулѣ не имѣюще, и много старыхъ воиновъ и начальниковъ

никовъ во учении превосходитъ, и велии полковникъ удивися остроумію его; и призвавъ его к себѣ, и вопрошаєтъ о родѣ его. Савва же сказуетъ ему всю истинную. Полковникъ же той велии возлюби Савву, и назвавъ его сыномъ себѣ, и даде ему с главы своей шапку с драгоцѣннымъ каменемъ украшенну сущу, и вручаетъ ему новобранныхъ салдатъ третью роту, да вмѣсто себя учить салдатъ повелѣ. Бѣсъ же рече: брате Савво, егда тебѣ недостанетъ денегъ, чѣмъ ратныхъ людей жаловать, повѣждь ми: азъ тебѣ принесу съико угодно, будетъ, дабы в командѣ твоей роптанія и жалобы на тебя не было. И тако у Саввы всѣ салдаты были в тишинѣ и покойѣ пребывали, в прочихъ же ротахъ молва и матежъ непрестанно, яко от глада и наготы померзающе; и вси дивляху-ся остроумію саввину.

В то же время в Москвѣ немалую власть имѣя шуринь царевъ, бояринъ Семенъ Лукіяновичъ Стрешневъ. Увѣдавъ про оного Савву, повелѣваетъ его привести пред себя; егда же прїиде Савва пред боярина Семена Стрешнева, и рече ему бояринъ: хощеши ли, юноша, да пріумута в домъ свой, и чести немалой сподоблю тя? Савва же поклониця ему, и рече: есть у меня, господине, братъ; азъ спрошу его: аще повелитъ мнѣ, то с радостю готовъ служить вамъ. Бояринъ же нимало возбрани оному о семъ, и отпустивъ его, да спроситъ у брата своего; бѣсъ же, пришедъ, с яростю рече ему: почто убо хощеши презрѣть царскую милость, и служити хощеши холопу его? Ты убо и самъ нынѣ царю знаемъ учимился! Но убо; не буди тако, но послужи самому царю: егда убо царь увѣдаетъ вѣрную твою службу, тогда и чиномъ пожалованъ от него будеш!

По повелѣнію цареву, вси новобранныя салдаты разданы по стрѣлцамъ в полки в добавокъ; той же Савва поставленъ быстъ в земляномъ городѣ, на Устременкѣ, Зимина приказу у сотника стрѣлецкаго Якова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестивы суще, видѣвша Савву остроумнаго зѣло, почитаху его. Полки же в Москвѣ были во всякой готовности к

походу. Во единъ же день прїиде бѣсъ к Саввѣ, и рече ему: брате Савво, поидемъ прежде полковъ в Смоленскъ, и посмотримъ тамо, что творять поляки и како градъ укрѣпляютъ. Савва же рече: поидемъ, брате! И поиша, и во едину нощь сташа из Москвы в Смоленскъ; и пребывшу три дни и три нощи, никѣмъ же видими бысть, они же все видяще, како поляки градъ укрѣпляютъ и на приступныхъ бояхъ всякия громады поставляютъ; в четвертый же день бѣсъ объяви себя и Савву в Смоленскомъ полякомъ; поляки же, егда узрѣша ихъ, велии возмутясь и начаша гнатися за ними, хотаще изловити ихъ; бѣсъ же и Савва скоро бѣжаша из града, и прѣбѣгше к рѣкѣ Днѣпру, и аbie раступися имъ вода: они же препоша рѣку аки по суху,ничѣмъ же вредими. Поляки же много стрѣляюще по нихъ, и не могоша повредити ихъ, и дивляхуся, самы между собою глаголюще, яко сіи людіе бѣ убо во образѣ человѣческомъ бѣсове, и прїоша, и бывше во градѣ нашемъ. Савва же и бѣсъ паки возвратиця, и сташа у того же сотника Якова Шилова.

Егда же по указу государеву поиша полки из Москвы под Смоленскъ, тогда и Савва поиде с братомъ своимъ бѣсомъ в войскѣ; и над всѣми полками тогда былъ бояринъ Федоръ Ивановичъ Шенівъ. И рече бѣсъ Саввѣ: брате Савво, егда убо будешь под Смоленскъ, тогда от поляковъ выѣдеть поединщикъ, и станетъ звати противника себѣ; ты же не убийся ничего, изыди противу его: азъ вѣдаю, ты поразишь его. На другой день паки от поляковъ выѣдеть на поединокъ; ты же изыди и противу того, и того поразишь. В третій бо день еще выѣдеть из Смоленска третій, и станетъ звать на поединокъ; ты же ничего не убойся, и противу того поединщика изыди: и того поразишь, но и самъ уязвленъ будеш от него; азъ же язву твою скоро излечю. И тако увѣщавъ, поиша под градъ Смоленскъ. И сташа войско все в удобномъ мѣстѣ; по глаголу же бѣсовскому, высланъ из града воинъ на конѣ, страшенъ

зъло, прошаще из московскихъ полковъ противника себѣ; но никто же не смыяше выѣхать противу его. Савва же объявляя себя въ полкахъ, глаголюща (ще): Аще бы мнѣ былъ вои(н)ской доброй конь и оружіе, азъ бы шелъ на брань противу сего непріятеля царьскаго. Другій же слышавше сіе, скоро возвѣтиша о немъ боярину Федору Шеину; бояринъ же повелъ привести предъ себя, и повелъ коня доброго привести жъ, такожъ и оружіе; однакожъ унимаетъ того юношу отъ такового страшного воина, чтобъ не вступалъ въ таковое великое дѣло. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размыслия или бояся, выѣжжаетъ противу того страшного воина, и порази его съ коня, и приведе его въ полки своя. Савва же отъ всѣхъ похваленъ бысть; бѣсь же за нимъ нося оружіе его. Во второй же дѣнь другій выѣжжаетъ славный воинъ, и просить изъ войска московскаго противника себѣ. Савва же паки выѣжжаетъ противу того, такожъ и того поразилъ; людіе же зряще на него, вси удивляхуся храбрости его. Въ третій же дѣнь выѣжжаетъ изъ Смоленска славный воинъ паче первыхъ, и прося изъ войска московскаго поединщика себѣ; Савва же убоится ѿхати противу того страшного воина, обаче по словеси брата своего бѣса немедленно выѣжжаетъ противу того воина. И аbie той воинъ съ яростю напустивъ съ копіемъ на Савву, и уязви его въ лѣвое стегно; Савва же исправяся, нагоняетъ воина того и убиваетъ его. Егда же убивъ его, и съ коня сверже, и привезе его въ таборъ свой, въ російское войско; и всѣмъ во удивлениѣ привезе. Потомъ начаша изъ града Смоленска вылоски выходить, и съ войскомъ московскимъ сразиша, свалнымъ боемъ битися начаша; Савва же съ братомъ своимъ бѣсомъ съ одного крыла воеваху, и толь бесчисленно Поляковъ побивающе, сами же ничѣмъ невредимы.

Слышавъ же бояринъ о храбрости юноши того, и не возможе злобы своей скрыти въ сердцѣ своемъ, повелъ Савву къ шатру своему призвати, и глагола ему: повѣждь ми, юноша, коего ты роду и чей сынъ?

Савва же повѣда ему, яко изъ Казани купца Фомы Груцына сынъ; бояринъ же нача глаголати ему, и всякими нелѣпыми словами иноносити его: какъ ти нужда въ таковой смертной случай привлече сюда? азъ убо знаю отца (и) сродниковъ твоихъ, яко бесчисленное богатство имѣютъ у себѣ: ты же отъ кого гонимъ, или скудости ради остава родителей своихъ, съмъ пришелъ еси? Азъ тебѣ глаголю: не буди здѣ, иди въ домъ родителей своихъ, и тамо во всякомъ благополучіи пребывай; аще не послушаешъ мене, яко здѣсь будешъ, то безъ всякаго милосердія велию голову твою отъяти.

Савва же слышавъ отъ боярина, отъиде со многовою печалію; бѣсь же Савва рече: Чѣо убо печалишися, брате, о семъ? Аще неугодна твоя служба явися здѣсь, поиdemъ къ Москвѣ и тамо пребываемъ. Отъидаша вскорѣ отъ Смоленска въ Москву, и присташа въ дому того жъ сотника Шилова. Бѣсь же въ дѣнь пребываше съ Саввою, и юноши же отходить во свои адскія жилища, идѣже обычай окаянныи имѣя пребывать. Немало же времѧ минувшу, аbie разболѣвся Савва, и болѣзнь его тяжка бѣ зъло, яко быти ему близъ смерти. Жена же сотника онаго, благородѣума сущи и бояся Бога, всякое попеченіе и прилежаніе имѣя о немъ, глаголаше ему многожды, дабы велѣлъ призвати къ себѣ іерея исповѣдати грѣхи своя и причаститися святыхъ таинъ, глаголя ему: видиши ли ты, Савво, яко тяжко скорбиши, и внезапу въ той лютой скорби и безъ покаянія умрети имаши? Савва же отрицася: яко и тяжка ми есть скорбь, но нѣсть сія болѣзнь къ смерти. И дѣнь отъ дне болѣзни его тяжчайше бысть. Жена же оная неотступно принуждая Савву да покается; Савва же много отрицася, глаголя: яко не имамъ умрети. Егда принужденъ Савва отъ боголюбивыя той жены, и повелъ призвати къ себѣ іерея; жена же оная скоро посыластъ ко храму святаго Николая, что нарицаемаго Во рвахъ, повелѣваетъ привести священника. Священникъ же никако замѣшкавъ, притече къ болѣющему. Бѣ бо свя-

щеникъ той престарѣлъ многи лѣты, и мужъ иску-
сень и богохозяинъ зѣло; начать молитвы покаянны
глаголати, якоже обычай, и повелѣ людемъ своимъ из
храма изыти, и начать исповѣдати Савву; и се вне-
запу зритъ Савво входящихъ в храмину толпу великую
бѣсовъ; любезный же братъ его бѣсъ прииде с и-
миже, уже не человѣческимъ образомъ, но существен-
нымъ своимъ звѣриннымъ образомъ, и ставъ позади
оныя толпы бѣсовскія, и велми на Савву ярищеся, и
зубы скрежуще, показуя ему у Соли Камской, и гла-
голя ему: Зриши ли, клятвоприступниче, что есть
сіе? Ты бо писалъ; яко покаяніемъ сімъ отбыти хо-
щеша отъ насть? но убо не мни того: азъ убо всею
силою подвигнуся на тя. Такожь и прочія бѣси
много неподобная глаголаху. Савва же видя ихъ, ово
ужасеся, ово надѣющеся на волю Божію, и вся доб-
ре и подробну исповѣда грѣхи свои, священникъ же,
аще убо мужъ праведенъ бѣ, обаче убояся страха она-
го, понеже во храминѣ той, кромѣ болнаго, никого
не бяше; помысливъ оный великий шумъ от бѣсов-
скія оныя силы, и с нуждою великою исповѣда бол-
наго, отъиде въ домъ свой, никому же сіе повѣдавъ.
По исповѣдѣ той, нападе на Савву духъ нечистый, и
начать немилостиво мучить его: ово об стѣну бя-
ше, ово о полъ с одра его метая, ово же храпле-
ніемъ и пѣною давляше его. Боголюбивый же той
мужъ, сотникъ Яковъ Шиловъ, со благонравною же-
ною своею, видяще на юношѣ таковое діволское на-
паденіе, велми тужаше по немъ и стонаху сердцы
своими, но никакоже помочи ему дати возможоша. Бѣ-
си же день от дне на болнаго нападающе, люто му-
чиша его, и всѣмъ предстоящимъ тутъ от мученія
онаго немалъ ужастъ имѣли.

Господинъ же дому того, видѣвъ на юноши таковую
необычную скорбь, и вѣдая, яко юноша той знаемъ и
самому царю храбости ради его, и помышляше с
женою своею, како бы возвѣстити о немъ царю? Бяше
же сродница ихъ въ домѣ царевомъ; и сія помышля-
юще, посыаетъ немедленно жену свою ко оной сро-

дницѣ своей, и повелѣваетъ ей немедленно возвѣсти-
ти о немъ царю, и рече: Когда юноша въ таковомъ
случаѣ умретъ, а мы за невозвѣщеніе от царя исти-
заны будемъ. Жена же его нимало иѣшкавъ, скоро
потече къ сродницѣ своей, и вся повелѣнная ей от
мужа подробну сказа; сродница же оная, слышавъ та-
ковыя глаголы, умилися душою по юношѣ, паче (же?)
скорбяше о сродникахъ своихъ, да вправду за невоз-
вѣщеніе от царя наказаніи будуть; скоро поиде из
дому своего до полаты царевой, и возвѣщаетъ всѣмъ
ближнимъ, сиಗлиту цареву, и не по мнозѣ времени
внушается и саму царю о семъ. Царь же, слышавъ о
юношѣ ономъ таковое зломученіе, милосердова о немъ
и повелѣваетъ посылати къ болному юноши карауль
по два человѣка, да надзираютъ опасно юношу того, и
хранити, дабы от онаго бѣсовскаго мученія во огнь
или въ воду не ввергнулся. Благочестивый же царь
посыпаетъ къ болѣющему пищу по вся дни и повелѣ-
ваетъ, ежели болній здравъ будетъ, возвѣстити себѣ.
И тако бывшу болному въ таковомъ бѣсовскомъ том-
леніи немало времія, мѣсяца іюля въ 30 день юноша
той необычно от бѣсовъ утомленъ бысть, аbie за-
снувъ мало, начать глаголати, яко на явѣ, излія свои
слезы, сице рече: О всемилостивая госпоже царице
Богородице! помилуй, владычице! не солгу, царице:
вся исполню, елико обѣщахся тебѣ! Домашніи же и
караулщики, слышаху от болнаго таковыя глаголы,
всѣ удивиша и глаголюще, яко нѣкое видѣніе ви-
дѣхъ (видѣ) болній. Егда же Савва от сна возбудив-
ся, приступи къ нему сотникъ со всѣми домашніи-
ми своими, и рече: Повѣждь ми, господине, слово,
что таковыя глаголы со слезами во снѣ рекъ еси!
Савва же паки нача плакати, лице свое слезами омы-
вати, и глаголя: Видѣхъ бо къ одру моему пришед-
шу жену нѣкую, свѣтолѣтну сущу, носящу ризу ба-
грянну, и два мужа съ нею пришедша, сѣдинами укра-
шenna: единъ убо во одеждѣ архіерейской, другій же
во апостолскомъ одѣяніи; и мню быти убо жену пре-
святую Богородицу, мужей тѣхъ — единаго наперсткниа

Иоанна Богослова, втораго же неусыпаемаго стражи вашего града Москвы, преславнаго архіерея Божія Петра митрополита: они же (понеже?) подобныя образы ихъ добре знаю. И рече ми свѣтолѣпная оная жена: что́ ты (ти) есть, Савво, тако скорбти? Азъ же рече ей: скорблю, владычие, яко прогнѣвахъ Сына твоего и Бога моего, и тебя, всемилостивѣшую заступницу роду Христіянскому. Она же озлобиша (оскабиша), рече ми: что́ убо вы нѣ можеши ли, како тебѣ избыти скорби сея, и како тя выручити тебѣ писаніе твое от ада? Азъ же рече ей: не могу, аще ли помошю Сына твоего, и твою помощію и молитвою! Оная жъ жена рече ми: Азъ убо умолю Сына своего и Бога; токмо единъ глаголь мой исполні; аще ли тако сотвориши, азъ избавлю тя от бѣды сія: хощеши ли иноокъ быти? Азъ же молебными глаголы глаголахъ ей во снѣ, еже и вы слышасте. Она же паки рече ми: слыши, Савво, егда приспѣть празднику явленія образа моего, еже в Казани явился, ты же пріди во храмъ мой, яже на площади у Ветошнаго ряду: и азъ пред образомъ монъ и пред всѣмъ народомъ чудо явлю на тебя. И сія изрече, невидима бысть.

Сія рѣчи сотникъ слышитъ от Саввы, и аbie паки посылаетъ жену свою к вышеписанной сродницѣ, да-бы она возвѣстила царю бывшее чудо о юношѣ. Егда царь услышавъ, паче первого сожалѣя о немъ, и повелѣвъ смотрѣти над нимъ крѣпко. Егда же приспѣвшу празднику, мѣсяца іюля в 8 день, явленія чудотворныя иконы Пресвятая Богородиця Казанская, и тогда по обычаю поиде самъ царь в воскресный ходъ до святой церкви Казанская Богородицы, что на площади у Ветошнаго Ряду; а болнаго Савву повелѣ принести на коврѣ в тое церковь, и повелѣ положити

перед образомъ Пресвятая Богородиця. Посланыи же от царя скоро принесоша болнаго и положиша его в той церкви. Егда же начаша пѣти херувимскую пѣнь, и тогда бысть гласъ в слышаніе всѣмъ: Савво, что мѣдлиши? Востави и пріими свое богоотметное писаніе, что дамъ еси на себя сатанъ! Тогда Савва воспринувъ скоро с одра того, и от болѣзни своей яко от сна возбудился, ничѣмъ же вредимъ; и скоро пріиде ко святому образу Пресвятая Богородиця, и паде на землю, нача молитви со слезами и глаголя: О всемилостивая госпоже Пресвятая Богородице Дѣво! ты мнѣ помози, грѣшному и окаянному и недостойному рабу твоему, яко прогнѣвахъ Господа моего, и Сына твоего, и тебе, всемилостивѣшую Пречистую Богородицу Дѣву! И сія изрече, Савво видѣтъ своими очесами свое рукописаніе падше сверхъ той церкви перед образомъ Пресвятая Богородиця, и все на немъ заглажено, яко никогда же писано бысть. И вземъ сіе Савва с радостію, еще же ему по вторія гласъ бысть: Савво, исполни обѣщаніе свое, и к тому не согрѣшай! Тогда видѣть благочестивый царь Михаила Федоровичъ всея Россіи, прослави Бога и Пресвятую его Богоматерь; и начаша молебствовать всѣмъ соборомъ Пресвятѣй Дѣвѣ владычнѣ Богородицѣ Казанской. Потомъ же Савва вопрошанъ бысть царемъ о явившемся чудеси; Савва же сказа царю всю истинную, и постриженъ бысть в иноческій чинъ Филаретомъ патріархомъ, и пребысть в Чудовомъ монастырѣ до скончанія живота своего, в постѣ и в молитвахъ, угождая Господу Богу и превозвождая житіе свое о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, ему же слава, честь и держава со беззначальнымъ его Отцемъ и святымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Повѣсть эта чревычайно драгоцѣнная по сохраниеніемъ въ ней чертамъ вѣрованій, нравовъ, домашняго быта XVII столѣтія, по самой основѣ содережанія есть сколокъ съ повѣсті о Евладіи, спасенномъ Василиемъ Великимъ. Приводимъ ее здѣсь для сравненія по списку XVIII в. сдѣланному въ Малороссіи, какъ показываютъ оттѣнки языка.

Бяше мужъ въ кесарійской странѣ: имя ему Сиклітіянъ; имѣаше имѣнія много, имже не бѣ числа: людей села, конѣ, и каменія дорогоцѣннаго; имѣаше дщерь едину, имя ей Керасія; — обрѣль еи Богу, Божія бо бѣ обѣручница, да прійметъ изъ млада мнишество; да послужить Богу до старости, въ нощи сна не имѣюще, не-престанно Господу Богу служаще, да того ради спасутся отецъ и мати ея; веселяхуся ангели Божіи о ней. Евладій бяше бо мудръ и книженъ, егда же видѣль госпожу свою Керасію, желаше бо душа его и глаголаше въ себѣ: како бы взяль госпожу свою Керасію себѣ за жену? помыслилъ себѣ: для мене не можетъ никто же совокупити съ нею, тилко діяволь! Азъ гладомъ себе предамъ діаволу, и діаволъ ми поможетъ, да азъ возму Керасію себѣ за жену. Една часу пойшель Евладій на распутія, пріиде бѣ нему діаволъ, и рече ему: Евладіе, що тутъ робишъ? Рече ему Евладій: господине, поможи мнѣ Керасію совокупити во жену! Рекъ ему діаволъ: азъ помогу ти ко твоей дѣвици приступити, но пойди ко господину нашему, Фармагею, ко царю діавольскому. И написа ему словеса діавольская и научи его: првый словеса своя на вѣтри. И пришедши тамо глагола на вѣтеръ, и услышалъ великий діаволъ Фармагей, и послалъ своя слуги чотири, прійдоша ко Евладію, поемше его со радостію великою, приведоша его ко Фармагею; и видѣ его Евладій на престолѣ висоцѣ сидящаго, и множество діаволовъ предъ нимъ стояху; вопросы его Фармагей, рече: что

требуеша, Евладіе, отъ мене, или что у мене хощеша? Евладій умиленинмъ гласомъ отвѣща рече: господище! аще ми сотвориши, еже азъ тобою бихъ взяль госпожу мою Керасію себѣ женою, и буду азъ господинъ въ дому господина моего, азъ твой буду во вѣки! Фармагей рече ему: ви, христіяне, много лжете; егда вамъ нужно, тогда ви мене ищете; егда вамъ отрадно, тогда ви Христу послѣдуете, зане Христосъ милостивъ есть и пріемлетъ вѣсть до себе знову, а ви много лжете; но запишиши мнѣ рукописаніемъ своимъ, аби еси мой былъ на вѣки, а я тобѣ сотвору ежели хощешь взяти во жену; напиши рукописаніе свое и дай мнѣ! Евладій написа свое рукописаніе и дастъ въ руцѣ Фармагею. Посла же Фармагей слуги своя, рече: идѣте, пришедши же, обійтѣте ю и ставте ю Евладіеви на любовь. Они же шедше и обійдоша Керасію красою: во единъ день, видѣ Керасія своего играюще велелѣбо и въ радость пріятъ его; и въ ту же нощь востужи велми и возмутися; тогда учувши тое отецъ и мати ея, изми ея съ полати и рѣша ей тако: почто плачени и тужиши, чадо мое? Подай мнѣ руку свою, повѣжъ намъ, чого хощеши и чого такъ зѣло скорбииши и стенеши? Она же отвѣща рече: отче, отче и мати моя! Мужа требую! Егда слышавши Сиклітіянъ и мати ея сия словеса, усумнившася; молящеся и блющеся въ лице свое, глаголюще со женою своею; кто то угаси свѣтлу свѣщу во дому нашемъ! кто оборі церковь на земли, о ней же ангели веселилися Божіи! кто угарси лампаду церковную! Опамятайся, чадо мое милое! въ темній путь грядеша! Керасія ко отцу рече: отче, отче, помилуй мя, послушай, отче, мене: въ тугахъ великихъ есмь днесъ: дай мнѣ мужа Евладія! Сиклітіянъ же рече: я и мати твоя надѣяхомся тебе ради спасенія и обратитися къ Богу! Керасія рече: отче, аще не даси мнѣ мужа Евладія, то горкою

смертию умру, и предамъ себе! Сиклитіанъ рече: о чадо, аще любитъ сердце твое мужа, да объберемъ тебѣ человѣка прилична; а понеже есть Евладій слуга нашъ! Егда услышавши тое Керасія и ять себе за горло, и крикнула: помилуй мя, отче, Евладія хощу взяти! Сиклитіанъ же собра бояре и дастъ ей мужа Евладія, и предастъ имъ все имѣніе свое; сами же Сиклитіанъ и жена его поиша во монастырь.

Евладій же живяше со женою, не приходаше никогда же во церковь; она же чудящаяся, почто не ходить во церковь никогда же, глагола же ему: почто не ходить во церковь; онъ же проводъ лжими. Во единъ же день укориша болѧщихъ, (?) тако прїиде Керасія ко Евладію рече ему: аще не вѣйдемъ въ церковь на утреннее и возмешъ честнія дари, то азъ себе смерти предамъ. Евладій рече: яко на исповѣди ей сказа все пораду. Яко же слышавши Керасія и крикнула з великимъ воздыханіемъ, глаголя: о горе мнѣ, Боже мой! не чухъ родителей своихъ и не слухала отца и матере; сама себе врагу предахъ! И стала кричащи и кривящаяся и блюющяся въ лице свое, плачуще; и вънійде во Кападокію, ко Великому Василію, глагола: помилуй мя, владыко! азъ себе сама врагу предахъ, и върагъ тѣло мое одержитъ уже бо третое лѣто; помилуй мя, владыко, не послушахъ родителей своихъ, въ темній путь пойдохъ. И исповѣсть ему всю истину. Василій же послалъ по Евладію и вопроси его ко Василію: право кажеть жена твоя? Глагола приклони главу, рече: о владыко, право глаголеть! Василій же прослезился, рече ему: како соблазнился еси, о человѣче! но еще упрашиваю тя: хощени возвратитися ко Христу Богу нашему? Евладій рече: владыко, аще бимъ хотѣлъ, но записалъся ему рукописаніемъ своимъ и предахъ въ руцѣ діяволу. Василій рече: сице глаголю тебѣ: любить ли сердце да возвратишися ко Христу? Евладій же рече: много люблю, владыко, и молюся, егда како можеши мя от діявола вынайти? Поятъ его Василій за десную руку и воведе его въ келію, и затвори его въ келіи, и пребысть три дни! Василій же непрестанно у престола во церкви стояше и молящаяся Господу Богу за Евладія и Керасію: живъ Богъ мой, не изіиду от церкви, дондеже не узру мужа своего Евладія камо-

ся обратить, не вкушаючи хлѣба ни воды! По трехъ днехъ прїиде Василій и отворитъ дверь, и вопроситъ, рече: что творишъ, Евладіе? Онъ же отвѣщавъ, рече: злѣ есть, владыко: прихожаютъ бѣсове, блють мя и стрѣляютъ мя! Василій же ясти и пить воды мало дастъ ему, и паки затвори его въ келіи; пребысть знову три днѣ; и паки по трехъ днехъ прїиде и вопросы его глаголя; како еси, Евладіе? Онъ же рече: владыко! обоюду мя стоять и карають мя и приближаются ко мнѣ! И дастъ ему мало ясти и пить; и паки затвори его, и знову пребысть три днѣ. Василій же непрестанно у престола молящаяся Господеви съ Керасіею женою его; и паки по трехъ днехъ прїиде до келіи, вопросы его глаголя; како еси, Евладіе? Онъ же отвѣщавъ и рече: слышахъ, о владыко, гласъ ихъ, а не вижу! Тогда Василій возрадовася; и призвавши вся люди тисяцъ з (6); святій же Василій рече ко людемъ: о друзья и братія! единое овча заблудило от стада Христова; помозѣте мнѣ, братія, где како отъїмѣтъ от волка! И сказа имъ всю истину, и даде его имъ; они же, вземше Евладія за руку и ведоша его во церковь; и вси людіе пояху единогласно: Господи помилуй! творяще, и руки своя зносяще; позрѣвъ же Евладій ко горѣ и видѣ діялововъ много; и рече: о владыко, держи мя моцно: возмутъ мя діяволи! Василій възять его подъ руку, и рече: о проклятіи діяволи! како вы смеете образъ Божій и крещеніе Божіе изъ руки моей исхитити? Діяволе силній! не чини мнѣ пакости; насили не озмеши! Зане того дне вси великимъ страхомъ одержими бяху, овіи кривящаяся лица своя, блющаяся о землю, а другіи главою блющаяся о камень, ко Богу воніяху вси: Господи помилуй тварь, еже рукою своею, не презри моленіе рабъ твоихъ! Тогда разрушися і спадеть рукописаніе Евладіево, и звайшоль листъ той святый Василій, и взять рукописаніе, и дастъ Евладіеви. Знаешъ ли ты, что сие есть? Евладій же рече: то есть, владыко, мое рукописаніе, щомъ ему записался діяволу? И уведетъ его святій Василій во церковь, и освятитъ водою священною, и предастъ его женѣ его Керасіи; и благослови ихъ, и з благословеніемъ отпусти святій. Богу нашему слава во вѣки вѣкомъ, аминь.

**ПОВѢСТЬ
О ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ.**

ПОВѢСТЬ

О ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ.

СЛОВО О ПРЕСВИТЕРЕ ТИМОФЕѢ ЕПЛАШЕМЪ В ТАЖЕНЪ ГРѢХЪ.

(По списку XVII в. доставлена А. М. Лазаревскимъ.)

Бысть в великомъ княжениі Россійскія земли при великому князе Иоаннѣ Васильевичѣ і при святѣйшемъ Филиппе митрополите во градѣ Владимере презвитеръ иѣкій, именемъ Тимоѳей. Случися ему быти по Божію попущенію сицевый грѣхъ на пагубу души его. В первую оубо недѣлю великаго поста обычай имутъ провославніи христіане боголюбивіи мужи и жены и младыя дѣти постыдити во всю недѣлю и ко отцу духовному на покаяніе приходити, и пріимати тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа. Такожде и к сему попу пріиде иѣкая девица на исповѣданіе грѣховъ своихъ, зѣло прекрасна, дщи иѣкоего богата мужа и славна града того, и бывшимъ имъ наединѣ во церкви святѣй, и начать презвитера діаволъ разжигати наию неоутолимою похотию. Попъ же Тимоѳей не могіи терпѣти злаго сего разгорѣнія плоти своеї и падеся с иею в церкви святѣй, не убоѧся суда Божія, и сотворивъ с иею той грѣхъ, и убоѧся изыманія себе, и побѣже из церкви в домъ свой. Девица же поиде вонъ из церкви, плачася и рыдая своего грѣха, что пался с иею іерей во церкви Божіи. Попъ же оутаяся всѣхъ людей, ту сущихъ, и осѣдла коня своего, и премѣни образъ свой поцовскій, и облечеся в воинскую одежду, и не явяся женѣ своей, ни дѣтимъ своимъ, и всѣде на

коня своего, и скоро погна вонъ из града своего, бѣжа на чюю страну поганую, землю татарскую, в Казань. И тамо во орду прибѣжалъ, и дадеся царю казанскому Маною служити, и отвержеся вѣры христіанска, и священническій чинъ поправъ, и бусорманскую вѣру пріять, поня за себя двѣ женѣ. Охъ оузы, первіе былъ чиститель и говѣнъ священникъ и представитель престолу владычнои и споручникъ грѣшнымъ душамъ; а потомъ бысть золь губитель и лютъ кровопищица христіаномъ, и воевода в Казани храбръ бысть, и часто посыла его царь с татары своими русскія земли воевати. И живяше тамо тридесять лѣтъ в Казани царю служа и обогатися велин. Богъ же не хотай смерти грѣшнику, но обратитися и живу быти ему, восхотѣ же и сего в первое благочестіе привести. По времени же послала его царь на то же дѣло, якоже и прежде беззаконное, во еже пролилъ кровь русскія земли; онъ же иде по словеси царя и повоева страну русскую и оулусы, и возвратися в Казань с великимъ полономъ. Идущу же ему чистымъ полемъ от Казани, ипустивъ полки свои на предся, а самъ же единъ остался, орудия ради иѣкоего. Ідущу же ему на конѣ своемъ в полудни, после полка своего далече, и воспомянувъ грѣхъ согрѣщенія своего, і нача пѣти оумяло красный стихъ

любими пречистой Богородице: о тебе радуется, благодатная, всякая тварь! Тогда же послыша бѣжащій из Казани отрокъ плѣнникъ нѣкій: лежаше в дубровѣ три дни не ядши, по сторону пути того ждущу (ще) до колѣ минеть весь полкъ татарскій, да воставъ от мѣста своего, паки побѣжитъ путемъ на Русь, не блѣдяся; и воставъ от лежанія своего, и мнить поюща го стихъ быти русскимъ чловѣкомъ, и радостенъ бысть, не устрашився изыде, и потече из дубравы на путь, и явися ему, окаянному варвару, бывшему прежде попу. Онъ же отрока видѣвъ ярыма очима, похвативъ мечъ свой на гагъ, и хотѣ отроку отсѣщи главу, плѣнникъ же паде на землю горкими слезами милости прося, да не убіенъ будеть от него. Сказа ему о себѣ яко же плѣнникъ есть русскія земли, бѣжа из Казани на Русь, и слышавъ тебе поющаго стихъ русскій пресвятая Богородицы, еже любвимый всѣхъ, оу настъ же его поютъ честно на Руси, славять же пресвятую Богородицу нашу и молитвенницу и заступницу о душахъ нашихъ, чая же тебе быти русяниномъ, и явихся лицу твоему, не убося тебе. Преступникъ же той оуслышавъ и жестокое свое окаянное сердце во умиленіе преложи, и нача великимъ гласомъ жалостно и радостно плакати, и сшедъ с коня своего, и нача землю мочити слезами своими на многъ чась; яко же устрашитися отроку тому, и вмалѣ отбѣже от него, и дивитися в себѣ что сіе таково бысть; бѣ убо и отрокъ сей грамотенъ же, и плакася от полудни до вечера, дондеже премолче гортань его. И обвечеря со отрокомъ, и спа до оутра на травѣ, и давъ отроку нѣчто мало снѣсти; сам же ничто же вкуси. Плѣнникъ нача вопрошати его: повѣждь ми, что се, господине, есть, и что печаль твоя, прочно тако горко плачевися? повѣждь ми своему рабу! Онъ же, оутѣшившися мало от плача своего и в себѣ пришедъ, и вся отроку вышереченная повѣда: яко попъ бѣ на Руси быль есми. Плѣнникъ же обѣщеваше его на показаніе обратитися, яко Господь Богъ нашъ милостивъ и кающиhsя от грѣхъ своихъ пріимаетъ; молю тя, не отчайтай своего спасенія. Онъ же рече отроку: заклинаю тя Бого-

гомъ вышнимъ Іисусомъ Христомъ Сыномъ Божіимъ, прішедшему (дшимъ) в миръ грѣшныхъ спаси, да сотвориши ми любовь Христову; иди отсюду без боязни к Москве, и пришедъ возвѣсти о мнѣ грѣшнѣмъ святѣшему митрополиту Филиппу, яже сказахъ ти: есть ли такову грѣшнику прощеніе? Онъ же да печалуется о мнѣ великому князю, дабы мя простили во всемъ злѣ моемъ, еже сотворихъ, многа лѣта землю его христіанскую пустошилъ; да рукописаніемъ бы прощеніе написавъ, и за двема печатма запечатавъ великаго князя печатью да своею митрополичью, да тако вѣру иму, и подвою мѣсяцу приславъ бы мя с тобою на сіе мѣсто; то с радостию и без сомнѣнія к Москве из Казани прииду и отиду в монастырь плакатися грѣховъ своихъ. Ты же, мой милый брате, потрудися о мнѣ всѣмъ сердцемъ, Бога ради и безлестно, да подастъ тебѣ Господь Богъ мною, труда твоего ради, аще за мя потрудишися, изду во царствіи небеснѣмъ. И одари отрока сребромъ, поне мало; и обѣщася ему отрокъ истинно и неложно послушаніе сотворити. Воставъ же заутра, такожде много плачавши бусорманъ, и цѣловастася во оуста, и разѣхашася оба. Отпустивъ же отрока к Руси, а самъ к Казани за полкомъ борзо погна. Отрокъ же к Москве пришедъ и скоро возвѣсти святѣшему митрополиту Филиппу, яже о бусорманѣ бывшемъ попѣ; истинный же настырь Христовъ неложный в той же чась шедъ в полату, и возвѣсти сыну своему духовному великому князю Иоанну Васильевичу; князь же и митрополитъ оудивися о семъ, и в размышиліи надолѣ быста, и призваста отрока пред ся и во прощающа его: аще тако есть? Отрокъ же такожде имъ сказа. И поминуши евангельское слово реченнное: аще изведеши достойнаго от недостоинства, яко оуста моя будеши. Совѣтовав же князь и митрополитъ, и написавше грамоту, и запечатавше двема печатма, и послаша со отрокомъ к бусорману тому, показавше знати его, дабы шель и Москве без боязни, и да будетъ служа великому князю. Наставшу же третиemu мѣсяцу, плѣнникъ же тщающеся без лести любовь Христову сотворити и тамо

итти; то оубо есть истиннаѧ любовь Христова, да кто положить душу свою за друга своего. И иде полемъ многія дни до оуреченнаго мѣста, и поспѣ на срокъ свой; и ждаше его два дни ту, и пришедъ, и мнѣвъ яко не будетъ ту, онъ же в третій день также прильжно смотраше его прямо к Казани на горѣ высоцѣ, на древо возлѣз; и се гнаше полемъ единъ человѣкъ от Казани на дву скорыхъ конѣхъ, к мѣсту спѣша велми. Отрокъ же позна, яко той есть другъ его бусорманъ, и вмалъ искушай его, и скрывся от него; онъ же прискочивъ на мѣсто, невида отрока, чая его оболговшася. Во утрій же день свергнесь с коней своихъ на землю и плакашеся горко, яко и каменіе на плачъ с нимъ подвижеся, и не можаше утѣшитися, в пятдесятъ бо лѣтъ верстою сый вѣка своего; и аbie явися ему отрокъ же, з горы видя, онъ же видѣвъ его издалеча гра- дуща к себѣ, и также позна его, и побѣже скоро противу его, и начатъ отрока целовать, глагола ему: о малый мой и любимый друже истинный! что ты воз- дамъ, вѣрный мой посланиче; за великія труды твои, еже к поганому мнѣ бусорману сотворилъ еси любовь Христову? Отрокъ же вземъ грамоту и даде ему за две- ма печатми. Бусорманъ же прочеть грамоту со слезами многими, вспіяше мытаревымъ гласомъ: Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшному преступнику! Боже, очисти грѣхи мои и помилуй мя! И простеръ руцѣ и рече: Боже все- щедрый и благосердый! благодарю тя, человѣколюбче, грѣшныхъ милостиве, яко сподобилъ мя еси окаянно- го и многогрѣшнаго от начальнаго пастыря прощеніе

пріяти и аbie внезапу паде на землю! И бысть мертвъ в нозѣ свои простеръ яко живъ. Отрокъ же во ужасѣ бысть на долзѣ, и разумѣвъ истинно, яко умеръ есть, и ископавъ землю, и погреbe его ту со слезами, снять с него драгиа ризы, воинскую одежду, и облече его, во смиренныя ризы, и нощъ ту преспавъ оу гроба тимофеѣва. Онъ же явися ему во снѣ, благодареніе воздая ему: яко тебе ради пріяхъ от Бога прощеніе грѣховъ своихъ и царствію небесному причастникъ бысть. И глагола ему: возми коня моя со всѣмъ, еже на нихъ, за труды свои, и иди отсюду, поминай мене до жи- вота своего милостынею и приношеніемъ еже к церк- вамъ Божіимъ. Отрокъ же на утрій день воста и про- стившися оу гроба его, и взя драгиа кони тимофеѣвы со всею драгою збурую, и обрѣте на нихъ полны басмаги великия злата, и сребра, и каменія драгаго, и всѣдѣ на нихъ, и побѣде радуяся и веселяся, и приѣхавъ к Москве, и вся подробну исповѣдавъ яже о Тимофеѣ случившее великому князю и митрополиту: яко умре и погребенъ бысть от мене. И оставшаяся тимофеѣва вся показа имъ. Князь же и митрополитъ удивиша о семъ и прославиша Бога, и о томъ разсудиша в правду, яко пріять Богъ со слезами покаяніе его, и очистиша от грѣха, и душа его спасеся; отроку же тому все отдаша взятое у Тимофеѣя богатство, еще же и земли ему оудѣломъ удѣлиша. Сие же написася на ползу слыша- щимъ и прочитающимъ, да не отлучатся своего спа- сенія Богу нашему.

**ЛЕГЕНДЫ
о бѣсовскихъ искушеніяхъ.**

I.

О БЪСОВСКОМЪ ПИСАНИИ.

ПОВѢСТЬ О СТАРЧЕСТВѢ С ДВОИ БРАТИЯХЪ СРѢЩИХСѧ МИРѢ ХРИСТА РАДИ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древнегр. № 1340.)

Два мниха совѣщащася во имя Христово оудалитися от мятежа мирскаго; имаше же единъ отрока мало, иже по плоти сынъ ему. И егда изыдоша в пустыню и сотово-риша себѣ хижину, посѣщенія ради духовнаго, бесѣдо-ваху чрез иедѣлю, і егда отрока в разумѣ бѣ, отцу же по обычю с братомъ о духовнѣ бесѣдующемъ, и по малѣ совратиша на житейския вещи: како в мірѣ жиша, и оуже житейской повѣсти продолжатися, и аbie в забвениі бѣста, и житейскою повѣстю впадоша в праз-нословіе, и довольно о сихъ неподобныхъ бесѣдующимъ имъ, единъ от нихъ в чувство пріиде, другому глагола: о брате, согрѣшихомъ пред сотворшимъ нась, яко обѣ-щахомся ему; что нынѣ говоримъ о непотребныхъ, от-рекохомся. И аbie прослезистася оба и начаша другъ ко другу прощеніе творити по отеческому преданію. Тог-да юноша, иже бѣ единому сыну, безстудно возмѣялся; отецъ же его зѣло возлютился нань, хотя его сокрушити; отрокъ же оужасеся гнѣва, опускѣ лицемъ; другій же мнихъ разсуждая ему, да не сокрушить отрока, и по мале оувѣща; отецъ же нача испытати и с любовию во-прашивати, да повѣсть имъ: чесо ради в безчинство вдася вскорѣ и чemu безстудно оуединенъ возмѣялся? Отрокъ же от страха отца своего еду возможе сказать имъ, бѣ бо видѣніе видѣ: егда рече, глаголаста мниси о законѣ Господни, и о апостольской проповѣди, и о

подвизѣхъ отеческихъ, тогда видѣ отрокъ дву ангеловъ божиихъ свѣтлыхъ зѣло, бесѣдующихъ тайно со мнихи во оуши правыя; егда остависта мниси повѣствованія духовная и начаста бесѣдовати о житейскихъ, тогда ангели божіи изыдоша от нихъ из келіи ихъ и видо-ста два бѣса ко мнихомъ тѣмъ, а иже о житейскихъ они вѣщаху, бѣси на харатіяхъ реченія ихъ писаху, и единъ бѣсь ко единому мниху, а другій ко другому в лѣвыя оуши тайно шепчюще, и егда исписаху бѣ-си харатіи, тогда на себе начаша писати, еже гла-голаша мнихи, и оуже писаніемъ исписашася бѣси, еже не остатися просту мѣсту на нихъ; и егда мни-си в разумѣ придоша и к Богу каевшеся, еже согрѣшиша в празнословіи, и сотворше другъ ко другу прощеніе, тогда харатіи оу бѣсовъ загорѣшася и писаніе, еже бѣси на составѣхъ своихъ писаша, загорѣся, и нача пламень бѣсовъ от прощенія старча палити, бѣси же от пламени вострепеташа, не могуще терпѣти зѣженія, скачюще по келіи, воніаху с плачемъ горкимъ: охъ намъ оузы! сами себе погубихомъ! Отрокъ же скаканію ихъ, и трепетанію, и горкому стонанію возмѣялся. Сия слыша-вшє мниси, зѣло во умиленіе видоша, и оттолѣ во стра-сѣ божіи пожиша, не смѣюще празнословія творити, но точію на духовное бесѣдованіе схождахуся, і о семъ опасно глаголаху: нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

II.

О ПЛЯШУЩЕМЪ БѢСЪ.

(Импер. Публ. Библ. ин 8, № 45 рук. XVI в.)

Слышахъ от иѣкоего старца: яко иѣкогда сѣдящу
ми в келіи своей и дѣлающу ми рукодѣлія, и пояхъ
псалтырь из усть, и видѣвъ отрока, влѣзша дверцами
моими, срачинина в скомрашь одѣжи; и ставъ предо
мною, нача плясати. Понеже пая псалтирь дремахъ. И
ничтоже к нему, глагола ми мнимый: калугере! велико
дѣло твориши твоего житія; но понеже с лѣнотію по-
читаеши псалтырь и блазнишися в є псалмѣ, того
ради дерзнухъ к ти винти. Азъ, рече, воставъ, покло-
нихся Богу и начахъ глаголати: да воскреснетъ Богъ;
и ту аbie изчезе. Да се вѣдуще, братіе, со вниманіемъ
почитайте псалтырь.

III.

О БЪСТЬ ЗЕРЕФЕРЪ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. дрессехр. № 4500 рук. конца XV или XVI в.)

Нѣкій от святыхъ старець великий и прозорливъ, презвішдѣ бѣсовская искушенія; к тому ни во что же коварства ихъ вмѣняше, но бѣ зря чувственъ и ангелы и бѣсы: како пекутъ о человѣческой жизни, кождѡ ихъ подвизающе обращати ихъ к своей части; сице же великий бѣ в добродѣтелехъ, яко досаждати и ругатися нечистымъ духомъ, множицю и оскорбляя ихъ, воспоминая тѣмъ иже от небесе низверженіе и будущее имъ во огни мученіе; тѣмже и бѣси другъ другу хвалиаху старца снаго великаго; яко никто же от насть смѣя от нынѣ приближитися к нему, зане прійти ему в великое и свершенное безстрастіе, обоживися духомъ святымъ. Яко оубо имъ сице бывшимъ, единъ от бѣсовъ глагола к другому; брате Зерефер! — се бѣ имя бѣсу тому — оубо аще кто от насть покается, пріиметъ ли его в покаяніе Богъ или ни? Онъ же к нему отвѣща: то кто сіе вѣсть. Зереферъ же: хощеш ли, рече, се иду к великому оному старцу и искушу его о семъ? Онъ же: иди, рече, но блюди, понеже старець прозорливъ есть и разумѣть твоє лукавство и не восхочетъ вопросити Бога о семъ; обаче иди, еда како желашши получиши. Тогда шедъ Зереферъ к старцу и преобразивъ себе яко человѣка, и начать плакати пред нимъ и рыдати. Богъ же хотѧ показати, яко ни единаго ни от-

вращается хотящаго покаятися, но всѣхъ пріемлетъ притекающихъ к нему, не показа старцу совѣтъ бѣсовскій; но яко человѣка сего зряще, а не яко бѣса; глагола к нему старець: что тако рыдаша плачещи, человѣче, скрушаї душу мою слезами своими? Бѣсь же: азъ, о святый, нѣсмъ человѣкъ, но бѣсь, яко же мню, множества ради беззаконій моихъ! И старець: что хощеш да сотворю ти, брате? Мнѣвъ бо старець, яко от многаго смиренія себе бѣса нарицаетъ, Богу не объявившу ему бываемое. Глагола бѣсь: не о иномъ молю тя, о святый, развѣ да помолиши Бога прилежно, яко да объявитъ: аще пріиметъ діавола в покаяніе? да аще оного пріиметъ, то и мене пріиметъ, подобна тому дѣла сотворшу! Старець же: яко же хощеш, сотворю; обаче иди днесъ в домъ свой и заутра пріиди, и рку ти: что о семъ повелить Богъ. И сemu бывшу, вечеръ той воздѣвъ старець преподобнѣи руцѣ свои к человѣколюбцу Богу показати ему: аще пріемлетъ діавола, обращающаися к покаянію, и абіе ангель Господнь предста ему яко молния, и рече к нему: сице глаголеть Господь Богъ твой: что яко молниши мою дѣржаву о бѣсь? тъ лукавствомъ искушай тебѣ пріиде. И старець же: и како, рече, мнѣ Господь не откры бывшаго, но скры от мене еже не разумѣти? И ангель: да не смутишися, ре-

че, от вещи сей: смотрѣніе бо бываетъ иѣко дивно к ползѣ согрѣшающимъ, яко да не отчаются согрѣшающеи, яко ни от единаго отвращается преблагій Богъ приходящаго к нему; аще и самый тъ діаволъ прїидеть, подобиѣ же яко да явится симъ образомъ и бѣсовское жесточество и отчаяніе; егда же прїидеть к тебѣ искушай, да не соблазниши его исперва, но рци ему сице: да вѣси, яко человѣколюбецъ Богъ николи же кого отвращается приходящаго к нему, аще и діаволь будеть; и се обѣщаТЬ и тебе пріяти, но аще сохраниши повелѣнная от него. Егда прїидеть все и речетъ: и что есть повелѣнная от него? рци к нему: сице глаголетъ Господь Богъ, вѣди тя кто еси и откуду прїиде искушай: ты бо еси древняя злоба, и древняя злоба нова добродѣтель быти не можетъ; навыкнувъ гордости своея; и како возможеши смиритися в покаяніе и обрѣсти милость? Но не имаши сей извѣтъ отвѣщати в день судный: яко хотѣхъ показати и не пріятъ мене Богъ. Смотри же глаголемыхъ: како хощени показаніе начати. Сице глаголетъ Господь: сверши три лѣта на единомъ мѣстѣ стоа обращаясь к востокомъ, нощю и дню взываа велиимъ гласомъ: Боже, помилуй мя древнюю злобу! глаголя сие сто и паки другое сто также глаголя: Боже, помилуй мя мерзость запустѣнія! и паки также число: Боже помилуй мя помраченную прелесть! И егда сія сотвориши, тогда спричтешися со ангелы Божіими, яко же прежде. Зереферъ же лестный онъ покаяніа образъ отвергъ, восмѣяся велии и глагола старцу: о калугере! азъ аще быхъ хотѣль нарещи себе древнюю злобу и мерзость запустѣнія и помраченную прелесть, прежде и от начала се хотѣль сотворити и спастися; нынѣ же древнее зло не буди то азъ, и кто се глаголетъ? Азъ бо даже и до нынѣ дивенъ и славенъ бѣхъ, и вси бо аще повинуются мнѣ, и азъ самъ себе нареку мерзость запустѣнія и помраченную прелесть! Никако, калугере! не буди то, яко да азъ в таковое безчестіе себе всажу! Сія рекъ діаволъ, невидимъ бысть. Старецъ воставъ, благодаряще Бога, глаголя: во истину глаголалъ еси, Господи, яко древнее зло ново добро быти не можетъ!

отчаются хотящи покаянія; зѣло бо оувѣрятіи от сея главизны человѣци оудобъ не отчаянія своего спасенія. Сія рекъ ангель ко старцу, взыде на небо аbie. Оутру же бывшу прїиде и начать издалеча рыдаша плакати и к старцу пришедъ поклониши; старецъ же исперва не обличи его, но во сумѣ своемъ глаголаше: зѣл прїиде, лжа, діаволе, древнее зло, ядовитый змію всемукаўый; таче глагола к нему: да вѣси, молихъ Господа Бога моего, яко же обѣщаешьъ ти ся, и пріемлетъ тебе в покаяніе, аще пріимеши яже иною заповѣдаетъ тебѣ державный и всесиленный Богъ. Бѣсь же: и что суть, рече, яже повелѣ Богъ сотворити ми? Старецъ же отвѣща: заповѣдати тебѣ повелѣ Богъ сице: яко да стояши на единомъ мѣстѣ 3 лѣта к востокомъ, взывая во дни и в нощи: Боже помилуй мя древнее зло! глаголя сие числомъ сто, и паки другое сто глаголя: Боже помилуй мя мерзости запустѣнія! и паки тоже число: Боже помилуй мя помраченную прелесть! И егда сія сотвориши, тогда спричтешися со ангелы Божіими, яко же прежде. Зереферъ же лестный онъ покаяніа образъ отвергъ, восмѣяся велии и глагола старцу: о калугере! азъ аще быхъ хотѣль нарещи себе древнюю злобу и мерзость запустѣнія и помраченную прелесть, прежде и от начала се хотѣль сотворити и спастися; нынѣ же древнее зло не буди то азъ, и кто се глаголетъ? Азъ бо даже и до нынѣ дивенъ и славенъ бѣхъ, и вси бо аще повинуются мнѣ, и азъ самъ себе нареку мерзость запустѣнія и помраченную прелесть! Никако, калугере! не буди то, яко да азъ в таковое безчестіе себе всажу! Сія рекъ діаволъ, невидимъ бысть. Старецъ воставъ, благодаряще Бога, глаголя: во истину глаголалъ еси, Господи, яко древнее зло ново добро быти не можетъ!

IV.

ОБЪ ИСКУШЕНИИ БЪСОМЪ СТАРЦА-СТРАННОЛЮБЦА.

(Иллпр. Публ. Библ. Погод. фрэзлехр. № 1300 рукоп. конца XV или XVI в.)

Бъ нѣкій старецъ, имѣа страннопрімѣство и прочимъ добродѣтелемъ прилежа со тщаніемъ; ненавидя же добра діаволъ сего искусивъ трети величими искушеними, сирѣчь в чревообъяденіе, сребролюбія желаніа, в ложное заклинаніе. Единою же преобразивъ себе діаволъ яко единаго нища и болна, пріиде ко старцу и tolku в двери его. Исшедъ старецъ по обычаю страннолюбія, и видѣвъ его старецъ во оубозѣй ризѣ и от недуга изнемогша, и емъ его за руку, и введе и в келлю и постелью и покоя, елико можно, ему сотвори. И по внегда оупокоити его, вопроси его, и аще хощеть вкусити сиѣдь. Онъ же исперва не восхотѣ болести ради, по малѣ же часѣ паки прося у старца ясти и глагола: хощу, отче, да сотвориши о мнѣ милость: от мяса, егоже принесохъ, испекъ на огнѣ, принеси ми ясти; но не хощу, да иному даси испещи е, но самъ свонма рукама сіе сотвори, яко да твоимъ благословеніемъ от недуга свободожуся! Бѣ бо діаволъ принесль мясо на прелѣпіе старца. Вземъ же старецъ мясо и на части ссыѣкъ, и прилежно мывъ, посоли, и начать пепши, и в похотѣніе великое впаде старецъ, яко нѣкую часть вземъ сиѣсти, еже и сотвори, прочее же принесе недужному, глагола: востани, чадо, и сиѣждь; еда како возможеш! Онъ же воставъ и видѣ, яко нѣсть все ма-

со, но нѣкія части от него сиѣдены, начать прорековати старцу: се елико частіи бѣ мяса, нынѣ же не всѣ суть, но сиѣль еси от нихъ! Старецъ же нача отрицати с клятвою, глагола: яко ничтоже сиѣмъ. Яко оубо видѣ діаволъ, яко клятвою лжу сотвори, и хотя его во иныхъ уловити, смири вся, глагола: прости мя, отче, яко тако есть, якоже рекъ еси, и разпрелстихся. Сотворивъ оубо у старца мало дніи, и единою умолився к старцу, глагола: вѣси, отче, яко велику и богату родителю сынъ есмъ азъ, и богатаго онаго сродникъ есмъ. Имя рече ему. Той же, по смерти отца моего, разграби имѣніе мое, и не имѣ (не имамъ) что сотворити ему; сице стражу, якоже мя видиши; но аще послушаеш мене, и тебе богата сотворю, и себе толикой нищеты свободожу; и аще себе обогатиши, множайше страннолюбіе стяжеши. Онъ же страннолюбія стрѣлою уязвися, обѣща: иже аще что хощеши, сотворю. Онъ же рече: послѣдуй мя, сю бо ношь дарую ти злата много. Старецъ же вѣровавъ реченному, и послѣдова ему. И приведе его в домъ нѣкоего богача, и отверзъ двери, и введе, и вшедъ оубо на горницу бѣсь, идѣже бѣ злата много, и пометаше старцу на землю, послѣди верже блюдо велико, звѣзніемъ возбудиша всѣхъ, иже в дому, еже воставше и яша старца и многи раны возложиша наń, в темницу

всадиша, яко да оутру бывшу предадять его князю. Старець же многою скорбию одръжимъ баше в темници, промысломъ же человѣколюбца Бога, хотящаго всѣмъ спастися, прииде бѣсъ паки ко старцу, глагола ему: не скорби, авва, понеже многи богатства исполню тя за се. Заутра бо аще тя ко князю приведуть, рци сице: яко потворяетъ мя человѣкъ сей; азъ бо зодчай есмъ и своимъ наемникамъ зидахомъ у него, и ничто же от него вземъ, нынѣ же придохъ взяти мзду мою, той же емъ и всади мя в темницу, и аще истину оувѣдати хощеши, посли в домъ его, и обрящеши орудія моя: теслы же и сѣкиры и прочаа, и от сего познаеши, яко истину глаголю. Еже и бысть. Князь же слыша, аbie отпусти его. Вземъ же старець множество злата много и видяше радуяся. Паки же на пути явися ему

діаволь, глаголя: аще и мало поскорбѣ, отче, но имаши много злата. Идущимъ же имъ вкупѣ, пріидоша до илькоего распутіа, глагола діаволь ко старцу: ты, оубо, человѣче, симъ путемъ хощеши ити, азъ же другимъ; сѣдъ оубо, и раздѣлимъ злато. И сѣде діаволь, сотвори три части; и глагола ему старець: како оубо, мы два суще, три части сотворилъ еси? Онъ же рече: двѣ оубо части нама обѣма, третіа же изъѣдшему мясо. Старець же аbie с клятвою нача глаголати, яко азъ его сиѣдохъ; поругаемъ бывъ старець от бѣса. Рекъ же к нему: иди, старче, в келію свою и молися Богови; понеже во убійство вложихъ тя! Старець же оставилъ злато, и устыдѣвся бѣже в келію свою, паки вложи начало свое и⁽¹⁾ в первый свой чинъ.

⁽¹⁾ Здесь одно слово не разобрано.

V.

О БЪСОВСКОМЪ КНЯЗЪ ЛАЗІОНЪ.

СЛОВСТВО НИФОНТА СО РУСЛАНХХ.

(Руманц. Муз. № 186, рук. XIV в.)

Рече святый Нифонтъ: якоже труба гласяще собираеть вои, молитва же творима совокупляеть ангели Божія, а сопѣли, гусли, пѣсни непріязнныы, плясаны, пле-сканы сбираютъ около себе стоудны бѣсы, держай же сопѣлника, въ сласть любай гусли и пѣны, плясаны и плясаны чтить темнаго бѣса, иже желаеть и тщить по-жрети весь міръ. Толку оубо благодать Богъ иви блажен-ному Нифонту, якоже зрети іему всѣхъ сихъ душевными очима. Іединою бо идущю іему въ церковь Святая Бого-родица во время пѣнія, и узрѣ на пути церковнемъ, ико-мимо идяше единъ дѣмонъ, итже бяше князъ бѣсовскъ, оунылъ же и драхль, и съ нимъ 12 иныхъ бѣсовъ. Слы-шавше же пѣсь церковную, и оужасошаися, исполнишаися зависти, и начаша поносити князю своему, глаголюще: видиши ли, како ти славиться Іисусъ въ церкви от рабъ своихъ, се оубо поюще пѣсь Іисусъ Назорянинъ, вся ны помучили и оустрашили суть, и оуже побѣженіи іесмы оканивъ, и донелѣже царь нашъ воюють съ нами, крѣп-ци побѣжаляемъ крестыны, и іегда же воруживъшеся на Іисуса жиды и распяша, и штолѣ скрушеная бысть сила наша, и не имамъ крѣпости, ико прежде, связа бо наше-го начальника Іисусъ Назаренинъ и всю силу его по-пра; и штолѣ погибе нашъ царь и сила іего скроуши-ся, и наша держава похуленна бысть. Да что створимъ

скаяныни! Поносящимъ лукавымъ бѣсомъ своєму князю, онъ же к нимъ рече: о семь ли іесте скорбни, иже слышите Іисуса славима въ церкви Мрынѣ? то мало ны о семь іесть печали; яко во время іедино о семь оскорбляютъ вы, а многажды же мирскими пѣсми славять вы; ащели вы і есть се неизвѣсто, то пожди-те, да вы покажю, иже начнутъ насъ славити, и вы обрадоватися имате. И се князю ихъ путемъ ида глаголю-щю, и се человѣкъ срѣте и, скача съ сопѣлми и съ нимъ идяше множество народа, послушающе іего, ини же пля-саху и поему; и всѣхъ сихъ зряще блаженный, и ѿ іединого мюрина связани оужемъ іединѣмъ, и влекоми въ слѣдъ сопѣлника; и се узрѣвшe бѣси, възрадовашася радостью великою и начаша ити прельщати народы; овы подвизахуся плясати, и другымъ пlesкати вспѣва-юще, съ ними же и бѣсомъ пляшущимъ и скачущимъ, народи же не видяху бѣсовъ, токмо блаженый Ни-фонтъ. И се моужъ стояше, зря съ полаты, пострѣченъ ѿ бѣса, и повелѣ ставше имъ пред собою играть и пля-сати, а другымъ пѣти и пlesкати, бѣсомъ оугодыа тво-рять, иземъ батый (богатый) сребреницу, дастъ сопѣлни-ку; онъ же ю пріимъ, вложи во чбагъ свой, бѣси же изем-ше сребреницу вщага (из чпага) сопѣлника, и послали ю съ іединѣмъ ѿ бѣсовъ ко отцю своему сатанѣ въ без-

дну, глаголя: рци, шедъ, отцю нашему дьяволу связаному тамо Иисусомъ Назариномъ; се ти жертву пусти іединъ ѿ князь нарѣцаемый Лазионъ, жива боуди жертва твоя, отче нашъ, мы бо твои іесмы чада, и створихомъ подвигъ на супротивныя намъ крестьяны. И ино много рекше, даша іему сребро и мѣдь, юже имъ даваху багатии и оубозии играны дѣла, и се лукавии бѣси аки жертву приношаху и тѣмъ величахуся, и дошедъ же соль бѣсовъскій къ дьяволу и вѣзъ въ жилища адова, прінесе оканьныя и пагубныя приносы, иже пріимъ дьяволъ обрадовася, и рече: то всегда оубо жертву ѿ кумиръ приемлю, но тако ся обеселити не могу, якоже ѿ сихъ крестьянъ приносимыхъ бываєтъ ми радость и веселье. Си рекъ дьяволъ, пакы възврати сребро и мѣдь сопущему, осквернивъ своимъ омраченіемъ, и рекъ къ бѣсу: идите и пооучайте на игры грѣшныя назаряны.

Не могутъ бо иначе нарещи Господа нашего Иисусъ Хри-

ста, но токмо Иисусъ Назаринъ. Скоро же приде бѣсь къ пославшему іего доность сотонино запрещены, и пакы вложи во чшагъ оптиолу сопѣлнику, и такъ бѣси разыдошася иныхъ прельщати человѣкъ. Блаженый же Ин-фонтъ зра сиа слезаше, и бѣ одержимъ великою печалью, о таковѣй погибели и прельсти крестьянѣи, и молящеся остати всѣмъ игръ бѣсовъскіихъ и ѿ листи дьявола, наипаче же своемъ имѣніе даютъ бѣсу лукавому, иже суть русалья, и ини же скоморохомъ; да аще сихъ не остануть, с кумиро служители имутъ быти и въ скрежетѣ зубнемъ. Аще речемъ: имамъ цату іедину, дай же ю взаиемъ Богу, и возмеши сторица и жизнь гѣчную. За кую вину даиши сребро свое дьяволу въ жертву, велику пагубу души своей творя, а дьяволу же радость; велика бо радость свершаєтсѧ дьяволу плясаныи и плесканыи съ свѣрилми.

VII.

О ТАНИЦЮЩЕЙ ДѢВИЦѢ.

Нѣкогдѣ танцовать оѣнишай и пѣти бѣси что сотвориша.

(Иллпр. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 4586.)

Дѣвка нѣкая во дни святыя, егда паче слово Божіе вреды страшными обложися, и нестерпимый смрадъ проповѣдается, обаче во играхъ, в веселіи, в танцѣхъ пребываше, и нѣкоего дни от заутра даже и до вечера во гумленихъ и в танцѣхъ пребывше, в вечеръ глубокій возвратиша в домъ свой, и сѣдя тако, дая себѣ покой, и воздремася мало, точію очи смышише, в томъ снѣ восхищена бысть от бѣсовъ; и занесоша ю бѣси в геену, и тамо ю тако опалиша, иже ни единъ власъ на главѣ ея не бысть, и все тѣло ея великими испущая, и по опаленіи единъ демонъ главно ей горячую в уста ея вонзѣ, и рече: имѣй сіе за пѣсни и за танцы и прелестныя ризы; ризы же ея ни сльду опаленія пріяша. Обудися воплемъ страшнымъ от болѣзни кричаше, матери же и инымъ пребывшимъ, что ей сотвориша всѣмъ повѣдая; призванный же священникъ на исповѣди ни единаго смертнаго грѣха обрѣте, едино се, еже все тщаніе имѣ танцевати и пѣсни пѣти.

VII.

О ЖЕНЩИНЪ, ВОШЕДШЕЙ ВЪ ЦЕРКОВЬ ВЪ НЕЧИСТОМЪ ВИДЪ.

(Импер. Пуб. Библ. О. 1. № 209 рукоп. XV в.)

Бѣ нѣкая жена именемъ Матрена, иже недавно бѣ невѣсту сынъ ея поилъ, аже коупно с своею свекровью на священіе церкви звана бѣ, и на туо ношь иже на оутрия бысть священія, плотною похотью съ своимъ моужемъ смѣсися, на оутрия же съ свекровью, на обновленіе церкви прїиде и остыдившася человѣкъ въ церковь вниде, Божья соуда не оубояся, и пристоуни к мощемъ святаго мученика Савостиана, и се внезапу духъ порази ю предо всѣми людьми, и сѣтвори ю бѣситися, церкви же той пресвитеръ от олтаря плащаницю вземъ покры ю; в томъ часъ наинь бѣсь нападе, да навыкнетъ своимъ стouженемъ и оуразоумѣютъ людіе же туо соущіи. Ведоша в домъ женоу туо и велми дьяволъ стouжаше ей, ближкыи же ея мно-гыи обавники приведоша, творяше (ще) волшбами помошь сѣтвори(ти) ей, несена бо на рѣкоу и в водоу вложена бысть, многими волшбами ликоваху ея, и не могоша помоши ей. Дивно бо о семъ Божья судбы надѣющеся чарами единого бѣса прогнati от нея, бо же легиона бѣсовъ вниде в ю, и злѣ нача трясеньемъ лютымъ плоть ея сѣкрушатися и тольми бѣ-

ситися ей, яко же всему яко всѣмъ бысть познано яви от множества бѣсовъ ей моучими быти. Тогда сея оужики сѣвѣтъ благъизвольше, видяще неоуспѣхъ чаровникъ, вину своего невѣрствия написавше, и сию бѣсною ко благочестивому Фотронотоу приведоша, моляще его помощи страждоущей, оу него же сию оставише і отидоша. Блаженный же во многи дни и нощи пребываше во молитвахъ о ней ко Богоу. Мнозіи же бѣсове соупротивляхуся еому и едва преподобный отгна ихъ, цѣлоу и здравоу сию родителемъ ея предасть. Да се слышаше, моуже и жены, не мозите въ церковь внити окалявше плоть свою, и никтоже васъ не лекоуйте болезни вольхвованіемъ, да не паче Бога разгневавше, лютѣвшая пріимете. Богу нашему слава (*).

(*) Легенда эта, какъвидно, византійскаго происхожденія, замѣчательна потому, что освящаетъ обычай уваженія къ церковной святынѣ, наблюдавшійся мастари русскими и замѣченный многими иностранцами, которымъ поражало, когда они видѣли многихъ замужнихъ женщинъ, во время литургіи стоявшихъ у дверей храма, и подвергавшихся настѣшкамъ молодыхъ людей, знаяшихъ причины, по которымъ они считали себя недостойными входить въ церковную трапезу. Кроме того, здѣсь замѣчательенъ способъ леченія водою, употребляемый эзахариями и волхвами въ старину, въ которомъ видны остатки древняго языческаго водопоклоненія.

ПОВѢСТЬ
о цѣломудренной вдовѣ.

ПОВѢСТЬ

О ЦѢЛОМУДРЕННОЙ ВДОВѢ.

(Иллпр. Публ. Библ. Погод. дреэлехр. № 1300 рукоп. конца XV или XVI в.)

Два купца от единого веси бѣста имуща любовь себѣ, единъ же ею бѣ богатъ зѣло, другій же не по-толику, жену же имѣяше зѣло краснѣйшу и цѣломудрену, яко же вещь последи показати хощетъ; оумер-шу бо мужу ея, оста вдовствующи. Купецъ же онъ другой, вѣдьмъ добродѣтель еа и цѣломудріе, восхотѣ пояти ю себѣ в жену, срамляше же ся рещи ей, еда квко не восхощетъ; имѣяше же всегда помыслъ на ню. Она же, разумна сущи, разумъ что хощетъ сотворити, и единою глагола ему: брате и господине Семіоне! вижу тя от помышленія смущаема, но рци ми без всякаго сумнѣнія яже хощеши, и аще мошно будеть извѣщути. Онъ же первѣе стыдяшеся извѣщати вещь, послѣди же исповѣда и моляше сію пояти себѣ жену; она же обѣща ему, аще сотвориши. яже ти заповѣдь дамъ, и азъ сотворю волю твою. Глагола ей: иже аще заповѣдаеши ми, сотворю вскорѣ. Рече же ему: иди в домъ свой, и ничтоже вкуси, дондеже призову тя. Онъ же с радостію обѣщася сотворити. Не дастъ же ему дніи оуречены, когда призоветъ его. Минувшу же первому и второму и третьему дню, и не призва его; онъ же любве ради еа терпяше крѣпко, Богу сіа по смотрѣнію сотворшу, вѣдущему гдѣ хощетъ призвати его. В четвертый же день послалъ к нему. Онъ же вмалъ не и сче-

зе гладомъ и не возмогъ ногами своими прійти от изнеможеніа, обаче носимъ вѣкімъ пріиде. Она же уготовавше трапезу и постелью также, и глагола ему: се трапеза и одръ; что повелѣваши прежде сотворити? И рече ей: помилуй мя, дажь ми прежде вкусити, понеже исчезаю, ниже помысла имамъ что есть жена от одержащаго мя глада. Тогда глагола ему она: се егда взалка, и мене и всяки похоти забы, точію да хлѣба насытишися; егда же пріидутъ ти сицеевые помыслы, такову лѣчу поста воспріими, и избавишися всякаго помысла лукава. Вѣру же ими ми, брате, яко по смерти мужа моего ничтоже тебѣ или иному совокуплюся николиже, но покровомъ Христа моего сице пре буду в чистотѣ. Тогда умилившися мужъ и почюдивши разуму ея и цѣломудрію, и глагола ей: понеже благоизволи Богъ спасти мя твоего ради разума, что совѣщаеши ми сотворити? Она же боящися оунисти ради и сущу ей красоты боящеся, да не како и сама времени зовущу сицеово постражать, и глагола ему: миу, яко не любиши никогоже Бога ради, якоже мене; азъ же во истину Бога ради люблю тя; но понеже заповѣдь имамы вѣдьмы нашего Бога, глаголюща: аще кто хощетъ по мнѣти, и не возненавидѣтъ отца, и матерь свою, и жену свою, и чада, и братію свою, и сестры, и сродники

своя, и еще же и душу свою, не можетъ быти мой
ученикъ, и аще хощешъ да соѣзжаю ти: оудалимъ
себе другъ от друга яко да вмѣнить и тебѣ Господь
яко отречеся жены своеа его ради; мнѣ же такоже да
вмѣнится яко отрекохся мужа моего, и се оуже мона-
стырь есть в странѣ нашей, и аще всяко желашши
отврещися міра, тамо шедше отрещися и оугодиши

во истину Богу. Онъ же аbie расточивъ богатство свое
нищимъ, иде в монастырь онъ, и пребысть до смерти
своєя, и бысть искусенъ инокъ. Подобно же блаженнаа
и цѣломудреннаа она, шедъ в монастырь женский, и
оугоди Богу. Сія же вся самый онъ отецъ Семионъ
исповѣда намъ, и прославиходъ Бога.

**ЛЕГЕНДА
ОБЪ ОЖИВЛЕННОЙ КУРИЦѢ.**

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОЖИВЛЕННОЙ КУРИЦѢ.

(Импср. Публ. Библ. Погод. дрессехр. № 4333.)

Человѣкъ иѣкій православныи вѣры по воскресеніи Христовѣ на святой недѣли пріиде к иѣкоему жидовину в домъ; оному же іудеянину сѣтующу и во уныніи пребывающу, христіянинъ рече: почто вы сѣтуете, во уныніи пребываете, забыте таковыя радости и утѣшанія, в онъ же Господь нашъ плотю пострада и воскресе в третій день по писанію жъ; и Адама с собою возведе и сущая со Адамомъ, и адъ плѣни и вознесеся на небеса, и сѣде одесную Отца. И отвѣща ему жидовинъ с яростю и рече: како ты глаголеши воскресъ въ третей день и возшедшаго на небеса и сѣдяща одесную Отца, его же отцы наши злою смертю умориша, и ученицы его иошюю украдоша, и рекоша людемъ, яко воста от мертвыхъ, и проречеся то слово и до сего дни? А в то время пред жидовиномъ на обѣдѣ вареное кури лежитъ, и жидовинъ рече: мо-

жеть ли се вареное кури востать и (¹) сотворить? И отвѣща ему христіанинъ, рече: помянухъ колиго чудесъ сотвори Богъ отцемъ нашимъ в пустыни; можетъ Богъ и от камени сего плодъ воставити чадъ Аврааму. Аще кто имать вѣру Господеви, речетъ горѣ: восторгнися и вержнися в море, и послушаетъ васъ, ничтоже замыслить въ сердцы своемъ (²). Не токмо встанетъ се вареное кури во славу Сына Божія на вѣру невѣрнымъ: можетъ Богъ оживити! И се вареное кури восплеска крилома, испусти гласть, и изнесе яице. Оле чудо дива исполнена! Створшаго Бога восхвалиша и прославиша о таковомъ чудеси! И аbie той жидовинъ крестися и вѣрова в Господа!

(¹) Здесь слово осталось неразобраннымъ.

(²) Вероятно слѣдуетъ переставить такъ: аще кто имать вѣру Господеви и ничтоже замыслить въ сердцы своеи, но речетъ горѣ: восторгнися, вержнися въ морѣ и послушаетъ васъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Легенда эта повсемѣстно сохранилась въ народѣ и въ Червонной Руси составила предметъ одной колядки. Въ ней описывается, что когда Христосъ воскресъ, увидала его жидовка дѣвица и побѣжала сказать своему отцу. Отецъ говоритъ:

Ой дівчя, дівчя, дівча жидівчя!
Ой кобысь то такъ не моя дитина,
Я казавъ бы тя въ Дунай вкинути;

Втоды рускій Бого изъ мертвыхъ уставъ,
Коли тотъ каплунъ передъ мя злетить,
Передъ мя злетить, красно запіе!
Есть передъ жидомъ торіль точеныі,
Теріль точеныі, каплунъ печеныі;
А каплунъ злетівъ, тай на облокъ сівъ,
Та и на облокъ сівъ, краснейко запівъ,
Краснейко запівъ — а жидъ оставпівъ.

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНИИ ХРИСТИАНСТВА ВЪ РОСТОВѢ.

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНИИ ХРИСТИАНСТВА ВЪ РОСТОВЪ.

(Рукоп. XVII в. Рум. № 454.)

ПЛЯТЬ ПРЕЕДНАГО ОТДА НАШЕГО АРХИМАНДРИТА ЕГООБЛАЕНЬСКАГО РОСТОВСКАГО. ГОСПОДН
БЛАГОСЛОВИ ОТЧЕ.

Преподобный отец наш Аврамій бѣ родителю благочестивому сыну⁽¹⁾. И оставил родителя свою, и міръский мятежъ, и взялъ крестъ Христовъ послѣдова Христу, и от младыхъ ноготъ Богу себе предъстави. бысть мніхъ, и чисто приятелище бысть Святаго Духа, покоривъ плоть духови, и обладая страстями плотскими, и жестокому пребыванію и нужному себе вдавъ, трудомъ себе источивъ, и бысть мніхомъ начальникъ, и житіе агельское поживъ, и чудесъ обогативъ благодатию исцѣлити страсти неисцѣльныя, истечениемъ слезнымъ душю свою омыть⁽²⁾. Видѣвъ же преподобный прелестъ идолъскую соущу, (въ Ростовѣ) не оубоѣ еще пріяша святое крещеніе, но чудескій конецъ поклонившися идолу камену⁽³⁾; омрачени бо суть сердца ихъ, бѣсу злу живущу, яко близъ его никому же смигнти ходити путемъ тѣмъ, и мечты творяще, мечть бо христіански творяше страшилица злымъ омраченіемъ⁽⁴⁾. Преподобный же Аврамій помолился Богу, глаголя: Господи Боже вышній! призри с высоты своеи на раба твоего и да даждь ми силу и благодать Святаго твоего Духа разорити сего многокозненаго идола⁽⁵⁾. И невъзможе. Не дадяше бо ни близъ себе оканынъ принести злымъ вѣществомъ своимъ. И недоумѣвшися о семъ, и бысть скорбя сѣдѧше, и ви-

дѣ старца к себѣ грядуща благоговѣйна образомъ соуща; преподобный же срѣте его; и оба поклонистася между собою, и взяста другъ от друга благословеніе, и сѣдоста.

Начать же⁽⁶⁾ блаженый Аврамій к старцу глаголати: откуду, человѣче, грядеши, и коиа страны еси, святче Божій? И глагола ему старецъ: азъ есмъ, отче, Цариграда родомъ, пришелъ есмъ на земли вашей странній; рци же ми, отче, что ради скорбя сѣдиши близъ страстнаго сего идола Велеса⁽⁷⁾. Глагола блаженый Аврамій к старцу: тищуся и молюся Господу Богу разорити многострастнаго сего идола Велеса, и невозможно ми: презрѣ Богъ моленіе мое; и се скорбя сѣдохъ! Глаголаше же старецъ к Аврамію: аще хотиши, отче, желаніе мое (свое) получить; иди Цариграду и пытай въ градѣ Іоаннінова дому Богослова, и види въ домѣ его, и помолися образу его, и не изыдешши изъ него тощъ, и желаемое получиши⁽⁸⁾. Печалу же блаженый Авраамій о долготѣ путей; и рече старецъ: Господь Богъ прекратить ти⁽⁹⁾ малымъ временемъ.

Блаженый же Авраамій наполнился Духа Святаго, взялъ благословеніе оу старца, нача путемъ тещи, забывъ долготу пути, и преиде Ишню рѣку, и срѣ-

те человѣка страшна, благоговѣйна образомъ, плѣшива, вѣзлыса, брадою круглою великою, и красна соуща зѣло (10), имуща в руцѣ трость. Паде под (11) ногами его блаженый и поклонися ему. Глагола ему страшный мужъ: гдѣ, старче, грядешъ? И рече Авраамій: на взысканіе дому Ивана Богослова. И глагола ему страшный моужъ: вѣзьми, старче, сю мою трость, и вѣзвратися, и приступи къ идолу Велесу, избоди его тростію сего въ имя Иоанна Богослова, и будеть ти в пракѣ оканыній. И аbie невидимъ бысть (12).

И разумѣй блаженый Иоанна Богослова, и страхомъ и радостію одрѣжимъ вѣзвратися вѣспять, прїиде къ идолу без возбраненія, и избоде его тростію въ имя Иоанна Богослова. Аbie на томъ мѣстѣ, идѣже срѣте Иоанна Богослова, постави блаженный церковь въ имя Иоанна Богослова (13), иже суть и до сего дне, и въземъ благословеніе от епископа, и вѣдрузи церковь малу на томъ мѣстѣ, идѣже бѣ прежде идолъ Велесъ, въ имя святое Богоявленіе Господа нашего Іисуса Христа, и келіи постави, и мнози призыва, и печащеся ими, и общину сътвори (14), и множество зла подять от невѣрныхъ, овогда же хотяще разорити святыню, и съжещи хотяще; но Богу не попустивши ихъ молитвами и трѣпѣніемъ преподобнаго; не по мнозѣ же времени всѣхъ приведе къ Христу богоразуміемъ, и крестиша ся от мала и до велика, и начаша ходити на славо- словіе Божіе и на всеощущеніе и жены и отроци. Преподобный же почтаниемъ книжнымъ и поученіемъ духовнымъ наслаждаше сердца ихъ яко медвена сладчайши сота; мнози же отроци оставиша родителя своихъ и тайно приходиша къ нему, и быша мниси. Преподобный же безъ вѣзраненія вся приходиша къ нему постризаше, яко виноградъ садиша при водахъ древеса, и напояше ихъ водами, поученіемъ божественныхъ словесъ; и сумнохи мнози, и церковь велию създа и оукраси ю, яко невѣсту Христову, чудными иконами и святыми книгами, въ пей же паче множашеся пѣніе святое. Князи ростовскіи начаша вѣру велику имѣти къ монастырю и къ отцу своему Авраа-

мію и къ всѣмъ мнихомъ, и имѣніа многа даяху на строеніе монастыреви, и села даяху на потребу мнихомъ (15) Видѣвъ же преподобный епископъ множащуся монастыреви и всѣми потребными изъбылну соушу, съѣтъ же створи епископъ съ князи да сътвори архимандритю ту обитель (16). И святывише преподобного Авраамія, постави архимандритомъ. И начи большими подъвизатися и труды къ трудомъ прилагати, и молитвѣ и посту себе вѣдавъ, и образъ бывъ всѣмъ, и смиреніе велие стяжавъ, и любовь нелицемѣрну всякому приходищему равно къ великому и къ малу (17).

Старый же ненавистникъ добру діаволь вѣоружашеся на преподобнаго, и пакости ему твораше въ дни и въ нощи, но никако же оустроши преподобнаго мечты своими; огражденъ бо бѣ Христовою благодатію и крестнымъ знаменіемъ. Бысть иѣкогда святому хотящу по обычаю латургисати въ святѣй Божіи церкви, обычныя молитвы пѣвшу къ святому причащенію и хотища ему оумыти роуцѣ, и діаволь внide въ умывальницю, хотящу(е) преподобному спону сътворити водою. Разумѣвъ же преподобный лукаваго доуха въ сосудѣ, вземъ же преподобный честный крестъ, и положи на врѣхъ съсуда, и около съсуда огради крестнымъ знаменіемъ, и не врежая съсуда многы дни. Бѣсь же, крестною силою жыгомъ въ сосудѣ, не могый пзыти. Бысть же обычай княземъ на поле єздити, ловъ дѣюще по вся дни, и пакы вѣзвращаяся въ градъ, вхождаху въ монастырь покланятися церкви, и от святаго благословеніе принимаю. Пакы же прїдоша князи по обычаю въ келію, благословенія ради къ преподобному. По случаю же преподобный въ то время въ пекольницахъ мыаше власаницы на братію. Обычай бо имаше преподобный по вся дни на братію тружатися, овогда въ поварню дрова сѣкуще, и ногда власаницы на братію мыаше, и ногда воду носяще въ поварню и въ пекольницю. Слышавъ же преподобный о князѣхъ, и идяше въ келію свою благословити ихъ; еще же преподобному не дошедши келія своея, князи же суть въ келіи преподобнаго ждоуще, видѣша

съсудъ крестомъ накрыть, и недоумѣахуся о семъ. Единъ же от нихъ дръзнувъ восхыти крестъ съ суда знаменатися имъ, и аbie бѣсъ изъде изъ сосуда аки дымъ чернъ и злосмраденъ, яко устраши всѣхъ тоу сущихъ (18). И оусрѣте лукавый духъ преподобнаго, въ келію идущаго, и начать на преподобнаго зла словеса износити, глаголюще: яко же ты ми сътвори оканьи мучитися силою невидимаго Бога, их изжену быти ми силою крестною (19), тако же и азъ тебѣ сиону сътворю (20), въ малъ времени одолѣю тя и поострю на тя ковъ (21), и сътворю ти раны и оукоръ всѣмъ видящимъ тя, и муки злы наведу на тя; и на пѣзѣ ослятици всаженъ будепи безъ сѣдалища, и въ санъдаліа женъскыя червълены обувенъ будеша, и ина зла многа сътворю ти, противу моимъ зломъ, яже пріатъ (хъ) от тебе. Преподобному же оградиша крестнымъ знаменiemъ, и аbie исчезе (22). Князь же въпрашающимъ преподобнаго о бывшемъ, яко дымъ изъде злосмраденъ изъ сосуда, оному же ничто же о томъ повѣдавши, въземши же князи благословеніе от преподобнаго; и поучивъ я, отпусти ихъ съ миромъ (23). Не помнозъ же времени преобразися бѣсъ въ образъ воина, и пріиде къ великому князю въ Володимеръ, и нача на преподобнаго тяжкая словеса износити; господине царю, хощу ти тайну велику повѣдати, твоему дръжавѣству достойна (у). Въ твоей дръжавѣ, царю, въ градѣ Ростовѣ миныхъ иѣкій Авраамъ въльхъ образомъ, творашся яко свѧть, прельщаше же люди (24), смиренъ ся творя. Сей налѣзе влагалище велие въ земли мѣданъ съсудъ польнъ, достоинъ твоему господствству; и мыже бо съсудомъ златымъ и поясомъ златымъ и чепемъ немощно цѣнъ предати, сребру же и инымъ иѣкымъ драгимъ немощно повѣдати; тѣмъ бо стьковищемъ монастырь созда и церковь велию постави, а твоему господствству не повѣда. Князь же великий разъжегся велиемъ гнѣвомъ на преподобнаго, и послалъ воина лютата зѣло по преподобнаго, глаголюще тако: гдѣ обращени старца, то не глаголи къ нему не единаго слова, но въ чемъ

пакы обращени его, тако и постави предо мною. По наоученіемъ (енію) злого того воина иже суть бѣса (25), въ то же время преподобному на келейной молитвѣ, послѣ съборнаго пѣніа, стоящу въ единой власяници, и не обувенъ въ санъдаліа, пріиде же въ то время злы свѣрѣлый вънъ, не имъ милости о преподобнѣ, не дадяше ни глаголати къ себѣ преподобному, ни ризами облачитися, ни обуваніа ногамъ: тако бо сатана обуя ему сердце. Видя же преподобный вражду вражю, бывшую наинъ, и не убояся, ио паче благодаряше Бога о приключышейся наинъ бѣдѣ. Въземъ же его воинъ всаді и на свой конь, женяше къ Володимерю, и обрѣтъ на оной странѣ езера селянина, яздяща на пѣзѣ ослятици и въ руку имъ санъдаліа женъская, червълены суть. И всади преподобнаго на ослятицю и санъдаліа възложи на ногу его, и аbie постави его пред дръжавою (26) великымъ княземъ, въ единой власяници, яже на тѣлѣ вошаше. Повелъ князь воина соуперника его поставить предъ собою. Вънъ же тѣже злы словеса износя на преподобнаго о обрѣтеніи влагалища велия; яко же прежде рекохомъ; преподобный же, въздѣвъ руцѣ на небо, и запрѣти духу лукавому, глаголя: запрещаю ти именемъ Господа нашего Іисуса Христа: повѣжь ми, къто еси ты, иже таковыми глаголы обольсти ма? Бѣсъ же нача трепетати, глаголя: азъ есмъ бѣсъ Зееоусъ, искони ненавидя добрую человѣческому (27), паче же миныхомъ, боящимся Бога. Се оувѣждь, калугере: еже ти сказахъ, то ти и сътворихъ о прѣвомъ твоемъ неистовѣствѣ, яже ми еси мучилъ въ убоѣмъ твоемъ съсоудѣ! Се рекъ, и аbie невидимъ бысть. Князь же видѣвъ премѣсть дїволю и преподобнаго, стояща поругана, и странно очина зрѣги, и страхъ объяты всѣхъ соущихъ, иже суть съ княземъ; нача князь молити старца, прощенія прося о немъ же съгрѣши къ старцу, съ слезами глаголаше: азъ, отче, повиненъ есмъ приходу твоему иоуженному, и люто оскорбихъ тя зѣло; отдай же ми, отче, о немъ же ти прогнѣвахъ! Се бо, отче, врагъ омрачи ми сердце и разъяри ми на тя, и въверже мя въ

сій грѣхъ! Старець же глагола: Господь простить тя, самодѣяній царю, сіе бо дѣло старого врага діаво-ла суть; понеже, царю, не дивися тому: искони бор-рия (28) съ человѣкы, паче же боящимся Бога и спо-ну сътворити. (29) Князь видѣвъ смиреніе преподобнаго и тихыми словесы и смиренными глаголюща къ нему, яко ничто же зла въспріимьша, паче же оублажаше преподобнаго, и честь велію възда ему (30) на съданіе монастырю, и дома и села многы даде к монастырю,

и оустрои его своимъ монастыремъ, и очини его вы-шыша всѣхъ обителей, иже соуть въ Ростовѣ, и многы рабы подаде въ домъ святому Богоявленію, и грамоты подаде многы жаловальные, иже соуть и до сего дне; отпоости преподобнаго съ великою честію въ свой ему монастырь, (31) И поживе преподобный въ своемъ монастырѣ въ велицѣ смиреніи, и труды къ трудомъ прилагая, и въ велицѣ смиреніи къ Господу отъиде, его же изъ млада възлюби.

ВАЖНЫЙ ШИЯ ОТМЪНЫ.

(По варианту Румянц. Муз. № 456.)

- (1) Преподобный отець нашъ Авраамій от предѣль Гали-ческихъ, града нарицаемаго Чюхлома, бѣ родителю благочестивоу сыни, и от нихъ книжному обученію наказанъ бысть, и благочестію наоученъ.
- (2) Изъде възыскати въ честныхъ и чудотворныхъ обителехъ жилища святыхъ, поминувъ рекшаго: добро онечалити родителя, а не Господа; овь бо созда и спасе, овіже иноніцею ихъ же возлюбиша погоубиша и моудѣ предаша. И тако общедѣ и съглядавъ мѣста доволна, пріиде въ преслову-щий великий Новъградъ и тамо съглядавъ вся спасеная и чудотворная мѣста многонародна соуща и по Бозѣ живуща, обаче восхотѣ, по пророку рекшему, и глаголь онъ поминувъ къ великому оному, еже бѣгати отъ человѣкъ и спастися, тако и си преподобны, и оудалитися отъ человѣкъ, и водворитися въ пустыню, (*) пріиде къ великому езеру Ладоскому, и тамо обрѣте обитель реченую Валамъ, вnde и обита, и видѣ мѣсто отъ града оудалено и не зѣ-ло народно, восхотѣ пребывать ту, и пріять бысть. Видѣвъ же о братіи благое оустроеніе, нача молитися пастыря обители тої, да сподобить его ангельскому образу. Игумень же, того искусынъ духовнє, обрѣте сосоудъ чистъ Богови, повелѣ пострищи его и дастъ ему ангельский образъ и причте его къ прочемъ братіи. Преподобный же порадова-ся, яко и бысть минхъ, и чистотѣ приятелище бывъ Свя-таго Духа, покори оубо плотская духови и обладая стра-стями душевными и телесными, жестокому пребыванію себе ѡдавъ, труды къ трудомъ прилагая, и бысть искушенъ іонокъ и во всѣхъ тяжкихъ службахъ. И пребыть туо лѣта доволна и трудомъ многимъ себе и братия препо-

добнаго Авраамія трудившася довольно и искусна и всемъ, начиша почитати его и честь велію воздасти ему, ииѣже яко и пастыри того нарицати. Преподобный же сего никако же восхотѣ слышати, иже чести вѣкъ възскати, ио аbie отъиде въ неизнанымъ страны. И по благоволенію Божію пріиде близъ града Ростова, и ту обита при езе-рѣ, малу колибицу себѣ поткнуть. Видѣвше же благора-зумніи богобоязніи человѣкы, начиша приходить къ нему, ииї же и сожителствовати съ нимъ произвольюще. Преподобный же пріимаше и очишише когождо ихъ отъ бо-жественного писанія, и совѣтоваше комуждо полезная и печиша ими отселе и нехотя бысть инокомъ начальникъ. И большимъ трудомъ касаашася, житіе паче агельское подражая, и чудесъ обогати вся благодатю, яко вѣмъ приходящимъ исцѣлти страсти пеисцѣлныя. Преподоб-ный же о семъ паче оумиливъ, и теченіемъ слезнымъ непрестанно душу омывая, видѣвъ же—и пречеетъ стро-къ 11.

- (3) Но чудскій конецъ единаче покланяшеся идолу ка-мену.
- (4) Вм. со слова бѣса до слова преподобный: Бѣ же во идо-ль бѣсу злу живущоу и мечты творашу христіаномъ и страшилища злымъ своимъ омраченіемъ.
- (5) Прибаулено: и наставити человѣкы прельщенны.
- (6) Вм. начать: И по молитвѣ начать
- (7) Вм. близъ и проч. до слова глагола: Близъ многостра-стиаго сего идола оканнаго Велеса
- (8) Прибаулено: аще же не идеши въ домъ Иоанна Богослова, не можешихъ желаемое получить.
- (9) Путь твой.
- (10) Зѣло благолепна суща
- (11) Вм. под: Пред
- (12) Будеть.

(*) Вероятно, здѣсь перемѣшаны фразы; надобно читать вм. еже и проч. такъ: еже бѣгати отъ человѣкъ и спастися, и оудалитися отъ человѣкъ и водво-рятися въ пустыню тако и си преподобный.

- (13) *Прибавлено:* И аbie ідолъ Велесь в прахъ бысть ока-
янный; святый же Авраамій чудотворецъ о семъ прослави
Бога, давшаго ему победу на всю силу вражю, и святаго
апостола и евангелиста Иоанна Богослова, иже бысть ему
помощникъ на діавола и на дѣйство его, и повѣда сіа
всі в то время епископу соущу Феодору, и по благо-
словенію постави на томъ мѣстѣ блаженныи, идеме свя-
таго апостола и евангелиста Иоанна Богослова, церковь
во имя Иоанна Богослова.
- (14) *Прибавлено:* Епископъ же Феодоръ изнемож.... ти зло-
бо іде виного (1) мѣсто в Ростовѣ епископъ
Іларіонъ то бѣ первый присланный с мученикомъ Бори-
сомъ от князя Владимира, крестивъ всю рускую землю;
люде же окресть сущіи, елици зломыслиемъ одержими
и елици древле невѣріемъ погружени си, вооружахуси на
святаго, наче же самъ сатана, иже древые чимъ бише от
нихъ и дѣйствоваше в нихъ, иныи же от святаго попира-
ремъ и много зла святый подъять от невѣрныхъ и прочее.
- (15) И нищимъ на прокормленіе.
- (16) *Прибавлено:* послѣдже сотвори епископъ Иларіонъ
с Великимъ княземъ Владимиромъ и с княземъ з Бори-
сомъ, дабы сотворили архимандритю ту обитель.
- (17) *Прибавлено:* К велиможамъ не тщеславиєт и к нищимъ
не презорствомъ.
- (18) *Прибавлено:* мрачнымъ своимъ привидѣніемъ.
- (19) *Прибавлено:* и палиму быти силою крестною во оубозѣмъ
твоемъ сосудѣ.
- (20) *Прибавлено:* начинанію твоему.
- (21) *В.м. ковъ:* лютѣйший ковъ.
- (22) *В.м. и аbie исчезе:* и аbie бѣсь исчезе и невидимъ бысть.
- (23) *В.м. и поучивъ и проч. до слова:* Не по мнозѣ: Препо-
добный же поученія духовныя предложивъ имъ от бо-
жественнаго писалія ико да саномъ книженія не воз-
ышаются и рабомъ и подручнымъ милостию будуть,
и не возносятся на нихъ, иако же Господь рече: блажени
милостию, иако ти помилованы будоуть. И пакы рече: bla-
жени пищіи духомъ, иако тѣхъ есть царство небесное;
инъ рече: блаженъ градъ от благочестивыхъ царь цар-
ствуемъ и корабль от скудныхъ окормляемъ, нечестии

(1) Мѣста означенія точками въ рукописи срѣзаны; самое все то мѣ-
сто написано на полѣ.

- же ради и градъ плинился, корабль же от неискоус-
ныхъ окормляемъ погибаетъ, дондеже душа любить славу
человѣчу, еже есть тщеславіе, отвращеніе же от Бога,
еже к меншимъ себе презоръство; от сего бо рожает-
ся безмѣстная сдеръзость. Любовь же истинна всі на-
ставляетъ ко свѣту богоразумію. И апостоль рече: ико
любы покрываетъ множество грѣховъ. Сіи же и іна та-
кова рече имъ, и отпусти ихъ с миромъ.
- (25) *В.м. по наоученіемъ и проч. до слова въ то же время:*
Сія же вся суть по наоученію злаго того оболгателя,
оболгавша его воина, иже суть лукаваго бѣса.
- (26) *В.м. Пред дрѣжалою:* Пред державнымъ.
- (27) *В.м. добрую человѣческому:* добра роду человѣческому.
- (28) *В.м. Искони борися скони бо сатана борися.*
- (29) *Прибавлено:* обычай.
- (30) *Прибавлено:* к старцу же глаголаше: что ти возвадъ от-
че? Иако много ти долженъ есмь. Старецъ же глагола:
благий царю! мы всі оставихомъ и вслѣдъ Христа идо-
хомъ (ни) что оубо хотѣхомъ прияти, точію надеждами бу-
дущихъ веселимся. Аще что и произволиши дати, то цер-
кви божіи. Подобаетъ же ти с благымъ предложеніемъ,
яже к Богу и разсужденіе имѣти; благо вамъ бо дано
бысть по Бозѣ правити миръ. Праведень Господь во всѣхъ
путѣхъ своихъ; сего ради рече: блажени милостию иако
ти помилованы будуты! Клеветы скоро не примати и на
повиннаго суду яро не нападати. Понеже и божественный
апостоль рече: хвалится милость суда. Тако же и о
иныхъ добродѣтелей, да не како здѣ в соусенныхъ опи-
ражнися, тамо будоущихъ погрѣшиши. Князь же вели-
кий в сладость послушая старца блаженаго Авраамія
чудотворца, и велии почте и много имѣнія вдасть ему
на строеніе церкви и на созданіе монастырю, и дома, и
села, и водныя оугодия многи подастъ монастырю и проч.
до слова и растрои.
- (31) *Прибавлено:* и слышаша братія отца своего приходъ Архи-
мандрита Авраамія чудотворца и яже о немъ, в постехъ
како Бога прослави и діавола посрами, и великаго князя
возвесели, и како одарованъ бысть, и аbie с радостю
срѣтоша его; онъ же Бога благодаривъ и братію благо-
словивъ, внide в келію свою и пакы труды к трудамъ
прилагаи, образъ бысть всѣмъ в добродѣтеляхъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

О критической оценкѣ этой повѣсти см. Преосв. Макарія Истор. Русск. Церкви Т. I, стр. 157.

ПОВѢСТЬ
о відворенії христіанства въ муромѣ.

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНИИ ХРИСТИАНСТВА ВЪ МУРОМЪ.

(по рукоп. Руклнц. Муз. № 364.)

Исказа маіа къ ѿднь сказаніе въ житіи и въ професіїхъ скатыхъ чудотворцовъ муромскихъ благочестиваго князя константина і чадъ его князя михаила і князя феодора.

Како прїиде въ муромъ изъ града київка и проскѣти градъ муромъ скатымъ крещеніемъ. И въ обрѣтеніи честныхъ мошнъ ихъ.
И сказаніе въ градѣ Муромѣ.

Сей градъ прославенъ бысть въ россійстѣй земли во дни древняя созданіе града имѣя стѣны каменны и мраморныя, и оттого нарицается Муромъ. И многимъ лѣтомъ прешедшимъ пренесенъ бысть градъ нынѣ во иномъ месть, идѣже и нынѣ стонть, а той каменный градъ развалився, токмо подошва его знати и до нынѣ. И егда по крещеніи земли російскія отъ святаго величаго князя Владимира Кіевскаго и всеа Росіи раздѣли сыновомъ своимъ грады во одержаніе, и сей градъ Муромъ предаде сыну своему благовѣрному князю Глѣбу, по плоти брата святаго Бориса. И егда прїиде святый Глѣбъ ко граду Мурому, і еще тогда невѣрии быша людіе и жестоцы, и не пріаша его къ себѣ на каяженіе, и не крестиша, но и сопротивляхуся ему. Онъ же отѣхъ отъ града 12 поприщъ на рѣку Ишню и тамо пребывающе до преставленія святаго си отца. И всѣго града бысть ему страданіе по Христѣ отъ брата своего Свѣтополка подъ Смоленськомъ на Смѣдини рѣцѣ: отъ злыхъ убійцъ кончину прія. По страданіи же святаго князя Глѣба прѣйде двѣсти и седмь лѣтъ. А отъ создания мира 6731 году послѣ Богъ своего вѣр-

наго слугу отъ того же благочестиваго корене блаженнаго князя Константина Свѣтославича внука Ярослава Владимировича, крестившаго русскую землю, съ чады его съ князи Михаиломъ и Феодоромъ, иже отъ юности Христа возлюбиша и Пречистую его Матерь всею душою, и поревноваша святымъ апостоломъ и прежнимъ благочестивымъ царемъ и княземъ, и не точію сами, но и безчисленно душъ града Мурома научиша и наставиша въ познаніе истинны, еже вѣровати въ Троицу единому Богу. а идолы попрatha, и сокрушиша, и безвѣсти сотвориша. А егда святому князю Глѣбу Владимировичю княжащу въ немъ, но невозможе той обратити поганыя люди отъ идолъскаго поклоненія и помраченія: не много бо лѣтъ пребывшу ему і убіенъ бысть. А во градѣ Муромѣ живаху человѣцы прежде поганыя различныя языцы эли суще. И градъ сей Муромъ славенъ баше, и кровопролитія безчисленна съ вѣрными содѣвающе и обиду творяще велию. И тяжко си вѣйти и воззопи къ праведному судіи царю и Господу святый аггель хранитель отъ великаго и славнаго града Мурома: прожени, Господи, отъ него духи не-

чистыя, бѣсы лукавыя, и расточи ихъ, и прожени ихъ въ бездну преисподнюю, да не оскверняютъ скверными бѣсовъскими жертвами воздухъ и рѣки и землю! И тако невѣрныя грады имѣютъ единаго агела хранителя. А христіаномъ единому человѣку всякому дается отъ крещенія ангелъ хранитель святый. И тако Муромско-му ангелу хранителю молящуся: обрати, Господи, люди сія въ познаніе твое, и да не помянеши людемъ симъ беззаконія ихъ! и воспали Господь Богъ духомъ святымъ сердце благовѣрному князю Константину Свѣтославичу и чадомъ его Михаилу и Феодору, и вселился въ нихъ благодать Святаго Духа. Слышавъ бо благовѣрный князь Константинъ о граде Муроме велицемъ и преславнѣмъ, въ множествѣ людей живущихъ въ немъ, и богатствомъ всякимъ кипящимъ, реками и рыбою, и медомъ, и хлѣбомъ, и овоцемъ, и начать прошатися у отца своего Свѣтослава, чтобы во граде Муроме гospодствовати. Боляше же о немъ отецъ его Свѣтославъ, да не убиенъ или прогнанъ будеть отъ невѣрныхъ. Онъ же сподвиже на молбу митрополита Киевскаго, и тако умилившуся отцу его Свѣтославу, даруетъ ему прощеніе, востаетъ съ престола своего, воздаетъ благодареніе всесилному Богу, вдохнувшу въ онъ благодать Святаго Духа и возбыстривша его на толикое божественное благословованіе, еже просвѣтити невѣрныя святымъ крещевіемъ, и воздвизаетъ валяющагося на земли лобызающаго нозе его сына своего князя Константина отъ земли, и цѣлуетъ его во уста и восаждаетъ сопрестолна себѣ, и молитъ преосвященнаго митрополита соговорити молебное пѣніе въ соборной церкви ко Господу Богу и пречистѣй его Богоматери, со всемъ освященнымъ соборомъ и замазати благовѣрнаго князя Константина въ самодержавство славному граду Мурому, вдастъ ему благословеніе: образъ пресвятая Владычицы нашей Богородицы и приснодѣвы Маріи съ превѣчнымъ младенцемъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и протчія иная иконы, и святыя сосуды, и книги, и все церковное строеніе, и бояръ и воеводъ и воинъ довольно, и стѣнобитное оружіе на прі-

атіе града Мурома. Благословляетъ и посыаетъ митрополитъ съ нимъ отъ своего собора епископа, і архимарита, і игумена, и протопопа, и попы, и діаконы, и протчія причетники на просвѣщеніе града Мурома. И тако съ великою честію получивъ прощеніе и отпущение отъ отца своего Свѣтослава, и благословеніе отъ преосвященнаго митрополита, и подъемлетъ съ собою княгиню свою Ирину и два сына своихъ, благовѣрныхъ князей Михаила и Феодора, и бояръ, и воеводъ, и войско все, и вся люди отдѣлены з женами ихъ, и з дѣтьми, и съ всѣмъ ихъ имѣніемъ, и съ великою радостію касается путному шествію, во всемъ надѣясь на Господа Бога, и прося отъ него помощи свыше і одоленія, глаголя сице: не предаждь, владыко, царю человѣколюбче, беззаконнымъ людемъ вѣрнаго своего раба; но дажь, Господи, крѣость, и побѣду, і одолѣніе разорити и прогнati безбожное ихъ шатаніе. И послалъ предъ собою первороднаго своего агвьца незлобиваго і кроткаго, и послушиваго, и любимаго отцемъ и матерію, сына своего, благовѣрнаго князя Михаила съ немногими людми еже увѣщати невѣрныя въ покореніе отцу своему князю Константину: обѣщааетъ имъ дары, и честь, и вотчины, и достояніе, і оброки легкія, и протчая словеса мирная глаголетъ имъ, хотя ихъ привлещи къ себѣ миромъ безъ кровопролитія. Но бозожніи людіи совѣнца лестію, и призываща благовѣрнаго князя Михаила во градъ Муромъ, мирнаго ради совѣта, і убиша его во градѣ, и тѣло его вонъ извергоща изъ града звѣремъ, и псимъ, и птицамъ на растерзаніе; но Господь Богъ сохрани тѣло вѣрнаго раба своего, нового страстотерпца, и ничто же прикоснуся тѣлеси его, во свѣтѧщемся надъ нимъ свѣтѣ аки солнце, и веліе благоуханіе испущаше изъ себе, и слышаша невѣрніи надъ тѣломъ святаго ангельское пѣніе безпрестанно поюще. И прииде на нихъ страхъ і ужасъ неисповѣдимъ, никѣмъ же гонимы и бѣжаша во градъ Муромъ, и затвориша, и готовляху оружіе браньюное, и тѣхъ съ нимъ пришедшихъ побиша же слугъ его. И вскорѣ приспѣвъ благовѣрный князь Константинъ со многимъ воинствомъ и взяша

тѣло сына своего князя Михаила въ лѣсе поверженное, и возопи ко Господу Богу со слезами, горко глаголя великимъ гласомъ: суди, Господи, обидащія мя и возбрали борющія мя, виждь агнца моего незлобиваго и птенца заколенного, тебе ради, Господи, и ради крове ся отрока моего устави кровь войска моего, и гражданъ устраши, и предаждь ихъ мнѣ, Господи, в руцѣ мои безъ кровопролитныя браны. Невѣрніи же граждане изыдоша спѣшно противу ему братися, хотяше (ще) его прогнati, и бездѣлна сотворити, и в посмѣхѣ и в поношеніе вѣвести. Итако осія сердце свѣтомъ і охрабри вѣрнаго слугу своего, князя Константина, изгaniаетъ страхъ из сердца его, и в весело забвеніе въводить смерть, и наставляетъ его на брань. Яко на шипчаны цвѣтъ извлекаетъ мечъ свой прежде всѣхъ, и тщится к невѣрной рати ити; они же непускаютъ его. Онъ же глаголетъ к нимъ: азъ яко на пиръ или на вечерию или на бракъ иду питія многоцѣннаго испивати: послабите ми, пустите мя тако прежде всѣхъ васъ; побѣду сотворю или самъ побѣжденъ буду! Невѣрніи же граждане видѣвшe храбрость и мужество его, Господу устрашившу ихъ, нападе на нихъ страхъ и трепетъ; и вѣбѣгше во градъ затвориша, и вскорѣ послаша с повиновеніемъ, и клятвами себѣ утвердиша, оброки и дань даяти ему обѣщаахуся, точію не хотяще креститися. И пріглаша его во градъ с великою честію. Онъ же пришедъ во градъ Муромъ со княгинею Иринею, и съ сыномъ своимъ княземъ Феодоромъ, и со епископомъ, и з бояры, и съ воины, и со всѣми людми своими, и сѣде во граде Муроме государствовать, укрѣпився вѣрою Христовою, препоясавъ чресла своя истинною, і оболкъся во бровя правды, и воспріимъ щитъ вѣры, и мечъ спаснія воспрімъ, еже есть слово Божіе, и воздвиже въ старомъ городѣ первоначальную церковь превелику Благовѣщенія Пресвятая Богородица, а по гречески нарицается евангелістъ мапонагія Феотока, и потомъ второй храмъ святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и ту устрой епископа, и потомъ иные церкви. И по совершеніи церкви Благовѣщенія

Пресвятая Богородица, в той церкви погребе тѣло сына своего многострадальнаго агнца, князя Михаила, предтечу Муромскаго къ Богу, и воспѣша память. Невѣрніи же людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему бѣ князю Михаилу во знакъ на востокъ лицемъ, а могилы верхъ холъмомъ не ссыпаху, но равно со землею ви тризнища, ни дымы (¹) ни битвы, ни кожи країнія, ни лицедравія, ни плача безмѣрнаго не твораху. И о томъ безумніи ругающеся и смѣющеся, вопрошаху христіанъ: что не по ихъ невѣрныхъ обычаю погребеніе? Они же имъ повѣдаху, яко се уставъ святыхъ апостоль изложенъ повелѣніемъ Святаго Духа, а еже со свѣща-ми провожденіе яко отъ темнаго сего житія ко истин-ному свѣту отходить, а на востокъ образомъ положе-ніе образующе будущее воскресеніе, и протчая тайны Христовы открываху имъ по малу, влекуще ихъ в разумъ истинны. Они же, велими жестоки, нимало не вин-маху ученія и къ моленію вѣрныхъ не прекланяхуся. И о семъ святый князь Константинъ въ велицѣ скоби и печали бѣ, и глаголаше в себѣ: что мой животъ, что пребываніе, что злато, и все во тщету вѣмѣнлю, аще не обращу людей сихъ подручныхъ ко Господу Богу и не крещеныхъ, како явлюся лицу его! какій принесу даръ, како хочу рещи: се азъ и дѣти, иже ми далъ Богъ! И о семъ безпрестаннѣ размышляше и моляхуся, да обратить ихъ Господь на истинную вѣру, и посты жестокъ воспрія, и во вся нощи слезныя исто-чинки въ молитве своей яко струя испущающе. И гла-голаше имъ ласкою и любовію, и дары многими, і обро-ки легкія обѣща и лготы, дабы ихъ привлечи во крещеніе. А иногда муками и ранами претяше иль. Они же втайне совѣтъ твораху, еже убить святаго благовѣрнаго князя, иль выгнать из града, но совѣтъ ихъ разоряше Господь: егда приходжаху пред лице невѣрніи людіе князя Константина, руцѣ ихъ задержива-хуся, и не можаху отвѣщати противнаго словесс. Гос-

(¹) Сверху написано ии, въ вариante Румиц. Муз. № 163: ии дыми.

подъ бо Богъ соблюдаше вѣрнаго слугу своего невидимою силою. И во единъ убо от дней собирахася вѣрніи от мала и до велика во граде Муромѣ, і единомысленно совѣщаша совѣтъ лукавъ и безбожными своими клятвами заклящася, еже по бесерменьски шерть глаголема, еже убити святаго князя или выгнать из града. И во единъ убо от дней придоша вси вѣрніи Муромстіи народи ко двору благовѣрнаго князя Константина со оружіемъ и дреколми, и сташа вси у вратъ его, хотаще его убить или выгнati из града. Видѣвшe же вѣрніи людіe, ѿльми убоѧшася и затвердишася во храмѣхъ своихъ, готовляху оружія бравъная к боренію сопротивныхъ. Благовѣрный же князь Константина никако же убоѧся, и оградися крестнымъ знаменіемъ, і укрѣплься силою крестною и помощію пресвятыхъ Богородицы, и ста на молитву съ сыномъ со княземъ Феодоромъ, и с княгинею Ириною, и со епископомъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и з болѣры, и съ воинами, и со всѣми христіанами провославными, и воззѣдѣвъ свои праведныя руцѣ на небо, и падъ на землю пред образомъ владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи с превѣчнымъ ея младенцемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, со слезами молящеся сице глаголюще; Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насть вѣрныхъ рабъ своихъ! Боже, сотворивый небо и землю, сѣдай на херувимѣхъ и призира на новую тварь, призири, Господи, с небѣс днесъ, и видѣ, Господи, скорбь сердецъ нашихъ, і изнеможеніе плоти нашея, и дряхлость лицъ нашихъ, призири, Господи, днесъ, и помози намъ работъ своимъ, и покори под нозѣ наши вся враги наша, видимая и невидимая, и прожени ихъ, Господи, силою своею, и увѣдѣть славу твою, и прославлять с вами имя твое пресвятое! И потомъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ падъ предъ образомъ Пречистыя Богородицы, глаголя: О всесвятая госпоже, владычице Богородице, вышши всѣхъ ангелъ і архангель, и всея твари честнѣйшии і избави насть, рабъ своихъ, от нашествія сихъ иночленъ, і избави насть, госпоже, своими богопріятными мо-

литвами отъ напедшаго сего зла! Умоли, госпоже, Сына своего и Бога нашего о насть, нищихъ, скорбящихъ и плачущихъ, на та надѣющихъся, да не погибнемъ рабы твои, но да избавимся тобою от бѣдъ и от врагъ нашихъ видимыхъ и невидимыхъ, и совѣты ихъ разори и сокруши; ты бо едина радость и всему миру покровъ и заступленіе; тѣмъ же вопіемъ ти, припадая: пріими молебное пѣніе наше от недостойныхъ нашихъ и скверныхъ устенъ, от мерзкаго сердца, от ума помраченаго, от нечистаго языка, от скверныхъ мыслей; паче же научи насть, что намъ подобаетъ творити и глаголати, и вопіемъ ти сице: не презри насть, всегоспособованная царице, ибо никто же притекая къ тебѣ и призываю посрамленъ бывъ, и вси противніи души страхомъ одержими трепещутъ и боятся имени твоего святаго, вѣдущи тя Божію матерь, и кто, на та надежду возложивъ, погибе, точію отметающиеся и непоклоняющиеся образу твоему написанному, мы же, поклоняющиеся пречистому твоему образу, благоговѣйно почитаемъ; не имамы бо иного Бога, развѣ Сына твоего и Бога нашего, и тебе по Господе госпожю царицу, исповѣдуемъ истиннаго Бога нашего Матерь, и любезно вси чтемъ, и молимтися: милостива намъ сотвори Сына своего и Бога нашего, паче же покажи на насть обычное свое милосердіе; можеши бо, елико хощеши, умолити о насть Сына своего, Христа Бога нашего, да помилованіи будемъ, и да не погибнемъ за множество злыхъ нашихъ согрѣшений, яко удалихся (хомса) от него за безчисленная беззаконія наша; сего ради прибѣгаемъ къ тебѣ, теплой помощнице и скорой заступнице: не имамы бо иного упованія развѣ тебе, и нѣсть намъ иного высохайша на небеси и на земли, яко же ты по Господе Бозе, и на твой пречистый образъ взирающе, яве истинную саму Тебе зрямъ, и вѣрою сердечною и любовью еже от души поклоняемся пречистому твоему образу, с превѣчнымъ ти младенцемъ, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и молебная наша пѣнія и молитвы приносимъ ти, ужасающиеся и трепещуще за недостойнство наше, и вопіемъ ти: помилуй насть, мати Божія,

покажи на насть, убогихъ, древнія милости твоя всесильнымъ ти воеводствомъ, яко же спасла еси царствующій градъ от скіескаго кагана, лукаваго вепра, предстателя бѣсомъ, тако и нынѣ побѣди вся видимыя и невидимыя враги наша, и со слезами зовемъ ти: предстани в помощь нашу, да не погибнемъ до конца, изми насть из руки злыхъ бусурманъ агарянскаго языка; возстави насть, падшихъ, и неприступны и страшны покажи врагомъ нашимъ, да увѣдять, яко тобою сожжими есми и спасаем! Спаси, владычице, спаси души наши, яко же твой градъ на тя уповающіи спасла еси во славу и заступленіе вѣрныхъ, на посрамленіе злыхъ бусурманомъ, і яко да твоимъ представительствомъ и мы тмочисленное воинство бусурманъ агарянскаго языка побѣдимъ, да от вывѣшнихъ бѣдъ тобою избавльшеся, благодарно воспіемъ ти: радуйся заступница наша теплая и непостыдная и представительница необримая! О велия Божія милость и неизреченыи и неизслѣдованны судбы его, и кто исповѣсть на насть милость его, молитвами пресвятая Богородицы! И аbie бысть гласть с небеси глаголя: Константине, вѣрный мой рабе! в малъ бысть ми вѣренъ, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа своего! Услышана бысть молитва твоя; дерзай; не бойся: азъ есмь с тобою!

Благовѣрный же князь Константинъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми людми, слышавъ Божію помощь, и споможеніе пресвятая Богородицы, падаша на землю пред образомъ Божія Матери от радости сердечныя, со слезами многими. И пріять образъ Богородицынъ и пойде единъ уединенъ к безчисленному народу Муромскому невѣрному благовѣрному князю Константину, имый на рукахъ икону Божія Матере с пречистымъ ея младенцемъ, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Видѣше же невѣрніе людіе икову пресвятая Богородицы аки солнце сіяющее и лице святаго Константина аки ангельское, убоявшись велии и падше ницы, быша яко мертві. Святый же князь Константинъ возгласи имъ велиимъ гласомъ, глаголя: Отцы и братія мои драга! востаните; не бойтесь, о братія мои;

повѣдите ми: чесо ради сѣмо пріндосте ко мнѣ? Они же, яко древніи Валаамъ, и не по своему хотѣнію еда возмогоша отвѣщати, и вси яко единѣми усты рѣша одногласно: О милостивый господине нашъ, благовѣрный княже Константине! Прідохомъ молити тя, яко да повелиши насъ крестити во имя Отца и Сына и Святаго Духа въ Троицы славимаго Бога, и пріяти вѣру христіанскую, вѣру православную, сіяющую паче солнечныхъ лучъ, вѣру, преданную от святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ і от седми вселенскихъ соборовъ утвержденную, Святый же князь Константинъ, слышавъ от многочисленнаго народа невѣрныхъ людей града Мурома, возрадовася радостю великою зѣло и пойде со своею благовѣрною княгинею Иринею и съ сыномъ своимъ княземъ Феодоромъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ в первоначальную церковь Благовѣщенія пресвятая Богородицы, и повелъ звонити в таинскую колокола, и впешъ въ церковь, ста на востокъ лицемъ, поклонившися пред образомъ господнимъ до земли, и возвѣдѣвъ руцъ свои на небо, и рече: Господи Іисусе Христе Сыне Божій! славлю имя твое святое, яко призвѣлъ еси на насть грѣшныхъ, і избавилъ еси насть отъ страсти ельминскія, и не предалъ еси насть в руки врагъ нашихъ! Посемъ святый велиимъ гласомъ благодарствуя Бога и многи слезы от радости измія, яко и помость ему омочити слезами; тако же и вси, иже с нимъ, похвалиша Господа Бога и Пречистую его Богоматерь, и подаша самодержца от земли, под руце держаще, яко от зелнаго пощенія велии ему изнемогшу, і очи ему от слезныхъ источниковъ опухли бѣ; и многи дни прежде сего ни ядый, ни пия, также и вси людіе, иже с нимъ, плачущеся со слезами, и иѣсть такова чловѣка не плачующася, но вси с молитвою, и плачемъ, и вздыхавіемъ немолчнымъ руцъ свои на небо воздѣюще, моляхуся Пресвятѣй-Богородицѣ: О всесвятая госпоже, владычице Богородице, ты, госпоже, избавила еси насть от нахожденія иноzemенныхъ; избави от огня и меча и напрасныя смерти, от нынѣшняя одержашія вы скорби и печали, нашедшія на насть, і от настоя-

щаго гнѣва, и бѣды, и нужды, і от всѣхъ искушений избави, Богородице, своими богопріятными молитвами, и заступи, госпоже, къ Сыну своему и Богу нашему, и въ предидущія лѣта да не погибнемъ, но да избавимся тобою от бѣдъ и от врагъ нашихъ, видимыхъ и невидимыхъ, и злыхъ чловѣкъ. И умилосердися, госпоже, на насъ, нищихъ і убогихъ, на тя надѣющихъся; изми от сопротивныхъ и во время скорби нашея помози намъ; буди теплая представительница и помощница; да яко от нынѣшихъ бѣдъ избавльшеся, благодарно воспіемъ тебѣ: радуйся, заступница наша не постыдная, радуйся о обрадованная, Господь с тобою! И по совершеніи молебнаго пѣнія рече благовѣрный князь Константина ко освященному собору: отцы святія, что рече Господь во евангеліи, никто же можетъ прійти ко мнѣ, аще не Отецъ, пославый мя, привлечеть его! И похвали Господа Бога предо всѣми, яко же рече писаніе. Первое начиная всякое дѣло благопрослави Господа Бога усты своими и потомъ да твориши начало дѣлу; душа бо освящается вѣрою, а тѣло освящается исповѣданіемъ и похваленіемъ Господнимъ. И посемъ заповѣда всѣмъ людемъ поститися от мяса, и млека, и птиція, і от женъ своихъ воздержатися, и потомъ пріяти святое крещеніе. По совершеніи же пощенія, повелѣ всѣмъ людемъ ити на реку, глаголемую Оку. И тако вси людіе с великою радостію идя-
ху на рѣку з женами и з дѣтьми, и всякъ возрастъ града Мурома мужескій полъ и женскій бродиху в рецѣ, ови до пояса, а иви до персей, друзіи же до вѣй, презвитери же, по берегу стояще, молитвы глаголаху. А жены и дѣвицы крестиша на особомъ мѣсте, а младенцы на рукахъ матерями держими. И тако крестиша вся люди града Мурома во имя Отца и Сына и Святаго Духа радующеся и славаще Бога. Сему же бывшу возгрѣмъ громъ с небеси страшио яко поколебатися всему граду Мурому. И явившася лучи огненные страшны, над ними пришестіе Параклітово осѣни ихъ, епископъ же и священницы мазаху гризмою чело, очи, усты, ноздри, уши, и надѣша вѣнцы красный на гла-

вы ихъ, обязаша на нихъ же кресты шиты и бѣлы ризы, и нагавицы и сапоги даша всѣмъ, и свѣщи горящія в руцѣ, и повелѣша имъ ити в первоначальную церковь Благовѣщевія пресвятыя Богородицы, вамъ же князь з болѣры после вида въ церковь, и видѣ народы в церкви стояще бѣло образующася, ини же около церкви стояще, множества ради не вмѣстишася. И взыде на высоко мѣсто, иже на то устроено, повелѣ всѣмъ молчати. Бывшу же молчанію, помолися святой князь к Богу сице глаголя: Боже, сотворивый небо и землю! приари на новокрещенныя сія люди града Мурома, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тя, истиннаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и утверди ихъ въ правой вѣре, и мнѣ, Господи, помози на противныя враги, надѣюся на твою державу, покорю козни вражія. И обращясь к народу, рече великомъ гласомъ осклабленнымъ лицемъ: Се израиль новый, языкъ свѧтъ, очищень водою и Святымъ Дукомъ; се полкъ ангельскій свѣтит-
ся; красуйся и веселися, избранное стадо Христово, сынове царствія Божія! Блажени есте днесъ порождени истииннымъ свѣтомъ Пресвятыя Троицы! днесъ взясте нетѣнную одежду, молю вы, братіе, именемъ Господа, Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистою его Богоматерю Пресвятою Богородицею, мужайтесь и крѣпитеся в вѣре нашей, и да ни коими сквернами не оскарите чистоты вашея. И устрон в дому своеемъ три трапезы на всякъ день: первую епископу и священникомъ и черноризцемъ, вторую нищимъ і убогимъ и страннымъ, неимущимъ покоя, третю себѣ и бояромъ и велможамъ своимъ. Подобаясь святой князь Константина царю Давиду и пророку Іезекіилю, иже изъбралъ Божій законъ паче всего. Видя же благовѣрный князь вѣру людей своихъ, яко вси единодушно приступиша ко истинному въ Троицы славимому Богу и сотвори в той день пиръ великъ, яко всѣмъ людемъ от мала и до велика быти у него, довольно учреди я по три дни ядни и птиція, паче же духовнымъ поученіемъ, и многи дары дая: первымъ и сановнымъ села и вотчины, вными куны, вными свиты і обувенія,

инымъ златници и сребренници, и грамоты лготныя, комуждо по чину и по достоинству противъ родства і отчества. И заповѣда имъ ставити церкви во градѣ і въ селехъ, и монастыри мужескія и женскія, и тако с радостю отпусти ихъ; и мнози дѣти своя въ наученіе грамоте; мнозів же и іноческій чинъ пріяша, и бѣ радость велика на небеси и на земли не о единомъ грѣшицѣ каящемся, но о безчисленныхъ душахъ града Мурома, яже просвѣти державный князь Константинъ святымъ крещеніемъ. Посемъ у благовѣрнаго князя Константина преставися благовѣрная его княгиня Ирина, и погребена бысть въ первоначальной церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Посемъ убо вси людіе града Мурома во единъ день прославиша Христа и вси единодушно возвеселиша, почесть велику и покореніе твораху державному князю Константину и сыну его князю Феодору, свободителя благодарно нарицающе; яко избавльше ихъ отъ идолскія листи и наставльша ихъ на пажить духовную. И тако вѣра благодатная во всю область державы его разпрострея и божественное езеро позже, евангельскій же источникъ наводнился, и всю землю прикры, и до нась пролился. И тако ноживе благовѣрный князь Константинъ и сынъ его князь Феодоръ во градѣ Муромѣ во благоденствіи, благовѣрно, і благочестно, и богоугодно ко Господу отиде (доста), и вселистася въѣчными обители, и воспріяста вѣщи пресвѣтлыя отъ Господа Бога со всѣми святыми его. И услышавше граждане честное представление святаго князя Константина и сына его князя Феодора, стекоша всенародное множество града Мурома. И плакахуся по нихъ архіепископъ со архимаритомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, князи и боляре, мужи и жены, юноши и дѣвы, старія и сироты, вдовицы, и виціи і убозіи, мужескій полъ и женскій, и все множество безчисленное, боляре аки отца, людіе яко заступника, сироты и вдовицы яко помощника и корынителя, и вси вкупе, плачущеся, провожающе со свѣщами и с кандалы, псалмы и пѣсни духовные поюще, і вси со слезами, и вѣсть такова человѣка не плачу-

щася, ио вси с молитвою и воздыханіемъ немолѣчнымъ погребоша ихъ честно въ старомъ городѣ въ первоначальной церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. И погребоша ихъ въ лѣто 6740 году мѣсяца марта во 12 день, на память преподобнаго отца нашего Феофана исповѣдника.

Тѣмъ же престаша отцы дѣтей закалати на жертву бѣсомъ и сквернаго Моамефа пророкомъ называть, рѣкамъ і езеромъ требы класти, дуплинамъ древянымъ вѣтви і убрусомъ обвязывать, и имъ покланатися, все престаша. И кладезямъ и потокомъ поклоняющейся очныя ради немощи умывающія и сребренники въ поверзающіи, все престаша. Гдѣ коня закалающіи и по мертвыхъ ременная плетенія древолазная с нимъ (и) въ землю погребающіи, и битвы и кроенія и лицъ натресканія творящіи! Гдѣ свирѣпія и бѣсованія и горшай согрѣшенія восклицающихъ? Вси посрамиша и ницъ лежать, и быша мертвы!

Сказаніе о основаніи града Мурома.

По преставленіи же святаго благовѣрнаго князя Константина съ чады, многимъ лѣтомъ минувшимъ и по запустѣніи града Мурома отъ невѣрныхъ людей, и послѣ благовѣрнаго князя Петра и благовѣрнаго князя Феодора тако же, многимъ лѣтомъ мимошедшемъ, пріиде изъ Кіева въ Муромъ градъ благовѣрный князь Георгій Ярославичъ и поставилъ себѣ дворъ въ Муромѣ; такожде и боляре его и вси купцы Муромстїи; и первоначальную церковь Благовѣщенія пресвятой Богородицы обновилъ, такожде и второй храмъ святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба обновилъ, і епископа по прежнему у ихъ церкви устроилъ, именемъ Василія, мужа праведна и благочестива. Искони же ненавидай діаволъ человѣческихъ добродѣтелей, иже древніи губитель душамъ христіанскимъ, нача на святаго епископа Василія споны творити, яко да примилична его блудному дѣлу сотворить, и вообрази себе діаволъ въ дѣвичиу,

и объявляя всенародному множеству града Мурома из храмины во оконце святительское, будто держитъ у се-бе святитель Василій на ложи дѣвицу, иногда же из храмины хождаше от епископа. Видѣвше же сіе на-родъ града Мурома, также и велможи и боляре. Во единъ же убо день собравшеся вси и придоша ко свя-тиителю Василію въ вечернюю годину, и видѣша вси людіе дѣвицу бѣжащу по степенемъ ко святителю в келію, имуще сапоги в рукахъ своихъ; видѣвъ же на-родъ сіе излиха вопіюще: о епископе! не достоитъ те-бѣ дѣвицу имѣти во храминѣ своей на ложи своемъ у себе! Святый же Василій епископъ рече: отцы и бра-тія! неповиненъ есмь дѣлу блудному сему, еже вы ре-чете ми! Слышавъ же се народъ от епископа наимпаче же излиха вопіюще: о епископе! лжю твориши: видѣ-хомъ бо вси дѣвицу, бѣжащу к тебѣ. Видѣвъ же свя-тый Василій мятежъ и кличъ в людехъ велий; ини же излиха вопіаху: за сіе дѣло убiemъ его! Святый же епископъ Василій, слышавъ от нихъ, уклонися на мо-леніе к народу: отцы и братіе, дадите ми мало вре-мя до утрія до третіаго часа дни. Слышавъ же се на-родъ, разыдошася по домохъ своихъ; и по отшествіи народа святый Василій епископъ со слезами всю нощь молящеся Богу, и всенощное пѣніе сотворивъ въ храмѣ-святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и отпѣвъ ли-торгію, пойде молитися в первоначальную церковь Бла-говѣщенія Пресвятая Богородица, и нача молитися пред образомъ Пресвятая Богородица, иже піриде из Кіева з благовѣрнымъ княземъ Константиномъ; и по отпѣтіи молебнаго пѣнія, святый Василій, пріемъ икону Пресвятая Богородица с превѣчнымъ младенцемъ Го-сподемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, на ю же возло-жи надежду. святый Василій епископъ о своемъ спа-сени, и пойде из церкви Благовѣщенія Пресвятая Бо-городица і из епископіи своея до рѣки, нарицаемыи Оки; провождающе же его велможи града Мурома и весь народъ, хотяще ему судно дати ко плаванію. Свя-тый же стоя со образомъ Богородичнымъ на брезѣ, снемъ с себя мантію, и простре ю на воду, и восту-

пи на ю, нося образъ Пресвятая Богородица. И аbie святый Василій несень бысть духомъ бурнымъ и со обра-зомъ Богородичнымъ противу быстринъ рѣчныхъ струй, отнюду же она рѣка течеть. Видѣвше же сіе чудо му-ромстіи граждане вопіаху вси от стара и до мала, со слезами глаголюще сице: О святый владыко Василій! прости нась грѣшныхъ рабъ своихъ: согрѣшихомъ пред тобою! О владыко святый Василій! кому насть оставля-еши сирыхъ! О отче святый владыко Василій! не забу-ди нась рабъ своихъ! И аbie святый Василіе епископъ взялся от очію муромскаго народа по мгновеніи оса въверхъ по Окѣ рекѣ. Быстро же чудо сіе в третій чась дне, и того же дни въ девятый чась принесень бысть в мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань. Ту бо тогда пребываху князи рязанѣстіи. И великій князь Рязанѣскій, именемъ Олегъ, срѣте его со кресты и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и пріятъ святаго пра-веднаго епископа Василія, радующеся со всѣми право-славными христіаны. И тако пребысть Муромская епи-скопія в Резани. Нарицаетъ же ся и до днесъ Борисо-глѣбская, одержанія ради града Мурома святому кня-зу Глѣбу. По семъ же Муромъ от рязанѣскихъ епи-скоповъ благословляется, сами же к тому епископи в Муромъ не возвращахуся и нарицахуся прежде Рязанѣ-стіи в Муромстіи, а егда бѣаху посыщенія ради епи-скопи во градѣ Муромѣ, тогда нарицахуся прежде еди-скопи Муромстіи и потомъ Рязанѣстіи. Чудотворная же та икона пресвятая Богородица, иже епископа Ва-силя принесе из Мурома на Рязань боготворною сво-ею силою, и донынѣ в Резани есть. Той бо святый Ва-силя епископъ вѣру і упованіе возложи на образъ Пресвятая Богородица и Приснодѣвы Маріи. Удивитъ хотя милостію своею пречистая Богородица, і явити хо-тя без порока своего вѣрнаго раба от губителя врага душъ христіянскихъ; во едину убо шесть часовъ свя-тый Василій епископъ принесень бысть въверхъ по рѣкѣ по Окѣ множе двусотъ поприщъ! О пресвятая дѣво владычице Богородице мати Божія! кій языкъ ис-повѣсть твоя чудеса или какъ мысль по достоянію по-

хвалити возможетъ твоя благодѣянія: како молящися с
нами Отцу и Сыну и Святому Духу о нашихъ согрѣ-
шніяхъ! Се бо слышахъ не самаго зрака твоего, но от
образа твоего написаннаго ужасаетъ ми умъ і удив-
ляетъ помыслъ. Хотѣхъ бо распространити и не вѣмъ,
како написати, понеже оттуду много лѣтъ преисоша,

і азъ о семъ недобрѣ свѣмъ, и боюся, да не явлюси
глагола ложь. Якоже слышахъ, тако и написахъ. Имѣя
въ помощь исправляющую Владычицу нашу всѣхъ Бо-
гоматерь, еже до стоить всему христіанству безпреп-
станно ей молитися, да избавить насть отъ наѣтъ вра-
жіихъ своими матерними, еже къ Богу, молитвами.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Разсматривая критически происхождение и складъ повѣсти о Константинѣ, преосвященный Макарій (Истор. Рус. ц. 11. 19) находитъ, что житіе, въ которомъ она заключается, составлено въ XVI вѣкѣ, по открытіи мощей благовѣрнаго князя Константина; самъ же этотъ Константинъ долженъ быть называемый въ лѣтописахъ княжескимъ именемъ Ярославъ Святославичъ, сынъ Святослава Черниговскаго, внукъ Ярослава великаго. Время прибытія его въ Муромъ слѣдуетъ отнести ранѣе 1088 г. когда по лѣтописнымъ извѣстіямъ онъ уже находили въ Муромѣ. Не смотря на поздніе составленіе житія, что видно и по слогу, сама ткань повѣсти привадлежитъ болѣе отдаленной древности; повѣсть эту слѣдуетъ разсматривать, какъ благочестивое преданіе, сохранившееся у мѣстныхъ жителей о величайшемъ со-

бытіи ихъ исторіи. Извѣстіе о почитаніи Могамеда въ Муромѣ не противорѣчитъ вѣроятности и показываетъ, что до распространенія христіанства заходило туда магамеданство, какъ кажется, отъ Волжскихъ Болгаръ. Подробности о языческомъ богопочитаніи также имѣютъ историческую достовѣрность, тѣмъ болѣе, что народы чудского племени, населявшіе восточную Россію, послѣ распространенія христіанства, долѣе Словянъ сохранили языческіе обычай. Этому способствовало различіе языка, ставившее преграду ревности славяно-русскихъ проповѣдниковъ. Народы эти утрачивали язычество вмѣстѣ съ свою старою народностію. Епископъ Василій, о которомъ сказаніе составляетъ какъ бы дополненіе повѣсти о возвращеніи Христіанства, жилъ въ концѣ XIII вѣка.

ПОВѢСТЬ

о побѣдѣ Повгородцевъ надъ Суздальцами.

ПОВѢСТЬ

О ПОБѢДѢ НОВГОРОДЦЕВЪ НАДЪ СУЗДАЛЬЦАМИ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. дреевлехр. № 1343.)

Беспоминаніе быкшаго Знаменія и чудеса от иконы Пресвятых Богородицы и Приснодѣткы Маріи еже к Великомъ Новѣградѣ. Благослови отче.

Въ великомъ Новгородѣ лѣто 1290 въ тоже время Новограда людіе житиє имаху самовластно по своей волѣ, никимъ же обладаеми властующе областю своею, яко же имъ лѣпо есть, и князя имѣюще от инѣхъ странъ призванаго въ отищениe сопротивнымъ. Бысть же у нихъ въ тоже время князь Романъ сынъ Мстиславъ внукъ Изгславъ. По семъ Двиниye отметнувшеся от Велика Новаграда, не восхотѣша дани давати Новгородцемъ, но предавшеся князю Андрею суздальскому; новгородцы же, совѣщавшеся на Двину данника своего дани собирати, яко же бѣ имъ обычай и с нимъ послана онъ пяти конецъ по сту мужу. Слышавъ же пререченый князь Андрей, ожесточися на Новгородцевъ, и послалъ на нихъ тысячу ратныхъ ратникъ избранныхъ; и соступиша на Бѣль Озерѣ, и начаша битися, и много сѣчи сотворше, и от полка Андреева паде много ратныхъ, а ини уязвени быша, и бѣжаша; Новгорода же паде яко петнадесять мужей. И посемъ князь Андрей на ярость болма подвижеся, и паки собра силу великую от различныхъ странъ, хотяше итти на Великий Новгородъ, и Божіимъ попущениемъ внезапу болѣзни на него настигла; онъ же ни мало преста от такового начинанія, и послалъ сына своего Романа со всею силою свою суздальскою и иныхъ князь Мстиславъ

и всѣхъ князей седьмидесять и два со многими силами. Придоша на Великой Новгородѣ на свою (¹) погибель. Человѣци же Новаграда, слышавше силу велику, грядущу на нихъ, бяху въ скорби велицѣй и недоумѣнїи, и отвѣду помощи надѣяться, токмо на Бога и Пречистую Богородицу возложише надежду, и забрала около города сотворше. Сузdalцы же пришедшеся со всею силою свою и паки стояху подъ градомъ три дни; въ третю же нощь иже тогда святѣйшему архіепископу Ioану стоящу и молящуся Христу Богу нашему со слезами пред честнымъ образомъ Господа нашего Іисуса Христа о избавленіи от нашедшаго на градъ и слыша глаголь глаголющъ: иди въ церковь Господа нашего Іисуса Христа, иже на Ильинѣ улицѣ, и возми тамо образъ Пресвятых Богородицы и вознеси на забрала града противу супостатъ, и аbie узриши спасеніе граду. Чудный же той архіепископъ Ioанъ, яко слыша гласъ неизреченный, радости исполнился и умомъ дивяся, и пребысть без сна всю нощь; и паки утру бывшу, созва соборъ, и поѣда имъ бывшій гласъ к нему: народъ же слышавше и прославиша Бога, и со гласомъ яко иѣкую силу воспріимше дерзаше; посемъ святи-

(¹) Здѣсь одно слово не разобрано.

тель посла по протодіакона с клиросомъ принести честную икону на соборъ. Протодіаконъ же пришель в церковь, поклонися чудотворному образу пресвятыя Богородицы, и хотя взяти, и аbie не подвижеся с мѣста своего. Онъ же шедъ, повѣда святителю; святитель же иде со тщаниемъ соборомъ, и пришедъ в церковь, падъ на колѣни свои пред образомъ Владычицы Богородицы, молящеся со слезами, глаголя: О премилостивая Госпоже, Дѣво Богородице! Ты еси упование, и надежа, и заступница граду нашему! И прочая молебнаа благовѣрно святѣй Богородицѣ. И аbie видимъ честную ону икону о себѣ подвигшуся; народъ же видѣвше сіе неизреченное чудо и взываху: господи помилуй! Святитель же Иоанъ, вземъ честную икону любезно и съ прочимъ народомъ облобызарь ю, и даде съ (ю?)

двѣма діаконома; самъ же с народомъ послѣдоваша молебная совѣщающи, и посемъ вознесоша честную икону противу ратныхъ на забрала града; и бысть яко часъ шестый, се начаша больми ратовати, и испустивше стрѣлы яко дождь на градъ, и аbie честная она икона обратиша лицемъ, а не токмо образомъ, но и милосердiemъ. Увидѣвъ же святитель слезы от иконы яко иѣкіи едесскій источникъ, и пріять я (на) єелонъ свой. И разг҃ивася Господь на сопротивныхъ; и вътой часъ во крѣ ихъ тма; и начаша другъ друга сѣщи и на смерть предавати. Граждане же, видѣвшие таковую побѣду на сопротивныхъ, и вышедшее из града, овыхъ избира, а иныхъ живыхъ смыше, богатствомъ (же) и плѣномъ довольно исполннившись, помощю святыхъ Богородицы. Богу нашему слава нынѣ и вприсно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

ПОВѢСТЬ

о путешествии Иоанна Новгородского.

ПОВѢСТЬ

О ПУТЕШЕСТВІИ ІОАННА ПОВГОРОДСКАГО,

(Рукопись Румянц. Муз. № 134 рук. XVI в.)

Слово о великомъ Іоанне архієпіпце великаго Новаграда, како былъ во единой иоши из Новаграда во Иералмъ градъ и паки
возвратиша къ великій Новаградъ тое же иоши. Елкинч.

Понеже оубо иѣсть се достойно молчанию предати, еже Богъ сотвори святителемъ своимъ Иоанномъ, иногда же бываетъ со искушениемъ надъ святымъ попоущениемъ Божиимъ, да болма прославяется и просвятатся, яко злато искощенно. Прославляющаго мя, рече, прославлю: дивенъ бо есть Богъ во святыхъ своихъ; Богъ прославляя святыя своя; и паки рече Христосъ: се власть дахъ намъ над духы нечастыми. Во единъ оубо от дни и сватому по обычаю своему в ложници своей молитвы иошны совершающе, имѣяше же святый сосоудъ с водою стоящъ, святый из него же оумывающеся; и слышавъ въ сосоудѣ ономъ никотораго боробрюща въ дѣ, и прииде скоро святый, оуразоумѣвъ бѣсовское мечтаніе, и сотвори молитвоу, и оградѣ сосоудъ, лоукавому запрети бѣсу; хотяще возстрашити святаго, но приразися твердому адаманту, твердаго жъ адаманта не поколеба и самъ вселоувавый сотреся; и не на долгъ часъ, и не могий часа терпѣти бѣсь, нача вонѣти: о лютѣ иоужде сея! се бо палимъ ссымъ огнемъ: немогоу терпѣти; скоро испоусти, святче Божій! Святый же рече: кто еси и како сымъ приде? Діаволъ же рече: азъ ссымъ бѣсь лукавый; и придохъ смутити тя; мяихъ бо яко человѣкъ оустрашился, и от молитвы оупразднишился; ты же мя злѣ заключи в сосоуде ссымъ; се бо яко

огнемъ палимъ есмъ злѣ: горе мнѣ окаянніомоу! како прелстхися, како внидохъ сымъ: недооумѣюся! нынѣ же поусти мя, рабе Божій, и отселѣ не имамъ прійти сымъ! Надолѣвъ вониющу неприязненоу, святый рече: се за дерзость твою повелѣваю ти: сен иоши донеси мя из великаго Новаграда во Иеросалимъ градъ, и постави мя оу церкви, идѣже гробъ Господень; изъ Еросалима сен же иоши в келіи моей, в ню же дерзноулъ еси винти; и азъ тя поущу. Бѣсь же всячески обѣщася сотворити волю святаго; токмо, рече, испоусти мя, рабе Божій, се волоти (?) стражоу. Святый же запретивъ бѣсу, испоусти, речъ: да боудешъ яко конь оуготовленъ, предстоїй предъ келию мою, и да имамъ винти на тя, и совершити желаніе свое. Бѣсь же изыде яко тма из суда, и ста яко конь пред келью святаго, яко же требѣ святому. Святый же изыде из келью своея и вооружи се бе крестомъ и благословеніемъ, и вѣде нань, и обрѣтеся тое же иоши во Иеросалимъ градѣ близъ церкви святаго, идѣже гробъ святаго и животворящаго древа. Бѣсу же запрети, да не отидеть от того мѣста. Бѣсь же столникаю могій двигноутися с мѣста, дондеже святый прииде к церкви святаго воскресенія, и ставъ пред дверьми церковными, и преклонивъ колѣни, помолися, и отверзашася двери церковные сами о себѣ, и свѣ-

щи и паникали въ церкви оу гроба Господня возгъжьшася. Святый же благодарыствие Бога, и пролил слезы, и поклонися гробоу Господню и облобыза, и тако же и животворящему древоу, и всѣмъ святымъ мѣстомъ, образомъ, иже соуть въ церкви. Святый же изыде изъ церкви, совершивъ желаніе свое; и паки двери церковны о собѣ затвориша. И обрѣше святый бѣса стояща на томъ мѣстѣ, идѣже повелъ ему, яко коня оуготована, и всѣде наизъ святый, и обрѣтеся тое жъ иноши въ Великомъ Новѣградѣ въ келіи своей, и отхода бѣсь изъ келіи святаго, и рече: о Иванне! ты мя потроудиша единой иноши достави себѣ изъ Великаго Новаграда во Иеросалимъ градъ, се бо тое же иноши въ Великій Новѣградъ пѣзъ Еросалима града; се бо запрещеніемъ твоимъ яко оузами нераздрешенно держимъ быхъ и бѣзы сия претерпѣхъ; ты же не повѣси никому же збывшаяся о мнѣ; аще ли повѣси, азъ яже на тя имамъ искоущеніе навести: имашъ бо яко блoudникъ осуженъ быти, и много пороуганъ, и на плотъ положенъ нарѣзаемъ рѣки Волховъ. Сия же блoudиша лоукавому, святый же сотвори крестное знаменіе, изчезъ бѣсь. Никогда же бы святомоу, яко же имѣяще и обычай, оупражнющаюся въ духовной бесѣдѣ со честными игоумены и со икоунѣшими иерей и зъ богообязанными моужи, обученіе свое простирающаю, еже на пользу, людемъ же послушающимъ въ сладость обученія святаго, не лѣнивъ бо баше еже поучати люди, тогда же о инои нѣкоторомъ сказоуя, еже збыться изъ немъ. Азъ, рече, всѣмъ такового человека бывши во единой иноши изъ Великаго Новаграда во Иеросалимъ градъ, и поклонившися гробоу Господню, и паки тое же иноши возвратившися въ Великій Новѣградъ. Игоуменомъ же и всѣмъ людемъ оудивльшимся о семъ; и оттого времени попоущеніемъ Божиимъ нача бѣсь искоущеніе на святаго наводити. Народи же оубо града того многажды видяло яко женоу блoudицу текоущи изъ келіи святаго; народи же соблажняюся отселе и много же начальницы града того, приходяще въ келію святаго, благословенія ради, видѣть монисто дѣвичье лежаще, и сандalias

женъская, и рубища, и о семъ оскорбляюся, недоумѣяюся что речи. Вся сия бѣсь мечтоуя показовашеся имъ, да востаноутъ на святаго, и возлаголъ неправедна, издженеутъ. Народи же с начальники своимъ соѣтавши рекоша къ себѣ: неправедное же таковоу сматителю быти на апостольскомъ престолѣ блoudнику соущю: идемъ и издженемъ! И о таковыхъ людехъ Давидъ рече: вѣмы да возлаголъ оустны лѣтины, глаголюща на праведнаго беззаконіе гордынею и оуничиженіемъ; понеже онъ мочтанію бѣсовскому вѣры имѣше, имуще же яко и жидовскою сонъмицоу. На предлежащее же возвратимся. Пришедши народъ къ келіи святаго, бѣсь же потече народомъ зрящимъ во образѣ отроковицы, яко изъ келіи святаго. Народи же восклициша да изымоутъ еи. И не можахоу гнавше во долину (¹). Святый же слышавъ молвоу народа оу келіи свѣтїи и изыде къ нимъ и рече: что есть, чада? Они же изглагавши яже видиша, святого же глаголомъ не внимахоу, и осудиша его яко блoudника, имуще его иоудина, пороугавши ему, и недоумѣяюся, чтобы сотворили ему, и оумыслиша тако: посадиши его на плотъ на рѣцы на Волховъ, и да выловеть изъ града нашего внизъ по речи. И выведоша святаго и цѣломудренного і великаго святителя Божиia Иванна на великий мостъ, еже есть на речѣ на Волховѣ, и низвысивши святаго, на плотъ посадиша. И збысть лоукаваго діавола мечтаніе. Діаволъ же нача радоватися, но Божий благодать преможе, и святаго вѣра къ Богу молитва. Егда же посаженъ бысть святитель Божій Иванъ на плотъ, на речи на Волховѣ, и поплове плотъ въ верхъ рѣки, никакъ же пореваетъ, на немъ же святый сѣдяше противу великия быстрины, еже есть оу великаго мосту, ко святого Георгію монастырю. Святый же молящеся о нихъ, глаголя: Господи! не постави имъ грѣха сего; не видять бо что творять! Діаволъ же видињъ, посрамися, возвыдася. Народъ же, видѣвшіе таковое чудо, разтерзахоу ризы свои и возвращаюся рекоуще: согрѣшихомъ; неправедное со-

(¹) Въ текстѣ долину, на поляхъ приписано *еи* *далъкоу*.

дѣяхомъ о отцы семъ; пастыря осоудихомъ; се бо видѣмъ яко от бѣсовскаго мечтанія се сотворися намъ! И скоро шедше в великою церковь Премудрости Божији; и велиша священному собору: иереемъ и діакономъ, со кресты пойти въ верхъ по брегу рѣки Волхова къ святого Георгия монастырю, и молити святаго, дабы возвратилсѧ на престолъ. Священный же соборъ скоро со тщаниемъ взяша честныя кресты и иконоу Пресвятѣй Владычицѣ нашей Богородицы, яко же лѣпо бѣ, и пойдоша по брегу въ верхъ рѣки Волхова, во слѣдъ святаго, моляще, дабы возвратилсѧ на престолъ свой; тако же и народи они, иже прежде ковъ на святаго воздѣгше, текоуще по брегу рѣки Волхова къ святого Георгия монастырю, оумиленъ гласть испущаю, глаголюще: возвратися, честный отче, великій святителю Ивану, на престолъ свой, и не остави чадъ своихъ сирыхъ, и не помани, еже согрѣшихомъ к тебѣ! Предвариша святаго и носящихъ іероевъ честныя кресты близъ святого Георгия от монастыря яко полъ поприща, и сташа, преклоняюще главы своя до земли, моляще святаго, слезы промывающе, тако же глаголюще, яко жъ рѣхомъ: возвратися, честный отче, пастырю нашъ, на престолъ свой; грѣхъ бо нашъ пред нами есть всегда; пред тобою согрѣшихомъ, діавола лоукаваго мечтаниемъ прелстихомъ; тако сотворити дерзноухомъ; яко оубо безотвѣтні прощенія просимъ; но о боголюбче, и благословенія твоего сподоби насть! И на многа глагалаху, моляще святаго; не скоро бо пловяше святый на плотъ ономъ противу великихъ быстринъ, но яко нѣкоторою божественною силу ношимъ благоговѣйно и честно, не бо предваряше носящихъ честныя кресты по брегу, но равно святый пловяше съ носящими иерѣи и діаконы честныя кресты; и егда священный соборъ с честными кресты придоша къ мѣсту, идѣже они народи стояще бяхау, и начаша вкоупъ болыма молити со слезами святаго, дабы возвратилсѧ на престолъ свой. Святый же послуша моленія ихъ; яко по воздуху ношимъ, ко брегу приплове, и воставъ съ плата, снide на берегъ святый. Народи же, видѣвшие, радовахауся, яко

оумолиша святаго возвратитися, и плакахоуся, еже согрѣшиша ко святому, прощенія просяще. Безалобивая же она душа прощенія сподобляеть ихъ. Мнози же от нихъ на нозъ падающе, слезами обливахау нозъ его: дроузни же разами знаменахауся святаго, и с проста рещи, дроугъ дроуга оутѣсняхау, хотаще поне видѣти святаго. Святый же благословяше ихъ; и тако пойде со кресты чудоносивыи архиерей Божій Иванъ во святого Георгия монастырю, и со священнымъ соборомъ молебная совершающе пѣнія и множества народа вслѣдоющимъ и глаголющимъ: Господи помилуй! Архимандритоу же и инокомъ монастыря того не вѣдоуцимъ, яко архиерей Божій Иоанъ грядетъ в монастырь. В то же время въ святого Георгия монастыри бѣ вѣкій человѣкъ яко оуродъ ся творя, прозорлива же дара имѣя от Бога благодать; сей скоро притече къ архимандритоу монастыря того толькій въ двери коли его, и глаголя: изыди противу великаго святителя Божія Иоанна, архиепископа великаго Новаграда и Пскова; сей грядеть к намъ в монастырь. Архимандритъ же оусумнѣвся, и послѣ скоро видѣти бывшаго. Посланыи же шедше и оувидѣша от народа, туу соущаго, вся бывшая яко о святѣмъ, и скоро возвратившися и возвѣстиша архимандритоу. Архимандритъ же повелѣ в тяжкай зловити. И спешшимъ инокомъ великия той лавры, и вземъше честныя кресты, и изыдоша из монастыря противу великаго святителя Божія Иоаннъ. Святый же видѣвъ, когождо ихъ благословяше, и прїде в монастырь, и вшедъ в церковь святаго великомученика и страстотерпца Христова и славнаго чудотворца и побѣдоносца Георгия, со архимандритомъ монастыря того, и всѣмъ священнымъ соборомъ, и со иноческимъ чиномъ, и со множествомъ народа, молебная совершивъ, и тако с великою честию возвращается на престолъ свой въ Великий Новъградъ. Сия же самъ о себѣ исповѣда священному собору и прочимъ людемъ: како хоташе его бѣсь постригти, и како былъ во Иерусалимѣ градѣ во единой нощи из Великаго Новаграда, и вся, яже събысъться ему, порядоу скага, яко же преди речеся; и очаше

иихъ святый, глаголя: чада! со испытаниемъ всяко дѣло творите; да не прельщени будете діаволомъ; да не- когда с добродѣтелью и злобу приплетею обрящете, и соудо Божию повинъни боудете: страшно бо есть внасти в роудѣ Бога жива! И о семъ мало да премол- чимъ. Князь же и начальницы града того, совѣтовавше со множествомъ народа, поставиша крестъ каменъ на томъ мѣстѣ ва брегоу, идеже пришлове святый, иже и

до нынѣ стонть во свидѣтельство преславному чудеси святаго, в наказаніе сонмицы Великаго Новаграда, да паки тако не дерзаютъ скоро без испытанія святителя осоужати и изженоути. О святыхъ бо своихъ Христосъ рече: блаженни изгнаніи правды ради; яко тѣхъ есть царство небесное! А иже святая изгоняти без правды кий отвѣтъ имоуть?

ЛЕГЕНДА
о построении варяжской божицы
въ новѣградѣ.

ЛЕГЕНДА

О НОСТРОЕНИИ ВАРЯЖСКОЙ БОЖНИЦЫ ВЪ НОВГОРОДЪ.

(Рукоп. Библ. Румянц. Муз. № 39.)

Покѣсть дре́гнихъ лѣтъ, аже содѣлашась въ Великомъ Новѣградѣ. Съ посадники Добрынѣ.

Въ лѣта благочестивыхъ великихъ князей нашихъ Русскихъ, живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и совокупленіи, прислаша Нѣмци отъ всѣхъ седмидесяти городовъ послы своего, биша челомъ архіепископу Новгородскому, и посадникомъ, и тысацкимъ и всему Великому Новугороду, глаголюще: милые наши сосьды! дайте намъ мѣсто у себѣ, посрѣди Великаго Новагорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣрѣ и обычаю. И новгородцы отмолвиша имъ рекуще: милостію Божію и его пречистыя Богоматери, и отца нашего господина архіепископа благословеніемъ и молитвою, у насъ въ вотчинѣ господы нашей великихъ князей Русскихъ, въ Великомъ Новѣгородѣ, стоять всѣ церкви православные наша вѣры христіанскія, ино кое причастье свѣту ко тѣмъ, такожъ и вашей божницы быть какъ въ нашемъ градѣ? Бѣ же тогда посадникъ степенный Добрыня именемъ, и нѣмци слышавше жестокій отвѣтъ отъ архіепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ, и даша ему посулъ великъ. О семъ бо и Соломонъ рече: всѣ послушаютъ злата. Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтниками повелѣ нѣмцомъ говорити старостамъ купецкимъ и купцемъ новгородскимъ: только нашей божнице храму святыхъ

верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у васъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и то вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ не быти жъ. И то слышавше старосты купецкіе и всѣ гости новогородскіе, пачаща бити челомъ господину своему, отцу архіепископу имѧ рекъ и всему Великому Новуграду, рекуще: пожалуйте поволите нѣмцомъ поставить ропату по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте гдѣ полюбять; зане же не будетъ ихъ божницы здѣ, ино нашимъ церквамъ у ихъ не быти. Тажъ и посадникъ Добрыня за старостъ и за гости начать говорити: только не будетъ нашихъ церквей по нѣмецкимъ городамъ, ино нашимъ гостемъ новгородскимъ велико будетъ нужно; и архіепископъ и новгородцы послуша(ша) посаднича совѣта и гостей своихъ челобитья, поволиша нѣмцомъ поставить ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично; и нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града въ торгу, гдѣ стоять церковь деревяна святаго Іоанна Предтечи. Посадникъ же Добрыня, осмыслень мздою и наученъ діаволомъ, повелѣль церковь святаго Предтечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ нѣмцомъ; Предтеча жъ Господень не терпя вражія наѣта, и его злого совѣтника, что испоругалъ святый его храмъ мзды ради; въ ноши убо той услыша по-

номарь той церкви предтечевы гласть глаголющъ ему: заутра на третемъ часу дневномъ иди на великий мостъ и повели новгородцемъ смотрити добрынина посадничья чуда. И пономарь заутра возвѣсти новгородцемъ якоже слыша; и аbie стекошась множество народа на великий мостъ видѣти, что хощеть быти. И како же поѣха посадникъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ чрезъ Волховъ въ насадъ съ людьми своими, и внезапу пріиде вихрь, и вземъ насадъ, възнесе на высоту, яко болѣ дву саженей, и удари о воду, и ту потопе посадникъ Добрыня ко дну, а прочихъ всѣхъ перенимаша въ судѣхъ въ малыхъ перевозники, и тако неводы, мрежами и ужи едва възмогоша вывлеши тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство, не получи и погребенія, яже есъ обычай православнымъ. Сіи ми повѣда игуменъ Сергій Островскаго монастыря отъ святаго

Николы, отецъ Занкхіевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго,

(О томъ же ропатѣ.)

И яко же съвръшиша нѣмцы ропату свою, и назаша иконниковъ новгородскихъ, и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденій странѣ въ верху, на прелестъ христіаномъ и на соблазнъ; и якожь написаша иконописцы образъ Спасовъ на ропатѣ, а архиепископа не доложа, и открыша покровъ, и аbie вскорѣ томъ часѣ пріиде туча съ дождемъ и съ градомъ, и выбило градомъ и мѣсто то, идѣже былъ написанъ образъ Спасовъ, и левкась смыло дождемъ, якоже не явитись ни знаменію. Писанія сія же до здѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Легенда э́та составилась уже по образованиі союза ганзейскихъ городовъ, съдовательно гораздо позже дѣйствительного построенія варяжской божницы (римско-католической церкви для прибалтійскихъ торговцевъ), существовавшей въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ. Тогда же была и русская церковь на Готландѣ, главномъ центрѣ балтійской торговли.

ПОВѢСТЬ
о построении Благовѣщенскаго монастыря
въ Новгородѣ.

ПОВѢСТЬ

О ПОСТРОЕНИИ БЛАГОВѢЩЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ НОВГОРОДѢ.

(Рукоп. Румянц. Муз. № 39.)

Той же чудный мужъ Сергіе повѣда о Благовѣщенской церкви монастыря Благовѣщенского, яже създаша два брата по плоти, потомъ же оба бывша архіепископа Великому Новугороду, именемъ Григорій и Иванъ. Сія убо бѣста братія себѣ по плоти, бѣста же благородну и благочестиву и богату родителю чада, имѣша жъ оба жены собою любовь, яко истинная братія плотю и духомъ, яко же видѣста родителя своя представльшась, имѣніа же много и мнози оставльша, имѣста вѣру велию къ Пречистой Богоматери и владычицѣ нашей Богородицѣ приснодѣвѣ Марії, помыслиста създать монастырь во имя Пречистые честнаго ся Благовѣщенія, и яко жъ поставиша церковь въ началѣ древину, и монастырь соградиша, и вся, яже на потребу, устроиша, и келія и трапезу тожъ. Не по мнози времени совѣщастася поставить церковь; яко начаша созидши, и доспѣша до раменъ, не доста сребра на свръшеніе; они же начаша тужити, невѣдуще что сотворить, и отъ многия печали и срама помолниша Пречистой Богоматери, глаголюще: ты убо, Владычице, вѣси вѣру нашу и любовь, еже къ Сыну твоему и Богу нашему, и къ Тебѣ, яко со всѣмъ усердіемъ и вѣрою на дѣло сіе пречестнаго твоего храма подвигохомся, и намъ на съвръшеніе храма твоего пре-

честнаго сего, посли намъ помошь свою, Владычице, и не посрами насть, рабъ своихъ; яко начахомъ здати и не можемъ съвръшити безъ твоєя помощи, недоставшу сребру, яже къ совръшенію. Съгущима же има о сребрѣ, вкупѣ жъ и молящимася милостивому Спасу и Пречистѣй его Богоматери, является имъ Пречистая Царица Богомати во снѣ, глагола имъ: что убо въ толику печаль и сътования вдастась о созданіи церкви моей, любимая мною раба Божія? Не презрю моленія вашего, и вѣры, и любве; вскорѣ убо пошли вамъ, яже къ совръшенію, яко и на ину потребу произбудеть, токмо потщитесь къ дѣлу и не оскудѣшиша вѣрою. Тожъ видѣніе оба брата видѣста и слышаста; воставша отъ сна, радостна и надеждею укрѣплястася; въ той же день, по отпѣтии убо пѣния утренняго, изыдоста оба брата предъ врата монастырская, по обычью напредъ всѣхъ; къ Божію же устроенію и его Пречистыя Богоматере, видять оба брата не въ мечтаніи, но явѣ, конь велими дивенъ, предстоящъ предъ враты монастырскими, обузданъ позлащенію уздою, и сѣдло на немъ оковано златомъ, яздящаго жъ на немъ не бѣ; стояше жъ кротцѣ недвижимо, яко ожидая мужа она къ себѣ. Она жъ дивящеся велими, зряще красоты и величества коня онаго; и абіе страхомъ и радостью объята быста,

приступиста къ коню; и видать два чемоданца не ма-
ла, по обѣ странѣ сѣдла висяща, полна суща, и ди-
вистася коня онаго стоянію и кротости, и помысли-
ста отъ Бога послану ему сущу, тажъ смѣя и не смѣя,
помянувшe Пречистые имя, взяста мѣшца она съ сѣ-
дла оба; конь же не обрѣтеся, и начаша радующеся
разрѣшати мѣшца; и обрѣтоша въ единахъ злато, а въ
другихъ сребро, полна суща оба; милостю же Божию
и Пречистые Богоматере совершиста церковь, и укра-
систа всякою лѣпотою, иконами, и подписими, и кни-
гами, тажъ и сель довольно куписта, и предаста мона-

стырю; прочее жъ даша игумену и братіи, тажъ и
сами взяста на ся иноческій образъ, и пожиста въ томъ
монастыри въ постѣ и молитвахъ и въ прочихъ до-
бродѣлехъ просияста, и Богу угодиста. И Богъ ихъ
прослави, добрыхъ ради дѣлъ ихъ: взята быста единъ
по единому по времени на архиеписконскій столъ Ве-
ликаго Навагорода и Пскова, и добрѣ упасше поручен-
ное имъ стадо, и положена быста оба въ соборной
церкви святая Софія. А у Благовѣщенья церкви полу-
женъ бысть архиепископъ Феоктистъ; бѣ бо изъ того
монастыря взять на престолъ.

ПРИМѢЧАНИЕ.

Построеніе Благовѣщенскаго монастыря по новгородской летописи (П. С. Лѣт. III 15) случилось въ 1170 г. при архіепископѣ Иліи, въ монашествѣ Ioannѣ, томъ

Новгородцы одержали побѣду надъ Суздальцами, описанную въ одномъ изъ предыдущихъ памятниковъ, и къ которому относится повѣсть о чудесномъ путешествіи въ Іерусалимъ.

ПОВѢСТЬ

ОБЪ АНТОНІИ РИМЛЯНИНѢ.

ПОВѢСТЬ

ОБЪ АНТОНИИ РИМЛЯНИИ НЪ.

(Рукоп. Румянц. Муз. № 154.)

Сказание о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония римлянина въ прихождении въ града Рима къ великии Нокграду.

Сей преподобный и богоносный отецъ нашъ Антоний родился во градѣ великомъ Римѣ, ниже отъ западныхъ частіи и отъ итальянскія земли, отъ латынска языка, отъ христиану родителю, и навыче вѣре христианствей, ея же держаста родителя его въ тайнѣ, крывающеся въ домѣхъ своихъ; понеже Римъ отпаде вѣры христианъская и преложися въ латыни, конечно отпаде, отъ папы Формоса даже и до днесь; и ина многа о отпаденіи Римскомъ повѣда ми и о богомерской ереси ихъ, но оубо о семъ да премолчимъ. Отецъ же его и мати преподобнаго Антонія въ добре исповѣданіи отъидоша къ Богу. Преподобный же навыче грамоте, изучи вся писанія греческа языка, и прилежно начать чести книги ветхаго и нового завѣта, и преданіе святыхъ отецъ седыми соборовъ, еже изложиша и изъясниша вѣру христианскую, и вожделѣ восприятии иноческій образъ, и помолися Богу, и разда имѣніе родителей своихъ нищимъ, а прочая отъ имѣнія своего вложи въ сосудъ въ дельву, рекше въ бочку, и закопавъ и всякою крѣпостию оутвердивъ, скры и предасть морю; самъ же понде отъ града въ дальныи пустыни взыскати мниховъ, живущихъ и тружающихся Бога ради, крывася отъ еретикъ въ пещерахъ и въ разселинахъ земныхъ, и Божіимъ промысломъ въско-рѣ изообрѣте мнихи въ пустыни живущихъ, въ нихъ же

бѣ единъ имѣаше презвитерскіи чинъ. Преподобный же Антоній много молящеся имъ со слезами, дабы его причли къ своему Богомъ избранному стаду. Они же много его вопрошау съ прещеніемъ о христианствѣ и о ереси римъстей, боящеся искушениа отъ еретикъ; онъ же имъ христиана себе всповѣдавъ; они же ему рекоша: чадо Андрѣе! понеже юнъ еси, не можеши терпѣти постыдническаго жития и трудовъ чернеческихъ. Понеже ему бывшу въ то время 18 лѣтъ; и ина многа емуоу прещаху. Онъ же неослабно кланялся имъ и моляся о воспріятіи мнишескаго образа, и едва получи желаніе свое: пострігоша его во иноческій образъ. И пребысть же преподобный съ ними въ пустыни той двадесять лѣтъ, тружаяся и постяся, и моляся Богу день и нощь. Бысть же, рече, вдание нась яко тридесять поприщъ въ пустыни возграждена отъ ту живущихъ мниховъ церкви мала во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Обыча иже блише всѣмъ мнихомъ ис пустыни сходящимся къ аеліце сботѣ; презвитеры же і диаконы литоргисавъ божественную службу и всѣхъ причастивъ божественныхъ тайнъ, весь же день той и нощъ поюще, и молящеся. Во оутріи же на самый день свѣтлаго Христова тридневнаго его Въскресенія на Святоу Пасху, пѣвъ заоутренюю и святую божественную литоргию;

такоже причащався святыхъ и пречистыхъ божественныхъ и животворящихъ христовѣхъ тайнъ, и отходяща кѣль во свою пустыню. Ненавидай же добра діаволъ воздвиге гоненіе конечное на христианы. Послаша князи града того и папа по пустынамъ и начаша имати мнихи, предаяху на мученіе. Преподобнымъ же онѣмъ отцемъ богоизбранного христова стада от страха того разшедшимся по пустыни, и не возвѣдаше другъ друга, и начать же преподобныи Антоніи жити при мори не въ проходныхъ мѣстехъ, толико на камени нощи и дни беспрестани стоя, и моляся Богу, и никако же покрова ни хижа не имѣяше, точною мало пища въкушаха от недѣля и до недѣля, еже принесе ис поустыни своея. И пребысть ту на томъ камени преподобный Антоній годищное время и мѣсяца два, и толико трудишися къ Богу, моляся в постѣ и во блѣнїи и въ молитвахъ, елико ангеломъ подобенъ бысть. Но понеже оубо тайну царьскую подобаетъ хранити, похвально безбѣдно есть и вельми полезно хранящимъ ю, да иѣкимъ же невѣдома будетъ, да не инако будетъ царьское повелѣніе; дѣла же Божия и чудеса преславная, творима святыми его, подобаетъ вездѣ и повсюду и всяко съ высокимъ преповѣданіемъ и ізвещаніемъ сия проповѣдати и ничто же от нихъ скрыти или забвенію предати, во общую пользу и спасеніе всѣмъ христоименитымъ людемъ. Бысть въ лѣто 6614 мѣсяца сентября въ пятый день на память святаго пророка Захарія отца предтечева, восташа вѣтри велицѣ злѣ и море восколебася, яко же николи же быша, тако и волнамъ морскимъ до камени восходящимъ, на немъ же преподобный Антоній пребывше стоя, и беспрестанныя молитвы возсылаше Богоу; аbie внезапу едина волна напрягшия и подъять камень, на немъ же преподобный стояше, и несе его на камени яко бы на карабли легцѣ, никако же ничимъ ни повреди ни оустроши; преподобный же стоя и беспрестани моляся Богу. Возлюби оубо Бога всею душою своею; сладость бо и просвѣщеніе и радость присно есть любящимъ его, и яко же възлюбі и присно, тако же въ немъ живеть Богъ; ревни-

тель есть пречистый святой; и живеть въ души боящагося его, и творить волю возлюбившаго его. Преподобный же имѣя образъ его въ сердцѣ своемъ присно икону Божию преславну не шаромъ на досцѣ образованную или на иномъ чесомъ, но ту, глаголю, икону Божию бываемую добрыми дѣлами, постомъ, вѣздержаніемъ, исправленіемъ добрыми, бѣніемъ и молитвами, списуя себѣ сокровенно въ сердцы выну шаромъ иконнымъ образомъ небеснаго Владыки, и зряще оумными очима из облака Пречистую Богородицу держащи пречистыма своима рукама превѣчнаго младенца Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. И не свѣмъ, рече, когда день когда ли нощъ, но свѣтомъ неприкосновеннымъ обять бысть. Камени же текущо по водамъ, ни кормилица имущи, ни кормчия, ни разумъ человѣчъ можетъ изречи: ниже скорбъ, ни страхъ, ни туга ни иная которая печаль, ни алчба, ни жажда не прииде къ преподобномоу, но токмо пребысть моляся Богу во оумѣ своемъ и веселяся душою; и от римскія страны по теплому морю, из него же и въ рѣку Неву, из Невы въ Нево езеро, и из Нева же езера въ верхъ по рѣцѣ Волхову противо быстринѣ ненизреченыхъ, да иже и до мѣста сего камень не приста иѣгдѣже. И приста камень, на немъ же преподобный стоя и молящеся, прибрегѣ великия рѣкы, нарицаемей Волхова, на мѣстѣ семъ, въ третью стражу нощи, въ сельцы, еже именуемо Волховско, и во время заутренняго пѣнія начаша во градѣ звонити къ заутреннему пѣнію. И оуслыша преподобный звонъ великий по граду и стояше во страсѣ мнозѣ и въ недоумѣніи, и от страха же начать быти въ размышеніи и во оужасѣ велицемъ, и чаяше яко къ граду къ Риму принесенъ бысть на камени. Нощи же мимошедъши, дневному оуже свѣту наставшу, солнцу же восиявшу, стекошася ко преподобному людие, иже ту живуще, и зряще на преподобнаго, дивящеся; и придоша къ нему, и начаша его вопрошати о имени и отчествѣ, и от коєя страны пріайде? Преподобному же нимало руску языку оумѣющу, и некотораго отвѣта недоумѣяше имъ отдать; но токмо имъ поклоненіе творя-

ше, Самъ же с камени не смыяще поступити. И пребыть ту три дни и три нощи на камени стоя и моляся Богоу; в четвертый же день преподобный, помолившися Богу на многъ часъ о фувиеніи града и о людехъ, и дабы ему Богъ такова... бы повѣдалъ о градѣ семъ и людехъ. И снide преподобный с камени, и поиде въ градъ в великій Новъградъ, и обрѣте человѣка греческія земли, гость будѧщий купецькій чинъ имуща, иже оумѣаше римскімъ и греческимъ и рускимъ языкомъ, и оузвивъ же преподобнаго, вопроси его о имени и о вѣрѣ. Преподобный же ему повѣдаша имя свое, христиана себе нарече, и грѣшина иноха и недостойна ангельского образа. Купецъ же онъ, падъ к ногама святаго, прошаше благословенія от него. Преподобный же благословеніе ему дарова и о Христѣ цѣломудраніе. Воспросивъшо же его преподобному о градѣ семъ, и о людехъ, и о вѣрѣ, и о святыхъ Божіихъ церквахъ, готъфинъ же преподобному повѣдаша вся по ряду, глагола: градъ сій есть Великій Новъградъ; людие же в немъ православну християнскую вѣру имуще; соборная церкви святая Софія Премудрость Божия; святитель же во граде семъ епископъ Никита; владѣющю же градомъ симъ благочестивому великому князю Мстиславу Володимеровичу Манамаху, внуку Всеволодову. Преподобный же слыша от гречанина сего повѣсти сиа, возрадовася душою, и всесильному Богу велие благодареніе воздаще во оумѣ своемъ. Воспроси же преподобный гречанина готъфина еще глагола: мнѣ повѣждь, друже, колиное растояніе от града Рима до града сего, и в колиное время преходятъ людие путь сей? Онъ же ему повѣда и рече: дальна страна есть и нуженъ путь есть по морю и по суху; едва преходить гость будѧщие и в полгодищное время, аще кому Богъ поспѣши. Преподобному же размышляюще и диващеся в себѣ о величинѣ Божии: како в два дни и в двѣ нощи толику долготу пути прейде, и едва от слезъ оудержася в то время, и поклониша ему до земли; миръ и прощеніе ему даровавъ. И внide преподобный во градѣ помолитися святой Софіи Премудрости Божіи и вели-

каго святителя Никиту видѣти. И видѣвъ церковное благолѣпие, и чинъ, и святительской санъ, велими возрадовася душою, и помолившися и обхождаше всюду, и паки отъиде на мѣсто свое, святителю же Никитѣ в то время никако же явися преподобный, понеже еще не навыкъ словеніску и руску языку и обычаю. И начать же преподобный молитися на камени своемъ, стоя день и нощъ, дабы ему Богъ открылъ рускій языкъ. И видѣвъ Господь Богъ преподобнаго подвиги и труды. И начаша приходити к нему иже ту живуще близъ людие и граждане, молитвъ ради и благословеніа, и Божиимъ промысломъ преподобный вскорѣ от нихъ начать разумѣти и глаголати рускимъ языкомъ. Людемъ же вопрошающимъ его о отчествѣ и коеа земля рожденіе и воспитаніе, и о пришествіи его, преподобный же никако же имъ повѣдаша о себѣ, токмо себе грѣшина именуя. По малѣже времени дойде слухъ о немъ до святителя Никиты того Великаго Новаграда. Святитель же Никита послал по него и повелъ его привести пред себя; преподобный же въ страхѣ в велицѣ бывъ, еще же и радостию одержимъ бысть, иде ко святителю в велицѣ смиреніи; святитель же въведе его въ келию свою. Соторивъ молитву, преподобный рече: аминь. И приемлетъ преподобный благословеніе от святителя со страхомъ и любовию, яко от Божия руки. Святитель же Никита провидѣвъ Духомъ Святымъ еже о преподобнѣмъ, и начать вопрошати его о отчествѣ, и о пришествіи его в Великій Новъградъ; откуду и како прїиде. Преподобный же святителю не хотя повѣдати тайны, ради человѣческія славы, но токмо себе грѣшина именуя. Святитель же Никита с великимъ прещеніемъ, еще же и со заклинаніемъ, вопрошая преподобнаго, и рече: мнѣ ли, брате, не повѣси тайны своея? а вѣси яко Богъ иматъ открыти нашему смиренію, яже о тебѣ; ты же преслушанія судъ прїмеши от Бога. Преподобный же падъ предъ святителемъ на лицы своеи и плакаси горько, и моля святителя, да не повѣсть тайны сея никому же, дондеже преподобный в жизни сей. И повѣда о себѣ тайну на единѣ святителю Никитѣ, все по ря-

у о отчествіи своемъ, и о воспитаніи, и о приходѣніи своемъ из Рима в Великій Новъградъ, яже исперва писана. Святитель же Никита сия слышавъ от преподобнаго, не мнѧше его яко человѣка, но яко ангела Божия, и воставъ от мѣста своего и отлагаетъ жѣздъ пастырскій, и на многъ часъ ста и моляся, и дивяся бывшему, ако же прославляетъ Богъ рабъ своихъ. По молитвѣ же рече преподобный: аминь. Святитель же Никита падъ предъ преподобнымъ на землю, прося благословенія и молитвы от него; преподобный же падъ предъ святителемъ на землю, моляся и прося благословенія, себе же недостойна и грѣшина именуя. И оба лежаста на земли и плакастася, помачая землю слезами на многъ часъ, другъ о друга просаще благословенія и молитвы. Святитель же Никита рече къ преподобному: ты велика дара сподобленъ еси от Бога и древнимъ чудесемъ, оуподоблься еси Ильи Февитянину или апостоломъ, иже на оспеніе Пречистей Богородицы принесени быша на облацехъ. Тако и градъ нашъ Господь тобою пресети, своимъ оугодникомъ новопросвѣщенныхъ людей благослови и пресети. Преподобный же рече къ святителю: ты еси иерей Бога вышнаго! ты помазанникъ Божій; тебѣ довѣрѣтъ о насть молитися! Святитель же воставъ от земля и не можаше оутѣшитися от слезъ, вездвизаетъ преподобнаго от земля, давъ ему благословеніе, и о Христе цѣлованіе, и много бесѣдовавъ съ преподобнымъ, и никако же можаше настыти ся сладкихъ и медоточныхъ словесъ от преподобнаго, и хотѣ прославити чудо, но не хотѧше преподобнаго моленія презрети. Святитель же Никита много моляще преподобнаго, дабы избралъ себѣ мѣсто потребно оу него, и пребывалъ с нимъ до исхода души своеи. Преподобный же никако восхотѣ сего сотворити, и отвѣтшавъ, рече: Господа ради, святче Божій, не нуди мене; давиши бо на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже ми Богъ повелѣ! Святитель же Божій Никита давъ благословеніе, и отпусти преподобнаго с миромъ на благоизбранное мѣсто. Не по мнозѣ же времени поѣха Никита епископъ ко преподобному Антонію видѣти камень сій и

мѣсто. Преподобный же стояше на камени, аки на столѣтій, и никако же схожаше, моляся Богу день и нощъ; яко оуэрѣ святителя грядуща к нему, сшедъ с камени, и поиде во срѣтеніе емоу, пріимъ благословеніе и молитву от святителя. Начать же святитель дивитися в себѣ о чудеси, и обхожаше мѣсто села того сюду и сюду; и рекъ преподобному святителю Никита: изволиши Богъ и Пречистая Богородица, и избра мѣсто сие, хощеть да воздвигнется твоимъ преподобствомъ храмъ Пречистей Богородицы честнаго и славнаго ея рождества, и будетъ обитель велия во спасеніе мнихомъ; понеже на предпразднство того праздника на се поставилъ тя Богъ на мѣстѣ семъ. Преподобный же рече: воля Господа да буди! Святитель же хотѣ поставить ему хижицу близъ камени. Преподобный же сего не восхотѣ никако же, но всяку скорбь терпяше, Бога ради. Святитель же Никита хотя истине оувидети о чудеси, бояся искушенія, начать, разводя наединѣ, селянъ тѣхъ вопрошати о явленіи преподобнаго; онъ же единодушно рѣша емоу: во истину, святче Божій, человѣкъ сій Божій по водомъ принесень бысть на камени; вся ему по ряду извѣтно и достовѣрно изрекоша о преподобнемъ. Святитель же напише возгорися духовною любовию къ преподобному, и дастъ благословеніе преподобному, и отѣхаже ко Святей Премудрости Божии Софїи во дворъ свой.

Съзачалѣ Преската Богородица Антониева монастыря иже къ
Белокамкѣ Новѣградѣ.

И святитель Никита посылаєтъ по посадниковъ по Иоанна и по Прокофия по ивановыхъ дѣтей посадничихъ, и рече имъ: чада моя, послоушайте мене: есть во отчествѣи вашемъ селцо близъ граду, рекомое Волховско. Богъ изволи и Пречистая Богородица воздвигнути на мѣсте семъ храму Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества и оустроити ея обитель страннымъ симъ преподобнымъ Антоніемъ, и возшлется молитва къ Богу о спасеніи душъ вашихъ и

споминовеніе будетъ родителемъ вашимъ. Посадницы же послушаша святителя с любовию и отмѣрша под церковь и подъ монастырь земли на всѣ страны по пятидесѧтъ сажень. И повелъ епископъ Никита възградити церквицу малу древяноу, и освяти ею и едину келасицу поставить милюхомъ па прибѣжище.

Чиудо преподобнаго и когоноснаго ща нашего Антония римлянина о окрѣтеніи сосуда дѣлки, сиричъ бочки, со именемъ преподобнаго.

По лѣте же единомъ пришествія преподобнаго, близъ камени преподобнаго, рыболовцы ловитву дѣюще и чрезъ всю нощъ тружавшеся, не яшаничесоже, и от труда изнемогоша, извлекоша мрежа своя на берегъ и в велице скорби быша. Преподобный же, скончавъ молитву, иде къ ловцемъ и глагола имъ: чадца моя! токмо имамъ гривны слитокъ сребра. Понеже в то время оу новгородъцкихъ людей по бысть денегъ, но лияша слитъки сребряныя, ово гривну, ово полтиноу, ово рубль, и тѣмъ куплю дѣяхоу. И сию гривну слитокъ вдаю вамъ; послушайте нашей худости: вверзите мрежа своя в великую сию рѣку в Волховъ, и аще что имсте, то в домъ Пречистая Богородица. Они же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше рѣша: от всю нощъ тружавшия и ничтоже яхомъ, толико изнемогохомъ. Преподобный же с прилежаніемъ моляще ихъ, дабыго послушали. Они же, по повелѣнію преподобнаго, въвергоща мрежа в рѣку в Волховъ и извлекоша на берегъ множество много великихъ рыбъ, молитвами святаго; едава не проторжеся мрежа, яко николи же тако яша; еще же извлекоша сосудъ деревянъ, делву, сиричъ бочкоу оковану всюду обручими желѣзными. Преподобный же благословиша ловцовъ глаголя: чадца моя! видѣте милость Божию: како Богъ промышляетъ рабыевоими; азъ же васъ благословляю и вдаю вамъ рыбу; себѣ же вземлю сосудъ, сиричъ бочку; понеже вручи Богъ на созданіе манастиря. Ненавидяй же добра діяволъ, хотя пакость сотворити преподобному, порази и

ожести сердце лукавствомъ ловцовъ тѣхъ; и начаша рыбу давати преподобному, бочкоу же хотяху себѣ взяти, и рекоша ко преподобному: се мы наяхомся оу тебе рыбы ловити, а бочка наша есть. Еще же и жестокими словесы досажджающе и оукариюще преподобнаго. Преподобный же отвѣщавъ рече: господие мон! азъ с вами при не имамъ никою же осемъ, поидемъ во градъ и повѣдаемъ градъцкимъ судиямъ; судия бо есть оучиненъ от Бога еже разсуждати люди Божія. Ловцемъ же оугоденъ совѣтъ преподобнаго, и вложиша бочкоу в лодѣцу, и вземъше преподобнаго, и вшедъшамъ имъ во градъ, и пришедшимъ предъ судоу, и начаша стязатися съ преподобнымъ. Преподобный же рече: сия ловѣцы от всю нощъ тружавшеся, ничто же яша, и от труда изнемогоша; азъ много молихъ ихъ, да быша взяли наемъ оу мене, еже имѣахъ оу себе гривну слитокъ сребрянъ; онъ же не хотѣша послушать мено і едава повинувшия нашей худости, і вземшнаемъ, ввергоща мрежа своя, извлекоша множество рыбъ, еще же и сосудъ, сиричъ бочку сию; азъ же имъ отступався рыбы, глаголя: бочку сию вручи ми Богъ на созданіе манастиря Пречистая Владычица наша Богородица и приснодѣвы Маріи; они же ми даяше рыбу, а бочку емлюще себѣ. Судия же вопросиша ловѣцовъ: рѣти вамъ, тако ли, яко же рече старецъ сіи? Они же рекоша: мы наяхомся рыбы ловити; рыбу вдаемъ ему, а бочка наша есть; понеже мы ввергохомъ в воду сию на соблюденіе себѣ. Старецъ же рече: господие мон! вопрошайтъ ловѣцовъ сихъ: что они имутъ вложенно еже в бочки сей? Ловѣцы же недоумѣюще что отвѣчати к тому. Преподобный же рече: сия бочка нашей худости, вдана морстей водѣ в Римѣ сущимъ от напихъ бо грѣшныхъ рукъ, влажнение же в бочку: сосуди церковніи златы и сребряны и хрустальныи, потиры и блюда, и иная многая от освященныхъ вещехъ церковныхъ, и злато и сребро от имѣнія родителей моихъ, вверженое же в море сокровище сия тоя ради вины, еже бы не осквернилися священныи сосуди от богомързкихъ еретикъ, и от присночныхъ бѣсовскихъ жертвъ, подписи же на сосу-

дехъ римскимъ языкомъ написаныя. Судия же повелъ разбить бочку, и обрѣтоша вся по словеси преподобнаго. И даша преподобному бочку, и отпустиша преподобнаго с миромъ, и кому никто же смѣяше вопросити его. Ловцы же отъидаша посрамлени. Преподобный же Антоній иде ко святителю Никитѣ, радуяся и благодаря Бога о обрѣтеніи бочки, и повѣда святителю. Святитель же о семъ многу хвалу воздавъ Богу и разсудивъ благорась суднымъ своимъ разсужденіемъ, и рече: преподобие Антоніе! на се бо тя Богъ предъпостави по водамъ на камени из Рима спасителя в Великомъ Новѣградѣ, еще же и бочку вверженную в Римъ вручи тебе, да воздвигнеши церковь каменну Пречистей Богородицы и оустроиши обитель. Преподобный же Антоній полагаетъ сокровище свое во святительствѣ разницѣ на соблюденіе, а самъ, вземъ благословеніе у святителя и начать строити обитель, и купи землю около монастыря оу посадниковъ градъцкихъ, и со жи-вшими ту иже на той земли с людьми прилучивши-мися, и до скончанія вѣка, доколѣ Божіемъ строеніемъ миръ вселенный стоитъ. И при велицѣ реки Волхове рыбную ловитву купи на потребу монастырю, и межами отмеживъ, писму вдавъ, и духовную свою грамоту написавъ, и начать тружатися безпрестанн чрезъ весь день, и труды къ трудомъ прilагая, иощи же без сна пребываю на камени стоя и моляся. И видѣ его богоподобное ангельское житие князь великий Мстиславъ, и святитель Никита, и всѣ старейшины града того и людие, начаша блажити и велию вѣру имѣти, таинны же о пришествіи его не вѣдаше никто же, развѣ епископъ Никита. И начаша прибиратися братия къ преподобному. Онъ же с любвию припмаше. Миѣ же священномоку Андрею Богъ сподобилъ воспиряти ангельскій образъ во обители сей; быхъ въ послушаніи и пооученіи преподобнаго.

Съ созданіи церкви каменной ко котороѣ лѣтъ по пришестїи преподобнаго. Благослови щче.

Потомъ начать святитель Никита совѣтъ совѣщевати

съ преподобнымъ о церкви каменной, дабы заложити церковь каменну; на се бо Богъ сокровище вручи тебѣ. И начать преподобный разчитати обрѣтенное в бочки сребро и злато на строеніе храмау, и рече преподобный: надѣюся на Бога и на Пречистую Богородицу, и на твоя святыя молитвы, токмо ты благословеніе намъ даруй. Святитель же Никита, размѣривъ място церковное и сотворивъ молитву, и вачать потшу церковную своимъ честными рукама копати; и заложиша церковь каменну, и соверши Богъ, и подписа чудно и всякимъ оукрашеніемъ оукрасивъ ея, образы и сосуды церковными златыми и сребряными, и ризами, и книгами божественными, въ славу Христа Бога нашо-го и Пречистей его матери, яко же подобаше церкви Божіи; и потомъ обложиша трапезницу каменьну во имя Стрѣтеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Хри-ста, и келіи возгради и ограду оустроивъ, и всѣмъ обилемъ добре оустронвъ, яко же годѣ, имѣнія же преподобный ни от кого же не восприять, ни от князь ни от епископа, ни от велможъ градъцкихъ, но токмо благословеніе от чудотворца Никиты епископа, но все строяще изъ бочки сея, еже из Рима Богъ поставилъ по водамъ в Великомъ Новѣградѣ, и поты и труды своими; и аще кто что принесетъ Бога ради потребная от имѣния своего или пищу, преподобный же тѣмъ братию питая, еще же сиротъ, и вдовицъ оубогыхъ, и нищихъ питая; и потомъ преподобный з братию и сиротами своими начать прilагата труды къ трудомъ. Не по мнозѣ же святитель Христовъ Никита епископъ начать изнемогати, и призыва преподобнаго, и повѣда ему отшествие свое от жизни сея, и много наказавъ его, и отъиде къ Богу. Преподобный же в велицѣ скорби и въ слезахъ бысть о преставленіи святителя Никиты; понеже духовный совѣтъ имѣаше межю собою.

О поставленіи преподобнаго Антоніа ко игумену.

Божию помощию и Пречистые Богородицы и моли-твами преподобнаго, начать обитель распространяться,

и начать преодобный и с братисю совѣтъ совѣщати, дабы избрati игумена себѣ во обитель. Многу же избранію бывшу и не обретоша такова человѣка; начаша братия молити преодобнаго Антонія: отче преодобне Антоніе, молимъ тя, послушай насть ищихъ, да пріимеш чинъ священнический, еще же совершенный намъ отецъ буди игуменъ, да принесеши жертву Богу честну безкровену о нашемъ согрѣшени, да приятна будетъ жертва твоя къ Богу въ пренебесный жертвеникъ; вѣдѣхомъ бо толики твоя труды и подвиги въ мѣстѣ семъ, яко никако же мощи во плоти человѣку толицехъ трудовъ понести, аще не Господь поможетъ. И рече преодобный: добрѣ совѣтъ вашъ, братис, но азъ недостоинъ есмъ толикаго великаго сана, по изберемъ себѣ от братіи мужа добродѣтельна и достоина на толикое дѣло. Братія же со слезами вопиаху: отче святый, не преслушай насть ищихъ, но спаси ны! Преодобный же рече. буди воля Божия; аще что восходеть Богъ, то и сотворитъ. Шедшис же братія къ архиепископу Ниѳонту съ преодобнымъ Антониемъ; бѣ бо в то время ему святительскій престолъ держашу; и возвѣщаетъ ему о вещи, святитель же Ниѳонтъ велими радъ бысть благому совѣту ихъ; бѣ бо любяше преодобнаго за премногую его добродѣтель. И поставляетъ преодобнаго въ диаконы, шотомъ во священицы, та же и игуменомъ. И поживе же преодобный во игуменствѣ лѣтъ шестнадцать въ добрѣ исправленіи, и оупасъ стадо Христово; и овидѣвъ преодобный свое отшествіе къ Богу, призвавъ мя и наресте мене себѣ отца духовнаго, и добрѣ исповѣдавъ со слезами; и повѣда моему окаянству преодобный свое пришествіе изъ Рима, и о камени, и о сосудѣ дровяному, о делви сіирѣчъ о бочки, сже исперва писана, и повѣлъ мя вся сия по преставленіи своемъ написати и церкви Божии предати, чтущимъ и послушающимъ на ползу души, и на исправленіе добрыхъ дѣлъ, въ славу і в честь Святей и Живоначальной и Нераздѣлимой Троицы, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и Пречистей Богородицы. Миѣ же о семъ въ велицемъ оуди-

вленію бывшу, преодобный же Антоніе призыва братию, и рече имъ: братия моя и спостницы! молю оубо вѣсть: се ныне отхожу жизни сея къ Господу Богу моему Иисусу Христу; да молите за мя Бога и Пречистую Богородицу; въ преставленіи моемъ да измутъ милостию ангели душю мою; да избѣгну сѣтей вражихъ и от воздушныхъ мытарствъ вашими святыми молитвами; понеже грѣшенъ есмъ; вы же изберите себѣ на игуменство от братіи на мое мѣсто отца и учителя; и пребудите оу него въ постѣ, и въ молитвѣ, и въ трудахъ, въ пощеніихъ, и во бѣдніихъ, и въ слезахъ, еще и в любви межи собя, и в послушаніи ко игумену и къ отцемъ своимъ духовнымъ и ко старѣйшимъ братиямъ; писано бо есть: блажени ищущи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное; блажени плачущи, яко тѣ оутѣшатся; блажени кроткѣ, яко тѣ насладять землю; блажени алчущи и жаждущи правды ради, яко тѣ насытятся; блажени милостиви, яко тѣ помилованіи будутъ; блажени чистии сердцемъ, яко тѣ Бога оурята; блажени миротворцы, яко тѣ сынове Божии нарекутся; блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное; блажени есте, егда поносять вамъ, ижденутъ вы, и рекутъ всякъ золь глаголъ на вы, лжуще, имени моего ради; радуйтесь и веселитесь, яко изда вона многа на небесахъ! И ина многая преодобный наказавъ братіи, поучивъ яже ко спасенію. Братія же видѣвшіе преодобнаго въ послѣднемъ издыханіи, быша въ велицей (цемъ) оумиленіи и въ сѣтованіи, и въ слезахъ многихъ, и рекоша: о добрый нашъ пастырю и учителю! се нынѣ оуже зrimъ тя въ послѣднемъ издыханіи на кончинѣ вѣка; и нынѣ к кому прибѣгнемъ, и от кого насладимся медоточныхъ словесъ обученія; и кто попечется о нашихъ душахъ грѣшныхъ? Но молимъ тя, оугодниче Спасовъ, аще обрящеш предъ Богомъ милость по отшествіи своемъ от жизни сея, моли о насъ неослабне Бога и Пречистую Богородицу. И здѣся, господине, избери намъ игумена от братіи нашей, яко же годъ твои святыи; понеже тебѣ вся наша духовная тайна известна. Преодобный же Ан-

тоніе избираеть на игуменство и благословляетъ нашу худость, понеже быхъ ему исперва ученикъ и потомъ отецъ духовный. И поучивъ мя о пастырѣ духовней и како пасти христоименитое стадо, и въпредъ полагаетъ преподобный заповѣдь братіи: аще лучитца избрati игумена, но избирайте от братіи иже кто на мѣсте семъ терпѣть; и аще князь нашлетъ игумена или епископъ по насилию, или по мздѣ, и тѣхъ преподобный проклятию предаетъ. Та же и о земли оутвержаетъ и глаголеть: о братия моя, егда съдохъ на мѣсте семъ, купилъ есмъ село сие и землю, и на рѣцѣ сей рыбною ловитву на строеніе монастыря цѣною изъ пречистыя сосуда, сіирѣчъ из бочки; и аще кто начнетъ обидити васъ или наступати на сию землю, ино имъ судить мати Божія. И давъ братіи прощеніе о Христѣ послѣднее цѣлованіе, и ставъ на молитве, и помолившися на многъ часть, аще оубо и радостно тому бяше еже разрѣшатися от плоти съ Христомъ быти, но показуя, яко всѣмъ страшна чаша смертная, и многи по воздухомъ изтезателя имамы, паче же смиреніемъ ведынся, помолися къ Богу, сице глаголя.

Молитва.

Явися, Господи, помози ми и избави мя от руку князя и власти и миродержателя тмы, да не покрыетъ мене темнымъ тѣмъ воздухомъ, иже дымъ ихъ помрачить душу мою. Укрѣпи мя, Господи мой! Господи, да преиду огненныя волны и глубины бездонныя, яко да не потопленъ буду въ нихъ, да не обрящетъ врагъ оклеветати мя, но да преиду миродержителя и лукаваго вожда ихъ, и от темныхъ князь и тартарь избавленъ да буду; и тако да явлюся предъ тобою чистъ и неспороченъ, и восприму тобою обѣщенная благая святымъ твоимъ!

Оле неизглаголанаго смиренномудрия! Богопропо-

вѣдника и апостоломъ подобна, како можаху тому прикоснутися темни князи, его же Господь не къ тому нарече раба, но друга, и обѣща идѣже той тому всемитися, еже зрети славу его! Сия вся вѣдь смиренная, паче изволи пже не поврежаютъ, но паче оукрѣпляютъ таковая; сего ради таковы молитвы источи глаголы; и повелъ священноиноку Андрѣю себѣ кадити и отходная пѣти, и возълегъ отъиде къ Богу въ вѣчный покой, и погребенъ бысть честно архиепископомъ Нифонтомъ со множествомъ народа града того, со свѣщами, и съ кандилы, со псалмы, и пѣны, и пѣсными духовными, въ лѣто 6655, мѣсяца августа въ 3 день, на память преподобныхъ отецъ нашихъ Исакия Далматскаго и Фауста. И положено бысть честное тѣло его въ церкви Пречистые Богородицы, юже самъ созда; поживе же лѣть съ пришествия своего до игуменства 14 лѣтъ, въ игуменствѣ же бысть 16 лѣтъ, и всѣхъ лѣтъ поживе во обители 30. И по благословенію преподобнаго, архиепископъ Нифонтъ поставляетъ въ игумены ученика преподобнаго священноинока Андрѣя. Сии же Андрѣй повѣда архиепископу Нифонту и княземъ града того и всемъ людемъ, еже слыша от преподобнаго и о чудесехъ сихъ. Архиепископъ и вси людие почюдившеся и воздаша хвалу Богу и Пречистые Богородицы и великому чудотворцу Антонію. И оттоле начать зватися Антонію Римлянинъ. И повелъ архиепископъ Нифонтъ сие житие преподобнаго изложити, и написати, и церкви Божіи предати на оутверженіе вѣры христианстей и спасеніе душамъ нашимъ, а римляномъ, еже отступиша от православныхъ греческихъ вѣры и преложиша въ латыньскую вѣру, па посрамленіе, и на оукоризну, и проклятие, въ славу же и въ честь Святей Живоначальной Троицы, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и вынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомъ, аминъ.

НОВГОРОДСКІЙ СУДЪ

и

СВ. ВАРЛААМЪ.

НОВГОРОДСКИЙ СУДЪ

И СВЯТЫЙ ВАРЛААМЪ.

(Имп. Публ. Библ. in 8° № 72.

Нѣкогда убо архіепископу Антонію по обычаю призвавши преподобнаго Варлама к себѣ о церковномъ исправлениі. чудотворцу же ко архіепископу идущу, яко бысть на великому мосту, прилучися новгородцѣмъ по градскому: обычаю осужденного человѣка вметати в рѣку Волховъ. Преподобный же Варлаамъ повелъ слугамъ стати на томъ мѣстѣ, гдѣ вмещутъ человѣка. Сродникомъ же не оспѣвшимъ молити старца, аbie самъ ста, никимъ же моличъ, и нача народъ благословляти и просить осужденного себѣ, да поработаетъ в дому Святаго Спаса на монастырскую потребу братіи; и народъ весь единогласно кликнуша: преподобнаго ради Варлаама, отца нашего, отпустите осужденного, и дадите его преподобному чудотворцу! отсель не имать на себѣ и въ томъ дѣлѣ никакова истязанія! Онъ же испроси повиннаго, и послалъ въ монастырь, и повелъ ему работать братіи. И сотвори оугодна на всякую службу, также и во мнишескій образъ оболѣкъ его, и совокупи братіи, и спасе душу его.

Паки же во ино время по обычаю прилучися преподобному ко архіепископу шествовать по тому же великому мосту, и новгородцемъ иного осужденного приведшамъ скинуть в рѣку с великаго моста. Такій же бѣ обычай градской. Сродницы же его со множествомъ

народа падоша пред нимъ со многими слезами, плачуще и молящеся преподобному, чтобъ благословилъ народъ, и отпросилъ бы осужденного сродникама ихъ от лютыя смерти. Онъ же, ни позрѣся на нихъ, повелъ слугамъ вбогрѣ мимо ѿхати ихъ. Сродницы же рѣша: грѣхъ ради нашихъ преподобный не послуша моленія нашего; пред малыми денми никимъ же молимъ, самъ же ставъ нача благословляти народъ, и отпроси осужденного оу народа і оу супостать, а нынѣ сами многа молимъ, ио презрѣ моленіе наше; что се есть, невѣдимъ? И приведоша священоіеря ко осужденному, молиша поновити его, и причастіе дати: и священникъ понови его и причастіе давъ, и отиде от осужденного. Приставши же супостаты его, срииша его с мосту; сродницы же сго, вземше мощи его, и погребоша, яко же и прочихъ осужденниковъ.

Въ обитель же пришедшу преподобному, вопросиша же его старцы, бывшиа с нимъ: что убо, господине, отче, яко первого осужденника, никимъ же молимъ, избави его от горкія смерти прошеніемъ своимъ и велическое попеченіе показа о немъ, и во мнишескій образъ повелъ постриши и к братіи причести его; сего же презрѣъ еси, народу же и сродникомъ его молящимся тебѣ о избавленіи его; ты же никакоже послуша моле-

ніа ихъ; скажи намъ, Бога ради, отче! Онъ же, отверзъ священныя своя уста, глагола имъ: яко вѣмъ азъ, вы убо виѣшними очима зряще виѣщая и судите; азъ сердечными очима смотряхъ, яко онъ первый осуженникъ, егоже испросихъ оу народа, человѣкъ во мнозѣхъ грѣсѣхъ бяше, и осуженъ въ правду; и яко осудиша его судія, прїиде раскаяніе въ сердцы его и не бѣ помогающаго ему, и мнозѣмъ супостатомъ сущимъ; и не оу прїиде часть его. Азъ видѣвъ яко имать вѣ-

ру спастися, и просихъ его, и устроихъ, якоже Господеви годъ. Другій же по немъ осуженный человѣкъ безъ правды осуженъ бѣ понапраству устава, и вмѣхъ яко мученическою смертю оумираеть, и вѣнецъ ему отъ Христа предлежитъ; не бѣ потребно моленіе мое о немъ Христа; бо имать помощника і избавителя; вы же о семъ не соблазняйтесь. Братія поклонишаася ему, вземъше прощеніе, прославиша Бога, прославляющаго свитыя своя, и творящаго дивная и преславная.

ПРОРОЧЕСТВО СВ. ВАРЛААМА.

ПРОРОЧЕСТВО СВ. ВАРЛААМА

С СНЬГOU И МРАЗU ЕХ ПЕТРОВХ ПОСТZ.

(Рукоп. XVI в. Румънц. № 456.)

Егда быше в животѣ преподобный Варлаамъ, и приѣде святый Варлаамъ в великий Новъградъ ко архиепископоу Антонію благословитися. Архиепископъ же заповѣда преподобному Варлаамоу паки с недѣлю помедливъ приѣхать к себѣ нѣ о какихъ духовныхъ дѣлехъ побесѣдовати. Святый же Варлаамъ рече ко архиепископоу: аще Господь повелитъ, господине святый владыко Антоніе, боуду оу твоемъ святыни благословитися на первой недѣль петрова посту в пятокъ на санехъ. Святитель же слышавъ от оусть святаго Варлаама в сумнѣни бысть, что хощетъ святый в пятокъ первыя недѣли петрова посту приѣхати на санѣхъ. Стыдяше же (са) вопросити святаго о вещи. Бысть же по пророчеству святаго Варлаама в петровъ постъ на первой недѣль к пятку на нощь паде снѣгъ великъ въ поаѣи человѣка, или болши, и мразъ великъ. Того дни на оутріи приѣде святый Варлаамъ в Великий Новъградъ ко архиепископу Антонію на санѣхъ. Архиепископъ же нача тужити о хлѣбѣ, яко рожъ в цвѣтѣ прибило. Святый же Варлаамъ нача оутѣшати святителя душеполезными словесы: не скорѣбъ(ти), но паче благодарити Господа нашего Іисуса Христа и Пречистую его Матере Богородицу и всѣхъ святыхъ великихъ чудотворцевъ, яко призрѣмъ Господь Богъ на насть милость свою; аще,

святый владыко Антоніе, не послалъ бы Господь Богъ снѣгу и мразу, погибнуты было людемъ от глада: хотяще Господь Богъ за умноженіе грѣхъ нашихъ поустити гладъ, и молитвъ ради пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ великихъ чудотворцовъ дарова Господь Богъ снѣгъ и мразъ, да в коренѣ ржаномъ во всякомъ обиліи черви изомроша, и единъ день пребуде снѣгъ на земли, и Божиимъ промысломъ и повелѣніемъ будеть теплота, и той снѣгъ за дождевную тучу оупоитъ землю и плоды всякия земныя. Еже и бысть по пророчеству святаго Варлаама. Святитель же архиепископъ Антоній, сия слышавъ глаголы от святаго Варлаама, вслѣдъ оужасеся о предивномъ Божии милосердии и о неизреченыхъ Божіихъ судахъ, начать славити Бога. И послалъ святитель святый владыка Антоній на поле слугъ своихъ от предстоящихъ ту въ келии его, да исторгиоутъ класы ржаные и с коренемъ. Шедъше посланіи на ржаное поле, исторгнуша класы ржапые и с коренемъ, принесоша тоу въ келию предъ архиепископа Антонія. И видѣ архиепископъ Антоній в корени ржаномъ много множество червей и измершихъ от снѣга и от мрази, прославиша Бога о бывшей Божиї милости. По пророчеству же святаго Варлаама, на оутре, еже в соуботу, и въ недѣлю, теплота велика бысть, и

растая снѣгъ, и оупон землю, и оуважи яко же дождевною тучю. Божиимъ промысломъ и повелѣніемъ, рожь тогда цвѣла, а цвѣтоу не прибило мразомъ, молитвами пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ, и молитвами святаго Варлаама чудотворца. Святитель же видѣвъ збывшееся пророчество святаго Варлаама, того же лѣта оугобеніе велико бысть всѣмъ плодомъ земнымъ, молитвами пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ ради великихъ чудотворцовъ, и молитвами святаго Варлаама чудотворца.

По представлениі же святаго Варлаама чудотворца, оустави архиепископъ Антоній Великаго Новограда ъздити со кресты самому архиепископоу со архимандритомъ, и со игоумены, и со священномонокы, и з дияконы, и клирики, и з диаки пѣвчими и поддияки, и всѣмъ причтомъ церковнымъ, и с тысячками, и с посадвицы, и з боляры, и з гостыми, и со всенароднымъ множествомъ мужей и женъ, и дѣтей, во вѣки вѣчные, в пятокъ первыя недѣли петрова посту, во обитель Святаго Спаса и пѣти молебенъ богослужбному Преображенію Господа нашего Иисуса Христа и чудотворцу Варлааму, и служити самому архиепископу и со всѣмъ соборомъ софѣйскимъ и съ архимаритомъ и съ честными игумены, и со священномоноки, и священодияконы, божественная литургія. Сие же торжество оставшия в пятокъ первыя недѣли петрова поста и во вѣки вѣчные ъздити архиепископомъ Ноougородскимъ во обитель Святаго Спаса и чудотворца Варлаама, пѣти молебенъ Спасоу и чудотворцу Варлаамоу, и служити соборомъ божественная литургія, и множество безчисленномоу всего Великаго Новаграда, всенародному собороу, мужемъ и женамъ, на той день приходити, и ъздити в судехъ, молитви Святому Спасоу и чудотворцу Варлааму; и множество болѧщихъ всякими недугы и болѣзнями одержимыхъ и с вѣрою приходящихъ, исцѣленіе приемлющи от всякихъ недугъ и болѣзвей от чудотворцева гроба и от мощей святыхъ чудотворца Варлаама, и всѣмъ с вѣрою приходящимъ, исцѣленіе приемлющимъ, прославляти Бога и оугоднива-

его преподобнаго Варлаама чудотворца, и за воспоминаніе збывшагося пророчества святаго о снѣгѣ и о мразѣ, еже молитвами святаго Варлаама во ржи и во всякомъ обилии черви изомроша, и еже избави Господь Богъ от глада люди своя, молитвъ ради Пречистыя Богородица и святаго Варлаама чудотворца. Многожды же бываетъ и в нынѣшняя времена: туча снѣжная на нивы падетъ и мразъ, и того бываетъ день или два дни, въ цвѣтѣ егда рожь цвететь, и молитвами преподобнаго отца нашего Варлаама и ржанаго цвѣтоу мразъ не познобить, а в коренѣ ржаномъ во всякомъ обилии черви изомроша: от снѣга и от мраза озабачуть и примираютъ; а снѣгъ егда растаетъ от теплоты, и егда начнетъ грѣти теплотою солнечною, то землю тѣмъ снѣгомъ оупонть и совлажить, яко дождевною тучею; и на которые полосы и на нивахъ гдѣ на кое мѣсто падетъ туча и снѣгъ и мразъ, то Господь Богъ оумножитъ тую землю, и тые нивы и полосы множество ржы и всякаго обилия возрастаетъ, молитвами святаго Варлаама чудотворца, за вѣру держащимъ крестьянъ ко святому Варлааму; а кого хощетъ Господь Богъ показити, в то время и на коего христианина на нивы и на полосы снѣгъ и мразъ не падеть, то на тѣхъ нивахъ и на полосахъ черви и во всякомъ обилии корение подъянуть, то уже рожь и всякое обилие привянетъ, и исхнеть, и хлѣба на тѣхъ нивахъ не будетъ, за согрѣшеніе тѣхъ крестьянъ. Преподобный же отецъ нашъ Варлаамъ, святаго ради жития, беззлобие (быва) душа даромъ пророчествия сподобися, по реченному пророкомъ: излию от духа моего на всякую плоть, и дамъ чудеса на небесѣ горѣ, и на земли знаменія низу и во благодати сугубъ дарь подамъ! Пречестный же божественный Варлаамъ презрѣ маловременъна и мимо текущая житія сего, обоихъ сподобися; глаголю же, се дамъ, рече, чудеса на небеси горѣ, и знаменія на земли низу; хощещи ли дати, от обоихъ разрѣшу, о нихъ же и самъ речеши; истинъну быти не должно и мною глаголемое, многажды бо рече не токмо бо в животѣ, но и по смерти сего преподобнаго Варлаама быша и быва-

ютъ, да иже и до сего дни. Есть оубо обычаи в томъ в Великомъ Новѣградѣ: егда попущенію Божию бываетъ бездождие, и аbie весь народъ со архиепископомъ гра-да с вѣрою пришедши в монастырь, идѣже лежить пречестное его тѣло; нѣсть бо далече, но яко седмъ по-прищъ от Великаго Новаграда, яко же преди сказахомъ; всему народу предстоящу, архиепископу же во священ-ней одежди стояше с лики священными, молебная со-вершающимъ, абиесолнничныи воздухъ в водоточное сество преложися, и тако дождь доволенъ молитвами святаго исходить, яко же дивитися иже ту предъсто-ящему народу скорому святаго оуслышенію. Егда же ли паки бываетъ оумноженіе дождемъ, и абиес також-де народъ со архиепископомъ предъреченънаго Вели-каго Новаграда обычныи молбы сотворяющимъ, и абиес в той часъ молитвами святаго облачное и темное небо съ своими стихиями благодарственно раствореть и срѣ-тла бываютъ, и ясно солнчныи луча являеть заря. Народи же благодарная хваления воздавше чудотво-рящему Богоу и святымъ его оугодникомъ и препо-добнымъ и богоноснымъ отцемъ нашимъ великими Варлаазомъ чудотворцемъ, и тако во свояси возвраща-ются. Оустави же ся в Великомъ Новѣградѣ чинъ цер-ковный в велицей церкви святѣй Софїи премудрости Божији: ъздити архиепископу со кресты и пѣти молебны и слоужити божественная литургия во обитель Святаго Спаса на Хоутыни со священными множествомъ в пятокъ первая недѣли петрова посту, и во вѣки вѣ-чныя, потомъ от святых Софїи премудрости Божији свя-щенныи соборъ великия церкви начнутъ ходити со кресты на Ильину улицу ко Пречистей Богородицы к честному и славному ея Оуспенію, во вся пятки молебное пѣніе совершающе, и до Воздвиженія Честна-го Креста, молящеся Господу Богу и Пречистей Бого-родицы и всѣмъ святымъ великимъ чудотворцемъ, и святыму великому чудотворцу, преподобному и богоно-сному отцу нашему Варлааму, о оустроеніи земѣскомъ, и о тишинѣ и о мирѣ всего мира, и о благостояніи святымъ Божиимъ перквамъ, и о благовѣрномъ и христо-

любивомъ цари и великому князи има рекъ⁽¹⁾, и о его благовѣрной царици, і великой княгынѣ, има рекъ⁽²⁾ и о благородномъ царевичи⁽³⁾, чтобы Господь Богъ даровалъ имъ многолѣтство и здравие и спасеніе, и скипетры цар-ствия оутвердилъ во вѣки вѣкомъ, и даровалъ бы Господь Богъ сродникомъ благочестиваго царя нашего правовѣр-наго благолюбивымъ княземъ, рускою землею пекущим-ся, за вѣру Христову и за царя православнаго и за вся святыя Божији церкви, и за все православное христіа-ство, и благочестивымъ боляромъ, христолюбиваго право-славнаго царя нашего воеводамъ, и всему христолюбивому его воинству помошь, и крѣпость, и побѣду, и одо-лѣніе, даровалъ бы Господь Богъ на вся врагы наша и сопостаты, на вся невѣрныя, на бусорманство, и на ла-тынѣство; посемъ великаго дару оу Господа Бога про-сять, чтобы даровалъ Господь Богъ царю нашему право-славному и благовѣрному и христолюбивому, великому князю има рекъ всея Росіи и благовѣрной и христолюбивои царицы има рекъ⁽⁴⁾ плодъ чрева, благо-честива и христолюбива поборника по благочестій нашей християнствѣ вѣрѣ, и сына имъ благородна и крѣпка на врагы, и цѣломудрена, и мудролюбна, и ми-лостиива и кротка, христианомъ заступника; тако же и во всѣхъ шести соборахъ Великаго Новаграда священ-ницы ходать коиждо соборъ ко святыи церквамъ во вся Воскресенія с народомъ до Воздвиженія Честнаго Креста; паче же великий архиерей и архиепископъ Великаго Новаграда ходить в петровъ постъ, и по пе-тровъ дни, со кресты около града по обѣ страны со священнымъ соборомъ, и со всенароднымъ множествомъ молебное пѣніе совершающимъ, и всѣмъ святымъ вели-кимъ чудотворцемъ и великому чудотворцу Варла-аму о оустроеніи земѣскомъ просище милости Божији и посѣщенія, и помошь, и оукрѣпленія всему право-славному християнству, и о сподобленіи еже на вра-

(1) За тѣмъ написано и зачеркнуто: Борисъ Феодоровичъ всея Россіи.

(2) Написано и зачеркнуто: Марія.

(3) Написано и зачеркнуто: Феодоръ и царевна Ксенија.

(4) Опять тѣ же имена царя и царицы, написаны и зачеркнуты.

гы побѣда христолюбивому воинству благовѣрнаго ца-
ри нашего великаго князя иша рекъ всея Россіи само-
держца, и о всѣхъ полезныхъ православному христи-
янству, и о оумноженіи плодовъ земныхъ, избавилъ бы
Господь Богъ всѣхъ православныхъ христианъ отъ гла-

мора, и нашествия иноплеменникъ, и междуусобныхъ бра-
ни и напрасныи смерти, и отъ всякаго зла, за молитвъ
Пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ, великихъ чю-
дотворцовъ, и за молитвъ теплаго заступника и скораго
 помощника преподобнаго Варлаама, чудотворца. Богу на-
шему слава, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

ВИДЪНІЕ ПОНОМАРЯ ТАРАСІЯ.

ВИДІНІЕ ПОНОМАРЯ ТАРАСІЯ.

(Рукоп. XVI в. Румянц. Муз. № 154.)

Быть чудо преславно и видініе оужаса исполнено въ пречестнѣй обители боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и преподобнаго отца нашего Варлаама. Бывшю понамарю в церкви Святаго Спаса в полуночи, нѣкня ради цотре-бы церковныя, именемъ Тарасию, видѣтъ на павика-дилехъ и во свѣтильникахъ свѣща вся въжегъшеся, и кадила возгорѣвъшася, и от благоуханія благовонънаго спмияна и ливана церьковъ исполнену, и зритъ понамаръ зрящима очима, не во снѣ, но явѣ, из гроба своего исходяща преподобнаго чудотворца Варлаама, и бывша въ церкви Святаго Спаса. И нача преподобный молитися Господу Богу нашему Іисусу Христу и Пречистѣи его Матерѣ Пресвятей Богородицы и всѣмъ святымъ, со слезами и с великимъ оумиленіемъ, яко же онъ на три часы. Понамаръ же бысть во ужасѣ велицѣ. И прииде к понамарю Тарасию самъ Варлаамъ чудотворецъ и глагола ему чудотворецъ; о брате Тарасие, хощетъ Господь Богъ погубити Великий Новъградъ! Взыди, брате, понамарю Тарасие, на самый верхъ церковныи, оузиши пагубу Великому Новуграду, что хощетъ Господь Богъ сотворити ему! Понамаръ же Тарасие, по глаголу преподобнаго чудотворца Варлаама, взыде на церковъній верхъ, и видитъ чудо страшной гро-

зы исполнено; над самимъ Великимъ Новынъградомъ езеро Ирменъ воздвигшеся на высоту, хотя потопити Великій Новградъ. Понамаръ же Тарасие видѣвъ страшно видініе, великии оужасеся и бѣжа из церкви Святаго Спаса страхомъ величимъ одержимъ, внide въ церкви Святаго Спаса. И прииде к нему святый Варлаамъ, и воспроси его: что видѣ надъ градомъ? Понамаръ же повѣда сватому Варлааму чудотворцу: езеро Ирменъ воздвигшеся надъ Великимъ Новынъградомъ. И рече понамарю святый Варлаамъ: Господь Богъ хощетъ Ирменъ езеромъ потопити Великий Новъградъ за умноженіе грѣхъ людскихъ всенароднаго множества и за беззаконія и неправды ихъ. Посемъ паки начать со оумиленіемъ и со слезами молитися Господу Богу и Пречистѣи Богородицы на три часы, и послана понамаря Тарасия ити на церкви Святаго Спаса і видѣти что сотворитъ надъ Великимъ Новынъградомъ. По глаголу же чудотворца Варлаама, взыде второе понамаръ Тарасие на церковъ Святаго Спаса въ верхъ: видить множество ангелъ стрѣляющихъ огнеными стрѣлами яко дождь сильный истучи на множество народа людскаго, на мужи и жены, и на дѣти ихъ, колико баше мужей и женъ и дѣтей, пред всякимъ моужемъ и женою или отрочатемъ, и пред дѣвою, и пред всякимъ человѣкомъ стояща

ангела хранителя, держаща книги, и зряща в нихъ по-
велѣнія Божия. Акій человѣкъ обрѣтавшеся написанъ
въ живыхъ, того ангелъ хранитель помазоваше кистию
из сосуда, приемля мню иѣра небеснаго, и аbie той че-
ловѣкъ исцѣленіе принимаше, и здравъ бываше от съ-
мертностныхъ язвы ангелемъ немилостивыхъ язвы. Егда
же видяше ангель человѣка, ему же написано оумрети
въ книгахъ судебъ Божиихъ повелѣніемъ владыки Хри-
ста Бога нашего, і аbie не помагалъ его ииromъ ангелъ
хранитель, оуныль отходжаще от человѣка, бояся пре-
слушати своего владыки повелѣнія. Ангели же храни-
теля предъстоящихъ предъ всякимъ человѣкомъ от
зрящихъ въ книги овѣхъ помазахоу из сосуда ки-
стию, а ииѣхъ не мажуще, отходжаоу. Онъ же оужа-
сеся страхомъ велиимъ одержимъ, и бѣжа с верху цер-
ковнаго Святаго Спаса; и вопросы его святый Варлаамъ
чудотворецъ: каково видѣніе надъ велиимъ Но-
вымъ градомъ? Понамарь же вача повѣдати святому Вар-
лааму еже видѣлъ множеству ангель Божиихъ безчисленно
с небесе стрѣлы огневы испущающихъ на всенародное
множество людей. Начать же преподобный Варлаамъ мо-
литися Господу Богу и Пречистѣй Богородицы, и всѣмъ
святымъ, со слезами и с великимъ оумиленіемъ, и гла-
гола чудотворецъ Варлаамъ къ понамарю Тарасию;
брате! за молитвъ пречистыя Богородица и всѣхъ свя-
тыхъ ради молитвъ, пощадилъ Господь Богъ людей

своихъ, еже не погубилъ потопомъ града, но посылаеть
Господь Богъ на люди моръ казнь; но с милостию,
рекъше с покаяніемъ. Самъ бо рече Господь во свя-
тѣмъ евангеліи: въ чемъ тя застану, въ томъ тя и сужду!
И боудеть моръ три лѣта. Еже и бысть въ те три лѣ-
та Божие посыщеніе моръ. И паки помолися святый
на многъ часъ, и послѣ трѣть понамара на церковъ
что оувидитъ надъ градомъ. По словеси же чудотворца
Варлаама и взыде на церковъ понамарь, видѣ тучу ог-
нену надъ градомъ; и паки бысть въ оужасѣ велицѣ
понамарь, сидѣ с церкви, и въшедъ въ церковъ Свя-
таго Спаса видѣть понамарь чудотворца Варлаама мо-
лящася Богу, и вопросы святый Варлаамъ понамарю!
что видѣлъ надъ градомъ? Понамарь же нача повѣдати
святому Варлааму еже видѣлъ надъ Великымъ Новымя-
градомъ тоучю огнену. И чудотворецъ Варлаамъ рече
понамарю: по трехъ лѣтъ послѣ мороу будеть пожаръ
силенъ въ Великомъ Новыградѣ. Торговая страна вся
погорить, і множество много людѣй изгоритъ; понеже,
брате понамарю Тарасию, Пречистая Богородица со всѣ-
ми святыми оумолила сына своего и Бога нашего Іа-
суса Христа, и избавила градъ свой отъ потопа. И по-
молився преподобный Варлаамъ къ Господу Богу и
Пречистѣй Богородицы и всѣмъ святымъ, вниде въ
гробъ свой, и свѣщи и канѧдила сама о себѣ иога-
сонасася.

ПОВѢСТЬ

о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ.

ПОВѢСТЬ

О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ.

(Рукоп. Имп. Публ. Библ. ин. 4° Отд. 4. № 262.)

ПОСЛАНИЕ ДМИТРИЯ ГРЕКА ТОЛМАЧА НОВГОРОДЦАМЪ АРХИЕПИСКОПА ГЕННАДІЯ.

Пречестныя і великия святыя соборныя і апостольскыя церкви Софїи премудрости Божиї первопрестолнику государю преосвященному архиепископу Великого Новагорода и Щъкова владыцѣ Генадию слуга твоего святительства Митя иного членъ бьетъ. Твоимъ святительскимъ благословеніемъ і молитвами азъ великого Рима града доидохъ во здравї, по твоему святительскому приказу о бѣломъ клобукѣ въ лѣтописныхъ въ римскихъ книгахъ едва можахъ обрѣсти написание о семъ; понеже срама ради таять велики. Се тебѣ повѣмъ како обрѣтохъ писание о семъ. Первие плакахсѧ азъ ко книгохранителю церкви римской іменемъ Іакову і многими дарыми одарихъ его. Книгохранитель же онъ, видѣвъ мя любезно припадающа къ себѣ, і велию любовь яви ко мнѣ многими брашны и пити, і по многи дни приходахъ къ нему і въ дому его вечеряхъ съ нимъ; і нѣкогда пришедшу мя къ нему по обычаю вечеряти, онъ же съ любовию срѣте мя, і емля за руку введе въ домъ свой, і въ то время вечеряхъ съ нимъ, похвалия ему нашу греческую вѣру і о российстей земли, такожде і о вѣрѣ, о благостоянії, і о чудотворцахъ, іже въ руссийстей земли просиявшихъ многими знаменії і чудесы, і потомъ сказахъ ему повѣсть чудну зѣло о бѣломъ клобукѣ, еже ты, святитель Великаго Новаграда,

на главѣ своей носиши. Книгохранитель же онъ, яко услышавъ от мене сия, воздхнувъ о семъ велии рече: от древнихъ і достовѣрныхъ мужъ у насъ сицева повѣсть обношащеся о семъ прежде, яко клобукъ сий бѣлы честный, о немъ же глаголеши, сотворенъ бысть въ превелицемъ граде Римѣ царемъ Костянтиномъ і данъ бысть на почесть римскому патрѣ Селивестру на главѣ носити, і ради согрѣшении нашихъ, еже содѣяся въ Римѣ, сиѣ клобукъ посланъ бысть въ Костянтинъ градъ къ патріарху; патріархъ же посла его въ русскую землю Великаго Новъграда. Азъ рѣхъ: естьли о семъ написание здѣ? А древняго нѣсть. Азъ же подробнѣ и съ тихостію начахъ вопрошати его: да скажемъ ми подробнѣ і о семъ о бѣломъ клобукѣ написание. Книгохранитель же онъ вечера много со мною великою любовию, і видѣвъ мя тщательне вопрошающа о семъ, и сказа ми повѣсть сицеву: О семъ многу речению изъ насъ прежде сего во градѣ і взысканию бывшу о семъ, онъ глаголеть се, інъ же іно, а истинны не вѣдая никто же; понеже зависи ради православныхъ древнихъ начальници града сего о семъ писание истребиша. Отъ того же времени по инозѣхъ лѣтѣхъ, егда турки обладающе царствующемъ градомъ, нѣцы благочестивиіи мужи Царяграда взяша множество греческихъ книгъ,

хотище соблюсти греческия вѣры от безбожныхъ турокъ, і отплыши моремъ в Римъ. Латинстї же людие нашедше славни зѣло и тщательны философскому учению, от многихъ бо лѣтъ восточныхъ учителей желааху видѣти писания і о гречестѣй, царие же не извозиша тако быти, ради отступления ихъ от православия; егда же улучиша время, принесенныя убо от грекъ книги во свой римский языкъ преложиша, а греческия книги вси огнемъ сожгоша, о бѣломъ же клубукѣ, о немъ вопрошаши, также написание з греческихъ книгъ в римския книги вновѣ написанына бѣ, а прежде того в римскихъ книгахъ написания не бѣ о бѣломъ клубукѣ, срама ради; і нынѣ се таять же велми. Азъ же яко услышавъ от книгохранителя онаго сицевая повѣствующа, і болми разналихся желаниемъ, і со многимъ молениемъ припадохъ колѣнома его, дабы ми дамъ написание се, і с великимъ заклинаниемъ едва упросихъ, і в тайнѣ написахъ подлинно; также і осмочастную книгу і миротворный кругъ, і вся сия послать есмы к тебѣ с московскими гостемъ с Фомою с Саревымъ, і буди, государь, спасаися и здравствую о Христѣ, і насть во святыхъ своихъ молитвахъ не забуди, яко же и прежде.

ОТ ИСТОРИИ РИМСКИЯ ПОВЕЛѢНИЯ И ЧИНА СВЯТИТЕЛЬСКАГО НАПИСАНИЯ ВЪКРАТИЦѢ, ЧЮДНО ЗЕЛО.

ОТ ЧАСТИ ЖИТИЯ БЛАГОВѢРНAGO ЦАРЯ КОНСТАНТИНА РИМСКАГО, і О СОТВОРЕНІI СВЯТИТЕЛЬСКАГО БѢЛАГО КЛЮБУКА, ОТКУДУ И КАКО НАЧАЛО ПРИЯША АРХИЕПИСКОПИ ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА ЕЖЕ НОСИТИ ЕГО НА ГЛАВАХЪ СВОИХЪ, А НЕ ЯКОЖЕ ПРОЧИИ МИТРОПОЛИТИ; ЗДѢ ЖЕ О СЕМЪ ИЗВѢСТНО СКАЗАНИЕ ИМАТЬ.

По смерти нечестиваго цара Максентія, на христианы гоненіе преста, і бысть тишина велия. Человѣки же живуще в Римѣ окрестнї, аще и не вѣриемъ баху одержими, по веселіемъ и радостию великою венчавше градъ свой, восприяша же с похвалами на цар-

ство великого и славнаго Константина, спаса и благодателя народа ищаща его. Благопостѣшный же царь Константинъ приемъ царство с скапетромъ римское, і вѣнцемъ его вся по чину бываху царьскіи властелинскни; во христианстѣй вѣрѣ пребывающимъ во ослабѣ жити повелѣ; христиане же, благодатство сме дивяще, і онъ паче радовахуся і веселящася, твораху подобныя праздники всесилнаго Бога безъпрестави, славяще і царя Константина немолчно величаху. Православную же вѣру Господа нашего Іисуса Христа в Римѣ содержащу і укрѣпляющи тогда блаженному Селивестру, епископу христианскому в малѣ дружинѣ, во утѣшнїи пребывающу, і сие творя втай, а не явѣ, страха ради жидовскаго і еллинскаго, понеже царь Константинъ еллинстви вѣре прилежаще, тогда ондломъ клянявшись. Въ третие же лѣто царства его блаженный Селивстръ пала римский крести иѣкоего царева мужа, Изумѣфера именемъ, і добрѣ устрои его вѣровати въ Господа нашего Іисуса Христа. Замбрия же вѣкто бѣ в Римѣ жидовинъ і волхви, і всѣми любимъ бѣ, с нимъ же блаженный Селивстръ последи чудо велие сотвори о семъ убо і(а)де скажемъ. Сенже убо Замбрия не можаше зряти вѣры Христовы, собра вопрошая елланы и жидовнї, придоша же ко царю, і рекоша: Господи великороджавый царю! Града сего епископъ христианскіи Селивстръ поношаны і укароя величными словесы, і добрѣ проповѣдасть распятаго иѣкоего, наша же честныи і великии боги поношаша, і безчестныи творити и, и твоего честнаго і великаго Изумѣфера своимъ словесы прелсты и сотвори его вѣровати въ распятаго, і намъ о семъ смиреніе и печаль велию сотвори, также і твоему величеству: вещаетъ, хотя и тебе прелсты і въ распятаго вѣровати яко же Изумѣфера сотворити. И сего убо злѣтворца і слышати не можемъ: і молимъ ти, великий царю, повелі убо намъ, да истрѣбииъ его. Царь же сиа слышавъ, разгнѣвася зѣло на епископа, Изумѣфера (ради) і хоташе его яти і в темницѣ затворити, а прочая христианы разгнati. Селивстръ же яко услышавъ

на ся гиѣвъ царевъ, убоѧся, і бежа, и скрылся въ горѣ иѣкої и съ клирики свопми; много же искаху его въ не обрѣтома. Богу же сохраниающу его на полезная, і яребыть крыса время доволю. Но творецъ вся твари, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, не нужею приводя человѣческий родъ ко спасенію, но волею, і комуждо вѣщими разумъ даєтъ, также і здѣ хота прославити угодника.

Въ 7-е убо лѣто царства своего (царь Константинъ) въ лоновую проказу впаде, уязвленъ бысть по всему тѣлу, естествиа лежаша (ше) едва дыша. Мнози же чаровници і волси приходище, не точно отримлянъ, но и от персь приходище, приведени, искусныи врачествѣ хитрости, и вичто же успѣша, но и наче на горшее пришедшe, мало не прелестиша царя лукавні, рекоша сице: подобаетъ купѣти быти въ Капеталии римъстей, ісполнитися чистыхъ перворожденныхъ младенецъ кровью мужеска полу, і горячею кровию измытиша тебѣ, и животъ получиши; а телеса младенческая дати на жертву богомъ. Царь же въскорѣ всему быти повелѣ, и по всей римъстей области принесоша дѣтей 3,000 мужеска полу. Въ потребныi же день ідущу царю съ волхвы онѣми въ Капиталию, въ младенчестей крови измытиша, жерцемъ же готовымъ сущемъ на заколение дѣтей, і бысть стенанie і кричанie велие безпрестанно. Сия же слышавъ царь, ужасеся, и ста на единомъ мѣсте, і узрѣ множество женъ стоящихъ простовласы, кричаще, і плачущеся, і воздыхающе великими гласы. Вопроси же царь грядущихъ съ нимъ: кто саи есть, і что вина плача ихъ? Рѣша же ему, яко убienia ради дѣтей онѣхъ плачутъ матери ихъ. И побѣженъ бывъ царь жалостию і воздохнувъ изъ глубины сердца, и начать плакати велиимъ гласомъ: лучше мнѣ есть самому умрети за спасеніе дѣтей, несквернѣ еже (неже?) тѣмъ убиеномъ быти! И се рекъ, возвратися въ полаты своя, і не точно дѣти матеремъ отдать повелѣ, но і имѣннемъ одаривъ і отпусти; жены же оны вопріяша чада своя во мнозѣ радости.

Тому же убо дневи мимошедшу і иощному безмол-

вню пришедшу, явпсталъ царю святіи апостоли Петръ і Павелъ, глаголюще: Понеже грѣхомъ не восхотѣши исполнитися, і пролити кровь неповинныхъ возгнушася (шался еси), отъ Христа Бога нашегопос лаянссы дати тебѣ спасенія образъ, імже здравие получиши. Послушай убо нашего заповѣданія, и сотвори, еже ти заповѣдасмъ. Иже града сего епископъ Селивѣстръ, твоего гонения бѣгая, въ пропастехъ каменныхъ кроется въ горѣ Сорѣпѣй, і сего призвавъ честно, повелѣ прийти къ себѣ: сей убо пмать показати тебѣ купѣль спасенія, въ неі бо измывся, всю скверну струпъ своихъ очистиши, и здравъ будеши, і живота вѣчнаго сподобишися, живота раді. даннаго съ тобою несквернѣмъ младенцемъ. И егда отъ святителя сию благодать приемши, воздаждь ему воздарение честное, да во всей вселенстѣй церкви православныхъ обновяится твоимъ волѣнными священномъгнотою. і да прославится въ нихъ імя великого Господа Бога і Спаса нашего Іисуса Христа, і святымъ пѣннемъда украшаются.

По явленїи святыхъ апостолъ, отъ царя Константина взысканию бывшу о епископѣ, і обрѣтоста его, со всякою честию приведоста предъ царя. И яко випадеть епископъ въ полату, царь же воста, первые целова епископа, і рече: здрава тя приемши радуемся, честныi отче! Селивѣстръ же рече: мири тебѣ съ небесо дасться і побѣда! Царь же сказа ему о видѣнїи вѣкоемъ, і рече: два мужа иощио во снѣ явльшиися, Петръ і Павелъ нарицаета имя себѣ, і возвѣстиста ми яже о тебѣ; і се пришелъ еси, сотвори о мнѣ еже имаши отъ Бога даръ, очисти мя отъ болѣзни моей сея. Но и еще молю тя, святіи епископе: кто суть боги, Петръ и Павелъ іменуеми? имаши у себе образъ явльшихъ мнѣ, и да покажешими ихъ, і сотвори ми сю явлены, і разумно ми будетъ. аще воистину отъ Бога посланнымъ имъ быти. Селивѣстръ же рече: не истинна суть еже тѣхъ боги іменовати: апостоли суть Господа нашего Іисуса Христа, і потомъ всякоя чести достоинны. Отецъ Селивѣстръ божественныхъ апостоль образы своему дия-

кону повелъ принести. Уарѣвъ же ихъ царь на иконахъ, і позна, пред своимъ каязи і велможами ісповѣдався, і глагола: во истину сихъ в видѣніи узрѣхъ! Тай мѣрѣ глаголаста: послы во епископу Селивѣстру; той ти покажетъ купѣль спасения. И паде пред ногами епископу. Блаженныи же Селивѣстръ воздвигъ его, і поучивъ его от божественныхъ писаний, і зановѣда поста прити седмь дней, і во единомъ вретищи одѣянью быти, і милостыню творити повелѣ; і благословивъ, сотвори его оглашенія, і отг҃идетъ. Быть же в день недѣльный службъ (у)готовленъ сущи, Селивѣстръ же царю рече: вода сия, царю, еже видиши, призывающемъ святыхъ и животворящая Троица божественную силу приемлющи, яко же телеса извнугъ от всякия скверны очищаетъ, тако і душа от всякаго грѣха і от всякия скверны очищается, і содица свѣтлыша творится. Внѣди убо въ честную і священную сию банию, і очистися от всѣхъ сотворенныхъ ти грѣховъ. Симъ же ииѣмъ реченнымъ бывшимъ, і благословивъ святыхъ воды; помазану же бывшу царю святымъ масломъ, і вѣзвшу ему во святую воду, о великаго таинства Божія тогда бывшаго! Внегда ему крещышуся во імя святыхъ Троица, внезапу сияние иѣкако безчислениаго свѣта с небесе возсия, і гласъ бысть ако мѣди звѣнѧши; і изыде от воды добронравны великий царь Константинъ весь здравъ, струпа же от тѣла его отпадоша яко чешуя, і чистъ бывъ всюду, рече к Селивѣстру: о пречестный отче! велика Божія благодѣяния поѣмъ тебѣ: внегда убо въ драхъ купѣльныхъ поставленъ быхъ, рукою ко снувшуюся ми с небесе, своимъ очима видѣхъ, от гноя же чистъ востахъ, і от всякаго еже от проkaza одержания познахъ (себе) очищеніа. Блаженныи же Селивѣстръ слышавъ, одеждами бѣлыми одѣя его, і седмомличие от Святаго Духа подастъ помазаниемъ масть, и знаменіемъ честнаго креста знамена, рекъ: знаменаетъ тя Богъ вѣры своея печатию, во імя Отца і Сына и святаго Духа! И весь соборъ отвѣща: аминъ. Святитель: миръ ти! Благодатию же Божию царь Константинъ здравъ бысть (и нареченъ)

во сватомъ крещениі Олавий, радости многии наполнися, велию славу воздая Христу Богу і святителю Селивѣстру, і не вмѣняше его человѣка суща, но чтѧше его яко Бога, і отца его себѣ і папою іменова. Всї же людие, елицы под римскою державою, возрадовашася зѣло, не точно царева ради исцѣления, но і чадъ своихъ раді, еже собраны бѣша на заклание, здравия ради царева; сихъ всѣхъ живыхъ приемши матери ихъ, і тогда радость велия бысть во всей римской державѣ. По исцѣлениі же своемъ царь Константинъ, і по вѣлѣнію святыхъ апостоль, і поучениемъ блаженниаго папы Селивѣстра, прежде всего повелъ собрати мощи святыхъ мученикъ, умершихъ от нечестивыхъ царей за вѣру Христову, і благочиниѣ гробомъ предати повелѣ; і во изгнаніи сущихъ приведе, і в темницахъ, і во юзахъ седящихъ свободи, і отъятая имѣнія отдать повелѣ; церкви же Божији поновляти уснѣхомъ многимъ, елинския же храмы разорити і огнемъ соженци повелѣ, а имѣнія ихъ святымъ церквамъ отдать. И со словомъ вѣскоре дѣла быша: і вся по чину бываху, яко же лѣпо християнскимъ царемъ владѣлѣство. Папе же Селивѣстру царь Константинъ многая благодаренія воздаде, на церковныя чины, і самому святѣшему папе на послушание, своихъ царскихъ чиновъ і величеству, і многія чины устрои, і вѣнецъ царьский хотіше положити на главу его. Папа же рече: царю великий! не лѣпо есть намъ твоего царскаго вѣнца носити на главѣ; аще епископъскаго сана сподобленъ быхъ, во иныхъ симъ по обѣщанию, і сего ради молимся всемогущему Богу, да в будущемъ вѣцѣ вѣчная благая примемъ от него. Царь же любовию побуждаемъ, оскорбися вѣница ради. Папа же рече: не скорби, царю! твое есть еже носити златый вѣнецъ і вся красная мира сего, наше же должно есть о твоемъ царствіи Бога молити, і смиренная і плачевная носити на тѣле свою, і за царскую красоту; также должно есть намъ і о всемъ мірѣ молитвы воздавати Богу, не точно о вѣрующихъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но і о невѣрующихъ: о вѣрующихъ спасения ради, о невѣрующихъ

же крещения ради, да и таи спасение улучать, еже о Христѣ Іисусѣ, ако же рече блаженный апостолъ Павелъ. Сия же царь слышавъ, умыслился і с великомъ молчаниемъ зоваше святителя да ясть у него. Егда же прииде папа въ царскій дворъ, царь же самъ срѣте его, і своими руками поддержа его, также і прочему священническому чину, і клирокомъ, і мнюхомъ честь велию воздаде. Во время же явления боголюбивый онъ царь своими руками поставляя брашна святѣшему папѣ і пророчимъ, і вельми чтише его, і в радости велицѣ предстоя ему яко Богу; і безпрестаннѣ зря на лице і мысляще неослабно, да кацѣмъ образомъ сотворить ему одѣяніе на главѣ носити вмѣсто царскаго вѣнца; і недоумѣяся. Прочая же священники і мнюхи также довольно питая, і учрежая же ихъ всѣми царскими брашны, і во всѣмъ угожая имъ предстоянія ради церковнаго. По скончаніи же онаго преславнаго ширования, святѣшай папа хотаще отити во свои; благочестия любитель, благовѣрный онъ царь повелѣ вновь привести предсѣданія с конами своего царскаго сана і величества, і со многимъ благочиниемъ своими руками поддержа блаженнаго папу, і носаді его на мѣстѣ честно, і поклонившися, отпусти его с миромъ; і потомъ вниде в ложницу свою почети. Спашу же ему на одѣвъ испытю, і явистася ему святні апостоли Петръ и Павелъ в видѣнїи, во славѣ велицей, і рекоша: царю о здравї твоемъ радуясь, яко от епископа Селивѣстра сподобися святаго крещенія, і вѣруя же въ Господа нашего Іисуса Христа, распятаго от людѣй і воскресшаго въ третій день, і вся яже научи ти святый епископъ; вѣнца же царствия твоего епископъ не взя, і на главѣ своеї не восхотѣ носити, понеже мнюхъ: от златаго украшения, еже носити на тѣле своемъ, во обѣщаніи своемъ отрекоша. Ты же аще хощеши Божия святителя честнѣшиша имѣти і вышиша паче всѣхъ, сотвори ему одѣяніе носити лицемъ бѣльшишимъ, по подобию святительскаго і мнюшескаго чина, сицевымъ образомъ. И показаша ему еже мнюху в рукахъ своихъ одѣяніе бѣло, достоинно баше святителемъ носити на

главѣ. Царь же рече имъ: господне мо! вся повелѣнія вами да сотворю; повѣдайте ми, кто еста вы? і в пришествні бо вашемъ зѣло возрадовася сердце мое і свѣтъ сладокъ осия мя. Они же рекоша: Мы есъ апостоли Петръ и Павелъ, іже прежде бѣхомъ у тебе, егда ты несущему Богу вѣрова; нынѣ же истиннаго Бога позна (лъ), начище же познанъ еси от Бога; і се второе посланіе к тебѣ от Спасителя Христа Бога, дати тебѣ разумъ благочестия вѣру Господа нашего Іисуса Христа, понеже послушалъ еси величія, і живота вѣчнаго сподобися рукою святѣшаго епископа. Царь же рече: господне мо! нынѣ разумно вижу і познахъ ваша святая лица, і аще не бы вы представлі въ явленіи вашемъ, въ малѣ не подвижася нога моя; яко возвревновахъ беззаконныя зря; і аще не Господь помогъ бы ми, вмалѣ вселилася бы во аде душа моя, і мало не скончаша мене на земли зліі они врази і отступницы, бѣсовѣстні служителн. Апостоли же рѣша: нынѣ вся, яже повелитъ ти епископъ, твори, і сынъ свѣта будеши, і небеснаго града гражданинъ. И сия глаголавше, невидими быва. Царь же от сна воспрянувъ, и скоро притече к папе радостенъ, і повѣда ему вся реченая от апостолъ; папа же благодаривъ Бога о семъ, яко незавѣнно дѣло его бѣмъ (?) пред Богомъ. И аbie поїде царь во своя, от многия радости любовию побѣждаемъ, і от Святаго Духа вразумляемъ, повелѣ (привести) пред ся въскore разнопрѣцъ мудрѣшихъ, іже искусили суще утвори всякия плателн творити, і вмѣсто царскаго вѣнца повелѣша имъ сотворити клобукъ бѣль на главу блаженному папѣ, по повелѣнію святыхъ апостоловъ, по образу еже показа(ста) ему святні блаженні апостоли; і своею рукою назнаменавъ, имъ яко же видѣ в рукахъ святыхъ апостолъ. Господу же поспѣшествующу, не по мнозехъ днехъ сотвориша его жиждуши по повелѣнію цареву, і устроиша его чудно, і принесоша его ко царю; і аbie изыде от него благоуханіе велие; царь же удивися сотворенію сего, также і благочинию. В нарочитый же день праздника Божия, зѣло рано еще сущи, папа Селивѣстръ ідяше ко

утреннему пѣнию, і аbie на путі осия свѣтъ велий от небесе, і гласть бысть глаголющъ сице: епископе, вни-
май себѣ: царь Константииъ сотвори одѣянне бѣлое
носити тебѣ на главѣ; ты же приемъ, постави его в
церкви Божиї, ідѣ(же) служиши, дондеже востанетъ до-
му владыка, ему же уготовася свѣтилиникъ сей. И аbie
по глаſъ томъ подъися свѣтъ онъ к небеси, і разсту-
пися небо прияти. Папа же, стоя на единомъ мѣсте,
і видѣнню дивася, і свѣтъ осия сердце его; і гря-
дущихъ с нимъ: си такоже свѣтъ видѣша і глаſъ Бо-
жий слышаша; по свѣте же ономъ ионъ паки бысть; і
вси устрашишася. Селивѣстръ же дивася видѣнню і
недоумясь о глаголе семъ, і вшедъ въ церковь, и
все пѣнне утренньне стоя, измышилъ себѣ, глаголаше:
кто разумить мя, что преславное со видѣнне, і что
хощеть быти? Во уреченный же часъ дни того, егда
твораху божественную службу, папъ же пришедшу в
церковь, благовѣрный же царь Константииъ облечеся
въ царскую порфиру, і вѣнецъ царский возложи на
главу свою, і со множествомъ синѣлита своего, сего
святаго клобука принесе въ церковь, і со всякою хри-
стоподобною честною своими руками положи сего на
главу блаженному папѣ, і рече: такову ты достоинъ
быти свѣту, якоже солнцу посрѣдѣ всѣхъ человѣкъ,
о пресвятый отче і учителю! Папа же рукою свою
сотвори на царѣ крестное знаменіе, царь же папа це-
лова въ руку, і въ клобукъ, і поклонися ему благочинно.
Селивѣстръ же въ клобукѣ ономъ со своего мѣста со-
ступивъ, і мало отшедъ, со многими благочинствомъ
поклонися въ немъ царю, і ста на мѣсте своемъ. Въ то
же время въ церкви бѣ нѣкто царевъ боларинъ, Си-
меонъ іменемъ, царю предстои і держа блюдо златое,
ухищренно же бѣ жемчугомъ і камениемъ драгимъ,
на немъ же царь вѣнецъ главы своея полагаше; папа
же испроси у царя блюдо оно, і сня си клобукъ з
главы своея, і положи его на немъ, і любезно цело-
вавъ со всѣми святителями, і постави въ церкви въ
нарочите мѣсте, по гласу явльшуся ему во свѣте Госпо-
дни; і на Господьскія праздники точию возлаганіе и

на главу свою, і честно творяще, і паки поставляше
его на томъ же мѣсте; такожде заповѣда і по представ-
лениі своемъ творити. Въ 13 лѣта царства своего бла-
говѣрный царь Константииъ совѣтъ благъ приемъ, і
рече: яко ідѣже святительска власть і християнскаго
благочестия глава небесныи царемъ уставлена бысть,
не у достоинъ есть тамо власть імѣти земному царю;
і написанія благочиннѣ предавъ, і благословеніе от
папы вземъ, і велики Римъ получи (поручи?) ему;
самъ же прииде въ Византію, і созда градъ великъ і
славенъ, і нарече его во имя свое Константии-градъ,
і живаше ту.

По представлениі же святѣшаго папы Селивѣстра,
всі православни папы і епископы твораху велию честь
святому бѣлому клобуку, якоже заповѣда блаженныи
Селивѣстръ; і тако преидоша лѣта многа во благочиннѣ
ономъ. Супротивникъ же і человѣческому реду супо-
стать врагъ дьяволъ сотвори рать велию на святую
церковь, воздвиге нѣкого цари, Карула именемъ,
і напу Фармуса, і научи ихъ прелестити християн-
скіи родъ своихъ ложными словесы і учени; і отсту-
пить повелѣна отъ православныхъ христовыхъ вѣры,
і раздрати соединеніе благочестия святыхъ апостольскихъ
церкви. И бѣсомъскимъ умысленіемъ тї скверни
учителіе православную христову вѣру і апостольскии
і святыи отецъ предания отверготиша, во аноміа-
риеву ересь превратиша, і опресночная виѣнна въ
правду; а истинная Христова предания, і святыи апо-
столъ, і отческая поставиша і опресночная (?) во лжи;
і святую апостольскую церковь оскверниша неправыи
учени і служені; і святаго бѣлого клобука не люби-
ху, і чести ему не твораху, якоже заповѣдано бѣ
исперва, но вземже его і положиша на томъ же блюде,
въ придѣле нѣкоеи церковныи стѣны заключиша, і
на дверцахъ написаніемъ написаніе латынскою рѣ-
чию сице: здѣ сокровенъ есть бѣлый клобукъ па-
пы Селивѣстра. Пребыть же тамо Богомъ хранимъ.
По мноїхъ временахъ воста инъ папа, того же ла-
тынскаго служения, іже отнюдь не любя Христовы

хъры, і святыхъ апостоль предания і учения, гордостию превознесеся, і святыхъ иконъ поклонение конечно отвергъ. И нѣкогда вшедшу ему в олтарь, уарѣ на дверцехъ онѣхъ написано о бѣломъ клубукѣ; і прочеть, восхотѣ видѣти его, і повелѣ отверзти две-ри онѣ. Егдане отверзоша ихъ, ізыде вона благовония многа, иемзречения і чудна зѣло. Пана же взя блюдо с клубукомъ, і дивяся сотворению его, і от бѣса пострѣкасъ, возненавидѣ его, і положи его паки в томъ же предѣлѣ, і заключи его твердо. Потомъ же во многи нощи і дни папы онъ во снѣ многажды слыша гласъ, еуангельскою рѣчию глаголющъ сице: Не можетъ градъ укрытии, верху горы стоя; ни вихгаютъ свѣтильника і неставляютъ его под спудомъ, но на сѣѧнни-ки возвлагаютъ, да свѣтять всѣмъ. Пана же дивяся гласу тому, і возвѣсти в сонъмиши сущи (мъ) совѣтникомъ его і докторомъ, і мысль положше, яко гласъ сий бы-ваетъ клубука ради онаго. И от бѣса пострѣкасъ хоти-ще его соженци посредъ града Рима. Богу же не попу-стивши сотворити имъ сего, и страхъ нападе на нихъ, і убоиша варода, і на иную мысль предоша, отосла-ти его в дальню страны замория своего сквернаго уче-ния, і тамо его опоругати и изребити, на устраше-ние оставльшимъ християномъ. И вземше клубукъ онъ святый, вложила его во вретище безчестно, а златое блюдо себѣ удержаша; і посланики суровы і безче-стны отридавши, і написаніе дана повелѣнная сотво-рить имъ, і отпустиша ихъ в корабли з гостями, при-шедшими купля дѣлти.

І пловущимъ имъ по морю, и нѣкто посланикъ Индрікъ іменемъ, суровъ і житиемъ потагъ, упався иниинствомъ, і усты своимъ глаголаша скверная, і хоти-ше сѣсти верху святаго клубука; і аbie мракъ те-менъ нападе наинъ, і невидимая Божия сила не даде ему сѣсти, отрину его от мѣста того і удари о корабленный мостъ, і паки подъ его выше, і удари его о краи ко-рабля. И бысть разслабленъ, немогій двигнутися ни ру-ками и ногами, і лицо назадъ его обрати(ся), очи же развращенные имъ, і кричаще беспрестаны: охъ, по-

милуйте мя! И тако злѣ пачеze. Прочи же клевретиго, видяще сия, ужасоша і боящеся держати мертваго в корабли, да вѣ что зло постражутъ от морскаго вол-ненія. И ввергша его в море, і погрязе.

С тѣми же бѣ нѣкто посланикъ інъ, іменемъ Іеремїя, втай держаще вѣру христову, і милостыня много твораще нищимъ, і святый сей клубукъ втай (чташе). И видѣ клеврета своего пострадавша злѣ, і страхъ объ-ять его. И пловущимъ имъ по морю пять дній, і яко в полуночи, всѣхъ сонъ объясть, і прииде гласъ глаголющъ сице: Іеремїе! Утвержайся о Господѣ Бозѣ, и почитай святая честнѣ, і храни еже носиши спасенъ будеша от моря. Іеремїя же услышавъ гласъ, і воспра-нувъ от сна, і страхъ объя его, и недоумѣяся о гласѣ семъ. И внезапу тма нападе на нихъ, і громи велицы восташа, и с небесе молниамъ блестания многая яви-ша, и зажже корабль, и смолу корабленую развари, і вся сущая в немъ люди и рухляди корабленыя пожже і потопи, і корабль разлама, і вся сущая в немъ по-гибоща; точно Іеремїя онъ преждереченъ на единон цѣѣ сохраненъ бысть. И вретище с клубукомъ взя, і крѣпци держа его, і беспрестаны зовя величимъ гласомъ; Благовѣрныи царю Константине (с) своимъ учителемъ святымъ папою Селивѣстромъ! святаго ради клубука сего, сотвореннаго вами, избавите мя в часъ сей от належа-щия сея бѣды! И аbie вскорѣ тишина бысть, і свѣтъ воз-сия; і явишася два мужа свѣтлостию сияющи, от нихже воздухъ освятися, по морю ходяще яко по суху: единъ в воинская одѣянъ, і венецъ царскій наглавъ его, другій же святительския ризы на себѣ нося. И вземше уже корабля онаго, і привязаша за конецъ дѣцки, і пре-влеcosa ко брегу нѣкоему, знаему сущу; і клубукъ святый из вретища взяша, і цѣловавши его паки в то же вретище положиша и дана Іеремїю, і ре-коша: внимай себѣ, Іеремїе, и блюди со опасениемъ еже носиши, і повѣдай, елика ти сотвори Богъ сего ради. И невидими быша. Іеремїя жевретище оно с клубукомъ взя, на рамѣ свои носяше, і по трехъ днехъ (пріиде) в Римъ, і вся бывшая папъ повѣ-

да. Папа же таковая слышахъ (въ) ужассся страхомъ величинъ, і нача браду свою терзати і кусати; і повелѣ онъ клобукъ положити на предречениемъ златомъ блюде, і постави его в церкви, і потомъ не смыше ему никоего зла сотворити, а почести ему не воздаше никоєя же: омраченъ бо бѣ дияволимъ ухищренiemъ, въ еретическая сведенъ со отступники его. И мысляще всегда: что сотворити клобуку оному зламъ? Человѣколюбецъ же Богъ, вся строя на ползу, і соблюдая святыню свою на пречестную похвалу, въ иѣкую воющъ спящу папе оному на ложи своемъ, і прииде к нему ангель Господень, страшенъ образомъ, в руцѣ имъ мечь пламенъ, і пусти ю ізо усть своихъ гласъ яко громъ; от гласа же сего потрясонаша полаты папины, і рече ему: О злый скверный учителю! Не довѣли (ло) ты осквернити святую Христову вѣру, церковь; і многи душа человѣческия погубисте своими неподобными учени, і отступисте от праваго пути Божия, і пондосте в путь сатанинъ; нынѣ же конечнѣ хощеши противенъ стати Богу своимъ гнилимъ буйствомъ, і святый бѣлыи клобукъ умыслисте послати в нечистыя мѣста, і хотѣсте его опоругати, истребити. Но владыко вся твари соблюдетъ его своимъ смотрениемъ; ты же, скверный, нынѣ с великою честию вѣскоре помысли сего святого клобука въ Константина-градъ устроити къ патриарху і сему повелѣ(ша) будеть устроити яже о немъ; і аще сего не сотвориш, то пожгу домъ твой, і смерть злу наведу на тя, і предамъ тя безвременно вѣчному огню. И сия глаголавъ, невидимъ бысть. Папа же въ скочи от сна, весь трясыся, и страхомъ одержимъ веліимъ бысть, и не смыя ослушатися повелѣнаго ангеломъ. Во утрой же день созвавъ единомысленая своя, і повѣда имъ страшное ангельское явление; і прииде въ церковь, хотя взяти святый клобукъ онъ, і аще уэрѣ страшное видѣніе: прежде взяти, блюдо оно златое с клобукомъ подняся выше человѣка, і паки ста на мѣстѣ своемъ. Папа же с великомъ страхомъ обоя взя своими руками, і положи ихъ в сосудъ честенъ, і печатавъ своими печатми, і отряди честныи мужи, і написание

давъ имъ: і посла ихъ в Константина-градъ к патриарху.

В Константина-градѣ бѣ тогда патриархъ Филофій, украшенъ постомъ і всякою добродѣтлю. И сему нощнемъ видѣніи явился юноша свѣтиль, і рече: Учителю благи! Въ древніи лѣта римскии царь Константинъ, по явлению святыхъ апостоль Петра и Павла і от Бога вразумленъ, на похвалу святѣи апостольстей церкви, і на почесть блаженному папѣ Селивестру, сотвори клобукъ бѣлъ на главѣ носити; і нечистыи папа латинскіи того святаго клобука нынѣ хотѣ опоругати (и) істребити; і повелѣніемъ страшного явления моего, злый онъ папа нынѣ послалъ сего к тебѣ. И егда же приидутъ к тебѣ посланніи с клобукомъ онимъ, ты же приими сего честию, і написание со благословениемъ вдавъ, послы сего святого клобука в русскую землю в великии Новъградъ; і да будетъ тамо носимъ на главѣ Василия архиепископа, на почесть святѣи і апостольстей соборней церкви Софїи премудрости Божиї, і на похвалу православнымъ; тамо бо нынѣ воистину славима есть Христова вѣра; папе же оному, безстудиа его ради, сотворить Господь отъицденіе. Сия глаголавъ, невидимъ бысть.

Патриархъ же воста от сна, страха і радостию наполнився, і всю нощь без сна пребыть, размышилъ о видѣніи ономъ. И повелѣ клепати (на) утреню; і ако приспѣ день, созва соборъ церковныи, и повѣда имъ явление оно. И вси воздаша хвалу Богу, і разумѣша, яко святыи ангель есть явлений патриарху, а о сказаниіи его не можаху разума приложити. И бысть сѣдящимъ имъ в соборѣ ономъ, і от радости чудящимъся, і аби придоша слузъ патриарховы, и сказаша ему о пришествіи посланныхъ от римского папы. Патриархъ же сю повелѣ вѣвести к себѣ. Посланники же, впредше, поклонишася ему, і от папы написание даше ему; патриархъ же написание прочтѣ, удивися, і хвалу Богу воздавъ, і возвести о семъ царю Івану тогда сущему: парицаемому Кандакуину.

і со освященными срѣтомъ божественное сокровище, і ковчежецъ приемъ с честию, і печати отять, і взя оттуду святыі бѣлы клобукъ, і целовать его любезно, і зря вань дивилася сотворению его, і благоуханию чудному изходище (му) от него также давяся. Бѣ же патриархъ в то время боленъ очима і яко очесе главою, і клобукъ онъ святыі положи на главу свою, приложи; і в томъ часѣ глава ёго і очи здравѣ быста. И возрадовася зѣло великою радостию, і славу воздал Христу Богу і ирископоминаемому царю Константины, сотворшему таковое пречудное дѣло, і блаженнаго напу Селивестра также похвалая. И положи клобукъ онъ святыі на златомъ блюде, егоже послана с клобукомъ, і постави его в велицѣ церкви, въ честнѣ мѣсте, доныдже о немъ со царемъ совѣтъ положить.

(По)отпущеніи из Рима святаго клобука, злый онъ напа от еретикъ на(у)чаемъ, зѣль радиивався на Христову вѣру, і возбесися, и разскася зѣло о отпущениі клобука і сприка (исперва) і лукаво написа к патриарху, возвратити повелѣвая к себѣ клобукъ онъ і златое блюдо. Патриархъ же прочетъ написание, і разумѣ злехатріе і лукавство написио, і написание посла к нему от святыхъ писаний, нарекъ его сурова, і безбожнаго, і отступника вѣры Христовы, і предотечю антихристова, і прокля его іменемъ Господа нашего Іисуса Христа; і святыми апостолы, і божественными отцы. Сия же написания к папе доідоша. Папа же прочетъ, і уѣдахъ, яко патриархъ клобукъ бѣлы имать в велице чести і хощеть его послати в русскую землю в великий Новъградъ; і рыкнувъ болѣзно, і опустнѣ лицемъ, і в болѣзнь впаде: толико бо онъ поганыи паче не любише руския земли, вѣры ради Христовы, и и слышати не терпѧше; разваливъ плоть его, і съдома на колѣне его двѣ болачки на обѣихъ частехъ, і от тѣхъ разыдоша болачки по всему тѣлу его от главы і до ногу, і смрадъ велий изходище от него, и черви многи искиниша іс тѣла его, і хребетъ его слаче вѣдвое. Мнози же врачеве приходище, не могоша изцѣ-

лити его; очи же развращеннѣ імѧ, и кричаше безпрестаны великий гласомъ, і недѣлан глаголаше, і псомъ і волкомъ вояше, і изходище из него мотыгу, руками своими хваташе, і во уста свои влагаше і ядаше. И тако творя многи дни, і злѣ страха; і страхъ оба всѣхъ ту сущихъ. Предстоя же нѣкто у одра его, вземъ платно, хоташе утерти уста его; онъ же яко песь платно хоташе ухватити зубы своими, і вотче собѣ въ горло; і абие отече плоть его, і разсѣдѣа весь: бѣ бо дебель плотию поганый. И тако злѣ сконча оканинныи животъ свой. Римляне же слышавше таково скончание злого онаго папы, не ідоша на погребение его, не опловаše, прокляша его. Властели же тогда градстнї, срамнаго ради скончания папы онаго, погребоша его тай, а имъ его в искавіи уташа, і премениша во іно імя: ови глаголють Гервасъ імѧ ему, і ини же Евгѣний, а истинныи никотоже не повѣсть. Патриархъ же Филофей, видя святаго клобука добротою сияюща, і мыслити нача, хоти удержати его в Константинъграде, і на своей главѣ носити; і о семъ часто преклоняяся къ царю, і хоти писати къ прочимъ патриархомъ и митрополитомъ, еже прийти имъ на соборъ. Бысть же въ день недѣльный, по пѣнніи утреннемъ, видѣ патриархъ въ своихъ, і по обычномъ правилѣ сѣде почти, і в сонъ тонокъ сведеся. И видѣ в видѣнніи сего вшедша к нему дворцами два мужа неизнаемы, свѣтлы зѣло: единъ аки воинъ вооруженъ, і венецъ царский на главѣ імѧ, другой же святительския ризы носи на себѣ, честными сѣдинами украшенъ, і рече: патриархъ Филофей! представи от мышления твоего носити тебѣ на главѣ твоей бѣлы клобукъ: аще бы Господь нашъ Іисусъ Христостъ изволи сему быти, то от начала бы в созданиі града сего сотворено было; но древнле по явленію свѣтла Господня сшедшаго с небесе, і Божия гласа бывшаго ко мнѣ, вразумляемъ азъ хотящую латынскую прелестъ і от Бога отступление в Римъ быти; і сего ради не восходитъ святаго онаго клобука на главѣ своей носити, і прочимъ тако заповѣда. Въ царствующемъ же семъ Кон-

стяниградъ, по неколицехъ временахъ, обладати именъ агаряне за умножение грѣхъ человѣческихъ, і вся святая оскорблять і истреблять, якоже въ созданіи града сего явлено бысть о семъ: вѣхній бо Римъ отпаде славы і от вѣры Христовы гордостию і своею волею; въ новемъ же Риме, еже есть въ Константино-градѣ, насилиемъ агарянскімъ также христианская вѣра ногибнетъ; на третиенъ же Риме, еже есть на русской земли, благодать святаго духа возсия. И да вѣси, Филофие, яко вся христианская пріодутъ въ конецъ, і сидутъ во единомъ царствѣ рускомъ, православия ради. Въ древнія бо лѣта, изволеніемъ земнаго царя Константина, отъ царствующаго сего града царский вѣнецъ данъ бысть рускому царю; бѣлы же сей клобукъ изволеніемъ небеснаго царя Христа нынѣ данъ будетъ архиепископу великаго Новаграда і кольми си честіе онаго, понеже архангельскаго чина есть цар-скій вѣнецъ есть, і духовнаго суть. Ты же не умѣди Святаго Духа сего клобука послати въ русскую землю, въ великии Новградѣ, по первому тебѣ явленію святаго ангела, і моимъ гласомъ вѣруй; да просвѣтится і похваляться о семъ православні, і да не обладаютъ агаряне внуци погани, ни да поругаютъ его, якоже латынскіи папа хотише сотворити. Яко же бо отъ Рима благотодать, і слава, і честь отъята бысть, такоже і отъ царствующаго града благодать Святаго Духа отъимется, въ плениніе агарянскаго, і вся святая предана будетъ отъ Бога велицей рустей земли во времена свои, і царя руского возвеличитъ Господь на многими (надъ многими) языки, і подо властию ихъ мнози цареи будутъ отъ иноязычныхъ, подо властию ихъ і патриаршескій чинъ отъ царствующаго сего града такожде данъ будетъ рустей земли во времена свои, і страна наречется свѣтлая Россия, Богу тако изволивши прославити таѣми благодареніи русскую землю, исполнити православия величеству, і честивѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ. И сия глаголавше, хотаху отъити; патриархъ же въ велице страсе бысть, паде предъ ногами ихъ, і рече: кто еста вы, господине мон, іже видѣшъ зѣло ужаси мя, і отъ словесъ ваю

устрашился сердце мое, і видѣ трепетъ въ кости мое? Святительская же нося, (и) рече, ли не вѣси? Азъ есмь папа Селивѣстръ, і повелѣніемъ Божімъ приїдехъ къ тебѣ повѣдати тебѣ сию таину Божію великую, яже забудется во времена своя. Такоже рукою указу свою на другаго, пришедшаго съ мною, рече: А сей благог҃рѣшный царь Константиносъ римскій, иже (егоже) перводѣлъ во святѣй купѣли, і сотвори (хъ) его вѣровати въ Господа нашего Іисуса Христа; і сей бысть первый христианскій царь, чадо мое о Христѣ, іже сотвори на бѣломъ клобукѣ вместо царскаго вѣнца. И сия глаголаши, і благословеніе давъ патриарху; і извидили быша. Патриархъ же отъ сва восприняуши, і страхъ великий нападеніи, поминалъ глаголы явившихся ему о бѣломъ клобукѣ, і еже о обладаніи Константина-града отъ половынъ агарянъ, і плакася на многъ часъ. Времени приспѣвшу божественной литоргіи, пришедъ въ церковь, надѣ предъ образомъ пресвятой Богородицы, на многъ часъ; і вставъ, святаго бѣлого клобука вземъ съ величиемъ страхомъ, і целова его любезно, і на главу свою положаше, і прикладывашъ ко очима и къ сердцу таже прилагал, і любовь къ нему приложи боле первого; і сия творя со многимъ илачещъ. Клирицемъ же сущимъ близъ его стоящимъ, і видѣша его неутѣшио илачющаши, і не смыкаху вопросити его. Патриархъ же мало отъ плача предста, і скажа всѣмъ явѣственно явленіе папы Селивѣстра і царя Константина, глаголы ихъ. Таковая же словеса отъ патриарха слышавши, жадостне восплакаша, і рекоша: Воля Господня да будеть! Патриархъ же хотящую быти бѣду Константина града оплакавъ, і повелѣнія Божія преступити бояса, і рече, яко ідѣже ся изволитъ Господемъ, тамо і устроить святиню свою. И совѣтомъ благочестиваго царя Ивана, святый клобукъ взя, златое блюдо, і въ преверченный ковчежецъ положи благочинно, і печатать своимъ печатами, і по повалѣнію святаго ангела і боженнаго папы Селивѣстра написание со благословеніемъ вдавъ, і клобукъ онъ бѣлый архиепископу Василию на главѣ посыти повелѣ, і прочимъ по немъ ар-

хменискомъ великаго Новаграда; также і иныхъ ино-
гия честныи дары чудны зъбо от своихъ церковныхъ
чиновъ дарова, благочиния ради святительского, і ри-
зы крестъчаты, на похвалу святых і апостольскихъ цер-
кви; і сии въ другіи ковчежецъ положи. И вся (вся сія)
даде епископу вѣкоему, іменемъ Еумѣнию, і с радостию
же і жалостию отпусти ихъ. В то же время в великомъ
Новѣграде бѣ архиепископъ Василие, постничествомъ
і всѣми добродѣтелями украсенъ. И в нѣкую нощь мо-
лашуся ему Богу, і съде почити; і мало въздрема, і
видѣ ангела Господня, умиленный образомъ і свѣтла
лицемъ, предстояща пред нимъ, на главѣ імѧя клобукъ
бѣль, по образу мнишескаго чина; і перстомъ руки
свои указу на главу свою, і тихимъ гласомъ рече:
Василие! клобукъ бѣлы, еже видиши на главѣ своей,
от Рима есть. Въ древняя лѣта христианский царь Кон-
стантинъ сотвори его на почесть римскому папе Селиве-
стру носити на главѣ; і Господь вседержитель не изволи
сему быти тамо, прелести ради скверныхъ латынъ. Ты
же во утрий день іди въ града сего со благоприя-
тельствомъ, і срѣти посланныхъ от патриарха и епи-
скопомъ носимый ковчежецъ, в немъ же клобукъ бѣль
сіи образомъ, на блюде на златѣ; приими честию;
сий бѣлы клобукъ прообразуетъ свѣтлое тридневное
воскресение; і нынѣ да будетъ на главѣ твоей носимъ,
і на прочихъ тебѣ архиепископъхъ града сего утвер-
дится на главахъ носити; і сего ради показахъ ти пре-
жде да вѣрно ти будетъ, і не сумнишися. И сия гла-
голашъ, невидимъ бысть. Архиепископъ же Василей от
сна воспранувъ, і от страха і радости дивися видѣ-
нию. Во утрий же день от предстоящихъ ему послы
на распутия увѣдати: істинна ли есть явленіе. По-
сланніи же отъидаша недалече от града, і узрѣша епи-
скопа градуща, незнаема суща; і поклонивъшеся, воз-
вратиша (ся) во градъ ко архиепископу и сказаша ему
всѧ. Архиепископъ же послы проповѣдника во весь градъ
на собрание священнаго чина, і людскаго всенароднаго
множества, і повелѣ звонити; самъ же облечеся во свя-
тильския ризы со всѣми причты. И отшедше ему

недалече от церкви святых Соѣти; і се прииде преж-
дереченный епископъ от патриарха, нося ковчежецъ за
патриаршескими печатами і (съ) честными дары. И при-
шель ко архиепископу, поклониша благочинно, і посланы
к нему патриарховы грамоты даде, і другъ от дру-
га благословление приемше, і о Христѣ целовавшеся.
Василие же архиепископъ патриархова написания і
ковчежецъ вземъ честнѣ своими руками, і другой ков-
чежецъ (съ) патриаршескими честными даровы также
взя, і поидаша въ церковь святых Соѣти премудрости
Божиї, поставиша посреди церкви на мѣсте честнѣ, і
посланыя патриарховы грамоты повелѣ чести въ слухъ
всѣмъ. Сущі же въ церкви православніи же егда услы-
шаша сицеая написания, воздаша славу Богу і возра-
довашася великою радостию. Архиепископъ же Василие
ковчежецъ онъ разпечатавъ і покровъ сиявъ, отвори,
і аби не изыде от него благоуханіе неизреченное, і
свѣтъ пречуденъ в церкви возсия. Архиепископъ же
Василие і вси предстояще народі видяще сия, удиви-
шася; от патриарха же пришедый епископъ Еумѣни
в той часъ сия вси благодѣянія Божия видѣвъ, уди-
віши велими; і вси воздаша хвалу Богу і пѣвше моле-
бна. Архиепископъ же Василие взя ис ковчега бѣль
клобукъ, і узрѣ тацѣмъ же образомъ суща, яко-
же видѣ на главѣ своей ангела, и целова его любезно.
І в тотъ часъ из церковныя главы от Господня об-
раза изыде велиі гласть: Святая святыхъ! И мало по-
молчавъ, третицю гласть прииде: Испола іти деспота!
І яко услышавъ архиепископъ, і вси сущі гласы сия
слушавше, страха и радости наполниша, і рекоша:
Господи помилуй! И повелѣ молчати всѣмъ, сущимъ въ
церкви. И сказа имъ ангельское явленіе, і глаголы о
свѣтѣ клобукѣ, і вся по ряду, яже рече ему свя-
тый ангель нощю в видѣнії. И возблагодаривъ Бога
въ клобукѣ ономъ, поидетъ от церкви своеи, предъиду-
щимъ ему подъякомъ во священныхъ одеждахъ, со
свѣщами і с пѣниемъ; і бѣ видѣти благочинно і честно.
Народи же другъ друга оттѣсняху і скачюще, зряще
на святительский верхъ і дивляхуся. И сицеовою дѣте-

люю і благодатию Господа нашего Іисуса Христа, і по благословению святейшаго Филоея, патриарха Царяграда, утвердися бѣлый клобукъ на главахъ святыхъ архиепископъ Великаго Новаграда. Архиепископъ же радостию великою исполнился, седмь дней питая священники, і диаконы, і вся церковники всего Великаго Новограда, многими брашны учреждая ихъ; также и нищая, і иннхи, і стбмничники, добре напитавъ, і прочихъ свободити молящеся; патриарховы же святыя і честныя дары устрои въ соборной церкви въ божественнѣй службѣ, по благословению святительскаго чина. Блюдо же златое, на немже бѣ святый бѣлый клобукъ, также на божественную службу въ церкви

святая Софія устрои. Посланыхъ же от патриарха со святыми клобукомъ зѣло чтише, і даровы многими одаривъ; также къ царю і патриарху с великимъ поклонениемъ послы, и отпусти ихъ во своя с великою честию, потомъ же от многихъ градъ і царствъ приходяше людие въ великии Новъградъ, аки на чѣкое чудо дивное зраще, видяще архиепископа въ бѣломъ клобукѣ ходаща, і дивляхуся, і во всѣхъ царствахъ і странахъ о семъ повѣдающе. Сотвори же убо сеі святыя клобукъ благочестивыі первыі християнскии царь Константинъ блаженному папе Селивестру въ лѣто 5805-о. И сиа убо написания о святомъ бѣломъ клобукѣ до здѣ.

ВАЖНЫЙ ШИЯ ОТМЪНЫ

(По варианту Имп. Публ. Библ. Потод. древлехран. № 4350.)

Страница 287, строка 36.

*Въ. а древняго нѣсть: — Онъ же рече: ново напи-
ніе о семъ здѣ есть, а древняго нѣсть.*

Страница 288, строка 21.

Въ. с Саревымъ: — с Сыларевымъ.

Страница 289, строка 10.

Въ. в лоновую: — в великую

Тойже страницы, строка 48.

Въ. в горѣ Сорѣтей: — в горѣ Корѣтѣ.

Страница 290, строка 9.

*Послъ словъ: одѣянну быти: — і внутръ латеранскихъ
полатъ пребывать повелѣ.*

Страница 290, строка 21.

*Послъ словъ: взлѣзшу ему во святую: — купѣль, и
абиѣ царь отрѣкися всего католицкаго студа и дѣлъ
его, и всѣхъ рукотворныхъ болвановъ, вѣровати же
обѣщаися во единаго Бога Отца Вседержителя, творца
небу и земли. Свою волею пред всѣми людми се іспо-
вѣдавъ, и благословивши в купѣли, і тамо третицею
погружениемъ вода очисти. Оле чудо!*

Страница 292, строка 25.

*Послъ словъ: о пречестный отче и учителю! въ.
папа же и проч. до словъ по представлениі тойже
страницы въ строкѣ 52. — и всѣмъ, иже по тебѣ свя-
тителемъ, всегда творити в подвигахъ своихъ и во всемъ
по подобию царства нашего; тѣмже сего ради пострижен-
наго знаменія верховнаго свѣтилиника главы, да не мнитъ
кто се, яко пострижение худо быти и безчестно; паче зем-
наго царства саномъ и славою и силою ея украшение*

подобаетъ, понеже всего честнѣйши же на земли; такожде достонѣтъ почитати весь священническій чинъ, ради чести и славы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, велицеі сеі соборнѣи и апостольствѣи церкви; сего иже множайше сего нашего царскаго повелѣнія писание своима руками укрѣпивше, честному тѣлеси начальнаго апостоломъ блаженнаго Петра своима руками в руку его паложихомъ; симъ Божију апостолу обѣщавшуся непорушима вами быти, и сия вся соблюда-
тися и вашими по на насъ приемники царскими здѣ,
и повелѣніемъ блаженному отцу нашему Селивѣстру
соборному папѣ, і сего ради всѣмъ его приемникомъ
святителемъ Господа нашего Іисуса Христа благан-
равно повѣдавше вѣчно і благополучно сихъ воздая-
ніе предаде, такожде і инѣмъ патриаршескому пре-
столу коемуждо предѣлу, честныхъ ради апостолъ и
ученикъ Христовыхъ: византискому, егоже во свое имя
преименовавъ Андрѣя ради апостола, яко много пот-
рудившихся к благоразумиу тѣхъ привести в к цер-
кви воздружити православныхъ, такожде и Александ-
рѣйскому маркову приемнику, и антиохиоскому, луки-
ну, настолнику іеросалимскому Якову брату Госпо-
дня, иже самъ Господѣмъ поставленъ бысть, коему-
ждо во своемъ предѣлѣ подобно, паче же и велию
честь воздаетъ; и наши по на насъ приемницы такожде
и всѣмъ церквамъ Христовымъ митрополиамъ и архи-
епископиамъ и епископиамъ, иже по нихъ настолнибомъ
честь сами даємъ, и наши по на насъ настолницы велицы,
якоже служителемъ Божиимъ и приемникомъ честныхъ
апостолъ Христовыхъ. Сице творите и блюдитесь, яко
да не в великую і лютую і горкую крамолу тягость
впадете и славы Божији лишени будете, но держитесь
предания, якоже приясте; Господа бойтесь и священную
его церквь и настоятели велими чтите; такожде и всѣхъ
церковныхъ служителей, предстоящихъ престолу Божију

во дни и в нощи; да милость Божию получите в семъ вѣцѣ і в будущемъ, и сынове свѣта будете, и наследники царства небеснаго. И много глаголаше от Божия милосердія и смотрения богоодухновенная словеса, изрече и паписахъ, и впредъ укрѣпивъ быти на многую честь соборнїи и апостольстїи церкви, и на славу Божию, о нихже нынѣ послѣди скажемъ; нынѣ же малую иѣкую часть явихомъ от словесъ его, паки же на предлежание возвратимся.

Писание же се благочестно предавъ соборнїи и апостольстїи церкви, благовѣрныи царь Константинъ благословение приемъ от блаженнаго папы Селивестра, и поручи ему Богъ великий Римъ; самъ же прииде в Византию, и созда градъ великъ и славенъ зѣло, иже нарече его во свое имя Константинъ градъ, и живаше ту.

Страница 294, строка 28.

Послѣ словъ: вѣчному огню: — не вѣси ли, окаянне, яко святы сиѣ бѣлы клобукъ царскіи вѣнецъ есть архангельскаго чина, іже сотворенъ бысть по чину святых Троицы, и преобразуетъ святое Христово воскресение, егоже ты недостоинъ еси і на сѣнь его зѣти?

Той же страницы, строка 43.

В.м. Филофій: — Увеналій.

Той же страницы, строка 60.

Послѣ словъ: тако бо нынѣ во истину с.м. со словъ:

єа: славима и проч. до словъ: і сия глаголавше; — разпростиравши и утвердися вѣра Христова, и воистину славима есть во всемъ; изволениемъ вседержителя истинаго Бога, вмѣсто римской церкви дана бысть благодать Божия, сего клобука послати в русскую землю в великии Новградъ по первому явленію святаго ангела Божия, и моимъ гласомъ вѣруй, і да просвѣтится і похвалятся о семъ тамо православнїи христиане, и не обладаютъ имъ в семъ градѣ агарянитнїи внуцы, и поганы да не опоругаютъ его, якоже латинскій папа хоташе сотворити: якоже бо суть от Рима благодать, и слава, і честь православия отъися, тако и от царствующаго сего града благодать Святаго Духа отъимется в пленение агарянское, і вся святая предана будуть от Бога велицїи земли, и царя рускаго возвысить і возвеличитъ Господь над многими языками, и под властию ихъ мнози царие будуть, и от Рима язычныхъ и патриаршескихъ, и великии чинъ от царствующаго града сего также данъ будеть велицеи русстей земли во времена свои, и страна наречется свѣтлая Россия: Богу убо тако извольшу, и таковыми благодарениемъ прославити всю русскую землю исполнить православия величество, и честнѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ.

Страница 298, строка 9.

В.м. и иротчикъ свободи молящеся: — а прочихъ же, свободи молящеся, ихъ же и свободи.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Упоминаяемъ здѣсь Геннадій новгородскій архіепископъ есть тотъ самый, который прославился въ русской исторіи энергическимъ преслѣдованіемъ новгородскихъ еретиковъ схаріевої живодѣствующей ереси, или лучше сказать броженія умовъ, которое породило тогда множество толковъ, въ понятіяхъ большинства составлявшихъ будто бы что-то единое подъ именемъ живодѣствующей ереси. Геннадій былъ одинъ изъ ученичайшихъ людей своего времени: имя его тѣсно соединено съ переводомъ св. писанія, важнѣйшимъ памятникомъ умственного труда въ XV вѣкѣ. Когда приближалась осьмая тысяча восточного лѣтосчисленія отъ сотворенія міра, распространился суевѣрный страхъ о кончинѣ міра, долженствовавшей наступить съ окончаніемъ седьмой тысячи, сообразно предсказаніямъ, записаннымъ въ нашихъ старыхъ сборникахъ, составлявшихъ тогда предметъ чтенія для грамотѣвъ. Послѣ наступленія съ нестерпѣніемъ ожидаемаго всѣми рокового года, обманутое ожиданіе у многихъ перешло въ нѣвѣріе, и это способствовало еретическому настроенію умовъ. Тогда Геннадій послалъ въ Римъ какого-то Димитрія для составленія расчета пасхалии на осьмую тысячу лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему привезти нѣкоторыя свѣдѣнія для разъясненія возникавшихъ и волновавшихъ наклонную къ религіознымъ препіямъ мысль о сугубомъ и трегубомъ аллилуїа, а равнымъ образомъ и относительно правильности переводовъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ духовной нашей письменности. Привозъ повѣсти о Бѣломъ Клобукѣ приписывается этому Димитрію. Димитрій этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, могъ быть Димитрій Толмачъ, известный посольствомъ въ Римъ при в. князѣ Василіи Ивановичѣ и сообщавшій Павлу Іовію свѣдѣнія о Россіи. Онъ могъ єз-

ить и прежде; преосв. Филаретъ въ своей исторіи церкви принимаетъ автора посланія о Бѣломъ Клобукѣ за этого Димитрія. Но онъ могъ быть также и Димитрій Мануиловичъ Траханіотъ, грекъ, прибывшій съ Софіею, уѣзжавшій въ Римъ и снова возвращавшійся въ Россію и наконецъ здѣсь основавшій свое постоянное жительство. Наконецъ онъ могъ быть и Димитрій Ивановичъ Ларевъ или Раевъ, который прибылъ въ Москву изъ Константиноополя въ 1485 году и потомъ нѣсколько разъ єздилъ, по порученію московскаго великаго князя, за границу, для присканія полезныхъ иностранцевъ (1488, 1490 1493 – 1494, 1499 – 1504). Но это не важно, ибо не нужно имѣть большой проницательности, чтобы рѣшить, что повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ никогда не привозилась изъ Рима, а есть самодѣльное новгородское сочиненіе, составленное съ цѣллю найти историческое оправданіе домогательствамъ на независимость отъ митрополита. Это стремленіе древней новгородской церкви, связанное нѣкогда съ поддержкою политической и гражданской самостоятельности Великаго Новгорода, болѣе всего проявившееся тогда, когда митрополиты, утвердившіе свой духовный престолъ въ Москвѣ, видимо осѣнили благословеніемъ церкви единодержавныя стремленія московскихъ государей, пережило новгородскую свободу.

. Геннадій навлекъ наконецъ на себя нерасположеніе Москвы и оклеветанный во издоимствѣ, умеръ въ заточеніи въ Чудовомъ монастырѣ, откуда нѣкогда вступилъ на каѳедру новгородскихъ святителей. Владыка Василій, о которомъ говорится въ повѣсти о Бѣломъ Клобукѣ, былъ архіепископомъ новгородскимъ

съ 1330 г. по 1352 г. Въ третьей новгородской лѣтописи приписывается его времени принесеніе бѣлаго клобука въ Новгородъ. «При семъ архіепископѣ Василіи принесенъ бысть бѣлый клобукъ отъ царя Константина и папы Селивестра въ Великій Новгородъ, иже и до нынѣ новгородскіе митрополиты на главахъ своихъ тѣмъ подобіемъ носятъ.» (П. С. л. III. 225). Это очевидно позднейшая вставка, что доказывается и титуломъ митрополита, который новгородскіе владыки стали носить уже въ XVII вѣкѣ. Въ первой новгородской лѣтописи не говорится о бѣломъ клобукѣ, но разсказывается, что Василію архіепископу новгородскому, когда онъ поѣхалъ въ Москву призывать въ Новгородъ великаго князя, даъ ризы кресчатыя не патріархъ, а митрополитъ московскій Феогностъ: «И да ему ризы кресцчы» П. С. л. III. 83. Но въ новгородской четвертой лѣтописи даръ кресчатыми ризами приписывается не митрополиту Феогносту, а патріарху Филоею, о которомъ говорится и въ повѣсти, и при томъ при царѣ Иванѣ Кантакузинѣ, также упоминаемомъ въ той же повѣсти. «Владыко Моисей послѣ послы свои въ Цареградъ, Саву, къ царю Ивану Кантакузену и патріарху Филоею, проси отъ нихъ благословенія и исправленія о неподобныхъ вещехъ, приходящихъ отъ митрополита... а посолъ владичень Сава приѣхъ изъ Царяграда отъ патріарха Филоея и отъ царя греческаго Ивана Кантакузена, привезе грамоты съ златою печатью и ризы кресччаты владыцѣ Моисею всему Новугороду благословеніе (П. С. л. IV. 62). Это было уже въ 1357—1359 г.г. когда Моисей въ другой разъ занималъ владичный столъ. Быть можетъ къ этому времени надлежитъ отнести и дарованіе бѣлаго клобука. Карапзинъ принимаетъ, что бѣлый клобукъ данъ Василію и предполагаетъ, что это сдѣлано было потому, что Василій былъ избранъ изъ бѣлага духовенства, а на востокѣ патріархіи немонашескаго сана носили въ отличіе бѣлые клобуки. (Т. IV. примѣч 360). Противъ этого, однако, можно возразить, что Василій хотя и былъ избранъ изъ бѣлыхъ священниковъ, но прежде своего поставленія принялъ монашество и перемѣнилъ прежнее свое мірское имя Григорія на имя Василія. Какъ бы то ни было, ни Василію ни Моисею нельзя было дать бѣлаго клобука по принадлежности къ монашескому званію лица, которому давалось это отличіе; ибо и тотъ и другой были монахами.

На соборѣ 1564 года, когда за митрополитомъ утвер-

ждено право носить, для отличія, бѣлый клобукъ, существовало мнѣніе, что въ древности бѣлый клобукъ не былъ исключительно принадлежностью достоинства новгородскихъ владыкъ, что его носили иногда первопрестольники русской церкви, митрополиты и архіепископы другихъ старыхъ епархій. «Отецъ вашъ митрополитъ носятъ черный клобукъ, а прежніе русскіе первопрестольницы, митрополиты и чудотворцы Петръ, и Алексій, и Иванъ архіепископъ новгородскій, и Леонтій и Игнатій и Исаія ростовскіе чудотворцы, носили бѣлые клобуки.... а которые митрополиты были послѣ, также и ростовскіи архіепископы и епископы, тѣ всѣ носили черные клобуки, а того въ писаніи не обрѣли есмѧ, чего для бѣлые клобуки отставлены.... Въ 1563 году одинъ только новгородскій владыка носилъ бѣлый клобукъ, преимственно отъ своихъ предшественниковъ: са богомолецъ Пименъ, архіепископъ великаго Новаграда и Пскова, носить бѣлый клобукъ, и прежніе носили бѣлые же, а писанія тому вѣть же, котораго для случая архіепископы новгородскіе бѣлые клобуки носятъ» (Соборная грамота бѣломъ клобукъ. А. И. I. 331 Ист. Госуд. Рос. т. IX прим. 94.) Послѣднія слова очень замѣчательны. Они показываютъ, что повѣсть о бѣломъ клобукѣ въ то время была еще неизвѣстна. Напротивъ она была хорошо извѣстна на соборѣ 1667 г. Основываясь на посланіи Дмитрія, служащемъ предисловіемъ къ повѣсти, соборъ 1667 г., вопреки собору 1564 года, не признаетъ, чтобы кто нибудь изъ русскихъ іерарховъ, кроме новгородскихъ, носилъ бѣлый клобукъ. «Чего ради икононіцы пишутъ святаго Петра, Алексія, Іоны, московскихъ чудотворцевъ въ бѣлыхъ клобукахъ неправедно, зане они клобуки бѣлые не носиша, и ниже бысть еще въ россійскихъ странахъ при нихъ сей обычай, и ниже Ки-пріанъ и Фотій митрополиты и прочіи, которіи поставлены быша во Царѣградѣ во архіерейство, носиша бѣлые клобуки, зане яко писано есть въ писаніи, еже отъ Дмитрія толмача ко Генадію новгородскому епископу о бѣломъ клобукѣ, яко посланъ тей бѣлый клобукъ ко Василію епископу новгородскому отъ Филоея патріарха константинопольскаго.... и отъ того временене началъ новгородскій архіепископъ точію единъ носити бѣлый клобукъ до Генадія архіепископа, а послѣ Генадія пріяша и начаша и московскіи митрополиты и прочіи носити бѣлые клобуки, яко же видится въ томъ Дмитріевомъ писаніи». Но ссылаясь на эти посланія, какъ на исторический авторитетъ, соборъ 1667 года

въ другомъ мѣстѣ своихъ дѣяній не признаетъ справедливости ни посланія, ни повѣсти: повелѣваемъ еще и писаніе, еже писали есть изъ Рима къ Генадію новгородскому архіепископу отъ Димитрія толмача о бѣломъ клобукѣ и о прочихъ, да никто сему писанію

ше возобличатся прочая его блядословія во иномъ писаніи; обаче мы благословихомъ всѣхъ митрополитовъ великороссійскаго государства, да носятъ бѣлыя клобуки, по греческому образу ради древняго обычая, а не ради лживаго писанія Димитрія толмача, еже писа отъ вѣтра главы своея (Ист. Госуд. Росс. т. IV прим. 360).

О П Е Ч А Т К И.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
12	16	имѣніе	имѣніе
63	3	№ 35	№ 350
74	39	отношенияхъ онъ	отношенияхъ къ хозяину онъ
84	18	въ прочихъ	въ прочихъ лѣтахъ.
95	10	отнесится	относится
99	4	ИДАШ	ИДАНІЗ
120	7	жемъ	жемъ
109	7	терпи.	терпи,
114	48	в Вавалонѣ	в Вавилонѣ.
130	3	по содережаніи	по содержанию
135	2	о происхожденіи	о происхождении

531:84

KUShELEVIM - BEZBORODKO

PAMYATNIKI STARINNOY RUSSKOY

LITERATURI"

I

147